

СОЧИНЕНИЯ
ФИЛАРЕТА,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И КОЛОМЕНСКАГО

СЛОВА И РЕЧИ

ТОМ III

1826 – 1836

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От издателей

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.
Слова и речи, избранные самим проповедником
для изданий 1844, 1848, 1861 годов.

1826 год	Слово при гробе в Бозе почившаго Государя Императора Александра Павловича
	Слово в день день Благовещения Пресвятыя Богородицы
	Слово в день Святыя Пасхи
	Слово в неделю о Фоме
	Речь к Благочестивейшей Государыне Императрице Марии Федоровне, пред вступлением Ея Величества в Успенский Собор
	Беседа о небесной награде
	Слово при гробе блаженных памяти Государыни Императрицы Елисаветы Алексиевны
	Слово в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича всея России
	Беседа об очищении сердца
	Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Паловичу, пред вступлением Его Величества в Успенский Собор для священнаго коронования и миропомазания
	Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Паловичу, при сретении Его Величества в Свято-Троицкой Сергиевой лавре
	Слово день Преподобнаго Никона, Игумена Радонежскаго

	Слово в день тезоименитства Благодетельнейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово на Рождество Христово
1827 год	Беседа на сырной неделе против невождержания
	Слово в день день Благовещения Пресвятыя Богородицы
	Слово в день Святыя Пасхи
1828 год	Слово по случаю возложения на раку мощей иже во Святых Отца нашего Алексия, Митрополита Московскаго, от Благодетельнейшаго Государя Императора Николая Павловича принесеннаго покровы и медали за персидскую войну
	Беседа о благодетельном рождении детей
	Беседа о благодетельном иге Христовом
	Слово в день день Рождества Пресвятыя Богородицы
1829 год	Речь к Преосвященному Епископу Тамбовскому Евгению, по рукоположении Его
	Слово в неделю вторую по пятидесятнице
	Беседа из слов Святаго Апостола Павла о молитве духом и умом
	Речь при заложении в Москве Триумфальных ворот
1830 год	Слово на заключение мира с оттоманскою портою в 1830 году
	Слово в день Св. пророка Илии
	Слово по освящении храма Святыя великомученицы Екатерины при Екатерининском Институте
	Слово по освящении храма и по принесении Господу Богу молитв о предохранении от губительных болезни
	Речь Благодетельнейшему Государю Императору Николаю Павловичу пред вступлением Его Величества в Успенский Собор
	Слово в день Святых трех святителей Московских, при продолжении молитв о избавлении от губительных болезни
	Слово в неделю двадцатую по пятидесятнице, при воспоминании освобождения Москвы от нашествия Галлов, и при продолжении молитв о избавлении от губительных болезни
	Слово в неделю двадцать вторую по пятидесятнице, при продолжении молитв о избавлении от губительных болезни
	Слово в день восшествия на Всероссийский престол Благодетельнейшаго Государя Императора Николая Павловича
	Слово в день тезоименитства Благодетельнейшаго Государя Императора Николая Павловича, по получении Высочайшаго повеления о возстановлении сообщений Москвы, прерванных по предосторожности против губительных болезни
1831 год	Слово в неделю вторуюнадесять по пятидесятнице
	Слово по освящении храма на кладбище
1832 год	Беседа о благодетельном усердии
	Слово в день Успения Пресвятыя Богородицы
	Слово в день тезоименитства Благовернаго Государя, Наследника Престола, Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича
	Речь Благодетельнейшему Государю Императору Николаю Павловичу,

	<p>пред вступлением Его Величества в Успенкий Собор</p> <p>Слово по освящении храма Святаго Духа на Московском Даниловском кладбище</p> <p>Слово по освящении храма</p> <p>Слово по освящении храма Св. Великомученика Димитрия, в доме призрения для ведомства Духовнаго Попечительства, устроенном Гвардии Капитаном Дмитрием Петровичем Горихвостовым</p>
1833 год	<p>Слово по освящении храма Святителя Митрофана, в Хотькове монастыре</p> <p>Слово в день обретения мощей Преподобнаго Сергия</p> <p>Слово по освящении храма Святых Равноапостольных Марии Магдалины, в Градской больнице</p> <p>Беседа о нашем житии на небесех</p> <p>Слово по освящении храма Святых Великомученицы Екатерины, при Московской Екатерининской больнице</p> <p>Слово в день Священного Миропомазания и торжественнаго венчания на Царство Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича всея России</p>
1834 год	<p>Слово в день празднования Пресвятей Богородице в Страстном монастыре</p> <p>Слово в день рождения Его Императорскаго Величества Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича</p> <p>Слово в день обретения мощей Преподобнаго Сергия</p> <p>Речь по рукоположении Преосвященнаго Агапита Епископа Томскаго и Енисейскаго</p> <p>Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу пред вступлением Его Величества в Успенкий Собор</p> <p>Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу, по случаю прибытия в Москву Благовернаго Государя Наследника Престола, Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича, при вступлении Его Величества и Его Высочества в Успенский Собор</p> <p>Речь к Преосвященному Исидору, новорукоположенному Епископу Дмитровскому</p> <p>Слово по освящении храма Святителя Николая, что в Толмачах</p> <p>Слово в день тезоименитства Его Императорскаго Величества Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича и перед торжественным обетом сердобольных вдов</p> <p>Слово в неделю шестую по пятидесятнице</p> <p>Слово по освящении придельнаго храма Святителя Николая, более известнаго по другому олтарю во имя Преподобнаго Сергия, в Рогожской слободе</p> <p>Слово в день Рождества Христова</p>
1835 год	<p>Слово пред присягою для избрания судей</p> <p>Слово в день Святителя Алексия, во вторник сырныя недели</p> <p>Слово в неделю крестопоклонную</p> <p>Слово в неделю четвѣтую великаго поста, и в день Алексия,</p>

человека Божия

Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы

Слово в день рождения Его Императорскаго Высочества,
Наследника Престола, Государя Цесаревича, Великаго Князя,
Александра Николаевича

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

**Слова и речи, напечатанныя при жизни проповедника,
но не внесенныя в собрания 1844, 1848 и 1861 годов.**

1826 год	Речь Благочестивейшей Государыне Императрице Марии Феодоровне, по совершении благодарственного молебствия о рождении Великия Княжны Елисаветы Михайловны Речь Благочестивейшей Государыне Императрице Марии Феодоровне, по восприятии Ея Императорским Величеством от святаго крещения Благоверныя Государыни Великия Княжны Елисаветы Михайловны Речь при совершении молебствия о победе, одержанной над Персами
1834 год	Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Паловичу, пред вступлением Его Величества в Свято-Троицкую Сергиеву лавру
1835 год	Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Паловичу пред вступлением Его Величества в Московский Успенкий Собор

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТИЕ.

Слова и речи, не напечатанныя при жизни проповедника.

1826 год	Слово в день Святителя Алексия, Митрополита Московскаго и всея России чудотворца Слово в день Святаго Царевича Дмитрия Слово в день Преображения Господня Слово по освящении храма Живоначальныя Троицы, что на Покровке, на Грязях Слово в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшаго Государя Императора Николая Паловича, по первом лете царствования Его
1827 год	Слово в день Святителя Алексия
1828 год	Слово в день рождения Ея Величества Благочестивейшей Государыни Императрицы Александры Феодоровны Слово в неделю двенадесатую, при посещении города Коломны Слово в день торжественнаго венчания и священнаго помазания

	Благочестивейшаго Императора Николая Паловича
1829 год	Слово во вторник недели о слепом Слово в день день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича Слово по освящении храма во имя Святителя Димитрия Ростовского чудотвор. в Пешношском монастыре Слово в день Упения Пресвятыя Богородицы
1830 год	Слово в день обретения мощей иже во Святых отца нашего Алексия Митрополита Московского и всея России Чудотворца и по случаю возвращения к московской пастве Речь в день Святаго Духа, после посвящения Преосвященнаго Павла, Епископа Костромского Слово в день тезоименитства Благовернаго Государя Наследника Цесаревича, Великаго Князя Александра Николаевича Слово в день Святителя Алексия Слово в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича всея России
1831 год	Слово в день коронования Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Павловича
1833 год	Слово на освящение храма в честь иконы Божией Матери Казанской, что в Казенной
1834 год	Слово в день Пресвятыя Богородицы, Иконы Ея Тихвинския

От издателей.

Третий том слов и речей почившаго Святителя заключает в себе время от 1826 до 1836 года. При издании сего тома, к источникам, которыми доселе мы пользовались, присоединился еще сборник, принадлежавший умершей Игумении Спасо-Бородинского монастыря, Марии (Тучковой). Указанием на сей сборник мы обязаны благосклонному вниманию Высокопреосвященнейшаго Митрополита Исидора, Которому, в бытность Его Викарием Московским, лично известен был сей сборник. За таковое внимание к нашему труду поставляем для себя непременно долг почтительнейше принести Его Высокопреосвященству глубочайшую благодарность. — Сборник обязательно доставлен нам Князем П. Н. Туркестановым, родственником Игумении Марии. Слова и речи в этом сборнике относятся ко времени от 1823 до 1834 года включительно и, хотя он оказался не вполне сохранившимся, тем не менее мы имели не мало случаев пользоваться его указаниями за означенное время. К сожалению, мы получили сборник после того, как уже приступлено было к печатанию книги, и нам пришлось делать отметки по нем в первом отделе только от 1832 года. За время от 1823 до 1832 года предоставляем себе сделать замечания по сборнику в последнем томе нашего издания, где предполагаем напечатать все, касающееся слов и речей Святителя, что, имея значение для издания, почему-либо не могло быть напечатано в свое время.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

СЛОВА и РЕЧИ,

ИЗБРАННЫЯ САМИМ ПРОПОВЕДНИКОМ ДЛЯ ИЗДАНИЙ
1844, 1848 и 1861 годов.

(Печатаются с изданий 1848 и 1861 годов).

1826 год.

CXI.

56. СЛОВО
при гробе в Бозе почившаго Государя Императора
Александра Павловича.

(Говорено в Архангельском соборе февраля 4 дня;
напечатано отдельно и в собраниях 1835, 1844 и 1848 годов).

<1826 год>

*Подобен ему не бысть пред ним царь, иже
обратися
к Господеви всем сердцем своим и всею душею
своею,
и всею силою своею. – Обаче не отвратися
Господь
от ярости гнева Своего великаго (4 Цар. XXIII.
25. 26).*

О Боже! так ли неумолим гнев Твой? Царь, не только благочестивый, но и безпримерный в благочестии, царь, который *сотвори правое пред очима Господними* (4 Цар. XXII. 2.), царь, который старался не только подвластную ему Иудею, но и всю землю Израилеву очистить от идолослужения, и просветить Богослужением истинным, который, как скоро узнал книгу закона Божия, немедленно принес пред нею покаяние в беззакониях своего народа, и с тех пор не преставал быть ея учеником, исполнителем, защитником, проповедником, такой царь, с таким сердцем и душею, не мог отвратить Господа от ярости гнева Его великаго; но гнев сей открылся раннею и внезапною смертию сего самого царя, – Иосии. О Боже! так-ли неумолим гнев Твой?

■ Не таков ли гнев Божий над нами, Россияне? Ибо что значит сия, не угрожавшая нам, но уже действительная, кончина сего поистине Благочестивейшаго Царя, – кончина, которой ни лета Его не призывали, ни силы, по видимому, не допускали, ни самая болезнь, в начале своем, не предвещала? Не то ли сие значит, что Бог нами прогневан, и *не отвратися Господь от ярости гнева Своего великаго?*

Не познал Иудейский народ цены сокровища, которое имел в царе своем Иосии: не познал, когда имел, и не воспользовался сим сокровищем. *Весь Иуда и Иерусалим плакаша о Иосии. И Иеремиа възрыда по Иосии, и глаголаша вси князи и княгини плачь по Иосии* (2 Пар. XXXV. 24. 25). Ах! поздно большая часть из них плакали по Иосии, вместо того, чтобы прежде усерднее плакать вместе с Иосиею, когда сердце его сокрушалось покаянием, и смирялось пред грозным судом Божиим, когда он плакал пред Богом, и был услышан. Иеремиа, без сомнения, лучше всех знал, почему *рыдал*, когда другие только *плакали*: он рыдал удвоенным плачем, плачем о лишении царя, и плачем о позднем плаче народа.

Народы, которым Бог в день благоволения Своего даровал Благословенного Александра! (ибо народам был Он от Бога дарован, а не одному народу Российскому) народы! познали-ль вы всю цену сего Сокровища? Упрочили-ль для себя всю пользу, которую оно могло вас обогатить? Какое пророческое слово может ответствовать на сие? – Время будет на сие ответствовать событиями. – Вечный, владычествующий временами, да речет мир на Преемника могущества и добродетелей Александра, дабы возобновился и не умолкал *глас радости и спасения в селениях праведных!* –

Но нам теперь говорить ли о великом сокровище? Оплакивать ли великую потерю? Говорить ли от избытка сердца печального? или молчать от недостатка слова достойного? Дайте мне слово, или научите меня молчанию. Не умею говорить, и безмолвствовать не умею. Отрекаюсь от необъятного подвига хвалить Александра, уже Благословенного, но не лъзя удержаться от печального пред Церковию размышления и слова о Царе, Который, подобно как Иосия, достоин, чтобы по Нем рыдали Пророки.

Представьте себе человека, который стоит над потоком, и видит, как его сокровище низвергается в глубину. Касаясь вод, оно производит звук, и рождает круги, один другого пространнейшие: но в то же мгновение скрывается в глубине, и только трепетание вод остается приметным зрителю. Подобно сему, кто может созерцать, пусть станет теперь над потоком времен, над водами народов, как изъясняется язык Пророческий. Смотри, как драгоценная жизнь явилась; подвигла своею силою народы; наполнила своею деятельностью многочисленнейшие круги, один другого пространнейшие; произвела громкие звуки славы: но вдруг она погрузилась в вечность, и одно трепетное движение грозной нечаянности простерлось по всем известным народам.

Александр, еще в колыбели, радость и надежда отечества, – Александр, в Порфирородном семействе, утеха и любовь, – Александр, в начале века на Престоле, как солнце на востоке, – Александр в России, Отец народа, Спаситель Империи, – Александр в Европе, возстановитель Царей, примиритель Царств, душа царственных Советов Европы, – Александр в Царствии Божиим, избранное орудие Царя Христа, чтобы торжественно утешить и возвеличить Христианство там, где оно торжественно было целым народом отвержено и поругано, плотоносный Архистратиг небесных на земле сил, побеждающий небесным оружием, Кровию Агнца, кротостию и смирением; – какие светлые виды! какие величественные образы! Но как внезапно все они закрываются одною мрачною чертою: Александр во гробе!

Если в области природы есть предзнаменования и предчувствия необыкновенного и великого, подобно как в высшей области духа проображения и пророчества: жизнь Александра многократно была оными ознаменована.

Что значит, что Его рождение было в день, когда удаленное от нас солнце обращается к нам со своим светом; а вступление на Престол Империи, в то время, когда солнце, увеличив свет до равновесия со тьмою, начинает для наших стран весну, время развития и оживления земной природы? – Так случилось? Покойный ответ для людей, которые труд разсуждать почитают излишним, и боятся, чтобы не узнать чего необыкновенного, или чтобы не встретиться с Провидением! Не так ничтожны знамения времен для мудрого, который знает, что *в руце Господни власть земли, и „потребнаго воздвигнет во время на ней* (Сир. X. 4). Святой Амвросий Медиоланский, даже говоря о Рождестве Спасителя, столь обильном знамениями чудесными, не оставляет без замечания и сего естественного знамения времени, что *с Рождеством Христовым день возрастает* (Слов. на Рожд. Хрис.).

Что значила не обыкновенно живая радость, о которой еще можешь спросить старцев твоих Россия, и рекут, – необыкновенно, говорю, живая радость народа, при рождении Александра, когда родившийся младенец был только еще Наследник Наследника? Что и сие значило, что, когда внуки, как новосаждения масличныя, окружали Великую Екатерину, все прекрасны душою, все возлюбленны, Александр преимущественно был Ея восхищением? Что значил восторг России, когда она увидела Александра на Престоле? – Опыт дает право сказать, что то были великия предчувствия Великой Императрицы и Империи.

Сообразно с знаменами времен, одним из первых подвигов царствования Александрова было старание умножить свет в Севере, Ему подвластном. Учреждения для просвещения народа умножены, ограждены постановлениями, расположены в правильных кругах, приведены к общему средоточию, находящемуся близ самага Престола, украшены новыми предметами знаний, обогащены способами, возвышены в правах, как для сообщающих, так и для приемлющих просвещение. Как распространился, от сего свет, и сколько был он благотворен, пусть усматривают и определяют просвещенные. Царское дело создать обители просвещения прочно и благолепно, и покрыть Своим Высоким покровительством, а не преподавать учение, или руководствовать юношей.

Но особенное время, на которое *Имеющий в руке Своей власть земли*, как необходимо *потребного*, воздвиг Александра, было не тихое утро России, но бурный вечер Европы. Буря мятежа разрушила и Престол Царя и Олтари Христовы у народа, который дотоле, по видимому, дышал только легким ветром; и ужасныя развалины омывал продолжительный дождь кровавый. Из порывов безначалия родился, как сильный вихрь, похититель власти, который то уносил Престолы с мест, где они были, то поставлял их на местах, где их ~~не~~ было; и который, наконец, подняв большую часть Европы, нес обрушить ее на Россию.

Что, если бы на сие время, когда так укрепился и возвысился сей *излишний* на земли, – что, если бы не воздвиг Господь *потребного* на ней? Что было бы с народами, которые со дня на день умножая собою число поработанных, чрез сие самое умножали число орудий порабощения, и увеличивали силу поработителя и которым он не хотел оставить другой безопасности, как войти в порабощение, ни другой чести, как быть орудиями порабощения? Что было бы с священным Царским достоинством, которое непорфирородный Царь оскорблял сугубо, и унижением Порфирородных, и возвышением непорфирородных? Что было бы с народным духом, что было бы с просвещением и разумом образованнейшей части света, когда неограниченное самолюбие, никаких границ не уважавшаго властителя, непременно требовало, чтобы все умело только раболепствовать пред ним, чтобы добродетель подвизалась только исполнять его волю, истина – ему ласкательствовать, знания – изобретать только средства для его целей, искусства – производить ему памятники его славы, или размножать его идола? Чего надлежало ждать и Христианскому Богослужению от мнимаго в своей земле возстановителя онаго, который дал ему вид возстановления только для того, чтобы чрез то получить себе вид освящения, который одною рукою возстановлял Олтарь Христов, а другою гораздо с большим усилием созидал Синагогу христоубийственного народа? Что было бы с землею, столь много бедствующею, и еще более угрожаемою?

Какая бездна зол открывается при сем размышлении! Потому, какое безпредельное благодеяние *Имеющего в руке Своей власть земли*, что воздвиг на ней Александра, дабы заключить сию бездну? Чем бедственнее и ужаснее то, что было, и было бы, без Него: тем величественнее и благотворнее то, что чрез Него последовало.

Бог, Который воздвиг Александра на время необычайных браней и подвигов, научил Его противопоставлять оружием воинства плотским не одне плотския, но наипаче духовныя, даже, без несправедливой кому-либо укоризны, можно сказать, адским оружием небесныя, хитрости правду, дерзости твердость и терпение, надменности кротость и смирение, надежде на искусство и силы человеческия – упование на помощь и провидение Божие. И что же последовало? Идол Франции сокрушился о грудь России. Невольным поклонникам его дана свобода выйти из заблуждения. Союзом названныя оковы многих царств распались. Александр с победою в столице врагов, разрушивших тебя, возрожденная потом Столица Александра, и *наказует* их наказанием *праведника*, – *милостию* (Псал. CXL. 5). Ни к чему не прикасается; ничего не требует; не показывает и не принимает славы победителя; дарит им пленных, воздает Христианскую честь их Царю-мученику; дает им безопасность провозгласить изгнаннаго Царя, и возстановить законный, но давно разрушенный Престол. Какая необыкновенная победа над врагами! И поелику столь высокая победа ни на минуту не подвигла духа Александрова с глубокаго основания смирения: то какая еще более необыкновенная победа над самою победою!

И что еще! слава побед по правде, пред тем почти забытой, принесена Господу сил. Неукротимый дотоле дух браней связан. Союзам Царей и царств, для которых не находили дотоле более приличнаго закона, как закон своекорыстия и взаимной зависти, Александр, сильным примером Своим, положил в основание закон безкорыстия и благоволения, словом, закон Христианский. Несогласия народов или прекращены, или обезсилены. Крамолы, если не уничтожены, то приведены в отчаяние. Дела, которыя решал меч, уже разрешаются советами. Многочисленное воинство Александра стоит в тишине, как величественная стража мира, не только России, но и Европы. Ограды от врагов внешних, Александр, по собственному Его изречению, обращается против врагов внутренних, против неправосудия, неблагочиния, неблагочестия; как солнце, правильными шествиями, обходит землю, Ему подвластную, повсюду являя всех одушевляющий взор благоволения, пример благоговения к Богу, действия правды и милости. Мы наслаждались безопасностью и покоем; ожидали и требовали блаженства: – увы! может быть, слишком нетерпеливо и с ропотом ожидали, не разсуждая о трудностях, какия встречаются созидающие благо народов; – может быть, несправедливо требовали, будучи недостойны блаженства, сами препятствуя созиданию онаго недостатком чистой и послушливой ревности к общему благу, истощая общее изобилие нашею роскошью, затрудняя законы и действие их „преумножением беззаконий; – и видел Господь; и прогневался; *и не отворатися Господь от ярости гнева Своего великаго!*

Где сей новый Иосия, *иже обратися к Господеву всем сердцем своим, и всею душою своею, и всею силою своею?* Что принесло нам величественное шествие? Что нашло наше ревностное сретение? – Одно мертвенное, оставшееся от безсмертнаго. *Да плачет вновь весь Иуда и Иерусалим* – весь народ и Град престольный! *Да глаголют вси князи и княгини плачь!* *Да рыдают* Служители Слова и таинств, рыданием *Иеремииным*, или плачем Давидовым!

Слышу плачь певца Израилева: *горы Гелвуйския! да не снидет роса, ниже дождь на вас!* За что сие проклятие на невинную природу? – *Яко тамо повержен бысть щит сильных* (2 Цар. I. 21), жалуется певец Израилев. Но сильные повергли щит, уступив сильнейшим в брани: за что же негодовать на место, которое приняло их в падении? Прииди, певец скорби: я укажу тебе место, более достойное негодования. Прииди, помоги мне сетовать на горы Таврийския. *Горы Таврийския! да не снидет роса, ниже дождь на вас!* Не оружием врагов поражены тамо сильные: горный ветер пронзил главу Священную. Не малый щит немногих сильных повержен тамо: великий щит благоденствия великой Империи, крепкий щит мира Европы, проникнут стрелою невидимою. Не Саул

оставленный ищет тамо смерти, которая окружает его: но Возлюбленный Давид ищет жизни для Возлюбленной болящей Супруги; а никем не подозреваемая смерть Его Самого ищет. *Горы Таврийския! да не снидет роса, ниже дождь на вас!*

Но тщетно и сие негодование, и может быть, дерзостно. *Смиримся под крепкую руку Божию* (1 Петр. V. 6). И для нас, и для оплакиваемого нами, лучше молиться, нежели жаловаться.

Царю Царей! Ты воздвиг Его на время; Ты воззвал Его к вечности. Приими то, что Ты даровал; не остави тех, которых лишаешь. Ты *взял* сего Царя, как *праведнаго, от лица неправды* (Исаии. LVII. 1), когда она готовилась вновь разродиться отступлением от Царей; (ибо разрушителя крамол всемирных, надлежало устранить от тяжелой скорби, видеть их отрасль, проникшую даже в отечество;) умиლოსердися, Господи, возьми сию неправду от лица оставшихся праведных! Христе, животе наш! в Тебе Едином искал Он врачевства и жизни во дни болезни Своея; сподоби Его *истее Тебе причащаться в не вечернем дни царствия Твоего*, в Соборе Царей, вечно с Тобою царствующим! Аминь.

СХІІ.

57. СЛОВО

в день Благовещения пресвятыя Богородицы.

<1826 год>

*Твердое убо основание Божие стоит,
имущее
печать сию: позна Господь сущия Своя, и да
отступит от неправды всяк именуяй имя
Господне. (2 Тим. II. 19).*

Мне кажется, что ныне вижу я сие *основание Божие*, которое Апостол указывает как закрытое печатью, как известное одному Господу. Что есть основание Божие, на котором твердо стоит всякое создание Божие как не Сын Божий, Иисус Христос? *Яко Тем создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая, аще престолы аще господствия, аще начала, аще власти, всяческая Тем и о Нем создашася, и всяческая в Нем состоятся* (Кол. I. 16.17). Если нужно и вновь созидать падшия создания Божии, основания иного никтоже может положить, паче лежащаго, еже есть *Иисус Христос* (1 Кор. III. 11). Сие основание Божие несет ныне Дух Святый от высоты небесной, и полагает во глубине земной; несет от славы Божества, и полагает в сокровенности человечества, закрытое более нежели одною печатью, — печатью девства, печатью смирения, печатью молчания. Подлинно, кто кроме Господа знал Тебя, Единосущный Божий, в сем непостижимо умаленном состоянии, в котором однакоже сокровен был *Бог всяческая во всех*, когда Ты, как основание спасения нашего положен был во чреве Марии, даже и после Архангелова благовещения неведомым образом.

Дивимся славе творческих дел Божиих; подивимся также их сокровенности. Углубим еще мало внимание наше в указуемое Апостолом основание Божие: должно надеяться, что в нем найдется скрытое для нас сокровище.

Часть первая.

Твердое убо основание Божие стоит, имущее печать сию: позна Господь сущия Своя.

Хотя то верно, что *начаток создания Божия* (Апок. III. 14), или всеобщее основание онаго есть Сын Божий Иисус Христос: впрочем из слов Апостола приметить можно, что здесь он говорит *об основании Божием*, не в отношении ко всем созданиям Божиим, но в отношении к некоторым только избранным, которых Господь отличительно познает и нарицает Своими. *Позна Господь сущия Своя.*

Что же значит в сем особенном отношении основание *Божие*? Без сомнения, оно значит то, что на Сыне Божием, как на всеобщем основании, в особенности созидается в роде человеческом; то, что на Иисусе Христе, как на глубочайшем основании, созидается в каждой душе истинно Христианской. Яснее сказать: оно значит Церковь, которой основатель есть Сын Божий; оно значит благодатный и спасительный дар Божий в человеке, веру, которой Начальник и Совершитель есть Иисус Христос.

Сие основание Божие Апостол называет твердым или неразрушимым: потому что Сам Господь сказал, как о Церкви вообще: *созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей* (Матф. XVI. 18), так и о душах истинно Христианских в особенности: *не восхитит их никтоже от руки Моея* (Иоан. X. 28).

Было издревле обыкновение полагать на зданиях знамения, или надписи, которые бы показывали принадлежность оных, назначение, важность, неприкосновенность. По сему образу и на духовном здании Божием Апостол видит *печать*, или иначе, знамение или надпись, которая твердое основание Божие отличает от неосновательных и удоборазрушимых взгромождений человеческих, и охраняет в неприкосновенности от покушений хитрости или дерзости, безразсудности или злобы. *Твердое основание Божие стоит, имущее печать.*

Какую же печать? – *Сию*, продолжает Апостол: *позна Господь сущия Своя*. Дивная поистине печать! Вы видите, что это надпись; поелику она состоит из слов: но не без причины Апостол называет ее *печатью*; поелику не столько изъясняет и открывает, сколько сокрывает и утаивает; а сие и есть свойство печати.

Позна Господь сущия Своя. Господь знает Своих: итак неужели человеки не знают тех, которые суть Божии? – Так. Очень часто, и, может быть, большею частию, их не знают. О Моисее, когда он поразил Египет, избавил Израиля, ознаменовал чудесами воздух, воду, землю, древо, камение, можно ли было не знать, что он есть Божий? Однако, видно, не довольно сие знали, когда роптали на него и воздвигали мятежи против него. Иосиф чрез рабство и темницу проведен был до престола; прославлен ведением таин Божиих, облечен могуществом: однако самые братья его не скоро догадались, что он есть Божий; он принужден был сам открыть им сие: *не бойтесь: Божий бо есмь аз* (Быт. L. 19). Кому не известно было Ангельское житие и небес достойное учение Иоанна Крестителя? Но многие ли знали, что он точно указан сим словом Господним: *се Аз посылаю Ангела Моего* (Мал. III. 1)? На вопрос: *крещение Иоанново с небесе ли бе? Архиереи и книжницы и старцы*, люди более других знающие, не постыдились объявить свое неведение. *И отвечающие глаголаша Иисусови: не вемы* (Марк. XI. 30. 33). И Тебя, Присносущный и Единосущный Божий, даже после того, как Ты глаголал, как *николиже глаголал человек*, творил знамения, которых *не может человек творити, аще не будет Бог с ним* (Иоан. VII. 46. III. 2), – знали ль и Тебя, от Котораго единого истинное знание, как свет от солнца, исходит? Еслибы знали, то не говорили бы так не~~н~~благоговейно: *не сей ли есть тектонов сын* (Матф. XIII. 55)? Не отрекались бы так равнодушно: *сего не вемы, откуда есть* (Иоан. IX. 29). *Аще быша разумели, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II. 8).

Если же светильников мира и Самого Солнца не видали слепотствующие человеки, если открыто посылаемых человеков Божиих и самой Премудрости явившейся не познали: то уже и неудивительно, если не познаваемы бывают в мире те из сущих Божиих, которых особенное провидение Божие не являет миру, между тем как собственное их смирение скрывает от него.

Позна Господь сущия Своя. Никому кроме Господа не приписывает Апостол сего знания: итак неужели те, которые суть Божии, не знают и сами, что суть Божии? – Подлинно, и сие должно заключить из слов Апостола. Правда, по изречению того же Апостола, *самый Дух спослушествует духови нашему, яко есмы чада Божия* (Римл. VIII. 16), если мы подлинно таковы; и по другому Апостолу, *веруяй в Сына Божия, имать свидетельство в себе* (1 Иоан. V. 10). Но какое свидетельство? – *Сие есть свидетельство, яко живот вечный дал есть нам Бог, и сей живот в Сыне Его есть* (11). Поелику же сей живот верующих, до дня откровения сынов Божиих, *сокровен есть со Христом в Бозе*: то может случиться, что они сами не довольно знают, какое сокровище Божие имеют в скудельных сосудах своего тленного человечества. И Дух, который свидетельствует духу их, не есть ли тот Дух, который *идеже хочет, дышет, и глас его слышиши, но не веши, откуда приходит, и камо идет* (Иоан. III. 8)? Когда Он, *не веши, откуда приходит*; тогда исполняет тебя Божественным: а когда *не веши, камо идет*, тогда не найдешь в себе ничего, кроме человеческого. Не преимущественно ли избрал, не очевидно ли присвоил Себе Господь Павла, когда в откровении сказал о нем: *сосуд избран Ми есть сей* (Деян. IX. 15); и, положив в нем Свое Божественное основание, воздвиг на нем духовное здание не только многих уверовавших чрез него душ, но и многих великих Церквей, во многих странах и народах? И что же? Павел и после сего не знает, достиг ли он совершенного присвоения Богу. *Братие*, говорит он, *аз себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, к намеренному теку, к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе* (Фил. III. 13. 14).

Воистину только Сам един *позна Господь сущия Своя*. Но почто скрывает Он их и от других человеков, и некоторым образом от самих себя скрывает? Для чего бы не знать им яснее, что они суть Божии, – к их утешению? Для чего бы не знать сего и другим человекам, – к их назиданию? Бывает и так; поелику печать Божия не может быть совсем не приметна, и не должна быть бесполезна. Но и здесь, как в других случаях, более кроется под печатью, нежели что представляет открытый вид печати.

Скрывается благодатное основание Божие в человеках: потому что полагается в самой глубине души, так чтобы глубже онаго не оставалось ничего человеческого, которое могло бы ослабить твердость основания Божественного. Это, по выражению Апостола, *потайный сердца человек* (1 Петр. III. 4): нельзя встретить его на распутиях, или увидеть в зеркале.

Скрывается основание Божие от мира, частью не по намерению, но по естественному последствию его чувственного образования. Мир не видит святых, подобно тому, как слепые не видят света.

Скрывается благодатное основание в человеках, частью по намерению хранящего их провидения Божия, дабы тем менее могли приражаться к оному враждебныя силы, угрожающия оному разрушением. Так и основание земного, вещественного здания скрывается в земле, потому что, быв обнажено и подвержено переменному действию стихий, ослабело бы оно, и ослабило бы вместе с собою все здание.

Скрывается основание Божие в человеке и от сего самого человека: дабы он *не возмнил себе быти нечто, ничтоже сый* (Гал. VI. 3), и не прельстил себя собственным умом; дабы не превознесся, и гордостью не испроверг в себе основания благодатного, которое лежит твердо и безопасно только во глубине смирения.

Таковыя и подобныя размышления могут руководствовать к уразумению, почему основание или здание Божие, столь видимое в целом, такую сокровенностию запечатлено в частях своих и своем внутреннем составе, что един Господь верно знает сущия Своя.

Возблагоеваем пред тайными судьбами Божиими. Возбудимся с глубоким вниманием искать человеков Божиих, и Божия в них основания. Не будем дерзновенны в суждениях о ближних наших, не зная в них того, что един Господь в них знает.

Часть вторая.

Твердое убо основание Божие стоит, имущее печать сию: позна Господь сущия Своя, и да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне. 2 Тим. II. 19.

Разсматривая указанную Апостолом на основании Божиим, или на здании Божиим в человеке *печать* или надпись, до сих пор мы рассмотрели первую половину ея. Следует вторая половина: *и да отступит от неправды всяк, именуяй имя Господне.*

Если бы на здании Божиим лежала только первая оная печать, читалась только первая надпись: *позна Господь сущия Своя*, то есть, един Бог верно знает тех, которые, по живой вере и никогда не отпадающей любви, неотъемлемо и вечно принадлежат Ему и Его, неземной только, но и небесной Церкви; сие могло бы и утешать нас и устрашать. Утешать – мыслию о твердости основания Божия, никому неприкосновенного, о ненарушимости печати Божией, о безопасности тех, которые сокрыты в тайне лица Божия. Устрашать – неизвестностию, в которой нельзя оставаться беззаботно. Ибо если един Господь знает Своих, то кто суть те, с которыми мы живем и обращаемся, которых внушениями образуемся, которых примерам следуем? Кто есмы и мы сами? Божии ли они? Божии ли мы? – Бог знает! Как страшно слово сие в сем случае! Если Бог один знает тех, с которыми я в сообществе, и которые меня руководствуют; то почему знать, не духи ли лестчие меня руководствуют? Не со врагами ли Божиими я в сообществе? Не в опасности ли потому и я – быть и остаться чуждым истинного, благодатного усвоения Богу? Какая страшная неизвестность!

Господи, ведающий сущих Твоих! Праведен и премудр еси, сокрывая их от мира, который недостоин ведать их, и который употребил бы во зло известность о них: но буди такожде благ для тех, которые, хотя может быть еще не суть Твои, но желают сделаться и пребыть Твоими; покажи знамение, по которому и мы, не ведающие, могли бы узнавать истинное, благое, благодатное, святое, одним словом, Твое в человеках, дабы паче всего сущее Твое любить, Твоего искать, Твоему поучаться и последовать, к Твоему прилепиться и присоединиться, и чрез единство с сущим Твоим, следственно и с Самим Тобою, иметь блаженное упование, и нам быть Твоими неизменно и вечно.

Подлинно, как царская печать, скрывая под собою тайну цареву, в тоже время начертанием своим показывает, кому она принадлежит, и таким образом предохраняет от погрешности, чтобы не принять за царское то, что не царю принадлежит: подобно сему надобно, чтобы таинственная печать, которою Бог запечатлевает верных и избранных Своих для Себя Самого, как известных Ему единому, ознаменована была некоторым приметным и довольно верным знамением, по которому бы можно было внимательным

отличать сущих Божиих от тех, которые обманывают, или обманываются, представляя себя таковыми. Таково и есть второе начертание, или вторая надпись, которую приметил Апостол на духовном здании Божиим в человеках: *да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне*.

Великое для нас благополучие на земли, великая надежда блаженства на небеси, что мы можем по вере *именовать имя Господне*. Божественный Спаситель наш почти все дело спасительного посольства Своего с неба на землю заключает в том, что сделал человек способными *именовать имя Господне*. Приближаясь к пределу Своего земного поприща, Он взывает в молитве к Отцу Своему небесному: *дело соверших, еже дал еси Мне, да сотворю*. Какое Дело? – *Аз прославих Тя на земли*; или иначе: *явих имя Твое человеком, их же дал еси Мне от мира* (Иоан. XVII. 4–6). Из сего почти можно заключить, что те, которым *явлено имя Отца небеснаго*, которые *именуют имя Господне*, по сему самому суть Христовы, суть Божии. *Никтоже*, свидетельствует боговдохновенный Апостол, *может реши Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. XII. 3). А кто говорит Духом Святым, тот должен быть и Христов и Божий; поелику Дух Святой чуждым не дается. Свидетельствует и другой Апостол, что *всяк веруяй, яко Иисус есть Христос, от Бога рожден есть* (1 Иоан. V. 1). А кто рожден от Бога, тот ближайшим образом есть Божий.

Чтож? Не можем ли мы посему рассуждать и заключать так: вот мы именуем имя Господне; мы нарицаем Господа Иисуса: так верно мы Христовы, верно мы Божии; верно, есть в нас царствие Божие, и мы в царствии Божиим в свое время будем? По жизни и делам некоторых подлинно можно примечать, что таковы у них мысли и чувствования, на которых, как на основании, зиждут они свою надежду для неба и для вечности. Таким образом их духовное здание имеет только сию печать: *именуяй имя Господне...* и не более.

Будем осмотрительны. Это печать переломленная. Это надпись прерванная. Это не твердое основание. Не *всяк именуяй имя Господне* истинно и совершенно утвержден во Господе и во царствии Его. Господь Сам возвещает: *не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное*. И еще более грозно то, что предрекает Он далее: *мнози рекут Мне в он день, то есть, в день, когда царствие небесное откроется, и в него призваны будут благословенные: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда, продолжает Он, исповем им, яко николиже знах вас* (Матф. VII. 21, 22 и 23). О грозная нечаянность! Они призывали Господа, следственно знали Его и веровали в Него; пророчествовали, бесов изгоняли, творили чудеса, следственно не малую, и более нежели обыкновенную веру имели, но Господь не приемлет их во царствие Свое, и даже не знает их! О невероятное преспеяние зла и растления человеческого! Не ужели и дающее живот вечный познание Единого истинного Бога, и, Егоже послал есть, Иисуса Христа, может быть без духа и жизни? – Надобно признать сие: потому что есть люди, которые *Бога исповедают ведети, а дела отмеются Его* (Тит. I. 16). Не ужели и вера, которой предоставлено спасать человек, может быть бесполезна? Именно, бесполезна, как говорит Апостол Иаков: *кая польза, братие моя, аще веру глаголет кто имети, дел же не имать? Еда может вера спасти его* (Иак. II. 14)? Не ужели может случиться, что самая действия Духа Божия в человеке, каковы суть: пророчество, изгнание бесов, чудотворение, погрязнут в смешении свойств и дел растленного, плотского человека; что небесный огонь, который, возгораясь в человеке, должен горе возводить человека, угаснет в брении земном, и начавшаго просвещаться человека оставит темною главнею? – Если бы не было сей опасности; то не было бы произнесено и сего предостережения: *духа не угашайте* (1 Сол. V. 19)!

Христе Господи! Если не все, именующие имя Твое, внидут в царствие Твое; кто же из них внидет в оное? Господь отвечает: *творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех*. И напротив, почему некоторые из них не внидут в оное? *Отъидите*, глаголет, *от Мене делающих беззаконие* (Матф. VII. 21. 23).

Христианин! ты *веруешь сердцем*; вероятно, ты веруешь *в правду*. Но Бог один сие знает: *весть Господь сущия Своя*. Меня сие не назидает, а может быть и тебя не удостоверяет. Доколе семя лежит в земле; кто знает, будет ли древо и добрый плод?

Ты *устами исповедуешь* имя Господне и твою веру: если бы ты исповедал сие, как святые Исповедники и Мученики, среди ужасов гонения, при угрозах смертию за веру, исповедание твое было бы не одним легким словом, но вместе и сильным делом, и тогда было бы верно то, что исповедуешь *во спасение*. Но без того, кто знает, от истинной ли внутренней силы, от живой ли веры происходит твое устное исповедание. Цветут весною и такая древа, которые не принесут плодов, и сами, от слабости корня и от недостатка сока, увянут и изсохнут. Что, если на древе твоём виден плод только мелкий и грубый, безобразный и безвкусный? Что, если мнимая вера твоя, которая величает себя православною, и даже, может быть, представляет себя чудодействующею, что, если она сопровождается жизнью плотскою и чувственною, делами неправедными и незаконными? Как бы ни хвалилось тогда древо, как бы ни украшалось цветами; не лъзя скрыть, что оно дикое. *Всяко бо древо от плода своего познается* (Лук. VI. 44), говорит Великий Вертоградарь. Как бы ни превозносил ты свою веру, как бы ни украшал ее словами исповедания: неправедные дела и нечистая жизнь обнаруживают, что ты такое в самом деле; не прельщай и не прельщайся: ты не принадлежишь к добрым древам вертограда Христова, но к *саду, егоже не насади Отец небесный*, и который *искоренится* (Матф. XV. 13), если не будет возделан новым деланием духовным, делами правды и святости.

Хочешь ли быть добрым древом вертограда, которое не посечется и не искоренится? Приноси плоды добрые! Хочешь ли быть истинным зданием Божиим, вечно живым храмом Духа Святаго? Не только *именуй имя Господне* верую, но и *отступи от неправды* жизнию.

Одно только твердое основание Божественного упования и одно здание вечного спасения, одно то, которое *имеет печать сию: да отступит от неправды всяк именующий имя Господне*. По сей печати узнавай между именующими имя Господне сущих Божиих; по сему знамению испытывай себя, приходишь ли ты во усвоение Богу. Святый Василий Великий надежнейшим признаком благодатного состояния полагает возненавидение неправды. *Как может*, вопрошает он, *известится душа, что простил ей Бог грехи?* И отвечает: *если увидит себе самую в таком расположении, какое имел глаголавый: неправду возненавидех и омерзих* (Кратк. Прав. воп. 12. Пс. CXVIII. 163).

Божие здание, Божий дом, душа Христианская! Внимай себе, точно ли твое внутреннее основание имеет истинную печать, утверждающую и охраняющую. Как от пропасти, как от смерти, как от двери ада, *да отступит от неправды всяк именующий имя Господне*. Аминь.

СХІІІ.

58. СЛОВО в день Святыя Пасхи.

<1826 год>

Христос воскрес! – Сказав сие, что могу сказать вам более? Все сказано.

Надобно ли основать веру, сотворить надежду, воспламенить любовь, просветить мудрость, воскресить молитву, низвести благодать, уничтожить бедствие, смерть, зло, дать жизненность жизни, сделать, чтобы блаженство было не мечта, но существенность, слава – не призрак, но вечная молния вечного света, все озаряющая и никого не поражающая? – На все сие найдется довольно силы в одном чудодейственном слове: *Христос воскрес.*

Аще Христос не воста, суетна вера ваша (1 Кор. XV. 17), признается один из несчетных Проповедников веры. Какое разрушительное предположение! Но чем более оно разрушительно, тем более созидательна противоположная оному истина: понеже Христос воста, то вера наша и непоколебима, и спасительна. Верует и язычник, но мертвым божествам, или тварям, также как сам он, смертным и тленным: как же может быть прочна вера, когда божество ее тленно, или живоносна, когда оно мертво? Верует Иудей, и верует Богу живому, но по *писмени* закона, которое грешника *убивает*, а воскресить не может: чего ждать от сея веры, кроме того, что мы от нея видим? Она убила христуубийственный народ Иудейский, разсыпала кости его по вселенной, и с ним вместе сама себя разрушила так, что Иудей и вера его не имеют никакой надежды, разве в Христианстве. Некоторые мудрецы древности, уразумевшие нелепость язычества, но не проникшие во Святилище истины Божественной, изобрели было еще веру неведомому Богу, и воздвигли сему имени олтарь, может быть, некоторым и новейших времен мудрователям не неудобный, потому что он не назначает для себя великих жертв: но если неведом Бог, то неведомо и то, как должно служить Ему, и в сем случае может ли наше служение быть Ему приятно, а нам спасительно? Так – неведением основанная вера тем же неведением и разрушается. Мы, Христиане, веруем в Бога живаго, по *закону духа жизни о Христе Иисусе, свободящем нас от закона греховного и смерти* (Рим. VIII. 2). Мы *вемы*, дерзаем сказать со Апостолом, *Ему же веровахом, и известихомся, яко силен есть предание наше сохрани*ти (2 Тим. I. 12). Как *известихомся*? – Всего вернее воскресением Того, *Ему же веровахом*. Если Он веру Свою, в самом Лице Его, врагами Его низринутую во гроб, и низведенную во ад, воскресил, возвел, воцарил: то *известихомся, яко силен есть*, и нашу веру и утвердить, и сохранить, и оправдать.

Аще в животе сем точию уповающе есмы во Христа, говорит еще твердый Проповедник веры, *окаяннейши всех человек есмы* (1 Кор. XV. 19). Неверующие находят для себя в неверии ту выгоду, что могут безпечно наслаждаться приятностями жизни настоящей и пользоваться приязнию мира: незавидная, по правде, выгода, и не больше, как *окаянство*; ибо когда сказано: *окаяннейши всех человек есмы*, чрез сие сказано и то, что все человеки, то есть, неверующие, больше или меньше *окаянны*. Но если бы у нас, верующих во Христа, отнять уверение о воскресении: то подлинно мы были бы *окаяннее* всех *окаянных* человеков. *Мир*, по слову Господню, *свое любит: а не сущих от мира*, следственно и Христиан, если не всегда открыто гонит, то верно всегда внутренно *ненавидит*. Миротлюбцы наслаждаются: Христиане, или, отрекаясь от наслаждений, страдают лишением, или, попуская себе наслаждения, должны страдать раскаянием. Но, да не льстится мир злым удовольствием, сделать нас отчаянными, подобно ему. Если и все, по чему ценится настоящее, потеряно; еще не все погибло для нас, или лучше сказать, еще ничего не погибло. Надежда наша основана глубже настоящего мира, и выше его

воздвигнута. *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. XV. 20). *Аще ли же Дух Воскресившаго Иисуса от мертвых живет в вас, Воздвигий Христа от мертвых оживотворит и мертвенная телеса ваша живущим Духом Его в вас* (Рим. VIII. 11). Потребуете ли больше для совершенной надежды? – Если угодно: мы уже имеем то, что нам обещается в будущем в замену настоящего. *Бог, богат сый в милости, за премногую любовь Свою, еюже возлюбил нас, и сущих нас мертвых прегрешенми, уже сооживи Христом, и с Ним спосади на небесных, да явит в вещех грядущих презельное богатство благодати Своея благостынею на нас о Христе Иисусе* (Ефес. II. 4–7).

Когда же *премногая любовь Божия*, чрез воскресение Христово, и в вере нас непоколебимо утверждает, и совершенною надеждою утешает: что должно при сем чувствовать сердце наше, если грубая чувственность не сделала его неспособным чувствовать влияния духовныя? Что, как не та же любовь Божию, которою Бог, как вечное Солнце, сияет для нас, воспаляющую нас для Бога? *Любы Божия обдержит нас*, изъясняется Апостол, *суждших сие, яко аще един за всех умре, то убо вси умроша* (2 Кор. V. 14). И в другом случае, как скоро наименовал он *Христа Иисуса умершаго, паче же и воскресшаго, Иже и есть одесную Бога, Иже и ходатайствует о нас*, – тотчас, в неудержимом восторге, восклицает: *Кто ны разлучит от любве Божия* (Рим. VIII. 34. 35)? Подлинно, если, по изречению самой Любви, *больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Иоан. XV. 13); но без меры великая любовь, еще и врагами ей бывших, нас возлюбила даже до смерти за нас, и смерти крестныя: можем ли мы быть столько неблагодарны и безчувственны, чтобы ради нас воскресшая любовь не воскресила нашей любви ради Себя?

Не стану далее изъяснять различныя чудеса, какия производит одно чудодейственное слово: *Христос воскресе*. Если оно воскресит в нас святую любовь Божию, непрестанно убиваемую греховною любовию мира и плоти: довольно сего чуда для совершенства настоящих радости, и для того, чтобы все прочия чудеса открылись нам сами собою. В ком воскресший Христос, на сем празднственном поприще, как в учениках на пути в Эммаус, возжег сердце сладким желанием, и неким сокровенным ощущением Его Божественнаго присутствия: того не праздным словом, и более нежели по одному обычаю, можем приветствовать, как Эммаусских путешественников приветствовали Апостолы: *воистинну воста Господь! воистинну воскресе!* Аминь.

CXIV.

59. СЛОВО в неделю о Фоме.

(Напечатано в Христианском Чтении 1839 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1826 год>

*Глагола ему Иисус: яко видево Мя, веровал еси:
блажени не видевшии, и веровавшии.
Иоан. XX. 29.*

Когда, по слову Пророческому, *поражен был Пастырь, и расточены овцы стада*, то есть, когда Иисус Христос предан был на крест и смерть, и Апостолы Его подверглись различным искушениям: Фома был единою от овец Его, в общем разсеянии, долее прочих заблуждавшею.

Тогда как прочие Апостолы, хотя *страха ради Иудейска*, впрочем хорошо поступили, что из первоначального разсеяния, кому куда случилось, вскоре обратились искать друг друга, сошлись в известном месте, – *бяху собрани*, и, без сомнения, общую скорбь превращали в единодушную молитву; Фома, неизвестно, по какому препятствию, или по его собственной неосмотрительности, там не было, – *не бе ту с ними*. Первое последствие сего было то, что первое явление Господа воскресшаго собранным Апостолам, для Фомы было потеряно: *не бе ту с ними, егда прииде Иисус*. Другое последствие, что, когда прочие Апостолы явлением Господним вновь утверждены были в вере, в которой поколебались было во время Его страдания и смерти, Фома, не смотря на свидетельство сих верных очевидцев, с неким упорством утверждал себя в неверии: *аще не вижду на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего в язвы гвоздинныя, и вложу руку мою в ребра Его, не иму веры*.

На сей случай, хотя мимоходом, обратить внимание просил бы я особенно тех, которые в особенные дни, скорбей ли, радостей ли Христианских, когда мы *бываем собрани*, и призываем Господа в молитве, и приемлем Его в таинстве, *не бывают с нами* в собрании церковном, по препятствиям ли со стороны дел мирских, впрочем большею частию не непреодолимым, или только по своему небрежению. Не лишиться бы им благодатного посещения Того, Который обещал быть посреди собранных во имя Его, и Котораго присутствие приносит с собою блаженный мир и радость неотъемлемую! Произвольным ослаблением союза с прочими верующими, который должен был укреплять их веру, не дойти бы им от слабой веры до упорного неверия!

Возвратимся к Фоме. От гибели, которую готовило ему закосневающее в нем неверие, спасла его, вероятно, еще не разрушенная неверием любовь к Господу, по которой недавно, и сам он решительно возжелал, и предлагал прочим Апостолам, с готовностию к смерти, не отставать от возлюбленного Учителя и Господа, на явную опасность жизни шедшаго во Иудею: *идем и мы, говорил Фома, да умрем с Ним*. Поелику сим образом любовь Фомы уже приобщилась смерти Христовой; то следовало ей приобщиться и воскресения Христова. Привлеченный ею, воскресший Господь вторично явился собранным Апостолам, собственно ради Фомы; дал ему, как он хотел, осязать язвы Своих рук и ног и ребр, – и сим, не простым, только внешним осязательным свидетельством, но живым прикосновением к открытым, так сказать, устьям внутреннего источника жизни, полуумерщвленного неверием Апостола воскресил в жизнь веры.

Совершив сие дело милосердия, Господь присовокупил слово правды: *видев Мя, веровал еси; блажени не видевшии, и веровавшие*. Счастливое неверие, – так мог бы думать Фома, которым приобретено посещение Господа! Нет, глаголет Господь, ты преимущественно помилован, но не преимущественно блажен. *Видев Мя, веровал еси: блажени* – совсем другие. А из нас иные, взирая на пример Фомы, могли бы подумать: почто мы так несчастливы, что не можем иметь непосредственного явления и утверждения в вере от Господа? Нет, глаголет Господь и нам, не видеть – не есть несчастье, когда и без того есть достаточныя основания веровать; напротив, не видеть и веровать есть – особенное достоинство веры, и потому особенное блаженство. *Блажени, не видевшии, и веровавшие*.

Мне кажется, что сие изречение Господне требует несколько более обстоятельного рассмотрения.

Должно вспомнить, что все Апостолы, и одни Апостолы, были пред лицом Господа, когда Он именно Фоме, с некоторым видом упрека, сказал: *яко видево Мя, веровал еси*, и к сему присовокупил неопределенное изречение: *блажени не видевшии, и веровавшие*. При первом взгляде, неожиданным и необычным представляется то, что укоряет Фому, который

подлинно и заслужил укоризну тем, что угрожал не верить, если не увидит; но так укоряет, что та же укоризна поражает, кажется, и прочих Апостолов, ибо и они, хотя ранее Фомы, *видев Господа, веровали*. Вид необычайности увеличивается ублажением не видевших и веровавших, если вообразить, что все Апостолы принадлежат к числу видевших, и следственно лишаются ублажения. А не им ли прежде сказано: *ваша же блаженна очеса, яко видят?*

Надлежало приметить сии необычайности, чтобы уклонением от них приблизиться к истинному разумению изречения Господня.

Если и все Апостолы, видев Господа, веровали: но великая в сем разность между Фомою и прочими. Они не имели прежде своего видения, толико, и по числу свидетелей и по способам удостоверения, сильного свидетельства о воскресении Господнем, какое имел он от них. Им видение даровано было по воле Господней, а не по их требованию. И так Фома исключительно заслужил личный упрек, потому что дерзновенно требовал видения, после свидетельств, совершенно достаточных основать веру.

Все Апостолы видели Господа: но до невероятности уничижительно было бы то для их священного собора, если бы не было между ними ни одного, которому бы принадлежало возвещаемое Господом преимущественное блаженство, не видеть и веровать. Не желаем видеть, и не дерзаем воображать вас, Богоблаженные Апостолы, лишенными какого-либо блаженства верующих. Явите же нам, Вы сами, кто из вас *блаженный, не видевший, и веровавший?* – Смотрите, братия, не сие ли самое открывает нам Евангелист Иоанн, когда, повествуя о посещении гроба Господня, в утро воскресения, двумя учениками, пишет: *вниде и другой ученик, пришедый прежде ко гробу, и виде, и верова*. Что видел он по входе во гроб? Без сомнения, тоже, что видел первый ученик, именно Петр: *виде ризы едины лежаща*. А чему поверил? Тому ли, что пред тем возвестила Магдалина: *взяша Господа от гроба, и не вею, где положиши Его?* Но чему тут было верить? Тут нет никакой сокровенной истины, и одно явное неведение. Чему же поверил ученик, *егоже любяше Иисус?* Догадываюсь, и, думаю, по необходимости должно догадываться, что в ту минуту, как он, вступив во гроб, *виде ризы едины лежаща*; необыкновенно живая любовь необыкновенным образом возбудила в нем веру; легкая мысль, что нельзя было представить случая, по которому бы ризы, обвивавшая тело Господне с мастию, могли отделиться от мертвого тела, подала ему великую мысль о воскресении; он не видал ничего более, как отсутствие погребенного Иисуса из гроба, но во глубине любящего сердца ощутил, что живет Возлюбленный, несмотря на то, что к верованию в воскресение Его даже познанием Писания не был приготовлен: *виде и верова: не у бо ведяху писания, яко подобает Ему из мертвых воскреснути*.

Как же скоро таким образом найден между Апостолами образец преимущественного блаженства не видящих и верующих: беседа Господня с Фомою получает от сего совершенную ясность и точное знаменование. Кажется, можно видеть, как Господь взором укорения взирает на Фому и глаголет: *видев Мя, веровал еси*; потом обращает взор одобрения на Иоанна, и хотя не открыто к его имени, но тем не менее внятно к его сердцу, продолжает: *блажени не видевшии, и веровавшие*. Прочие Апостолы остаются между одобрением и упреком.

Но поелику блаженство не видеть и веровать Господь возвещает, как общее блаженство многих; поелику, после других, и нам дарована благодать веровать в Господа с Апостолами, тогда как мы не видали Его с ними: то что подумаем мы о себе самих? Не ужели подлинно мы блаженны паче Фомы, и даже паче прочих Апостолов, кроме, может быть, одного возлюбленного? Не смею с сим вас поздравить; боюсь и в сем случае, чтобы

не оскорбить первых последователей Господа, и всеобщих руководителей в последовании Ему, если впереди их поставлю последних, и у них себе похищу преимущественное блаженство. *Довлеет ученику, да будет яко учитель его* (Матф. X. 25): довольно и для нас, если и мы последние можем быть участниками в блаженстве с первыми руководителями к блаженству. Довольно, если найдутся между нами некоторые, к которым отнести можно ублажающее изречение Господне: *блажени не видевшии, и веровавшие*.

Некоторые? – А другие из нас не ужели видят и веруют? – Как ни странным сие покажется некоторым, но так должно быть, чтобы степени блаженства соответствовали степеням веры.

И ныне есть *видящие и верующие*, – те, которые, как Фома, требуют от веры удостоверений ясных, действий ощутительных, знамений чудесных. Есть, напротив, *не видящие и верующие*, – те, которые и тогда, как против удостоверений возстают сомнения, ощутительные действия веры скрываются, знамения чудесные не являются, тем не менее твердо и непоколебимо стоят в вере.

Не одним Апостолам, но всякому любящему обещал Господь Свое явление, следственно и видение. *Любяй мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Иоан. XIV. 21). Не берусь изъяснить образов сего явления. Кто видит солнце, тот сие явление понимает без всякаго изъяснения; но слепому изъяснять видение солнца было бы тщетное усилие! Скажем нечто, единственно по требованию настоящего разсуждения. В сердце твоём возгарается необыкновенно живая, неизъяснимо сладостная любовь Божия, которая всякое дело благочестия делает тебе легким и приятным, так, что ты не можешь сего приписать себе, но принимаешь то за дар Божий: тогда легко тебе веровать; ты испытываешь то, чему веруешь; ты ходишь во свете веры. В сем случае Господь может сказать тебе: *видев Мя, веровал еси*. Знай же, что если и тогда, когда огонь в сердце твоём покажется угасающим, духовная сладость престанет быть ощущаема, вновь восчувствуется труд подвигов, и недостаточество сил, если и тогда ты подвигов не оставишь, о благодати Божией не усумнишься, сердца унынию не предашь: вот особенное достоинство веры! И потому вот особенное блаженство, хотя бы оно покрыто было страданием: *Блажени не видевшии, и веровавшие!*

Господь является человеку не только во внутренней, но и во внешней жизни, видимыми благодеяниями Своего промысла, в которых, по слову Апостола, *поне осязать его* (Деян. XVII. 27) можно. Если Он *оградил внешняя твоя, и внутренняя дому твоего, дела же руку благословил*: легко тебе веровать. Но такой вере и диавол не верит, как не верил ей в Иове; и потому может случиться, что она подвергнется опасному испытанию. Если же и тогда, как благодеющая десница Божия скрывается, и тебя постигает нищета, или болезнь, или иное бедствие, ты, как Иов, *во всех сих приключающихся не даешь безумия Богу*: то Господь благословит *последняя веры твоя паче, неже прежняя*. *Блажени не видевшии, и веровавшие*.

Может еще вера наша встретить Господа на путях жизни общественной, в лице меньших братьев Его, по слову Его: *понеже сотвористе единому сих братьев Моих меньших, Мне сотвористе* (Матф. XXV. 40). И здесь иногда более Он видим бывает, а иногда менее. Авдию, который сто Пророков Господних кормил хлебом и водою, не трудно было вообразить, что в них Сам Господь *взалкался*, и самому Господу *дал он ясти*. Напротив того, как часто искушает нас то, что, видя нищих, не видим в них Христа, то есть, Христовых и христианских свойств и добродетелей! Точно ли они бедны, думаем мы? Достойны ли они человеколюбиваго участия по образу жизни своей? Будут ли они молиться за нас, получив благотворение? Не возмущайся напрасно, благодетельная душа!

Не охлаждай сам своея любви подозрениями; не омрачай сам своея веры сомнениями. Не довольно ли тебе слышать от Господа: *Мне сотвористе?* На что, как Фома, хочешь видеть и осязать Его в том, кому благодворить желаешь? Благовтори видимому – требующему, и верь Невидимому – Приемлющему. *Блаженни не видевиши, и веровавшие.* Аминь.

CXV.

60. РЕЧЬ

Благочестивейшей Государыне Императрице Марии Феодоровне, пред вступлением Ея Величества в Успенский Собор.

(Говорена апреля 30 дня 1826 года, напечатана отдельно, в Моск. Вед. 1826 г. № 39
и в собраниях 1835–1844 и 1848 гг.)

<1826 год>

Благочестивейшая Государыня!

Некто видел и вопрошал внезапное видение: *кто сия проникающая аки утро* (Песн. VI. 9)?

Мы видим, и не как внезапно явившуюся вопрошаем, но как всегда вожденную Тебя призываем: прииди, *проникающая аки утро*, сквозь остающийся еще сумрак после глубокой предшествовавшей ноши, – восходящая, как тихая заря, предвестница новаго солнца, из Тебя России возсиявшаго, нами с нетерпением ожидаемаго.

Прииди, Матерь Царей! Отец светов да благословит вход Твой; и да совершит приносимую нам Тобою надежду, вскоре увидеть в полноте Священной славы, уже сияющего Царскими доблестями, Николая, – Твое и наше утешение.

CXVI.

61. БЕСЕДА о небесной награде.

(Напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1826 год>

*Возрадуйтесь в той день, и възиграйте се бо
мзда ваша многа на небеси* Лук. VI. 23.

Господь Иисус повелевает возрадоваться и възиграть; обещает награду, великую награду, небесную награду. Достанется ли кому из нас сия награда, без сомнения совершенная; потому что Судия, который определяет ее, и праведен, чтобы определить награду достойную, и благ, чтобы определить награду щедрую, и всемогущ, чтобы исполнить Свое определение во всей силе онаго? Внидет ли кто из нас в сию радость, без сомнения, блаженную; поелику Призывающий к ней есть Источник блаженства.

Возрадуйтесь в той день. Какой это день, предназначенный для радости? Придет ли он и к нам? Доживем ли мы до него?

Прочитаем в большей полноте слова Христовы, предназначающие день сей, чтобы нам узнать его. *Блаженни будете, глаголет Он, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына человеческого ради. Возрадуйтесь в той день и възыграйте.*

Итак день, в который Христианам должно возрадоваться и възыграть, есть время, когда их, за имя Христово, ненавидят, разлучают, безславят. Теперь хотите ли дожить до сего дня, насладиться сею радостью? Или, еще не видя его, желаете, чтобы он прошел мимо вас, и уже не хотите вкусить радости, которой вкуса не знаете? Не лъзя осуждать того, кто скажет в сем случае слова Христовы: *да мимо идет от мене чаша сия*, то есть, чаша ненависти от человеков, гонения, безславия: но также не лъзя не восхвалить того, у кого достанет духа непрерывно договорить и следующие: *обаче не яко же аз хочу, но яко же Ты, Отче Небесный!*

Премудрым и непостижимым судьбам Божиим предоставляя избирать достойных к трудному подвигу, и возводить к высокому блаженству – страдать за Христа, не пропустим без особенного внимания того, для всех вообще удобонаставительного, слова Христова, которое побуждает, для совершения подвигов, и для перенесения страданий, достаточную силу и ободряющую надежду почерпать из помышления о небесной награде: *се бо мзда ваша многа на небеси.*

Есть и такие, вероятно не многия, возвышенные души, которые, в сердечных помышлениях и желаниях, проходя мимо, и оставляя позади себя всякую, не только земную, но и небесную награду, прямо, чисто, единственно стремятся ко благоугождению пред Богом, и к соединению с ним любовью. *Что ми есть на небеси?* восклицает Псалмопевец к Богу, *и от Тебе что восхотех на земли? исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя Боже во век* (Псал. LXXII. 25. 26). Не желаю, говорит, ничего земного; и на небесах не ищу ничего, кроме Бога небесного; не чувственных удовольствий алчет плоть моя, не любви тварей жаждет сердце мое; самую завидную между человеками долю без зависти уступаю всякому желающему; моя доля есть Бог; сердце мое хочет исчезнуть там, где Его не находит, и возродиться там, где обрести Его можно; самая плоть моя томится желанием единственного насыщения, – *внегда явитимися славе Его.* О сем состоянии некоторых благочестивых душ, для многих из слушающих сие, не знаю, что сказать, разве сии слова Господни, сказанные об одном из особенных состояний благодатных: *могий вместити да вместит.*

Впрочем, если желание награды и не есть совершенство, Бог, однакоже не возбраняет человеку помышлять о награде; и даже Сам употребляет мысль о награде для поощрения человека к исполнению заповедей и к достижению совершенства. *Чти отца твоего и мать твою:* вот заповедь. И вот в след за нею награда, поощряющая к исполнению ея: *да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли блазе* (Исх. XX. 12). *Аще хочеши совершен быти, иди продаждь имение твое, и даждь нищим:* вот требование совершенства. И вот непосредственно за сим награда, поощряющая к достижению сего совершенства: *и имети имаши сокровище на небеси* (Матф. XIX. 21). *Возрадуйтесь в той день, – егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына человеческого ради:* вот великое требование подвига, для которого нужна необыкновенная сила духа и непоколебимое терпение. Для сего вот и великая награда, способная возбудить и поддержать необыкновенную силу духа: *се бо мзда ваша многа на небесех.*

Ветхий Завет, как приготовительный к совершенству Христианскому, открытым образом говорит наиболее о наградах земных; потому что, применяясь к понятиям людей, которым был дан, по необходимости должен был и духовныя созерцания небеснаго блаженства облекать в чувственныя изображения благополучия земнаго. Завет Новый, как открывающий совершенство царствия небеснаго, в его духовной силе и высокой чистоте, обыкновенно указывает своим подвижникам и страдальцам награды небесныя: а земныя не только пренебрегает, как маловажныя, но иногда почитает даже уроном наград небесных. *Восприемлют мзду свою*, говорит Господь о лицемерах, ищущих посредством добродетели, славы человеческой: то есть, они получили свою награду на земли, от человеков, и потому не получают ее на небеси, от Бога. Вместо того, что древний Закон ласкал земным благополучием: *благо ти будет; долголетен будеши на земли блазе*; Евангелие земным благополучием угрожает, как опасным, а презрение сего благополучия полагает залогом небеснаго блаженства: *кая польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщетит душу свою? Любяй душу свою погубит ю; и ненавидяй души своя в мире сем в живот вечный сохрани ю* (Иоан. XII. 25).

По сему разсуждению, каждый из слышащих сие имеет случай предложить себе, и может просто для себя решить, – не маловажный, надеюсь, для каждаго из нас вопрос: истинный ли я Христианин, или нет? Если ты истинный Христианин: то ты верно не привязан душею ко временному благополучию; не пристрастен к земным наградам; поощряешь и утешаешь себя мыслию о награде небесной и вечной. А если ты забываешь о небесной и вечной награде, домогаясь временной корысти, чести, удобства жить в свое удовольствие: не прельщайся; такая расположения не показывают духа истинно Христианскаго. Кто управляется и одушевляется желанием только земной награды: тот есть земный Ветхозаветник, далекий от совершенства духовнаго, и от стяжания сокровища небеснаго. Кто делает добрыя дела для временной корысти, или для славы человеческой: тот еще не вышел из области язычества; он вырабатывает кумиры добродетелей на продажу или на зрелище: он восприемлет мзду свою от человеков, и потому небеса и Бог ничем более не должны ему.

Не скажут ли, что сие разсуждение слишком строго, и затворяет всех под грехом? Ибо не естественно ли, скажут, человеку и на земле искать где лучше, подобно как рыба ищет где глубже? Если кто подлинно сие скажет, тот пусть знает, что не мы строгим разсуждением затворяем его под грехом; но суд Слова Христова и нерадение последовать сему Слову затворяют его под грехом. Если и естественно желать лучшаго земнаго: но не согласно с разумом искать онаго с забвением и утратою наилучшаго небеснаго. И если вы хотите держаться только естественнаго: то смотрите, не отпадаете ли чрез сие от благодатнаго, которое выше естественнаго? Опираясь на мнимыя естественныя ваши права, не отвергнете ли вы сих положений благодатнаго закона: *не сребролюбцы нравом, довольни сущими* (Евр. XIII. 5); – *честию друг друга больша себе творяще* (Рим. XII. 10); – *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. XIII. 14)?

Но если уже вам непременно угодно естественное: подлинно ли естественно искание земных воздаяний, какое столь обыкновенно примечается между нами; если естественным называть должно не то, чего требуют не управляемая желания и не удерживаемыя страсти, но то, что из истинных потребностей естества человеческого происходит, им соответствует, им удовлетворяет? Когда наемник желает платы, достаточной для пропитания, не только во дни работы, но и на дни необходимаго потом отдыха: не спорю, что естественно ему желать такого воздаяния. Но когда богатый не хочет ничего сделать без того, чтобы не извлечь из дела выгоды, даже, если можно, двойной и тройной выгоды: что тут естественнаго? Когда проходящий какое-либо служение за каждый год, или за каждое сколько нибудь особенное действие служения, хочет большей и большей платы,

высшаго и высшаго звания или отличия: что и тут естественного? Требуется ли того природа человека, и служит ли то к его совершенству, чтобы на него сыпали деньги, названия, украшения.

Не лучше ли было бы, напротив, и для естественного состояния человеков, если бы они взирали не столько на земные воздаяния, всегда малые в сравнении с трудами для них употребляемыми, и мало радующия в сравнении с неприятностями искания, соревнования, лишения, сколько на небесную награду, всегда великую, вполне радующую, никогда не отъемлемую? Если бы каждый непрестанно имел пред очами свою *мзду многую на небеси*, которую и властен каждый иметь пред очами непрестанно: то, удовлетворяемый чаянием оных, каждый не так страстно искал бы воздаяний земных и утешений временных; продающий менее бы корыстолюбствовал; судящий охотнее предпочел бы безчестной мзде неправды безмездную правду; обязанный служить обществу решительнее предпочитал бы общую выгоду своей личной, и не отрекался бы от служения общему благу, хотя бы и не отдавали всей справедливости его служению; поставленный в подчиненность и послушание удобнее забывал бы свою волю, и менее тяготился взыскательностью начальствующаго; раб усерднее и веселее работал бы и нещедрому господину; кратко сказать, мыслию о небесной награде поддерживаемое безкорыстие каждого непрестанно увеличивало бы сокровище общего блага человеков, и внутреннее сокровище добродетели в сердце каждого.

Господи, щедрый в обещании, и верный в исполнении, Утверди нас в благотворном памятовании и чаянии *мзды многия на небеси*, да и воздаяния земные не будут для нас приманчивы, и скорби или потери временныя не будут несносны. Аминь.

СХVII.

62. СЛОВО

при гробе блаженных памяти

Государыни Императрицы Елисаветы Алексиевны.

(Говорено в Можайском Николаевском Соборе,
в присутствии Государыни Императрицы Марии Феодоровны, мая 26 дня;
напечатано отдельно и в собраниях 1835 –1844 и 1848 годов).

<1826 год>

*Услыши молитву мою, Господи, и моление
мое
внуши, слез моих не премолчи: яко
пресельник
аз есмь у Тебе и пришлец, якоже вси отцы
мои.
Ослаби ми, да почую прежде даже не
отъиду, и
тому не буду. (Псал. XXXVIII. 13 и 14).*

Когда кто из Высоких на земли, по судьбе, для земнородных общей, отходит в землю: при сем обыкновенно слышатся отголоски славы, которая сопровождала его во время земной жизни. Слышим оные и теперь; но величественнее самой славы слышится здесь – молчание. Дерзая говорить, колеблюсь опасением, чтобы не возмутить безмолвного сетования Царицы-Матери, – чтобы не нарушить последнего безмолвия Царицы-Дщери,

которая и среди славы знаменитейшаго из Домов Царских, во дни особенно громкие славою, любила погружаться в безмолвие.

Но слово молитвы, надеюсь, не будет противно безмолвию, которое одушевляется молитвою. И такое слово приемлю от Псалмопевца, дабы в размышлении, хотя по необходимости печальном, искать некотораго врачевства против печали.

Услыши молитву мою, Господи, и моление мое внуши, слез моих не премолчи. Кто приносит Господу столь печальную молитву? – Книга Псалмов скажет, что Давид. Но что погрузило его в печаль, столь горькую? – Псалом не представляет на сие яснаго ответа. Не видно здесь вины, которою бы страждущий заслужил страдание; страждет желающий *сохранить пути свои, еже не согрешати даже языком.*

Пресельник аз есмь у Тебе и пришлец, якоже вси отцы мои: так продолжает молитву свою Царь Израилев. Но целое царство не есть ли некоторым образом дом и семейство Царя? Как же должно быть сильно внутреннее чувство лишения, чтобы Царь потерял из вида не только дом свой, но и целое царство свое, и нашел себя чуждым, одиноким, пришельцем, странником!

Наконец печальный Царь взывает к Богу: *ослаби ми, да почию, прежде даже не отъиду, и ктому не буду.* Какая безутешная печаль! Он уже не просит радости, благополучия: он умоляет, даровать ему облегчение печали, отдохновение от страдания: *ослаби ми, да почию.* Он уже не прельщается продолжением жизни; но думает удовольствоваться тишиною последних минут: *да почию, прежде даже не отъиду, и ктому не буду.*

При воображении сего тяжкаго состояния и мало знакомое с несчастьем сердце раздирается: при помышлении же, что таково было состояние человека, не только не оставленного Богом, но и возлюбленного Богом, и молившагося Духом Святым, – изумленная мысль, как отторженная от берега ладия, носится по бездне судеб, покрытой мраком непостижимости.

Не дадим себе долго носиться и волноваться бесполезно. Есть пристанище веры, всегда отверзтое, всегда близкое для обуреваемых; есть якорь надежды, который малую ли ладью, великий ли корабль, равно удержать может в безопасности.

Что за судьба, которая и на благочестивых и добродетельных людей, или посылает, или попускает, искушения, печали, бедствия жизни? – Не иная, как судьба любви: *егоже бо любит Господь, наказует* (Евр. XII. 6). Почему души благородныя и возвышенныя более иногда подвергаются скорбям, нежели обыкновенные люди, так что ни покров видимаго счастья, которым облекает их самая порода и звание, ни попечения любящих, самая деятельная и самая нежная, не укрывают их от ударов, коими поражает их рука невидимая? – Сие бывает с душами благородными и возвышенными потому именно, что оне суть возвышенныя и благородныя; потому что оне драгоценны, как золото, и приятны Богу, как избранная жертва. *Бог искуси их, и обрете их достойны Себе: яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я* (Прем. III. 5. 6). Но какой тут порядок, когда наилучшия души так жестоко страдают? – Такой же, какой наблюдается, когда полагают золото в горнило, жертву на жертвенник. Золото будет чисто; жертва низведет благодать; огнем страдания искушенная душа просияет чистотою, а наконец и блаженством: *во время посещения их возсияют* (Прем. III. 7).

После сего размышления не так тяжело мне коснуться предмета, который так болезненно сердце касается.

Государыня, Которой душевные свойства и расположения были так же возвышенны, как сан Ея; – Которой ум светился и сквозь Ея любимое молчание; – Которой сердце, кроткое и человеколюбивое, как ни закрывалось скромностию, в самых Ея взорах являлось, узнаваемо было наипаче страждущими и сострадательными, отверзалось к сострадательным для участия и покровительства в делах сострадания, к страждущим для благотворений, большею частию тайных; – Которая в труднейших приключениях не только не изнемогала духом, но и одушевлялась неожиданною силою к труднейшим подвигам, как то, во времена болезней Своего Супруга, преодолевая и Свою немощь, и Свою печаль, так сказать, поселялась и жила при одре Болящаго; – такая душа не была ли достойна всего возможного на земле счастья? И не столько ли же Она была окружена средствами счастья, сколько была онаго достойна? Ах! если Августейший Супруг, преодолевая все трудности, перенесся с Нею на край Государства, чтобы доставить Ей или здоровье, или хотя облегчение и услаждение в тяжелой болезни; – если Августейшая Матерь, преодолевая все трудности, отторгая Себя от другого, также матерняго попечения, далеко текла Ей на встречу, чтобы пролить отраду любви в Ея многострадальное сердце; и оставленное возлюбленною душою тело другой раз далеко преследует, бесплодными уже, но еще вожделенными для Матерней любви лобзаниями: – то чего не готовы были сделать Александр и Мария, чтобы Елизавета была счастлива долго, непрерывно, совершенно? При всем том судьба вела Ее путем жизни не к великому, подобно Ея добродетелям, счастью, но к величественному несчастью.

Может быть, природа, может быть, воспитание, наконец, может быть, безчадие, особенно не соответствующее желаниям на престоле, посеяло в сердце Ея тайное, болезнетворное семя уныния. Бедственным потоком Столицы напоено сие семя; и необычайно возбужденная сердечная скорбь сострадания прозябла и развилась в телесную болезнь сердца.

В сердце Супруга обрелось действительнейшее врачевство для Ея сердца: но жизнь, которая любовью питала и поддерживала угасающую жизнь Ея, внезапно сама угасла; и оставила Ее в стране пришельствия, как угасающий в тучах вечер оставляет истощившаго силы странника в мрачной пустыне.

Благословенно могущество веры! Только Ея небесный огонь мог воспрепятствовать смертному хладу вскоре объять сердце, которое болезнь стремительно приближала ко гробу, а любовь совсем полагала во гроб Александра.

Благодать Брата и Преемника Его подвиглась, чтобы беречь и утешать Его вдовицу, и для сего, если можно, возратить Ее в недра семейства. Из отдаленного града пресельничества Своего предприняла Она возвратное странствование. На сем пути, как путеводительная звезда, по захождении солнца, как новая искра жизни блеснула Ей надежда утешения от сердца Матери Александра. Странствующая поспешает к сему вожделенному свету, напрягает останки сил; простирает объятия; Августейшая Матерь взаимно их простирает. Достигай сих животворных объятий; почий, хотя мало, в них, утомленная телесными и душевными страданиями Елисавета! – Увы! упадают праздные объятия; Елисавета почиет не тем покоем, которого ждала в объятиях Матери, но тем, который ожидает седмерицею в скорбях очищенную душу Ея в лоне Отца чистых сердцем. Не окончив странствования, Она прешла в отечество, из которого уже не странствуют: *отъиде и ктому не будет.*

Отче небесный, колико непостижимый в судьбах Твоих, толико же безконечный во благодати Твоей! не пререкаем непреложной воле Твоей, совершившейся над Венчанною рабою Твоею, Благочестивейшею Императрицею Елисаветою, на земле: но молим, со дерзновением упования молим, соверши над Нею благу и вечноблаженную волю Твою

на небеси. Увенчанную здесь сугубым венцем, Царским – от камня честна, и Христианским – от терния, венцем величия и венцем терпения, увенчай и там усугубленную славою, да безмолвная в земном страдании отверзет наконец уста Свои в небесном веселии, чтобы благодарственно исповедать пред Тобою блаженную тайну сего страдания: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиши душу Мою* (Псал. ХСIII. 19).

Еще же не одна Царственная душа страждущая, целый Дом Царев, целое Царство Российское вызывает к Тебе, Царю царей: *ослаби ми, да почию!* Еще не почило сердце наше от прежней печали, как постигла нас, новая. Вся земля наша от края до края, от Столицы до Столицы, прочерчена погребальными путями Царскими. Довлеет Господи! да почиет гнев Твой; да почиет сердце наше пред Тобою. Довольно торжествовала смерть и печаль; посли торжества жизни и радости мужественному преемнику Александра, и Августейшему Дому Его, и России. Аминь.

СХVIII.

63. СЛОВО

в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича всея России.

(Говорено в Кафедральной церкви Чудова монастыря, июня в 25 день;
напечатано отдельно и в собраниях 1835, 1844 и 1848 годов).

<1826 год>

*Правда возвышает язык: умаляют же
племена греси.* (Притч. XIV. 34).

Священная обязанность собрала нас ныне во святыи храм, дабы Виновнику всех благ Богу торжественно принести благодарение и молитву: благодарение за дар, низпосланный отечеству нашему в рождении Государя, праведно ныне царствующаго над нами; молитву о продолжении сего благодеяния Божию, то есть, о благополучном продолжении настоящаго царствования. Сынам отечества, которые не младенчают умом, не трудно уразуметь, справедливо ли называю даром Божиим рождение Государя, законно и праведно царствующаго, и благодеянием Божиим в особенности такое царствование, коего первый день соделался днем спасения царственнаго благоустройства, от разрушительнаго вихря злобы, который внезапно изторгся было из пропастей безумия. Поелику дар для всех и каждаго: то да будет и благодарение за оный от всех и каждаго. Чем спасительнее благодеяние, тем пламеннее да будет молитва о продолжении онаго.

Но как и добрая по своему видимому предмету молитва не всегда равно бывает благоприятна Богу, Который *дает* просящим *по сердцу* их (Псал. XIX. 5), и *воздает каждому по делам его* (Рим. II. 6): то надлежит знать, что тогда только может иметь верный доступ к престолу Благодати молитва о царе и царстве земном, когда ей предшествует или сопутствует деятельная любовь к Царю и Царствию небесному.

Давид, передавая царство сыну своему Соломону, сказал между прочим: *да утвердит Господь слово Свое, еже рече о мне, глаголя: аще сохранят сынове твои пути своя, еже ходити предо Мною во истине всем сердцем своим, и всею душею своею, не искоренится тебе муж с престола Израилева* (3 Цар. II. 4). Вот судьба Царя и царскаго племени, которая в Слове Божиим представляются образцем царей и племен царских!

Соломон в свою черду написал: *правда возвышает язык, умаляют же племена греси*. Вот общая судьба царств и народов!

В уверении, что Благочестивейший Государь хранит и сохранит завещаваемое Словом Божиим Ему для нас, помыслим и попечемся о том, что заповедует нам тоже Слово Божие для Него и для нас вместе.

Кто не совсем омрачен грубым неведением о Боге: того не нужно доказательствами руководствовать к сей очевидной истине, что Бог есть верховный Царь царей и царств. Будучи Бог всеблагий, всеправедный, премудрый, всемогущий, без сомнения, Он есть и Царь Всеблагий, Всеправедный, Премудрый, Всемогущий. Как Царь Всеблагий и Всеправедный, не может Он попустить, чтобы в Его Царствии правда была унижена пред грехом, чтобы добродетель была несчастнее порока и беззакония; как Царь Премудрый, не может Он иметь недостатка в средствах, для удовлетворения Своему правосудию и благодати; как Царь Всемогущий, не может быть остановлен никакими препятствиями в делах Своего Царствия. И как царь земный поступил бы противно справедливости, порядку и благосостоянию царства, если бы, награждая верность и заслуги в некоторых лицах, не оказал особенного благоволения целой области, отличившейся верностью; или, если бы, наказывая преступников за частные преступления, не употребил средств укротить целую область, возмущившуюся против законов царства: так не лзя подумать и о Царе Небесном, чтобы Он, воздая каждому человеку по делам его, не воздавал целым царствам и народам, по делам правды или греха, по господствующему в них благочестию или злочестию, по добродетелям или порокам, ознаменовывающим свойство того или другого народа, состояние того или другого царства. Даже удобнее представить человека без воздаяния по делам его в настоящей жизни, поелику для него есть другая жизнь, в которой воздаяние сие совершится, нежели представить царство и народ, без воздаяния по правде или грехам царства и народа: ибо как для земных царств и народов нет другого царственного и народного бытия, кроме земного; то не иначе, как в сем их бытии, должно совершиться над ними все дело правды Божией. Таким образом по свойствам Божиим, действующим в Божественном правлении мира, и по коренным законам царствия Божия, необходимо то, чтобы добро или зло в нравственной жизни царства и народа вело за собою добро или зло в бытии Государственном, чтобы *правда*, или добродетель, *возвышала язык*, то есть, доставляла благоденствие народу; чтобы *умаляли*, то есть, в низкое и бедственное состояние приводили, *племена греси*.

Что так и бывает на самом деле, сие можно видеть в действительном бытии царств и народов, особенно тех, и в те времена, в которых, и в которыя, правда или грехи, достигают высокой степени силы и действия.

Народ Египетский, один из сильнейших в древности, что могло умалить или унижить пред малочисленным и поработанным племенем Еврейским, если не грехи вопиющего на небо угнетения невинных и ожесточения против Бога?

Семь народов Хананейских, отличавшихся исполинскою порокою, сведущих в войне, обитавших на земле обильной и защищаемой природою, что могло умалить и низложить пред изнуренным трудностями и бедствиями четырехдесятилетнего странствования народом Еврейским, если не грехи, над которыми еще за несколько столетий видел Авраам вознесенную руку Божию, готовую низвести карательный удар, но удерживаемую долготерпением до predetermined минуты правосудия; *не бо*, как сказано ему в то время, *исполнишася греси Амморреов до ныне* (Быт. XV. 16).

Малый и многими многократно покаряемый, народ Иудейский, что сделало сильным при Давиде, счастливым при Соломоне, непобедимым для победоносных Ассириян при Езекии, – что, как не благочестие и правда Царей, которые и в народе примером и властью правду возвращали, а грехи искореняли? Напротив того сей же избранный Богом народ, сие священное царство, чем разделено, ослаблено, умалено, унижено, разрушено, и почти без остатка свержено с священной земли в языческий плен, – чем, если не многими грехами, в подражание язычникам содеваемыми? Сие так верно, что Пророк Иеремия, предвещая Иерусалиму и Израилю наказание за грехи, не представляет сего неким особенным действием карающего Бога, но как бы естественным только действием самых грехов; не говорит: накажет тебя Бог; но говорит: грехи тебя накажут. *Накажет тя отступление твое, и злоба твоя обличит тя* (Иер. II. 19).

Нужно ли умножать примеры? Спросим вообще: как из малых племен возникают и возрастают народы, не подавляются сильнейшими соседями, но и сильнейших по временам преодолевают, или себе подчиняют? Как напротив того великие народы, которых естественная сила увеличивается искусствами, ей служащими, не всегда возвышаются, но в свою чреду падают и разсыпаются? – И не посвященная в таинства судеб Божиих история на сие отвечает, что благочестие, хотя иногда недовольно просвещенное, но искреннее, правота и доброта нравов возвышают и облекают победоносною силою дух народа; что напротив того уменьшение в народе благочестия, повреждение нравов, преобладание пороков, разрушают единодушие, ослабляют верность и мужество, похищают у законов силу, и, почитаемая средствами общественного благоустройства, образованность и просвещение обращают в орудия дерзости, беспорядка и разрушения.

И так, Россияне! ожидая блага России от Царя – справедливо, и прося от Бога – благочестно, помыслим и о том, – безпристрастно, – каким образом достижение сего блага и от нас самих зависеть может.

Если молящиеся за Царя и царство, и наипаче предшествующие прочим в молитве служители олтаря, более устами, нежели сердцем и Богоугодным житием приближаются к Богу: в таком случае царство земное не тесно соединяется с Царством небесным, следственно тленному и несовершенному земному не довольно сообщается совершенства и твердости небеснаго.

Если невнимательность и холодность к вере уменьшает благоговение к священной клятве, и таким образом ослабляет союз верности, соединяющий подданных с Царем и царством: а хитрость, еще к большему ослаблению сего союза, не страшится употреблять клятву, чтобы связать ею в общем составе Государства особенные узлы своевольных соумышлений и незаконных скопищ: великая утрата общественной силы, которая состоит в соединении!

Если склонность к роскоши, праздности, забавам, растроивает порядок в семействах, истощает богатства их, делает то, что дети, забытые родителями во время воспитания, взаимно забывают их после воспитания: не прострется ли сие разстройство и на семейство семейств? Где будет богатство Государства, которое из богатств подданных слагается? Где будут сыны отечества, когда детей семейств не будет?

Если различные состояния общества, от неправильного движения страстей, подобно вывихнутию членов тела, выходят из свойственных им мест и пределов, не столько занимают своими обязанностями, сколько чужими, втесняются в дела, совсем до них не принадлежащая, на пример, воин хочет законодательствовать; не призванный Церковию

поставляет себя учителем веры; поселянин прилагает ухо к молве о вольности, которой не понимает, и которою не умеет пользоваться; гражданин мечтает о благородстве имени, не принадлежащем его званию, не поставляя в справедливую цену благородства духа, в приобретении которого никто ему не препятствует: что может от сего последовать, как не то, что и весь состав тела Государственного производить будет нестройные и не здоровые движения?

Если в служении Царю и царству явно поставляют целию личную честь и выгоду: к чему такое стремление приведет удобнее, к пожертвованию ли собою отечеству, или, напротив, к пожертвованию себе отечеством?

Имеяй уши слышати, да слышит. У кого внутренний слух сердца не загражден духовным нечувствием; тот да слышит, что при сих размышлениях говорит ему внутренний свидетель и судия правды и греха, – совесть: и если она обличает в недостатке подвигов для *правды, возвышающей язык*, или в недостатке осторожности против *грехов, умаляющих племена*; то присоединим к молитве покаяние, к покаянию подвиги исправления, да приимем или благое воздаяние от правды Божией, или помилование от милосердия Божия.

Благословен Бог, Который до ныне *правдою возвышал язык наш!* Сила благодати Его да умалит в нас *умаляющие племена греси!* Аминь.

СХІХ.

64. БЕСЕДА об очищении сердца.

<1826 год>

Блаженни чистии сердцем: яко тии Бога узрят. Матф. V. 8.

Если видеть царя земного, и особенно видеть не по случаю, а по данному доступу, почитается счастьем: то какое блаженство узреть небесного Царя царствующих и Господа господствующих, Которого и не можно увидеть по случаю, но единственно по Его благоволению и благодати! Что может видеть видящий царя? – Славу, могущество, мудрость, благость, все сие, может быть, в высокой степени, однако все ограниченное. Какия могут быть последствия сего видения? – Удивление, любовь, надежда, безопасность, и, может быть, некоторое причастие славы, однако не царской. Но что узрит тот, кто сподобится узреть Бога? – Благость и самое благо, все совершенное и единственное, премудрость, и, самый предмет мудрости, истину высочайшую и всеобъемлющую, могущество неограниченное и силу всех сил, славу и красоту, которой никакое слово изобразить, никакое воображение представить не может. И какой плод сего созерцания? – Не только восторг удивления, восхищение любви, исполнение всех надежд, безопасность, неприкосновенная никакому злу, которое не может произникнуть в благодатное присутствие Божие, но действительное причастие всей полноты созерцаемого: ибо, по уверению Апостола, *откровенным лицом славу Господню взирающие в той же образ преобразуются от славы в славу* (2 Кор. III. 18).

Желает ли кто зреть Бога, и блаженствовать в сем созерцании? Пусть вступит на путь, к сему ведущий; сей путь указан Иисусом Христом, Который Сам есть *путь*, и вернейший

путеуказатель; сей путь есть чистота или очищение сердца. *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят.*

Что такое нечистота сердца, сие больше или меньше всякому понятно, по опыту, к несчастью, не редко слишком очевидному. *От сердца*, говорит Сердцеведец, *исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы. Сия суть сквернящая человека* (Матф. XV. 19. 20). Когда злая помышления, исходя от сердца, видимо сквернят человека словами хулы на Бога, или клеветы на ближнего, делами татьбы, любодеяния, прелюбодеяния, убийства: тогда в скверных делах или словах кто не узнает нечистого сердца? Отсюда само собою видно и то, что человек, приступающий к очищению своего сердца, должен отречься от дел, сквернящих человека, то есть, дел порочных и незаконных. Без сего нет надежды не только лицецерения Божия, но ниже какого либо малейшего участия в царствии Божиим. *Или не весте*, говорит Апостол, *яко неправедницы царствия Божия не наследят? Не льстите себе* (1 Кор. VI. 9). Не прельщайте себя никакою надеждою, которая не согласна с сею непреложною истиною.

Но вот чего некоторые, или не примечают, или не хотят примечать: как не чисто иногда бывает сердце и такого человека, который не оскверняет себя делами порока или беззакония. Повторим изречение Сердцеведца: *от сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы. Сия суть сквернящая человека*. Примечайте, как Он в одном изображении, не только видимую нечистоту обличает, но и невидимую обнажает. Когда злая помышления исходят от сердца в дела: тогда оныя сквернят всего человека, и внутреннего и наружного, и сердце и внешние члены, и душу и тело. Но когда злая помышления, хотя от сердца не исходят, однако в сердце гнездятся: что тогда? – Очевидно, что тогда оныя сквернят сердце, внутреннего человека, душу. Сия внутренняя нечистота человека может быть неприметною, и как-бы ничем, для другого человека, который смотрит на его лице и дела: но для Бога, Который зрит на сердце, она, не меньше наружной нечистоты дел, и явна, и омерзительна. Посему Господь и называет злая помышления теми же отвратительными именами, какими означаем мы злая дела: *помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы*. Не убил ты человека, но в сердце пожелал ему погибели: слыши; сие злое помышление Господь называет уже убийством. Не отверзлись уста твои, чтобы произнести хулу на Бога, но сердце твое подвиглось дерзкими и ропотными помышлениями о судьбах Его: берегись; вероятно, Сердцеведец уже слышал от тебя хулу. Отсюда можно усмотреть, что действительное очищение сердца, которое бы соделало человека способным узреть Бога, должно совершиться отречением не только от всех дел незаконных и порочных, но и от всякого помышления злаго, в котором злое дело, как плод в зародыше или семени, скрывается.

Как строго! – скажут те, которые совсем не хотят приняться за труд очищения внутреннего. – Как трудно! – скажут и те, которые сей труд несколько испытали.

Строго, или не строго, требование отречения от всех злых помышлений: не мы сие требование изобрели, не мы поставили оное условием тому, чтобы узреть Бога, и насладиться Божественным блаженством; но Тот, Который сказал: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*. Не желаешь подвергнуться строгости: не обвиняй никого, кроме себя, если не обрящешь благодати. Но в самом ли деле строго требование чистоты сердечной? Строг ли тот, кто от имеющего не ясное, или совсем потерявшего зрение, потребовал бы болезненного очищения органа зрения от грубой плевы его покрывающей, или влаги, его потемняющей, и за сие обещал бы чистое и совершенное зрение? Злая помышления, от которых человек не отрекся, и следственно к которым страстно привязан,

как бельма, или темная вода, помрачают око душевное, так, что не видит оно света даже близкой к нему естественной истины; например, омраченный помыслом гнева не видит света правды, и не различает вины от невинности; объятый страстию плотоугодия не видит света целомудрия, Божескому и человеческому взору приятного, и не примечает, как сам свое здравие разрушает. Удивительно ли, что для таких душ не доступен сверхъестественный свет Божества? И строгость ли то, или милосердие, что их еще не хотят оставить избранной ими тьме, но хотят, чрез внутреннее очищение, не только возвратить их к естественному духовному свету мудрости и добродетели, но и возвести к Божественному свету вечной истины и вечного блаженства?

Что касается до труда, с которым соединено внутреннее очищение: не спорю в том, что оно трудно; и даже если бы кто назвал оное невозможным, и в том спорить не буду. Но трудность разрешается, невозможность исчезает, как скоро приложим веру к слову, все из ничего сотворившаго Слова: *не возможная у человек возможна суть у Бога* (Лук. XVIII. 27) *вся возможна верующему* (Мар. IX. 23). При помощи благодати Божией не трудно возненавидеть злые помыслы, которые для непотерявшего совесть по самому естеству ненавистны и отвратительны; от возненавиденных не трудно отречься; по решительном отречении от них не трудно изгонять их из сердца силою помыслов благих, молитвы, страха Божия, и наипаче всякое зло разрушающим именем Господа Иисуса; если же и будут возвращаться, или случайно встречаться с нами против воли нашей, то или не в силах будут осквернить сердца, их отвергающего, или, бросив на него кратковременную тень, изгладятся смиренною мыслию и скорбию покаяния.

Не обленимся, братия, и не усташимся труда: станем твердо в подвиге, *да очистим себя от всякия скверны плоти и духа* (2 Кор. VII. 1). Наипаче же благодатию Сам *сердце чисто созижди в нас, Боже*; и, как бы ни был велик или продолжителен труд очищения сердечного, только наконец чрез сие очищение сподоби нас блаженного зренья славы Твоея во царствии Твоем. Аминь.

СХХ.

65. РЕЧЬ

**Благочестивейшему Государю Императору
Николаю Павловичу, пред вступлением Его Величества в Успенский Собор
для священнаго коронования и миропомазания.**

(Говорена августа 22 дня, напечатана отдельно и в собраниях 1835, 1844 и 1848 годов).

<1826 год>

Благочестивейший Государь!

Наконец ожидание России совершается. Уже Ты пред вратами Святыни, в котором от веков хранится для Тебя Твое наследственное освящение.

Нетерпеливость верноподданнических желаний дерзнула бы вопрошать: почто Ты умедлил? еслибы не знали мы, что как настоящее торжественное пришествие Твое нам радость, так и предшествовавшее умедление Твое было нам благодеяние. Не спешил Ты явить нам Твою славу, потому что спешил утвердить нашу безопасность. Ты грядешь наконец, яко Царь, не только наследованного Тобою, но и Тобою сохраненного царства.

Не возмущают ли при сем духа Твоего прискорбныя напоминания? – Да не будет! И кроткий Давид имел Иоава и Семея (3 Цар. II. 5–8): не дивно, что имел их и Александр Благословенный. В царствование Давида прозябли сии плевелы; а преемнику его досталось очищать от них землю Израилеву: что ж, если и преемнику Александра пал сей жребий Соломона? – Трудное начало царствования тем скорее показывает народу, что даровал ему Бог в Соломоне.

Ничто, ничто да не препятствует священной радости Твоей и нашей! *Царь возвеселится о Господе. Сынове Сиони возрадуются о Царе своем. Да начнет все множество хвалити Бога: Благословен грядый Царь во имя Господне!* Всеобщая радость, воспламеня сердца, да устроит из них одно кадило пред Богом, чтобы совознести фимиам Твоего сердца, да снидет благодатное осенение Царя царствующих на Тебя и Твое царство.

Вниди, Богоизбранный и Богом унаследованный Государь Император! Знамениями Величества облеку свойства истинного Величества. *Помазание от Святаго* да запечатлеет все сие освящением внутренним и очевидным, долгоденственным и вечным.

CXXI.

66. РЕЧЬ

Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу, при сретении Его Величества в Свято-Троицкой Сергиевой лавре.

(Говорена сентября 25 дня, напечатана отдельно
и в собраниях 1835, 1844 и 1848 годов).

<1826 год>

Боговенчанный Государь и Помазанник Божий!

С сих священных высот, которыя пред очами Твоими, пять нескудных достопамятностями веков приветствуют сию минуту, которая умножает достопамятности сего места.

Здесь, где Димитрий Донский искал совета к победе, Петр Великий – безопасности, многие Твои Предки и предшественники – подкрепления и ободрения духа, для великих подвигов великаго звания, – здесь являешься и Ты, чтобы положить Царственные советы души Твоей пред Олтарем Триипостаснаго Бога, при гробе избраннаго раба Божия. Новый, к прежним, подвиг царскаго благочестия! Новая посему надежда небесных благословений на Царя и царство.

Если бы кто в особенности спросил, что значит сие путешествие к пустынному Олтарю; вскоре после Царственных молитв и Царственного освящения Твоего в Твоем Первопрестольном Граде: в изъяснение сего можно указать еще древнейший пример, как новый, но уже помазанный и укрепившийся на царстве своем, Царь народа Божия, от *Кивота Господня*, бывшаго в престольном граде Иерусалиме, восходил с молитвою в Гаваон, к *Скинии свидения Божия*, юже сотвори Моисей раб Божий в пустыни; там особенно приблизился к Богу, просил от Него Царской мудрости, и, за сие превосходное прошение, преизбыточно награжден и мудростию, и богатством, и славою (2 Пар. I. 1–12).

Таковыми воспоминаниями вразумленные о духе настоящего события, мы вновь спешим, Благочестивейший Государь, и здесь в пустыне, подобно как прежде в Столице, к Твоей

Царской молитве присоединиться общими молениями: да *даст Ти Господь по сердцу Твоему, и весь совет Твой исполнит*, да пребудет *Венец* Твой приносящий мудростию, *Держава* Твоя непобедимо сильна правдою и благодатию, *Скипетр* Твой благодвижен посредством закона и порядка; да соделается Царство Твое образцом царств благоуправляемых, да сохранится Августейшее Семейство Твое, как образец семейств благословенных!

СХХII.

67. СЛОВО

Преподобного Никона, Игумена Радонежского.

<1826 год>

*Еже бо ныне легкое печали нашея, по
преумножению
в преспеяние, тяготу вечных славы
соделоват нам,
не смотряющим нам видимых, но
невидимых: видимая
бо временна, невидимая же вечна
(2 Кор. IV. 17. 18).*

Легко переносить печаль, преуспевать в добродетели, надеяться вечной славы, – чего более можно пожелать человеку в жизни, в которой печаль неизбежна, добродетель трудна, благополучие ненадежно? И такими преимуществами настоящей жизни обладание, не обинуясь, приписывает себе Апостол: *еже бо ныне легкое печали нашея, по преумножению в преспеяние, тяготу вечных славы соделоват нам.*

Будем же внимательны к средству, которым приобретаются такие преимущества жизни. Как *легка печаль*, даже Вам, которые, по собственному признанию, *во всем скорбяще, нечаеми, гоними, низлагаеми, присно живши в смерть предаются* (2 Кор. IV. 8. 11)? Как сия печаль *преумножает* Ваше преспеяние, как *соделоват* Вам *тяготу вечных славы*? – Ответствуют: *не смотряющим нам видимых, но невидимых*. Дело состоит в том, что мы не смотрим на видимое, а смотрим на невидимое.

Итак, не смотреть на видимое, а смотреть на невидимое, – в сем заключается сильное средство против печали, для добродетели, для блаженства.

Если, для определения врачебного средства, с пользою обращаются к началу болезни: то не бесполезно заметить здесь, что первое и всеобщее начало всеобщей болезни человечества, начало всякого несовершенства и несчастья, или иначе, начало всякого греха и наказания человеков, есть неправильная мысль ума, и беспорядочная решимость воли, не смотреть более на невидимое, а смотреть только на видимое. Что иное называют падением человека, который и в состоянии падения остается на своих ногах, не как змий, осужденный ходить на чреве, – что, говоря, иное называют падением человека, если не то, что его ум, воля, деятельность отвратились, уклонились, низпали от Бога к твари, от небесного к земному, от невидимого к видимому? Внимайте, как описывает сие книга Бытия: *виде жена, яко добро древо в снєдь, и яко угодно очима видети* (III. 6). Вместо того, чтобы прилежнее взирать к невидимому Богу, Который заповедал не вкушать от сего древа, взирать в невидимое небо, где уготовано вечное воздаяние за исполнение заповеди

Божией, взирать на невиданную еще, но уже указанную смерть, которая неминуемо должна была последовать за нарушением заповеди, – вместо всего невидимого, жена смотрит только на видимую красоту запрещенного плода, и засматривается, и вкушает, и привлекает мужа к такому же вкушению. И таким образом от страстного внимания к видимому, рождаются грех, нагота, изгнание, проклятие, труды, печали, болезни, смерть, исление.

Повторим сказанное: для определения врачебного средства, с пользою обращаются к началу болезни; заграждением источника зла пресекается распространение зла, и потоки его иссушаются. Итак, если начало душевных болезней в человеках, и первый источник всякого зла найден в том, что человек перестал смотреть на невидимое, а начал смотреть только на видимое; то не трудно заключить, сколь естественно искать врачебного противу зла и спасительного средства в том, чтобы перестать смотреть на видимое, и решиться смотреть преимущественно на невидимое.

Что было в источнике, то и в потоках протекает. Забвение невидимого и пристрастие к видимому, было началом зла в человеке: то же начало действовало и действует в распространении зла между человеками. Некоторые из них упорно не захотели взирать к невидимому Богу, – и родилось нечестие; другие, по пристрастию к видимому, и Бога видимого иметь захотели: отсюда произошло идолопоклонство и суеверие. Презрели невидимую часть существа своего, душу, а стали смотреть только на видимую часть своего состава, тело; – и вместо человеческой жизни, управляемой разумом и законом добра, открылась в человеках жизнь скотская, чувственными похотями водимая, и зверская, необузданною яростию порываемая. Страстный и жадный взор на видимое, в неумеренном направлении, становится некою злоторною силою, которая из всех видимых предметов по их различию, различный извлекает яд, тем более страшный, что в ком он образуется, того и отравляет. Так смотрят на видимую красоту телесную, и впадают в неистовство сладострастия; – на злато и другия видимыя блага, и заражаются любостыжанием; – на видимыя блага в руках других, и отравляют собственное сердце завистию; – на видимыя преимущества собственные, и сами себя ослепляют гордостью. Так, по выражению Пророка Иеремии (IX. 21), *восходит смерть сквозе окна ваша*; то есть, чрез чувства, которыми вы общаетесь с видимым миром, слишком отверстыя по неосторожности, а еще более по пристрастию к видимому, входит греховная смерть в душу. Что же нам делать? – Без сомнения, тщательнее затворять окна, которыми входит смерть, то есть, удерживать чувства, которыми прелесть и соблазн входят в душу; или, по выражению Апостола, *не смотреть на видимое, но на невидимое*. Не останавливай взора на видимой красоте, – и сохранишься от прелести сладострастия. Не смотри на блеск богатства, твое ли оно, или чужое, – и не поработишься любостыжанию, и не уязвишься завистию. Не смотри на твои видимыя преимущества, но старайся познавать совершенства, которых требует невидимое существо твое, – и не унизишь себя гордостью, но вознесет тебя смирение. Не сей в плоть семена исления, – и пожнешь от духа живот вечный. Минуя все видимое, взирай непрестанно к невидимому Богу, – и обрящешь благодать пред очами Его, и насытишься явлением славы Его.

Как можно, скажут, не смотреть на видимое, которое не только без воли, но даже против воли нашей, находится у нас в глазах; и напротив смотреть на невидимое, которое скрывается от взоров наших?

На сие, дабы кто подлинно не смутился мнимою невозможностию, отвечаем, во-первых, что как можно не смотреть на видимое, сие показывает самый обыкновенный опыт, когда, например, человек, углубленный в размышление, не примечает, что происходит вокруг его; или когда объятому печалию, самое близкое и приятное дотоле,

становится не мило и чуждо. Подобно сему человек, занимающийся благоговейным размышлением о высоких тайнах невидимаго, или благочестивою печалию по Боге, углубляясь в сии внутренния состояния отрешается от всего внешнего так, что и приятным не сильно привлекается, и неприятным не глубоко поражается, и видит, но не смотрит, и смотрит, но не пригвождает взора к видимому. Посему и Апостольское слово, средством преспеяния во благе и пособием к достижению блаженства, представляет не просто презрение видимаго, но в соответствии с усиленным вниманием к невидимому: *не смотрящим нам видимых но невидимых*.

Во-вторых, дабы удостовериться, что и на невидимое смотреть можно, как-бы на видимое, довольно вспомнить, что хотя в высочайшем степени невидимое существо есть Бог, по изречению Апостола, *во свете живый неприступен, Егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может* (1 Тим. VI. 16); однако и Его, по свидетельству того же Апостола, *невидимаго яко видя, терпяше* (Евр. XI. 27) Боговидец Моисей. Да и для всех человеков *невидимая Его, от создания мира твореньми помышляема, видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. I. 20). Так самое видимое, когда не на него единственно смотрим, но стараемся проникать далее, становится зрительным стеклом для созерцания невидимаго.

Впрочем от Апостола можно заимствовать особенный способ, как отставать от видимаго, и прилепляться к невидимому. Сей способ состоит в размышлении, что *видимая временна, невидимая же вечна*.

Видимая временна. Что же смотреть на видимое? Какая польза строить на песке, писать на воде, гнаться за ветром, или бегущею тению? Для чего корыстолюбивый, честолюбивый, завистливый, несатыми глазами хотят поглотить весь мир? Прежде нежели они могут насытиться, исчезнет мир и прежде нежели мир исчезнет, исчезнут они от мира.

Видимая временна. Что ж, если сей непременный закон видимаго, уже и оказывает свое действие на том, что нас окружает; если время похищает у нас приятное и любезное, и оставляет чувство лишения, или даже страдания? – Тот же закон времени, который теперь на нас нападает с оружием скорби, вскоре обратится, чтобы нас избавить от нея. Если безразсудно привязывать себя слишком крепкими узами любви к видимому, которое вскоре может быть похищено временем; то не более благоразумно и то, чтобы самому на себе отягчать бремя печали о видимом, которое уже временем похищено.

Невидимая же вечна. Пред вечностию, как одна минута, так и все продолжение времени, равно неprimетны. Что же значит минута лишения, за которою следует вечность обладания благом, минута страдания, которая приготавливает к вечности наслаждения, минута подвига для добродетели, которую ожидает вечность воздаяния и славы?

Невидимая вечна. И – ах! в обширных областях невидимаго есть не только вечное обладание благом, но и вечное лишение блага, не только вечное наслаждение, но и вечное страдание, не только вечное воздаяние и слава, но и вечная укоризна и стыдение, не только вечный свет и вечная жизнь, но и вечный огонь и вечная смерть. В краткой настоящей жизни мы проходим видимое, временное, как-бы некое преддверие невидимаго, вечнаго. Телесная смерть отверзает дверь, и если мы благовременно научились, верным и неуклонным оком смотреть на сокровенный путь невидимаго, и решительно направили стопы свои к вечному, вводит нас в вышния обители света и жизни; а ослепленных и отягченных пристрастием к видимому, низвергает в мрачную бездну, в ужасное преддверие смерти вторых. Научимся, пришельцы видимаго мира, – доколе не поздно, научимся, как должно нам проходить краткий путь временной жизни

безопасно и благонадежно, что на нем оставить без внимания, дабы предостеречься от развлечения, и куда обратить внимательные, осторожные взоры. Нам должно стремиться к вечной славе, *не смотряющим нам видимых, но невидимых: видимая бо временна, невидимая же вечна.*

Если когда, в исключение из сего правила, позволительно и должно со вниманием смотреть на видимое, то наипаче в тех случаях, когда видимое, как образ, как таинственное орудие и приютителище невидимаго, святаго, Божественнаго, самим Богом, или Богомудрыми учредителями, поставлено в предмет благочестиваго внимания для человеков. Таковы суть видимые образы, вещества, знамения, обряды Церковных Таинств и Богослужения. Но и в сем случае, сколь ни достойно благоговения видимое, – не на нем одном останавливаться должно. Сквозь святые образы и знамения видимыя, благоговейный, только не любопытный, взор веры должен быть устремляем к невидимой силе и существенному действию благодати Божией. Страшно подумать, что и Симон волхв видимо крещен был по чину Христианскому: подумаем же, как нужно и там, где святыня, исходя из невидимаго, наполняет и объемлет видимое, – как нужно и там восходить от видимаго к невидимому, чтобы не оскорбить и невидимой и видимой святыни.

Святая Церковь многообразно подвизается приближать нас от видимаго к невидимому. Так, при тайнодействии, она не только невидимых Ангелов присутствующими и сослужащими представляет, но и нам самим повелевает таинственно изображать в себе Херувимов. Так, она призывает нас торжественно творить память Святых, прешедших из видимаго в невидимое. И Провидение Божие частию привлекает нас к общению с Ними чрез их видимые чудодейственные останки, частию же и сии скрывает от нашего видения, чтобы вера училась, и без помощи видимаго, восходить к невидимому. Да внимаем сему руководству, и да *смотрим невидимых*. Если, по слову Господню, Ангелы в вере воспитываемых младенцев выну видят лице Отца небеснаго, и если нет причины отнять сих невидимых охранителей и у вышедших из младенчества, продолжающих ходить в вере; если Святые Божии человеки, вступя в невидимыя обители света, еще удостоивают озираться в сей сумрак видимаго, и благотворными знамениями дают нам призывныя мановения: то со Святými Ангелами хранителями, и со Святými Божиими человеками, и – в особенности мы здесь с Богоносными Отцами нашими Сергием и Никоном, да соединяемся, поколику можем, в единый чистый взор к невидимому Отцу Их, и нашему, и в единое молитвенное желание, да утвердит Он нас, чтобы постоянно и неуклонно взирать к Нему духом, *не смотряющим нам видимых, но невидимых*; и в сем расположении духа, и печали сего временнаго жития благодушно переносить, и в добродетели с успехом подвизаться, и вечныя славы достигнуть благодатию Отца славы, с Единородным Его Сыном и Единосущным Его Духом препрославленнаго во веки. Аминь.

СХХІІІ.

68. СЛОВО

в день тезоименитства Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено в Мариинской церкви Императорскаго
Вдовьяго дома, пред торжественным обетом сердобольных вдов,
декабря 6 дня; напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.).

Кто мя устроит по месяцам преждедних дней, в нихже мя Бог храняше (Иов. XXIX. 2)? – воскликнул некогда Иов. Без сомнения, при сем помышлял он о детях умерших, и о

домашнем благосостоянии разрушенном. Но есть еще предмет его печали, который особенно достоин внимания, и даже удивления. Он тоскует о возможности благотворить, которую имел, и которой лишился. *Спасох бо, говорит, убогаго от руки сильного, и сироте, ему-же не бе помощника, помогах. – Уста же вдовича благословиша мя. – Око бех слепым, нога же хромым: аз бых отец немощным* (12. 13. 15).

Не тоскуй, благодетельная душа! Бог, верховный благодетель, и покровитель всякого благотворения, не дает в нареkanie Своей добродетели в лице твоём, Он устроит тебя по месяцам прежних дней, в которые Он хранил тебя. И подлинно, говорит наконец книга жития его, *даде Господь сугубая, елика бяху прежде Иову во усугубление, – Господь благослови последняя Иовля, неже прежняя* (XLII.10. 12).

И у Тебя, Матерь благословенных Сынов по естеству, а по благотворению Матерь немощных и сирых, светодательница слепых, благословляемая вдовицами, – и у Тебя, за год пред сим, не было ли таких минут, в которые все чувство бытия и жизни заключалось в одном вздыхании о утрате, неизреченно великой? *Кто мя устроит по месяцам прежних дней, в нихже мя Бог храняше?*

Но Великий Отец сирых и Судия вдовиц, внял молитвам благословляющих Тебя сирот и вдовиц, также как и молитвам осиротевшаго-было народа и царства, и устроил Тебя точно по месяцам прежних дней, в которые Он хранил Тебя. Се и ныне, в том же месяце, в котором прежде священным торжеством одного из разнообразных Твоих благотворений ознаменовывали мы день Твоего Богом благословенного Сына, – и ныне, день Твоего другого Богом избранного Сына, тем же торжеством благословляется.

Вот опытное наставление для всякого, кому нужно наставление в сей истине, что благотворительность к человекам верно наследует могущественное и действительное благословение Божие, часто дивными и нечаянными судьбами.

Из Евангелия очень известно великое благословение, которое благодетельным людям уготовано на конце веков, и в самой вечности. *Приидите*, глаголет Господь наш, как Царь и Судия мира, *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Матф. XXV. 34). Но кто сии благословенные Отца небесного? – Продолжение суда Христова показывает, что то суть питающие алчущих, напояющие жаждущих, принимающие странных, одевающие нагих, посещающие больных и находящихся в темнице, короче, люди благодетельные к бедствующим ближним. И в другом случае Господь заповедует: *егда твориши пир, зови нищия, маломощныя, хромыя, слепыя: и блажен будеши, яко не имут ти что воздати: воздастже тебе в воскрешение праведных* (Лук. XIV. 13. 14).

Если бы мысль о несоразмерности между подвигом и воздаянием, между временным благотворением человеку и вечным благословением от Бога, между служением земным и наследием царствия небесного, – если бы сия, или подобная мысль, возстала в ком, чтобы поколебать веру в обещанное воздаяние: премудрость Божия уже противопоставила сему сомнению сильнейшую мысль дабы и в сем, как она делает и во всяком другом случае, низложить всякое возношение суетных помышлений человеческих, взимающееся на разум Божий. Щедрый Мздовоздатель объявил, что благотворение, какое бы то ни было, кому бы то ни было сделано, приемлет Он за благодеяние Самому Ему сделанное: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Матф. XXV. 40). Посему Он не только, как судия, оправдает тех, которые делом исполняют закон любви к ближнему; не только, как Царь, царски наградит тех, которые помогают сынам царствия

на пути к царствию; но и как должник, верно удовлетворит тех, которые, *милуя нищаго, взаим дают Богу* (Притч. XIX. 17).

И так, повторяю, из Евангелия очень известно великое последнее и вечное благословение Божие человекам, благотворителям ближних. Но к прискорбию, многие человеки, живя, так сказать, безысходно в низкой области чувств и настоящего видимого мира, будучи мало знакомы с духовным, с невидимым, с будущим, едва примечают грядущее царствие Христово, как будто в туманной дали; Судия, Который, как возвещает Апостол, – *се пред дверми стоит* (Иак. V. 9), по их мнению, еще за горами. От того, как ни страшен суд, как ни велико воздаяние, многие ни страхом, ни надеждою, – уже не говорю чистою, возвышенною любовью, – не возбуждаются, чтобы дешевою ценою благотворения человекам приобретать безценное царствие Божие; или, если делают в сем некоторые опыты, не имеют ни довольно постоянства в ожидании плода от сего подвига, ни довольно ревности против искушений, в оном встречающихся. Кто знает, говорят они, подлинно ли братьям Христовым достанутся наши благотворения? Где то благословение, с которым, не как вновь благословляемые, но как уже *благословенные*, с готовым, придти должны на суд Христов человеки благодетельные, – где оно, когда расточаемы нами благотворения, не как плодовитое семя на добрую землю падают, но как прах по ветру, разсыпаются, и мы не видим, чтобы к нам чтонибудь благое возвратилось?

Для сего-то и указал я, и еще укажу на опытное наставление в сей истине, что благотворительность верно наследует могущественное и действительное благословение Божие.

Дадим небольшое состязание тем, которые искушаются сомнением о благонадежности своих благотворений.

Подлинно ли, говорят они, братьям Христовым достанутся наши благотворения? – Дабы на сие ответить, нужно рассмотреть другой вопрос: кого разумел Спаситель наш, в притче о суде, под именем *братьев Своих меньших*? Если Он, как приобщившийся плоти и крови человечества вообще, как пострадавший Един за всех по человеколюбию, по тому же человеколюбию, вообще всех человеков, по Апостолу, *не стыдится братию нарицати* (Евр. II. 11), и в особенности всех страждущих приемлет почти за едино с Собою: то первый вопрос разрешается просто; по сему разумению, какому бы страждущему ни достались наши благотворения, оне достаются всегда меньшему брату Господа Иисуса. Но если кто скажет, что сомнительно признать за меньших братьев неповинно страдавшего Иисуса таких людей из числа страждущих, которые страдают по грехам, и при самых страданиях во грехах остаются; если и согласимся, что братьями Христовыми, по точной силе слова сего, должны быть названы только те, которые, по вере во Христа, *от Бога родишася* (Иоан. I. 13); если далее из сего заключим, что те только благотворят Христу, которые благотворят людям благочестивым бедствующим: должно ли и в сем случае затруднять, или обезнадеживать дело благотворения заботою, кому достанутся благотворения? Что же вы сделаете с сею заботою? Перестанете ли благотворить? – Вы сами себя решительно лишите благословения, обещанного благотворящим, и нарушите великую заповедь любви к ближнему, которую не лзя нарушать ненаказанно. Захотите ли благотворить только достойным, и обходить недостойных? – Но не в сем ли самом и состоит узел, которому разрешения ищем, – не в сем ли он состоит, что вы не знаете довольно верных признаков, для различения достойных от недостойных? И кто дал вам право прежде суда Христова осудить кого либо, как недостойного называться чадом Божиим, и меньшим братом Христовым? Если когонибудь и справедливо считаешь ты недостойным сего дня: почему знаешь, чем он будет завтра? Ты сказал бы, на пример, о заключенном в темницу разбойнике: он недостойн моего посещения, потому что не есть

меньший брат Христов: но что, если Господь скажет и ему пред смертью, как некогда сказал уже разбойнику: *днесь со Мною будеши в раи* (Лук. XXIII. 43)? Ты потерял случай сделать добро меньшему брату Христову! Положим даже, что ты отказал в благотворении человеку подлинно недостойному: знаешь ли, что ты сделал? Гоняясь дерзновенным суждением за именем достойного и меньшаго брата Христова, ты сам себя лишил достоинства сына Вышняго: поелику обетование *будете сынове Вышняго*, дано нам под условием *быть милосердыми, якоже Отец наш милосерд есть*; а Он – *благ есть на безблагодатныя и злыя* (Лук. VI. 35. 36). Что же на конец остается нам делать? – Очевидно, не иное что, как благотворить, по возможности, всем бедствующим: достойным и святым, потому, что они чада Божии суть, и, по строгому разумению, меньшие братия Христовы; грешным и недостойным, потому, что и сами мы грешны, и следственно недостойны благ, которыми с избытком обладаем; и потому, что Всевышний Отец наш *благ есть на безблагодатныя и злыя*. Как златоделатели работают над пудами золотистаго песка, довольствуясь надеждою достать золотник чистаго золота: подобно сему и нам должно благодетельно трудиться над толпами нищих и бедствующих; и для ободрения нас в сем подвиге довольно той надежды, что во множестве хотя одно когда либо совершится чистое дело благотворения, достойное сокровищницы Верховнаго Благотворителя, которое побудит благодать Его и нас призвать от земнаго труда к небесному покою, словом благословения: *приидите благословеннии*.

Но, скажет еще иной, если призовутся к царствию те, которые в делах благотворения уже суть действительно *благословенныя*: то для чего, подвизаясь в благотворении, не вижу я хотя начатков сего благословения? – Что могу я на сие ответственать? Помысли, ревнитель воздаяния, может быть, более, нежели подвига, не в тебе ли самом должно искать ответа на твой вопрос, не на тебя ли обратить твое истязание? Что, если ты посеял гнилое семя? Кого в том винить, что не всходит? Если ты не от искренняго сердца творил благодеяния: кого винить, что не прозябает благословение? Что, если ты вчера посадил яблонныя зерна, и сего дня хочешь рвать яблоки? Обязана ли природа превратить свой порядок, чтобы угодить твоей нетерпеливости? Если ты вчера роздал несколько лепт нищим, и сего дня хочешь собирать плоды твоей благотворительности: не значит ли сие, что ты хочешь своею короткою пядию мерить пути Провидения Божия, и великия судьбы Божии подчинить твоим мелким желаниям?

Будь искренен, когда благотворишь, и великодушен, когда не видишь воздаяния: рано или поздно, судьбы Господни явятся, и благословение возсияет над тобою.

Соломон написал: *посли хлеб твой на лице воды: яко во множестве дней обрящеши его* (Еккл. XI. 1). Что такое говорит творец притчей? Как можно, чтобы хлеб, брошенный на воду, в продолжение многих дней, не уплыл, не размок, не был поглощен рыбою, или склеван птицею? Сим видом невозможности творец притчей изображает дивное могущество Провидения Божия, которое никак не попускает погибнуть делу благотворения. Благотворя несчастным, обыкновенно малознаемым, или совсем неизвестным, ты бросаешь хлеб свой в воду: время течет; доброе дело твое скрывается; может быть, и враги стараются затмить оное и облагодетельствованные забывают: но придет минута судеб; хлеб твой найдется, и напитает тебя благословением и радостью.

Не в воду ли бросал хлеб свой Авраам, когда сидел под деревом, ожидая каких нибудь странников, и, увидя их, бежал им на встречу, чтобы призвать и угостить их? И что наконец обрел он во множестве дней старости? – Посещение Господа, и обетование благословеннаго потомства.

И Корнилий Сотник, по свидетельству книги Деяний Апостольских (Х. 2), *творяй милостыни многи людем*, не в воду ли бросал хлеб свой, когда милостыни его доставались, то язычникам, то не познавшим Христа Иудеям? И что же обрел? – Явление Ангела, посещение Апостола, познание Христа, дар Святаго Духа.

Заклучим словом Апостола: *благотворения и общения не забывают: таковыми бо жертвами благоугождается Бог* (Евр. XIII. 16).

Особенно вам, которые и самих себя, или посвятили уже, или ныне вновь посвящаете, в жертву благотворнаго служения болящим, – чем большего подвига и постоянства требуют таковыя жертвы сердоболия, тем с большим удостоверением скажем вам, что *таковыми жертвами благоугождается Бог!* Аминь.

СХХIV.

69. СЛОВО на Рождество Христово.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 г.).

<1826 год>

*Сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе
Иисусе, Иже
во образе Божии сый не восхищением
непцева быти равен
Богу: но Себе умалил, зрак раба приим, в
подобии человечестем
быв, и образом обретесе яко же человек.
(Фил. II. 5–7).*

Если, по слову Соломонову, *время всякой вещи под небесем* (Еккл. III. 1): то не ныне ли время Любоумствовати со Апостолом о дивном самоумалении великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, когда видим Его умалившаго Себя даже до младенческой меры возраста, уничившаго Себя даже до яслей?

Люди, пристрастные к великости земной, не редко соблазнялись умалением Иисуса Христа. Но когда уже опытом столь многих веков дознано и то, что *Бог Его превознесе* (Филип. II. 9. 10), что *пред именем Его действительно преклонилось всякое колено небесных и земных и преисподних*; ибо, со дней воскресения и вознесения Его, тысячи свидетелей видели, как небесныя силы раболепно исполняли Его повеления, как напротив адския силы Его именем низвергаемы были в бездну; земнородных же миллионы в поклонении Его имени находят свое блаженство: после сего, и пред людьми для того и собравшимися, чтобы преклониться пред именем Иисуса, мы можем освободить себя от труда защищать и оправдывать Его умаление; и ничто не препятствует нам взирать на Его умаление с таким же благоговением, как и на Его величие.

О, как умалил Себя Сын Божий в Своем воплощении! Умаление сие тем поразительнее должно быть для нас, что является в некотором противоположном соответствии с первоначальным возвеличением самаго человека. Ибо слово Божие не без намерения употребляет для изображения сих противоположностей одно и тоже выражение: *образ и подобие*. *Сотворим человека*, рек Бог Творец, *по образу нашему и по подобию*. И Апостол

о воплощении Сына Божия говорит: *зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеса яко же человек*. Иному владыке не много нужно умялять себя, чтобы показаться в виде раба. Но когда Господь великий и вышний, который и рабам своим дарует образ владычній, сам является в *образе и подобии* раба, то есть, в состоянии полного рабства, и глубокого, какое рабству свойственно, уничижения: тогда на столь чрезвычайное умаление великаго не можно смотреть без особеннаго чувства удивления, простирающагося или до умиления, или до ужаса. И сим-то образом умалил Себя Сын Божий в Своем воплощении.

Но как еще более уничижил Он Себя в обстоятельствах Своего земнаго рождения! Надлежало избрать народ, в котором бы Ему родиться: и Он избрал для сего из всех народов земли малейший, не имеющий собственного правительства, многократно поработенный и близкий к новому порабощению, некогда благословенный, но уже едва не отверженный. Надлежало избрать город: и Он избрал Вифлеем, так малый, что и благоприятствующий ему Пророк не может скрыть сего нареkania на него, и не находит инаго средства его возвеличить, как именем рождающагося в нем умаленнаго Иисуса. *И ты Вифлееме, доме Евфрафов, еда мал еси, еже быти в тысящах Иудиных! Из тебе бо мне изыдет старейшина, еже быти в Князя во Израили, исходи же его из начала от дней века* (Мих. V. 2). Надлежало избрать мать; и, чтобы до времени сокрыть от неверующих тайну воплощения, надлежало узами закона, но не плоти, присоединить к ней и мнимаго отца: и вот избраны, хотя потомки Царские, чтобы совершились обетования и пророчества, но уже один древодель, а другая бедная, сиротствующая дева. И что еще? Если бы Господь родился в малом, собственном, или наемном жилище Иосифа; и Мария положила бы Его в бедной колыбели: зрак раба, Им восприемлемый, может быть, не все имел бы черты, какія его составлять могут; ибо могло найтись рабское жилище меньше Иосифова, и колыбель беднее Марииной. Что же изобретает безконечно Великий, ищущий безконечнаго умаления? Августовым повелением *написать всю вселенную* (Лук. II. 1) приводит в движение народонаселение земли Иудейской, дабы Иосифу не лъзя было, ни остаться в собственном жилище в Назарете, ни найти наемное в Вифлееме, когда наступало время родиться истинному Господу вселенныя; и таким образом умаливший Себя даже до младенчества, уничижает Себя даже до яслей, вместо колыбели. *Положи Его во яслех: зане не бе им места во обители* (Лук. II. 7).

Если от умяляющаго Себя Бога прострем взоры далее по пространству мира, в котором, и для котораго Он умяляется: чудо умаления представит нам новые разительные виды. Здесь приходит мне на мысль картина сошествія Слова Божия с небес на землю Египетскую, начертанная писателем книги Премудрости. *Тихому молчанию содержащу вся, и нощи во своем течении преполовляющейся, всемогущее Слово Твое Господи с небес от престолов Царских жесток ратник в средину погибельныя земли сниде* (Прем. Сол. XVIII. 14. 15). И в сошествіе воплощеннаго Слова Божия на землю Израилеву, не также ли ночь в своем течении преполовлялась, когда в самыя минуты рождения Его *пастырие беху в той же стране бдяще и стрегуще стражу нощную о стаде своем* (Лук. II. 8)? Не тихое ли молчание содержало вся на земли, когда один только Ангельский глас был услышан, и услышан не многими пастырями в пустыне? Ужасная безвестность, в которой карающее Слово Божіе сходило на погибельную землю Египетскую, чтобы *вся исполнить смерти* (Пр. Сол. XVIII. 16), чрез поражение первенцов Египетских! Впрочем сия безвестность не только не умяляла, но еще возвеличивала славу Бога Мстителя, Который без видимых средств, без ощутительных действий, одним не слышимым повелением, или, можно сказать, одним умолковением жизнь всему изрекающаго Слова совершает казнь нечестивых. Иначе, но не менее ужасна та безвестность, в которой спасительное Слово Божіе, раждаясь плотію, приходит посетить всю землю, погибельную потому, что земнородные *вси согрешиха, и лишени суть славы Божия*

(Римл. III. 23); – приходит, не яко жестокий ратник, угрожающий всему живущему смерти, но как новорожденный младенец, во всю область смерти приносящий надежду возрождения и жизни; – приходит, – но погибельная земля не сретает, необъемлет, не прославляет, даже не видит своего Спасителя, и не слышит Слова Божия, безмолвствующаго в яслях. Почти тщетно *слава*, которую Иисус Христос *имел* у Бога Отца, *прежде мир не бысть* (Иоан. XVII. 5), в устах Ангелов преследует Его сходящаго в мир, и достигает в след за Ним – даже до земли: на погибельной земле почти нет не оглушенных суетою ушей, способных слышать оную. Почти тщетно мудрейшая и знаменитейшая из звезд совершает необычайный путь, дабы указать просиявающее сквозь глубокую ночь Солнце правды: способных уразуметь сие указание, и готовых последовать оному едва найдется два или три человека, и то между сидящими во тьме и в смертной сени язычества и звездопоклонения. А Иудея, где *ведом Бог* (Псал. LXXV. 2)? – Она не ведает, что *Бог явися во плоти* (1 Тим. III. 16). А Иерусалим, *град Божий* (Пс. LXXXVI. 3)? – Он не в радости со Христом, пришедшим спасти, но в смятении с Иродом, ищущим погубити. А Первосвященники и Книжники, которым надлежало быть особенно близкими к Богу и тайнам Его, чрез молитву и разумение закона? Они прекрасно разрешают ученый вопрос: *где Христос рождается* (Матф. II. 4)? и так довольны, что не находят нужным далее заботиться узнать, не рождается ли Он действительно. Так не только в полунощи естественнаго времени, но в столь же глубокой нощи неведения и забвения человеков о Тебе и судьбах Твоих, *всемогущее Слово Твое, Господи, с небес от престолов Царских в средину погибельныя земли сниде*, и не смотря на то, что никто почти Его не прославляет, никто не познает и познавать не ищет, Оно не изрекает повеления карательнаго, но безмолвствует в спасительном для погибающих долготерпении! Так не только умалил Себя во образе Божии Сый и равный Богу, и Бог Сый: но еще приял новый вид умаления от невежества и небрежения тех, из любви к которым Он умалил Себя!

Подивимся, Христиане, произвольному для нас умалению Великаго Бога и Спаса нашего: но сего еще мало. Возблагодарим пред сим умалением Его: но и сего не довольно. *Сие да мудрствуется в вас*, учит нас Апостол, *еже и во Христе Иисусе*. Имейте и вы такая же чувствования, какия имел Иисус Христос; располагайте себя также, как Он расположен был. Что сие значит? – Сие изъясняет сам Апостол, сказав пред приведенным изречением: *ничтоже по рвению или тщеславию, но смиренномудрием друг друга честию больше себе творяще* (Филип. II. 3). Из сего видно, что учит он нас по примеру Иисуса Христа, не ставить высоко самих себя, и не превозноситься какими-либо преимуществами, но смиряться, и в самих себе, и пред другими.

Кто имеет рабов: тот да воспомянет *приявшаго зрак раба*, и умаленных жребием да не умалит презрением, и вознесенный над ними Богом, да не превознесет сам себя гордостью.

Кто живет в великолепном доме, почивает на пухе, одевается шелком: да воспомянет вертеп и ясли, и с сими сообразно грубые пелены; и да не уничижит тех, которые живут в хижинах, спят на соломе, одеваются рубищем, и которые, может быть, не по внешнему только, но и по внутреннему состоянию больше его Христу подобны. *Да хвалится*, учит Апостол Иаков, – *да хвалится богатый во смирении своем* (Иак. I. 10).

И тот, кто, по выражению Апостола, *почивает на законе, и хвалится о Бозе, и разумеет волю, и разсуждает лучшая, научаемъ от закона* (Римл. II. 17. 18), – ах! и тот, – *хваляйся о Господе да хвалится* (1 Кор. I. 31)! *Мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. X. 12)! Особенно же да не осудит неведущих, да не посмеется падающим! Христос есть *свет, просвещающий всякаго человека, грядущаго в мир* (Иоан. I. 9): может быть, тот, котораго ты видишь сидящаго во тьме и сени смертной, вскоре светлее тебя осияется сим

светом, или уже и осиявается внутренно, в области духа. Может быть, волхвы языческого востока ревностнее тебя ищут, и предупредят тебя в обретении Христа; может быть, *мытари и любодейцы варяют тебя в Царствии Божии* (Матф. XXI. 31).

Кротость, простота, смирение, снисхождение к низшим, уравнивающее себя с последним из них, спокойствие в унижении, терпение, не-побеждаемое никакими оскорблениями, – *сие да мудрствуется в вас*, подобно как и во Христе Иисусе. Аминь.

1827 год.

CXXV.

**70. БЕСЕДА
на сырной неделе против невоздержания.**

<1827 год>

*Внемлите же себе, да не когда отягчают
сердца ваша
объядением и пьянством и печальми
житейскими, и
найдет на вы внезапно день той.
(Лук. XXI. 34).*

Приближающееся время Поста призывает нас к воздержанию: и святая Церковь сии приговорительные к оному дни расположила как степени, дабы по-малу отъемля тучность пищи, и увеличивая труд молитвенный, возвести нас к совершенству поста и к протяженным подвигам покаяния и молитвы. Но в сие преддверие святого Поста, которое мы проходим, безразсудный обычай как много вносит противного воздержанию и трезвости телесной и духовной! Мне кажется, сие должно возбуждать в нас жалость и ревность, подобную ревности Дома Божия, по которой Господь наш бичем из вервий изгнал из преддверия храма продающих и покупающих, превращающих его в дом купли и вертеп разбойников. О, если бы Он помог и нам малым бичем, сплетенным из словес истины и целомудрия, если не совсем изгнать, то хотя несколько укротить невоздержание, особенно неистовствующее при входе во святилище Поста, и кроме сего нередко угнетающее тела, опустошающее души, истощающее стяжание, расхищающее добродетели, поглощающее способности!

Внемлите себе, глаголет Господь, *да не когда отягчают сердца ваша* *объядением и пьянством*. Не излишним ли теперь покажется некоторым сие предостережение, и не обидным ли предполагаемое оным подозрение в таких грубых пороках? – Не желаем никого подозревать, ни обижать, но напоминаем вам, люди, по собственному мнению, довольно умеренные и трезвые, что сказанное предостережение первоначально дал Господь избранным ученикам Своим. Наставление, которое Петру, Иакову, Иоанну, Андрею, не обидно было слышать, не может быть для кого-нибудь из нас ни оскорбительным, ни излишним.

То ли одно есть объядение, когда тело не вмещает пищи? То ли одно пьянство, когда ум потоплен в вине, и отягченной головы не может носить тело? Если, в чем не трудно удостовериться, настоящее назначение пищи и питья есть поддержание и возобновление телесного состава, который неприметным образом непрестанно снедает тление; а вкус

пище и приятность питию даны, как средства для сей цели: то каждый кусок пищи, сверх утоления голода, снedaемый для вкуса, есть доля объядения: каждый глоток пития, после угашения жажды и после ободрения сил, употребляемый для приятности, принадлежит к чаше пьянства.

Что же суть наши столы, на которых трудно перечесть различные роды пищи, трудно угадать их состав, трудно упомнить названия различных родов пития? Не хитросплетенны ли сети, которыя мы разставляем друг другу, чтобы уловить в объядение, хотя иногда тонкое, и в пьянство, хотя повидимому трезвое? И не заметишь, как перейдешь от ядения к объядению, как простое употребление пития превратится в пьянство. Надобно прилежно смотреть за собою. *Внемлите себе.*

Сколько различных искусств, веществ орудий употребляет разумный человек для того, чтобы наполнить малое и несмысленное чрево! Как унижается разум, когда истощается в изобретениях, чтобы дань, ежедневно требуемая чревом, как неумолимым владыкою, была ему приносима, как можно в большем изяществе, и была им приемлема, как можно, в большем количестве! И как ругается над сим раболепствующим разумом чрево, концем всех его забот о изяществе полагая нечистоту и смрад!

Восклонись, несчастный поклонник чрева, и если ты не можешь вдруг выше себя вознести твоих очей, стань прямо перед зеркалом и посмотри, не написан ли на самом тебе закон против раболепства чреву? – Не видишь ли, что выше чрева твоего есть грудь, в которой живет сердце, желающее добра, чувствующее любовь; что над нею еще возвышается глава, в которой царствует ум, созерцающий истину, разум мыслящий о вероятностях; что под тою и другою, как бы под небом и землею ад, низвержено темное чрево не умеющее ни мыслить, ни желать? Много ли нужно проницания, чтобы заметить, что оно не владычествовать должно над высшими областями, но быть в служении, в презрении? Если, напротив, ты стараешься более и более угождать чреву в том, чего оно слепо требует, для него желаешь, для него вымышляешь: то берегись, чтобы оно не сделалось у тебя сильнее и выше головы, и своею безобразною тяжестью не стало стеснять и подавлять благороднейших действий ума и сердца. *Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством.*

Под именем *сердца* Господь разумеет вообще *внутренность* человека, что можно видеть из Его собственного другаго изречения, в котором Он сии слова соединяет, изъясняя одно другим: *изнутри бо, глаголет, от сердца человека помышления злая исходят.* Итак под именем сердца, как внутреннейности вообще, в изречении Господнем разумеать должно духовныя силы человека с их действиями и совершенствами, в особенности разум, силу хотеть, и способность познавать. Смотрите, на что наконец может обрушиться подавляющая тяжесть пресыщенного чрева. *Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша.*

Мы не примечаем, – скажут, может быть, – чтобы люди менее других воздержные в пище и питии, менее потому пользовались способностью разума и силою воли. Не спорю, что некоторые из них даже лучше других пользуются способностью разума, чтобы понимать и изобретать тонкости удовольствий для чувств и воображения, и сильнее других влекутся к оным желаниями. Дух таких людей носится, как пар над теплыми яствами, или немного выше. Но когда надобно вознести мысль и сердце горе, выше сих видимых небес, которыя хотя и тонки, но суть телесны, и потому еще ниже области, свойственной духу чистому; когда надобно устремить желание к Богу: тогда оказывается, что пресыщением отягченное чрево, как гиря висит под крилами духа, и тянет его к земле, так что, при всех усилиях, он более бьется о землю, нежели взлетает к небу. Животныя многопищныя и

тучные не могут бегать так скоро, как малопищный елень: подобно сему чревоугодник не может быть так деятелен и благопоспешен в подвигах, как воздержный.

Вы знаете, что человек пал: но как? Не отягченное ли запрещенным плодом чрево низринуло его из блаженного рая на несчастную землю? Отягчай оное более, и оно низвлечет тебя с земли в глубину ада. Подлинно, что ниспровергнуло Содому столь ужасным образом? – *Гордость*, отвечает Пророк, *в сытости хлеба, и в изобилии вина; и сластолюбствовала та, и дочери ея; сие бяше ей, и дочерем ея* (Иез. XVI. 49).

Подобным, но еще более ужасным, бедствием угрожает Господь чревоугодникам. *Найдет, говорит, на вы внезапно день той.* Какой день? – День, которого только малый образ, только предвещание показано было в грозный день Содомы, – день который угрожает не одному, или несколькими роскошным и сладострастным городам, но целой вселенной, который заставит *издыхать человеков от страха и чаяния грядущих на вселенную, в который приидет Господь во тьмах святых Ангел Своих, сотворити суд о всех, и изблечити всех нечестивых о всех делах нечестия их, имиже нечестоваша* (Иуд. I. 14. 15). Господь неоднократно внушает нам, что сей страшный день особенно нечаянно постигнет тех, которые, преданы невоздержанию, роскоши, попечениям о выгодах и приятностях жизни. *Якоже бо, говорит, беху во дни прежде потопа, ядуще и пьюще, женящиеся и посягающе, до негоже дне вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына человеческого* (Матф. XXIV. 38. 39). И еще говорит: *якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, пияху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: в оньже день изыде Лот от Содомлян, одожди камык горящ и огонь с небесе, и погуби вся. По тому же будет и в день, в оньже Сын человеческий явится* (Лук. XVII. 28. 29. 30).

Поистине, людям, которых гортань отверзается не для того, чтобы воспевать славу Божию, или изрекать пред Богом желания сердца, но для того, чтобы, подобно гробу, поглощать и обращать в тление все, что лучшего живет и растет на земле; которые проводят половину жизни в труде обременять свое чрево, а другую в труде влачить сие бремя; у которых вино волнует кровь и отуманивает голову: – где им помышлять о делах небесных, прозирать в сокровенныя судьбы Божии, вникать в словеса Пророческия, примечать знамения времен, стоять на страже в ожидании грядущаго царствия Божия, которое совсем не по ним, поелику оно *не есть брашно и питие?*

Но вот что еще особенно страшно: сия преобладающая роскошь, сие не помнящее Бога и себя невоздержание, не только могут быть внезапно постигнуты судом и поражены правосудием Божиим, но и составляют, по словам Господним, одно из предваряющих обстоятельств, и как-бы преддверие сего страшнаго суда. *Отягчают сердца ваша объядением и пиянством, и найдет на вы внезапно день той.* Что же должны мы подумать, когда видим, что и богатый и бедный, дома и в корчемнице, рано и поздно, наперерыв работают чреву; что чрево поглощает обширныя стяжания и наследия; что люди, которые с трудом приобретают насущный хлеб, необильные плоды своего труда и пота истощают на излишества и невоздержание, грубое или утонченное, на прихоти не требуемыя и не знаемыя природою; что провозглашение праздника, даже предварение о посте, сии, по намерению Церкви, орудия к возвышению благоговения, превращаются в орудия к усилению роскоши, подобно священным сосудам, употребленным для украшения Вавилонскаго пиршества? – О как опасно, да не *найдет на ны внезапно день той.*

Попечемся, братия, как бы нам ясти и пити во славу Божию, а не во вред себе и в оскорбление Подателю благ, Богу. Уступите гладу и жажде: но не вооружайтесь против воздержания и поста. Пусть хлеб насущный укрепляет сердце человека; пусть вино в меру

возвеселит сердце печального, или ободрит немощного; *ядите*, – скажем, если угодно, и сие с Неемиею и Ездрую, – *ядите тучная и пейте сладкая*, но – в знамение того, *яко свят есть день Господеви нашему* (Неем. VIII. 10), а не безвременно и без меры, по образу тех, *ихже бог – чрево*. Во всякое же время внемлите слову Господню и *внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством, и найдет на вы внезапно день суда*, но да будут сердца наши светильниками мудрых дев, полными елея благодати, горящими любовию, светлыми верою, да будем готовы сретить Судию, яко жениха, и праздновать с Ним в небесном чертоге Его во веки! Аминь.

СХХVI.

71. СЛОВО

в день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 г.).

<1827 год>

Она же видевши смутися о словеси его
(Лук. I. 29).

И слышащие сие не смущаются ли уже мыслию, для чего хочу я говорить о смущении преблагословенныя Девы Марии, как будто сие торжество Ея не представляет важнейших предметов для размышления? Столько добродетелей, столько совершенств, столько чудес, столько таин, при имени преблагословенныя Марии, при воспоминании Ангельскаго Ей благовещения, представляются уму, что едва дают приметить малое и кратковременное смущение мирной и тихой души Ея.

Но меня не смущает опасение таких прекословий. Чудеса славны без слова; тайны не редко лучше чтутся благоговейным молчанием, нежели дерзновенным усилием изъяснить оныя; добродетели, совершенства, – о если бы для нас довольно было говорить только о добродетелях и совершенствах, и не было нужды упоминать о несовершенствах, и даже о пороках. Если же, как полагаю, не отрекутся многие признаться со мною, что едва ли не каждый день, а иногда и не однажды, то или другое слово, тот или другой случай, приводит нас в смущение, малое или великое, кратковременное или продолжительное, не редко простирающееся на наши собственные слова, действия и отношения к другим, и во всяком случае неблагоприятное потому, что нарушает спокойствие и затмевает ясность души: то, есть немаловажная причина с особенным вниманием посмотреть на сей, маловажным кажущийся, случай, как иногда и благословенная миром Божиим душа, неизбежно входит в смущение, и как выходит из онаго, дабы примером, наши, большею частию произвольныя смущения, обличить, уменьшить, исправить и, по возможности, распространить область истиннаго мира душевнаго.

Она же видевши смутися о словеси его. Кто приводит в смущение Ту, которая должна быть исполнена мира, как призываемая родить *Мир наш* (Еф. II. 4)? Человек ли неприязненного расположения Духа? Дух ли неприязни, всегдашний враг мира, потому что сам его не имеет, обыкновенный производитель смущений и смятений, потому что живет в мятеже непрерывном? – Нет! К удивлению, виновник смущения Марии есть Ангел, мирный служитель Бога мира. Но может быть, образ, как он явился Ей, имел в себе нечто ужасное? – Нет, и сего не видно. Ангел тихо входит, и говорит: *вшел к ней Ангел, рече*. И так от чего же Она смущается? *Смутися о словеси его*. Разве слово сие было

грозно? – Напротив, оно было слово радости и благословения: *радуйся благодатная: Господь с тобою, благословенна ты в женах.*

Углубимся несколько в разумение сего Ангельского слова, чтобы найти сокровенную причину смущения Мариина. До сих пор ни один, и особенно ни одна из земнородных не слышали с небес подобного приветствия. Приметно, что небесные вестники не расточают приветствий: поелику чистой небесной истине также не сродна изысканная ласковость, как и не нужная суровость. *Мир тебе* (Суд. VI. 23), сказал Ангел Господень Гедону, по надобности успокоить его: ибо Гедон, по понятиям своего времени, думал, что видение Ангела будет ему смертоносно. Но приветствие: *радуйся*, безпримерно в древних явлениях Ангелов. *Господь с тобою*, – так приветствовал Ангел Гедона же, и также по особенной надобности вдохнуть ему силу и бодрость для чудесной победы на врагов, и для спасения народа Израильского. Многократно и щедро благословлял Бог Авраама, как например: *во истину благословя благословлю тя, и умножая умножу семя твоё, яко звезды небесныя, и яко песок вскрай моря; и наследит семя твоё грады супостатов; и благословятся о семени твоём вси языцы земнии* (Быт. XXII. 17. 18); и паки: *Авраам бывая будет в язык велик и мног, и благословятся о нём вси языцы земнии* (Быт. XVIII. 18). Но не сказано здесь, чтоб Авраам был благословлен в мужах, то-есть, преимущественно пред всеми мужами; а о благословении Сарры, хотя и она участвовала в произведении на свет благословенного семени, совсем умолчано. Правда, сказал Господь однажды и о Сарре: *благословлю же ю* (Быт. XVII. 16): но достойно примечания, что и сие краткое благословение изречено не в лице ей, а в отсутствие ея, Аврааму. Видно так надлежало по судьбам Божиим, чтобы от жены, в которой прежде мужа началась утрата благословения в блаженном раю, долее, нежели от мужа, таились начатки возвращающегося благословения на несчастной земле. Без сомнения, разумела сие Дева Мария, как из писанного слова Божия, так и посредством собственного смиренного Богомыслия, и потому, когда слышит, что неожиданный посетитель приветствует ее не только миром, но и радостью; приписывает ей благодать не как дар, но как ея неотъемлемое достояние; возвещает ей благословение, преимущественное пред всеми женами в мире: тихая душа ея от сильных слов духа, как тихая вода от сильного дыхания ветра, по необходимости приходит в движение: *смутися о словеси его*. Нет в сем смущении ничего нечистаго, но нет в минуту смущения той душевной тишины, которая ему предшествовала! Когда ветер, ударяя в поверхность воды, частию поднимает ее от места ея покоя, тогда и чистая вода трепещет и кажется возмущенною: так душа Марии, хвалебным словом Ангела не только подымлемая из самоуничижения, в котором она обывала покоиться, но и возносимая превыше всего сотвореннаго, трепетала чистым страхом, и Ея постоянное стремление во глубину смирения, сделавшееся ощутительным от того, что Ее превозносили, обнаружилось в виде смущения.

Видим, как и святая и безстрастная душа входит в смущение: посмотрим, остается ли она в нем, и как выходит из онаго.

Смутися о словеси его, и помышляше, каково будет целование сие.

Когда в какой душе происшедшее смущение продолжается, усиливается, берет решительный перевес над спокойствием, тогда мы слышим нетерпеливыя слова, замечаем неправильныя движения, видим беспорядочныя действия. Ничего такого не оказалось в Пресвятой Марии. Смущение не подвигло ея ни к какому действию, не исторгло у Нея ни одного слова. Из сего видно, что в смущении, в которое Она вошла по необходимости, ни минуты не оставалась Она по произволу; но как скоро почувствовала себя в оном, тотчас обратилась, чтобы выйти из онаго; и первым орудием против смущения употребила молчание.

Другое средство, которое премудрая Дева употребила против смущения было размышление: *помышляше, каково будет целование сие*. Евангелист не излагает подробно, в чем состояли сии помышления, без сомнения чистыя, как Ея душа, возвышенная, как Ея дух, сильныя, как данная Ей благодать; он не нашел для нас нужною сию подробность; он написал о смущении Марии только то, что полезно узнать всем, подверженным смущению, то-есть, что она выходила из смущения посредством основательного и осторожного размышления. Если, дабы довершить восстановление внутренняго мира Ея, нужно было успокоивающее слово Ангела: *не бойся*: то для приготовления к новому принятию слов Ангельских не менее нужно было Ея собственное успокоивающее размышление, одушевляемое и молитвою, как из известного постоянного расположения духа Ея без сомнения заключить должно. Небесное влияние приносит совершенный мир душе: но только твердая против внешних и внутренних обуреваний душа, восходящая от основательного размышления к Богомыслию, способна принимать высокия и обильныя влияния небесныя.

Сличим теперь с непорочным смущением пренепорочныя Девы наши столь обыкновенныя смущения.

Смущается Мариамъ от слова похвалы, хотя нет похвалы, которой бы не была Она достойна, и которой бы не превышала своим достоинством. Так ли мы встречаем похвалу, когда она входит в ухо наше? Думаем ли, что хотя она кажется словом Ангела, но может оказаться словом искуателя? Стыдимся ли похвалы незаслуженной, ненавидим ли похвалу пристрастную, страшимся ли даже справедливой похвалы, чтобы она не усыпила добродетели, или не повредила чистоте ея? Не поглощает ли неосторожное сердце похвалу, как сладкое яство, и, может быть, как сладкую отраву; не доходит ли ненасытное самолюбие до безстыдства просить похвалы, или приписывать ее самому себе? Без застенчивости говорят некоторые о самих себе: я хороший христианин; я истинный сын Церкви: они спокойны при сих словах: но я, признаюсь, желал бы им несколько недоверчиваго к самим себе смущения, вместо сего слишком безпечнаго и самонадеяннаго спокойствия, которое может кончиться крайним и поздним смущением.

Смущается Мариамъ от слова, неудобоприятнаго для Ея смирения: мы напротив не часто ли смущаемся от слов, неудобоприятных для нашей гордости? Не только слова, подлинно укоризненныя, и действия в самом деле оскорбительныя, скоро выводят нас из терпения; но и неприятности легкия, слова ненамеренныя, обличения справедливыя и умеренныя возмущают до глубины сердца, до раздражения и ожесточения. Не очищенная от страстей душа, при самом слабом действии возмущающей силы отвне, как нечистая вода, поднимает из глубины свой ил и прах, и ко внешнему возмущению присоединяет гораздо более тяжкое внутреннее помрачение.

Смущается Мариамъ и не медлит укрощать смущение, удерживая и подавляя оное молчанием. А из нас многих едва не каждое воскипение внутренняго неудовольствия превращает в сосуд бродящаго вина, или в огнедышущую гору, которая изливает лаву и бросает камни на все окружающее. Как скоро искра безпокойнаго неудовольствия затлилась внутри тебя: тотчас возьми осторожность не дать ей внешняго воздуха, чтобы дым не превратился в пламя, и пожар не обнял всего тебя. От чего бы ни произошло твое внутреннее смущение: закрой бережно сосуд твой – молчанием, и дай ему стоять – в терпении, доколе безпокойное брожение кончится и вино твое очистится.

Смущается Мариамъ: но побеждает смущение размышлением. Приимем от Нея и мы сие оружие, для употребления в наших внутренних бранях. Как бы ни были разнообразны нападения; слово разума, и наипаче изощренное поучением в слове Божиим, как обоюду

острый мечь, может действовать во все стороны, к низложению врагов, и к нашей безопасности. Кто возстает против тебя и возмущает мир души твоей? Укоризна? – размысли, справедлива ли она. Если несправедлива: то стрела пролетела мимо тебя; от чего ж тебе быть больну, когда ты не ранен? Если же справедлива: то не сетуй на укорителя, как на врага, который наносит рану, но благодари его, как врача, который открывает ее и побуждает тебя к уврачеванию оныя. Обида ли, делом нанесенная, раздражает тебя? – размысли, что лучше, обидчиком ли быть, или обиженным? Без сомнения лучше быть невинным, нежели виновным. Размысли и о том, лучше ли раздражаться, или терпеть? Раздражение может сделать вдруг и виновным, и более прежнего несчастным, напротив того, терпением и непорочность сохраняется, и несчастье уменьшиться может. Собственные ли недостатки, несовершенные успехи в исправлении себя, внезапныя падения, и другия внутренния неурейства приводят тебя в смущение и уныние? – Помысли, что смущение одно не исправляет и не усовершенствует; а уныние отнимает силу; и потому не должно медлить в бесплодном смущении, должно воспрянуть от уныния; и неослабными подвигами приобрести победу над страстями и похотями, а с ними душевный мир и радость спасения.

Благодать Богоблагодатныя Мариами да будет со всякою душею христианскою в ея невольных смущениях, и да вспомоществует, и утишать оныя молчанием, и совершенно прекращать размышлением и молитвою, дабы безпрепятственно мог возглаголать сердцу нашему Ангел мира, и не исторгаемо посеять в нем *плод правды, который сеется в мире творящим мир* (Иак. III. 18). Аминь.

СХХVII.

72. СЛОВО

в день Святыя Пасхи.

(Напечатано в Христ. Чтении 1840 года и в собраниях 1844 и 1848 годов.)

<1827 год>

Христос Воскресе!

Еще Бог привел нас узреть сего царя дней, сию главу праздников. Благословен, положивый времена и лета во своей власти!

Воистинну, день воскресения Христова есть царь дней: ибо как от благотворной власти царя приемлют подданные безопасность, мир, достоинство; так от благотворной силы дня воскресения Христова приемлют все прочие дни безопасность и мир: ибо иначе мы были бы *страхом смерти чрез все житие повинни работ*; – приемлют достоинство: ибо каждый день рождения, жизни, смерти каждого из нас, был бы достоин проклятия, еслибы не благословились все они днем воскресения Христова. Может быть, для сего-то между прочим свет неблагословенных дней погас во мгновение смерти Иисус-Христовой, чтобы из Его смерти и воскресения возсиял новый свет дней благословенных, чудесным образом освещающий как все грядущие, так и все прошедшие веки. И прошедшие, говорю: ибо Авраам, за столь многие веки до дня воскресения Христова, наслаждался светом не тех дней, которые тогда видел, но сего дня, котораго по вере ожидал, как сказует сам Иисус Христос Иудеям: *Авраам отец ваш рад бы был, дабы видел день Мой, и виде, и возрадовался* (Иоан. VIII. 56); видел же он сей вожделенный день особенно тогда, когда

Исаака, в течение трех дней приносимаго в жертву в сердце намерением, наконец действительно на жертвеннике, на дровах всежжения, под жертвенным ножом, под смертоносною рукою лежащего, по выражению Апостола, в *притчи прият* (Евр. XI. 19), то есть, вновь получил живаго, в предзнаменование будущего из мертвых воскресения Христова, тридневнаго, после видимаго на кресте заклания и внутренняго всежжения. А дабы день воскресения Христова освещал грядущие по нем дни и веки, смотрите, как дает ему неоскудевающий свет само Солнце правды – Иисус Христос, когда говорит сынам света, Апостолам: *паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возмет от вас* (Иоан. XVI. 22). Если никто не похитит сей радости: то очевидно, что она сиять будет во все грядущие дни и веки.

Христиане, сыны света, хотя, может быть, меньшие! О, если бы сей день, который Авраам рад был видеть, и который Апостолам принес радость неотъемлемую, с каждым возвращением своим приносил нам новое приращение света духовнаго, новое утверждение в радости спасения!

Может-быть, некоторым покажется, что я *ожесточаю просити*, – слишком многого желаю и требую, чтобы свет и радость воскресения Христова всегда возрастали в нас, между тем как начало их всегда есть одно и тоже, а потому и действует одинаково, даже, повидимому, действует на нас не всею полнотою силы, какую действовало на Апостолов; поелику они сами слышали обетование радости, и сами видели Воскресшаго, сообразно с обетованием. На сей случай выслушайте мое оправдание; надеюсь оправдаться скоро.

Вникните в обетование радости, данное Апостолам, а в лице их и всем нам: *паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше*. По нашему понятию, надлежало бы сказать: вы Меня увидите, и возрадуется сердце ваше; ибо мы радуемся тогда, когда мы видим, кого любим: а то, что видит нас Он, может для нас оставаться без всякаго действия; ибо когда не видим его мы, тогда не от чего возрадоваться сердцу нашему. Вопреки сему Господь сказал: Я увижу вас, и возрадуется сердце ваше; – так как бы все дело зависело от того, что Он увидит учеников Своих, и как бы не было никакой примечательной разности в том, увидят ли они Его, или нет. Что же хочет сказать чрез сие Премудрость Божия? – То, что как свет сего видимаго мира исходит от солнца, которое есть око сего мира: так свет душ и радость сердец исходит из очей Сына Божия Иисуса Христа, Который есть Солнце мира невидимаго; что, как солнце, когда восходит и зрит на землю, сим самым дает благотворный свет земным существам, поелику каждое из них способно принимать оный; так Богочеловек Иисус, когда призывает на души и сердца, – особенно после того, как Он в истинную весну и новое утро мира восшел от земли в прославленном уже Своем человечестве, которое, быв возвышено чрез страдания, сделалось, так сказать, прозрачным для живущаго в нем исполнения Божества, и котораго язвы суть отверстыя двери Божественнаго света, – таковым Своим присутствием дарует благодатный свет душам, и радость сердцам, по мере их духовной способности принимать оный, то-есть, по мере веры и любви; что, как наслаждение светом солнца не зависит определительно от того, видит ли кто над собою круг солнца, или нет, но и тот, кто для сего не возводит и не напрягает ока, пользуется светом, и даже тот, кто сидит в тени, или стоит под облаком: так наслаждение светом Христовым и радостью о Господе не привязано к тому необходимо, зрит ли кто Христа, образно являющагося, телесным даже очам, но и тот, кто не дерзает возвести взора на высоту славы Его, по смирению, и тот, кто стоит под облаком веры, и тот, кто покоится в тени надежды, также могут наслаждаться духовным светом и небесною радостью, и еще иногда безопаснее, нежели зритель необыкновенных явлений, для которых надобно иметь орлиное око, чтобы не быть омрачену избытком света. Итак подлинно, в отношении к радости о Господе, все дело состоит в том, чтобы узрел нас воскресший Господь; и нет никакой примечательной разности в том, узрели ль Его мы

очами телесными, или нет: величайшая же важность заключается в том, чтобы Господь узрел нас не только неомрачаемым оком Своего вездесущия и всеведения, которым Он пронизывает все, и от которого в самой мрачной глубине ада самая черная мысль утаиться не может, но чтобы узрел Он нас светлым и светодательным оком благодати, пламенным и воспламеняющим оком любви, которым Он взирает не на всех без различия, но по выбору, как узрел по воскресении своем Мироносиц и Апостолов. Впрочем из самого сего выбора, по милосердию Своему, не исключает Он никого, если кто сам себя не исключит из онаго. Не ожидает, чтобы мы искали взора благодати Его, но, предваряя нас, ищет между нами Сам, на кого бы мог воззреть взором благодати, и Сам указывает нам то положение, в какое нам должно стать, чтобы взор Его мог на нас успокоиться. *На кого воззрю?* взывает Он чрез Пророка, *только на кроткого и молчаливого*, или сокрушенного духом, *и трепещущего словес Моих* (Ис. LXVI. 2). Если не можешь более, имей только кротость, сокрушение духа, страх Божий: и Господь воззрит на тебя, по закону избрания, который Он сам Себе положил, и объявил всем нам; а за сим и на тебе, также как на Апостолах, исполнит Он данное и тебе в лице их обетование: *узрю вы, и возрадуется сердце ваше*.

Чтобы поверить сие размышление несомненным опытом, воззрим на первых и ближайших причастников радости воскресения Христова, которых разнообразные опыты дают нам сколько твердых доказательств для удостоверения в сем вожделенном событии, столько же верных наставлений для спасительного и блаженного участия в оном. Радость их о воскресении была ли необходимо привязана к видению Воскресшаго, телесным образом? Лишением сего видения оправдывалось ли у них уменьшение радости? Не противное ли сему показывают их приключения? Вы напомните мне при сем слово Иоанна: *возрадовашася убо ученицы, видевшие Господа*. Так; но, еще прежде их, Мироносицы не радовались ли уже великою радостью, не видав Его? *Изшедшие*, пишет святой Матфей, *скоро от гроба со страхом и радостью великою, текоте возвестити учеником Его* (XXVIII. 8). Фома думал, что он в праве домогаться видения, и успел в своем домогательстве: правда, что сие привело его не только в радость, но и в восторг; однако подлинно ли сие особенное видение сделало его особенно счастливым? Совсем иначе судил сам Датель видения; Он упрекнул Фому видением, и ублажил не видевших. *Видев Мя, веровал еси: блажени не видевшии, и веровавшие* (Иоан. XX. 29). А быть блаженну, без сомнения, есть нечто выше мгновенных восторгов и совершеннее радости. И Апостол Петр, как самовидец Воскресшаго, зная цену его видения, приписывает однако самый высокий степень радости верующим без видения. *Егоже*, говорит, *не видевшие любите, и на Негоже ныне не зряще, верующе же, радуетесь радостью неизглаголанною и прославленною: приемлюще кончину вере вашей, спасение душам* (1 Петр. I. 8. 9).

Таким образом, надеюсь, доказано, что начало внутреннего света и духовной радости, заключенное в воскресении Христовом, и на нас, не видевших Господа, может действовать всею полнотою силы своею, какою действовало на самовидцев и слуг бывших *Словесе*. Если же их опыты покажут нам и то, что сия радость не только сохранялась в них сообразно с обетованием, что *никтоже возмет* ее, но, для сего самого качества неотъемлемости, должна была в них возрастать и совершенствоваться: то чрез сие докажется, что не есть излишняя взыскательность желать и требовать, чтобы радость сия и в нас не только не оскудевала, но еще всегда возрастала, как свет утра, даже до полного дня внутреннего просвещения от Духа Святаго, даже до не вечерняго дня царствия Христова. Итак – еще взор на опыты очевидных свидетелей воскресения Христова.

Когда, по сказанию Евангелиста, *возрадовашася ученицы, видевшие Господа*, сие не было еще высоким степенем и совершенством радости: поелику, как дополняет другой Евангелист, она смешана была в начале с неверованием, и для своего утверждения

требовала еще более чувственного доказательства воскресения. *Еще же не верующим им от радости и чудящимся, рече им: имате ли что снадно zde? – И взем, пред ними яде* (Лук. XXIV. 41. 43). Но когда они, разставшись с Господом, возносящимся на небо, *поклонишася Ему, и возвратишася в Иерусалим с радостью великою*: не видите ли, что радость в них сделалась гораздо возвышеннее и сильнее прежней; ибо и разлучение с Виновником радости не уменьшает ее, но представляет *великою* паче прежняго? Наконец посмотрите далее, как те же Апостолы *идяху радующеся от лица собора Иудейскаго, яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти*: вот радость еще более возвышенная и сильная, и подлинно неотъемлемая, когда ни вражда, ни гонение, ни безчестие, ни раны, не могли нарушить ее.

Итак, возвращаюсь к моему желанию: о, еслибы радость настоящего дня соделалась для нас радостью жизни, всегда возрастающею, как жизнь юности, и никогда не стареющеюся, как жизнь небесная!

Но как сие сделать? спросят, вероятно. Как сие сделать? Как сделать то, чтобы радость, по началу своему вечная, не была кратковременною? Как сделать, чтобы радость, по своим последствиям бесконечная и безпредельная, возрастала и увеличивалась на пути к своей бесконечности и безпредельности! Мне кажется, не то трудно, как сие сделать; но труднее понять то, как делается иначе. Только не препятствуйте Божественной радости, только не изгоняйте, или не подавляйте ее: она будет сама собою продолжаться, возрастать, совершенствоваться, доколе наконец превратится в блаженство.

В книге Пророка Иоилия есть примечательное изречение о том, как люди теряют радость, и подвергаются скорбям и бедствиям. *Виноград изсие, и смоквы умалишася: шипки и финикс, и яблонь, и вся древа польская изсхоша, яко посрамиша радость сынове человеци* (I. 12). Чистая радость есть благородная и целомудренная дева, которая имеет неразлучную спутницу чистую совесть, которая может быть в обществе только с теми, которых и поступки непорочны, и слова скромны, и намерения чисты и возвышенны. Как скоро вы позволяете себе дела порочныя, слова праздныя и легкомысленныя, намерения нечистыя и низкия; она тонко примечает сие, и ее благородство посрамляется, ее целомудрие стыдится, и она убегает и скрывается от вас. Если грубое и безумное веселие мира заступает ее место: тем хуже. Мщение небесное, за оскорбление небесной радости, посылает проклятие на все источники радости земной. *Виноград изсие, и смоквы умалишася: шипки и финикс и яблонь и вся древа польская изсхоша, яко посрамиша радость сынове человеци.*

Сынове человеци! или, лучше, сынове Божии во Христе! Не посралим радости небесной и Божественной житием нечистым и делами грубой чувственности, *да даст Бог веселие в сердца наши* лучшее, нежели у тех, у которых *плоды пшеницы, вина и елея умножишася* и *да никтоже возмет радости* нашея о воскресшем и вечно живущем Иисусе Христе, Господе нашем. Аминь.

СХХVIII.

73. СЛОВО

**по случаю возложения на раку мощей иже во Святых
Отца нашего Алексия, Митрополита Московскаго,
от Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
принесеннаго покровы и медали за персидскую войну.**

(Говорено в кафедральной церкви Чудова монастыря мая 28 дня;
напечатано отдельно и в собраниях 1835, 1844 и 1848 г.).

<1828 год>

*Пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь
Вышнему
молитвы твоя: и призови Мя в день скорби
твоея, и
изму тя, и прославиши Мя. (Псал. XLIX. 14.
15)*

Прежде всех к Тебе ныне слово, Святителю Алексие, и слово не мое, но Царево. Предстаю Тебе, как посланник Благочестивейшаго Императора Николая Павловича, принесший Тебе дар Его, – как свидетель благоговения Его пред Тобою. Приими, глаголет Он Тебе, сей покров благолепия и славы, не потому, чтобы Ты требовал покрова вещественного и благолепия земного, будучи облечен светом небесным, покрыть Божественною славою, но потому, что Царь признает над Собою и над Своими деяниями покров твоих молитв и Твоего благословения. Приими сие серебро памяти и чести, сей, не только потом, но и кровию выработанный *динарий* за день брани Персидской: ибо Раздаятель онаго верует, что и Ты не праздным был зрителем брани сей, но хотя невидимо, тем не менее действительно подвизался пред Богом за верных сынов России против вероломных последователей лживаго пророка, подобно как некогда, еще живя на земли, очевидно подвизался Ты за охранение Церкви и Отечества от иноплеменных, то чудодейственною молитвою, то покаряющим словом убеждения. Но поелику и без сего слышимаго слова, во свете Божиим видишь Ты сердце Царево, и разумеешь, о чем наипаче оно беседует к Тебе: то, не стужая Тебе более, поспешаю обратить слово к тем, которые требуют проповедающего, чтобы услышать, и вразумляющего, чтобы уразуметь.

Дело Царево, которое пред очами вашими, благочестивые обитатели древней Столицы, запечатлено ныне торжественными знаменами, в существе своем есть Царское исполнение повеления, которое царям также, как и рабам, изрек Царь царствующих устами Пророка Своего: *призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя.*

Был день скорби, котораго единое воспоминание, даже и по возвращении дней мира и веселия, еще наводит некий сумрак на душу Россиянина, – день, который угрожал затьмить веки России, еслибы сквозь облако грозной судьбы не просиял тем яснее возвышенный дух Николая Перваго. Не стало Александра Благословеннаго, и мыслящие зло возмнили, что и благословения над Россиею не осталось. Сосед, котораго не опасались, в том самом, что его не опасались, вздумал найти средство сделаться опасным. На встречу мирному посольству нашему, он ввел в наши пределы войско, и начал опустошительную войну. Чувством сынов Отечества измерьте, если можно, сию новую скорбь новаго Царя, отвне приразившуюся в такое время, когда усилиями победить и уврачевать многоразличную скорбь домашнюю, могла истощиться самая обильная мера силы душевной. Война не только нанесена России, но и внесена в Россию, без причины, в самое время дружественных со стороны России сношений, без обычного объявления, следственно с вопиющим нарушением права народного, с оскорблением достоинства Империи, – война от врага, который находит удовольствие в подвигах против безоружных, – война в таком краю, куда не легко доставить защитников, куда и военачальника оказалось нужным послать с другого края Государства: – трудно частному человеку пересказывать о сем равнодушно; каково было Государю сие испытывать! И что же? Сперва Он не хотел верить происходящему; потому что душа чистая не легко верит

возможности дел неправедных; потом с решительностью и быстротою подвинул силы против сил; а Сам обратился спокойно к Источнику сил Богу, чтобы призвать Его благословение на новое Царствование, и Его помощь противу всех трудностей.

Теперь примечайте в самых событиях, как *верен Господь во всех словесех Своих*, и как *близок всем призывающим Его во истине*. Как скоро Благочестивейший Государь, по Священнодействии Его Царского венчания, *воздал Вышнему первую особенную молитву* в сане Помазанника, подкрепив оную подвигом благочестиваго путешествия в священную пустыню, и общением веры с крепким молитвенником, Преподобным Сергием; тотчас Вышний явил Ему спасение Свое, приведя Ему непосредственно за сим первого вестника первой в Его Царствование победы. Здесь преклонил Он Свою превознесенную главу и колена пред Царем царствующих, и прославил *Изимающего* от скорбей, имея и здесь сего друга Сергиева совозводителем благодарений Своих, подобно как там имел Сергия предстателем Своих прошений. Видно, *усладилась Господеви сия беседа Царя*; видно, и сердце Царя усладилося сею беседою с Богом, и новою силою надежды утвердилось во Господе: ибо с того времени Бог подавал Ему победу за победою, а Он знамения сих побед препосылал в сей самый храм, где прославил Бога за первую из оных. И се, когда твердое верностию и правотою дела, воинство Его, многочисленными подвигами решительно преодолело и победило, и врагов, и противоборствующую природу, и быстроту рек, и твердыни камней, и Кавказский хлад, и Закавказский зной, и высоту непреходимых гор, и глубину непроходимых дебрей; когда *врагу оскудеша оружия в конец*, и таким образом не только возстановлен нарушенный мир, но и огражден безопасностью расширенных пределов наших: – воздавая почесть доблестям Своих воинов, еще раз Благочестивейший Государь восприемлет случай вознести *жертву хвалы* Господу сил; еще раз воспоминает сей храм, в котором благословила Его молитва о победе и мире, и сему избранному Предводителю молитв, как деятельному Сподвижнику в добропобедной брани, восписует победительная.

Сынове России! не *радуетесь ли вы о Царе своем*, особенно тогда, когда *Царь веселится о Бозе*? Знаю, что радуетесь; и радуюсь с вами о Нем, как един от вас; и паки радуюсь о самой радости вашей, потому что во свете радости о Царе видна любовь к Царю.

Но не опасаясь показаться чрезмерно взыскательным, если скажу, что это еще не все, к чему призывает вас настоящий случай. Хорошо взирать на благочестивое дело Царево с благоговейною радостью: но еще лучше присвоить себе оное, соделать оное вашим собственным делом, не по видимому образу и знамениям, но по духу и силе; – каким образом? – поставить себя не только зрителями благочестиваго дела, но и подражателями благочестиваго примера; иметь, по примеру Царя, написанным на сердцах своих сие высочайшее повеление Царя царей: *призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя*; во всякой скорби, общественной, или частной, не коснит прибегать к Богу с молитвою, и по избавлении от скорби не забывать возвращаться к Богу с благодарением.

Казалось бы, не нужно и напоминать нищему, чтобы он просил милостыни, – или, человеку, который весь есть нужда и бедность, напоминать, чтобы он просил себе милости от Бога. Но конечно нужно было напомянуть о сем; и конечно не довольно напоминали человеки себе и друг другу о сей нужде всех и каждого, когда Сам Бог нашел нужным явиться в слове Пророческом, и, так сказать, собственным лицом требовать себе молитвы от человека: *призови Мя в день скорби твоея*.

Есть нищие тупоумные, или убитые несчастьем, которых надобно возбуждать и руководствовать к исканию помощи; есть нищие гордые, которые не хотят наклонить

головы пред благодетелями, а хотят, чтобы благодетели поклонились им со своими благодеяниями: таковы суть пред Богом человеки, которые не умеют или не хотят призывать Бога в скорбях своих.

Иной в день скорби своя только тоскует, и от утра до вечера более и более погружается в скорбь.— Помилуй себя, возлюбленный! Если ты утопаешь: то неужели лучше добровольно опустить руки и идти на дно, нежели усиливаться возникнуть из вод и вопиять о помощи?

Иной истощается в домогательстве помощи человеческой, а не вспомнит о Боге, *помощнике в скорбех, обретших ны зело*. — Разсуди, если ты не совсем безразсуден: лучше ли тебе гоняться за человеком, который так часто говорит тебе: не проси меня; — мне не до тебя; приди после; — иди к другому; — я не могу помочь тебе; — либо скажет: помогу, — но потом не хочет, или не может исполнить обещания, — лучше ли, говорю, тебе гоняться за человеком, нежели прибегать к Богу, Который не отсылает тебя к иному помощнику, не отлагает Своей помощи, не изменяет Своим обещаниям; Который непрестанно находится близ тебя, и, если ты внимателен, в самом сердце твоём говорит тебе, приглашает тебя к молитве и обнадеживает Своею всеильною помощью: *призови Мя в день скорби твоя, и изму тя*.

Бог без меня знает мои нужды, говорит иной, и потому не хочет молиться. Вот пример, — если кому не случилось замечать сего странного явления, — как здравую мысль может превратить себе в отраву зараженное сердце. Христова сия мысль: *весть Отец ваш, ихже требуете, прежде прошения вашего* (Матф. VI. 8): но, произнеся Апостолам сию мысль, непосредственно продолжал Он: *сие убо молитесь вы*; и потом предложил им образец молитвы, известный всякому Христианину под именем *молитвы Господней*. Таким образом, по разуму Самого Иисуса Христа, из сей мысли, что Бог ведаёт наши нужды, не то следует, чтобы совсем не нужно было молиться, но то, что должно молиться Богу как Отцу, с доверенностью, с преданностью воле Его, в простоте, без языческого многоглаголения.

Бог знает наши нужды; а потому не для чего молиться — сие разсуждение походит на то, как еслибы нищий, покрытый рубищем, сказал: богатый видит мою нищету, и потому не нужно ни произносить просительныя слова, ни простирать просящую руку. О ты, слишком нищий разумом, и слишком богатый гордостью! неужели ты хочешь, чтобы богатый пришел, рассыпал пред тобою свои сокровища и бросил на землю хлеб, которым тебя напитать хочет? Не больше ли еще безразсудно и дерзновенно требовать, чтобы Бог рассыпал Божественныя сокровища благодати Своей, и поверг на землю небесный хлеб, пред человеками, которые совсем не думают и не заботятся о принятии даров Его? Бог, по безпредельной благодати и милосердию, всегда готов все даровать человеку: но человек не всегда готов принять от Него что-нибудь. Чтобы нищему принять милостыню, надобно ему протянуть руку: чтобы младенцу принять пищу, надобно ему отверзть уста: подобно сему надобно человеку простираться к Богу, чтобы достигнуть благодати Его, надобно иметь отверзтую душу, чтобы приять дары Его. Молитва есть простертая рука для принятия благодати Божией, отверзтые уста для вкушения пищи небесной. В сем разуме сказал Бог Израилю: *разшири уста твоя, и исполню я* (Псал. LXXX. 11). Благодать чистейше духовна; и потому требует чистаго духа для ея принятия; молитва же очищает дух, и его силы, и действия, и орудия. Итак, молись духом твоим, да приимешь Духа Божия; молись умом, да упоишься Духом разума; молись сердцем, да напитаешься Духом благочестия; все силы души и тела обрати в орудия молитвы, дабы все оныя обратились в благословенныя орудия благодати, для исправления и облагодотворения поврежденной и бедствующей природы.

Когда же заметишь по внешним событиям, или почувствуешь внутренно, что молитва скорбящего не презрена и не отринута; что Бог изимает тебя от скорби, или хотя уменьшает и облегчает оную: тогда не забудь, *муж желаний*, что надлежит тебе быть и мужем благодарений; и как верным обретаешь Бога в исполнении обетования Его, так представь Ему себя верным в исполнении повеления Его: *изму тя, и прославиши мя*.

Верностию в малом приобретается доверенность во многом. Верный в благодарении за малый дар Божий обретаёт дерзновение просить великаго. В самом деле, по собственному ощущению, Христианин, знать можешь, что сердце благодарящее свободнее открывается, и пространнее отвергается, нежели сердце просящее: следственно тем более оно способно к приятию обильной благодати.

Где не призывают Бога в скорбях, где не прославляют Его за благодеяния, там пресекается общение человека с Богом, Источником всякаго блага и всякой премудрости; следственно в удел человеку остается только зло и безумие. От чего люди не только в трудных обстоятельствах не благодумствуют, но и бояться там, где нечего бояться? – От того, свидетельствует испытанная в бедах душа, что не призывают Господа. *Господа не призваши, тамо убояшася страха, идеже не бе страх* (Псал. XIII. 4. 5). Каким образом целый мир языческий *предан в неискусен ум творити неподобная*, омрачен нелепостями, погряз в мерзостях? – *Понеже*, так изъясняет Апостол происхождение сего жалкаго состояния рода человеческого, – *понеже не искусиши имети Бога в разуме; – занеже разумевшие Бога, не яко Бога прославиши, или благодариши* (Рим. I. 21. 28).

Берегись просвещенный верою Христианин, возвращения к языческому неверию и заблуждению; не медли призывать Бога в день скорби твоея, или паче, не оставляй каждый день прилежно взывать к Нему, тем более, что на сей осужденной за грехопадение человека земле, доколе не снидут на нее вновь дние неба, каждый день есть день скорби для того или другаго, здесь, или там, – скорби, если не от самага бедствия, то от чувствительнаго лишения, или от близкой к сердцу заботы.

И теперь, на пример, здесь мы веселимся, видя знамения побед, вкушая сладость мира и безопасности: а там – победоносное воинство вновь на поле брани; Царь за пределами Отечества; Царица странствует, влекомая любовью в близость к Супругу; Царица Матерь одиночествовала бы между Царскими Младенцами, еслибы верная Дщерь, предвидя сие одиночество, не приспела издалеча на священную стражу любви при наилучшей из Матерей: – не довольно ли уже самых нежных забот для сердец Россиян? А что еще далее? Сын рабыни Агари неистовствует, как бы поспешая запечатлеть свое предопределение: *руце его на всех, и руки всех на него* (Быт. XVI. 12). Народ, от которого святая Русь наследовала святую веру, едва не исчезает в бедах от врагов веры. Священники распинаются или сожигаются. Христиане, мужи и жены, старцы и дети влекутся в рабство, или истаевают голодом, или, что всего ужаснее, принуждаются отречься от имени Христова. Церковь Российская! призывай Бога Избавителя в сии дни скорби матери твоей, Церкви Греческой. Россия! день и ночь призывай Бога в помощь Благочестивейшему Императору и Его воинству, защитникам Христианства и человечества.

Господи! спаси Царя, и услыши ны, в оньже аще день призовем Тя (Псал. XIX. 10). *Да обрящется рука Твоя всем врагом Твоим: десница Твоя да обрящет вся ненавидящая Тебе. Вознесися, Господи, силою Твоею: воспоем и поем силы Твоя* (Псал. XX. 9. 14)! Аминь.

74. БЕСЕДА о благословенном рождении детей.

<1828 год>

*Благословлю же ю, и дам тебе от нея чадо:
и благословлю е,
и будет в языки и цари языков из него будут.*
(Быт. XVII. 16)

Как счастливы наконец Авраам и Сарра! Долго безчадствовали они: за то и чад иметь будут, и прежде рождения его уже знают, что оно будет благословенно.

Кто из желающих сделаться, или уже сделавшихся родителями, не пожелал бы иметь детей добрых, благословенных? Но как не все дети соответствуют желаниям родителей: то естественно рождается вопрос, как достаются дети добрые, благословенные?

Поелику добрые дети бывают не только у добрых, но иногда и у худых родителей, так как и напротив у добрых родителей бывают не только добрые, но иногда и худые дети: то неглубокие наблюдатели, в изъяснение сих разнообразных явлений, говорят, что это так случается. Просил бы я сих людей истолковать сие таинственное для меня изречение: *так случается*. Когда пшеница родится на поле, где пшеница посеяна: вы не говорите, что это так случается. Но когда видите пшеничный колос, выросший на лугу, где пшеница не сеяна: вы говорите, что это так случилось. Что же хотите вы сказать? Без сомнения, не то, что колос родился без семенного зерна, или что семенное зерно само собою сделалось из земли, или не что-нибудь подобное; но разве то, что вам не известно, как семенное зерно занесено сюда ветром, или уронено здесь прохожим. Посему изречение: *так случается*, есть только легкое средство уклониться от разрешения трудного вопроса, или благовидный способ без стыда объявить свое незнание. Следственно мысль, что добрые или худые дети достаются родителям, как случится, – мысль, которая могла бы приводить в уныние особенно добрых родителей, и даже выражала бы некую несправедливость судьбы против них, по счастью, неосновательна, и совсем ничтожна; это слова, которые выражают не более, как отсутствие мысли, способной изъяснить событие.

Как же достаются добрые дети? – Не долго искать на сие закона, если видим добрых детей у родителей также добрых, благоразумных и попечительных о воспитании. Вопрос разрешается, если скажем, что сие так же естественно, как то, когда на поле, где посеяна пшеница, пшеница же и родится, а не плевелы.

Врачи не признают ли за несомненное, что некоторые болезни переходят от родителей к детям? А то еще менее может подлежать спору, что здоровье родителей есть наследственно для детей, если особенные причины не похитят у них сего естественного наследия. Также, смотря на лицо детей, не ищем ли мы обыкновенно сходства с лицом родителей? Итак, если мы находим, что родители себе самим обязаны за некоторые телесные совершенства или недостатки своих детей: что препятствует тоже в некотором степени заключить и о высших свойствах душевных, о предварительных склонностях и расположениях?

Может быть, спросят: каким образом что-нибудь душевное может сообщаться от родителей детям чрез рождение, когда душа есть существо несложное, и потому ничего не может отделить от себя для сообщения другой душе? – На сие отвечаю, во-первых, что утверждаемое мною сообщение некоторых нравственных склонностей и благих

расположений от родителей детям совершается не чрез одно рождение, но с помощью благоразумного воспитания; во-вторых, вопрошаю взаимно: как может что-нибудь телесное переходить от родителей к детям, и оказываться в их жизни, когда тело их совершенно вновь образовалось из безобразного вещества, заимствованного от тела родителей, управляется собственной душою, непрестанно изменяется посредством питания и разрешения? Но недоумение о том, как сие бывает, не уничтожает опыта, что сие подлинно бывает. Осмелюсь сказать более: не есть ли даже удобопонятнее открытие чего-нибудь наследственного в душе, которая, как существо несложное, все свои способности и силы раскрывает из себя самой, из внутреннего духовного корня бытия, полученного с рождением, нежели в теле, которого устройство так много зависит от внешней, стихийной природы?

Но дабы не поставить истину в зависимость от *помышлений человеческих*, которые все без исключения *суть суетны* пред *ведением Господним*, призываю вас пред суд сего вечно-непреложного ведения, и вопрошаю: кому дано сие благословение Божие: *раститесь и множитесь*, телу ли человека, которое без души и не понимает сего благословения и не может исполнить онаго, или целому человеку, и особенно душе его? К телу ли относится сие слово писания: *сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его* (Быт. I. 27)? Бог безтелесен: следственно человек сотворен по образу Божию в душе. После сего еще один вопрос: и мы получим разрешение на многое. Что значит написанное о Адаме: *роди сына по виду своему и по образу своему* (Быт. V. 3)? То ли, что между Адамом и Сифом было сходство в чертах лица и в строении тела? Стоило ли труда вносить столь мелочное замечание в повествование столь священное, и, при том, столь краткое? И сличение представляемого теперь *образа Адамова* с недавно указанным *образом Божиим* не ясно ли дает разуметь, что Священный Писатель говорит о внутреннем образе, духовном и нравственном? Творческое слово: *раститесь и множитесь*, насадило в Адаме способность раждать благословенных чад, и передавать им в наследие образ Божий, по которому он сам сотворен: но когда грехом поврежден сей образ в нем; тогда хотя, по силе первоначального творческого слова, и мог он родить сына, но не мог сообщить ему более того, что в самом оставалось, *роди сына*, не по образу Божию полному и совершенному, но *по виду своему и по образу своему*, то-есть, с некими останками образа Божия, и с неким примешением греха и повреждения Адамова. Вот и первоначальный Божественный, и последовательный естественный закон рождения человеческого! Будучи внесен в книгу Бытия по случаю рождения Сифова, он никогда не уничтожен. И теперь естественно, чтобы родители раждали детей *по виду своему и по образу своему*, – чтобы от грешников раждались грешники, подобно как от чахотных рождаются чахотные, но чтобы от тех, которые свободным упражнением в покаянии, молитве и делании добра, при помощи благодати Божией, ослабили в себе греховныя и усилили добрыя склонности, раждались и дети с некоею предварительною помощию к добру, против силы греха, впрочем всегда преодолимой свободою и наипаче благодатию.

Примечательное указание на сей закон рождения представляет Священная История в лице жены Мановой. Ангел является ей и предсказывает, что она, быв дотоле неплодна, родит сына, и что *Назорей Богу будет сие отроча от чрева* (Суд. XIII. 5). И с сим вместе он велит ей, с сего времени начать, и продолжать во время беременности, Назореям свойственный образ воздержания: *от всего, еже исходит из винограда, да не яст, и вина и сикера да не пьет* (Суд. XIII. 3–5. 14). Это почти то же, как еслибы он сказал ей: сын твой должен быть Назореем; но чтобы сие вернее могло сделаться, приготовь его к сему образу жизни, когда будешь носить его во чреве твоём; веди образ жизни свойственный Назореям; и таким образом приготовь в нем способность и склонность к Назорейскому образу жизни.

Чтобы общий закон рождения согласить с особенными случаями, которые, по видимому, составляют исключение из онаго и даже противоречат оному, когда, например, от добрых родителей рождаются дети их недостойные, или добрые дети от родителей недостойных, или от родителей обыкновенных дети необыкновенные, — для сего надлежит вспомнить, что Бог есть сколь всемогущий и неизменный в судьбах Своих Законодатель мира, столь же премудрый и всесвободный Правитель онаго, и всеправедный Судия не только видимых дел, но и сокровеннейших расположений человеческих. Чтоб избежать долгих разсуждений, объяснимся скорее примерами.

Один и тот же Адам каких разнообразных раждает детей, — Каина, Авеля, Сифа! Где же тут один общий закон рождения? Будьте внимательны, и примечайте. Адам, свежим, так-сказать, ядом недавно соделанного греха напоенный и недавним обетованием избавления поставивший себя в некую еще незрело-обдуманную дерзость надежды, раждает Каина, дерзкого грешника. Адам, в несчастном рождении Каина испытавший тягость проклятия, привлеченного грехом, обманутый надеждою, униженный суетою, раждает Авеля, кроткого, но непрочного. Наконец, Адам, продолжением скорбей, глубже укоренившийся в смирении, терпением утвержденный в надежде, и надеждою в терпении, раждает Сифа, надежное основание своего потомства.

От одного Авраама рождается Исмаил, — *дикий осел*, по выражению предсказания о нем, и Исаак — благословение всех народов. От чего такая разность? — От того, что мятежная рабыня Агарь, повредила в Исмаиле благословию Аврааму; а добродетельная и смиренная Сарра с благословением Авраама, самым чистым и совершенным образом, сочетала в Исааке и свое благословение, по реченному о ней к Аврааму: *благословлю же ю, и дам тебе от нея чадо: и благословлю е, и будет в языки, и цари языков из него будут*.

Еще страннее казаться может, от Исаака и Ревекки, одним разрешением утробы рождение столь непохожих один на другого сынов, как Исав и Иаков. Что же можно сказать в изъяснение сего необычайного явления? — То, что сказано Богом самой Ревекке: *два языка во утробе твоей суть*. Два противоположных начала в одно время действовали во чреве ея, — прирожденный грех Адамов, и Божие благословение; одно усилилось в Исаве, другое превозмогло в Иакове.

Возьмем еще один пример превратного нравственного хода рождений из Истории Царей Иудейских. Сын идолопоклонника Ахаза был благочестивый Езекия, а сын Езекии Манассия, опять идолопоклонник, хотя впрочем не нераскаянный. Сия превратность изъяснилась бы, может быть, очень просто, если бы мы имели достаточные сведения о воспитании сих царей: ибо у людей знаменитых и богатых судьба детей много иногда зависит от детоводителей и наставников, из коих добрые становятся благотворными орудиями Провидения, а худые орудиями наказания за пороки родителей, и за небрежение о воспитании. Но кроме сего надлежит принять в разсуждение, что Божеския благословения и наказания в родах не всегда идут следом за добродетелями и пороками каждого лица в роде: но иногда ускоряют, чтобы пресекать зло и усиливать благо в человечестве вообще, а иногда отстают, чтобы дать место долготерпению, или чтобы сберечь доброе на время, когда оно наиболее нужно. *Господь*, как взывает Он Сам о себе, *Господь Бог щедр и милостив, долготерпелив и многомилостив, и истинен, и правду храняй, и творяй милость в тысячи, отъемяй беззакония, и неправды, и грехи, и повинного не очистит, наводяй грехи отцев на чада, и на чада чад, до третьего и четвертаго рода* (Исх. XXXIV. 6. 7). Еслибы кто стал жаловаться на строгость, *наводящую грехи отцев на чада до третьего и четвертаго рода*: всеблагий Бог с избытком оправдывает суды свои милостию, которую простирает не на *четыре* только рода, но на *тысящи* оных.

Мне кажется, сии размышления и примеры показывают, что супружество и звание родителей не суть такие предметы, которые бы можно ненаказанно предавать в жертву страстям, и в игралище легкомыслию, и что желающие иметь достойных детей благоразумно поступят, если предварительно самих себя сделают достойными родителями. Аминь.

CXXX.

**75. БЕСЕДА
о благом иге Христовом.**

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 г.).

<1828 год>

Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.
(Матф. XI. 30)

Господь Иисус призывает к Себе труждающихся и обремененных: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии*; обещает им душевное успокоение: *Аз упокою вы, – обряцете покой душам вашим*. Какой приятный зов! Какое возжеленное обещание! Но какое средство употребит Он для успокоения труждающихся и для облегчения обремененных? Снимет ли с них бремя, которое их удручало? Избавит ли их от трудов, которые их изнуряли? Без сомнения, Он сие сделает: но на первый раз Он имеет в намерении совсем другое. Он хочет, чтобы они приняли на себя новое иго: *возмите*, говорит, *иго Мое на себе*. О милосердый Господи! Утружденных ли посылать на новый труд? На обремененных ли налагать новое бремя? Таковы ли у Тебя средства покоя? – Не смущайтесь; Господь ведает, что творит; и несообразныя с нашим мудрованием средства Его сообразны с намерениями Его премудрости. Утружденные делами плоти и мира найдут покой, если примут на себя новый труд духовный; обремененные игом диавола, связанные злыми привычками, отягченные в совести грехами, гонимые и удручаемые бичами страстей найдут облегчение и свободу, если подклонят выю под иго Христова: *иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть*.

Христиане! Когда Сам Иисус Христос, который есть Вечное Слово и Вечная Истина, нашел нужным сказать, что *иго Его благо, и бремя Его легко есть*: то сие, во-первых, удостоверяет нас, что учение жизни Христианской, к исполнению которого мы призываемся, воистину есть благотворно и удобно к исполнению; во-вторых, сие показывает, что действительно нужно приступающих работати Господеви удостоверить в удобоисполнимости учения Христианскаго.

Слышим еще и ныне жалобу, на которую так давно уже отвечивал Божественный Учитель и Спаситель душ, – жалобу на тягость ига Его, на строгость Его учения, на трудность исполнять Его заповеди. На чем же основывается сия жалоба? В чем состоит сия трудность? – Без сомнения, в том наиболее, что учение Христово повелевает человеку идти против некоторых естественных склонностей, преодолевать их, умерщвлять, приносить в жертву; и что требует от Христианина строгого очищения не только наружных, но и внутренних действий и движений, не только дел и слов, но и желаний и помышлений. Разберем сии обвинения человеческия против Божественной Истины.

Истина не запирается, что она дает людям заповеди, не так легкия, как детские игрушки, но так тяжелыя, как иго, коим обременяют работный скот. *Возмите иго*. Жалующиеся на

Истину должны быть довольны сим откровенным признанием истины. Но чем более откровенно ее признание в том, что ее заповеди суть иго: тем более убедительно должно быть ее уверение, что иго сие благо, и бремя сие легко. *Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.*

Люди, сколько нибудь благоразумные, и не совсем низкие в чувствованиях, конечно не решатся объявить требование на то, чтобы всегда быть и оставаться только детьми, вечно заниматься только игрушками. Но если вы помышляете восходить выше сего состояния: то надобно перейти к занятиям дельным, к трудам, к подвигам, – принять на себя *иго*.

На что *иго*? – скажут непокоривые: – человек не то, что работный скот; человек одарен разумом; для чего ж бы не вести его из состояния детства к возрасту совершенства путями разума, правилами понятными разуму, легкими воле, приятными чувствам? На что бы отягчать его игом, – правилами часто непонятными разуму, трудными воле, неприятными чувствам?

Хорошо, разумные почитатели разума; откройте мне сии простые, легкия и приятныя правила, посредством которых мог бы человек без труда, как будто в некую игру, выиграть совершенство и благополучие. Только я боюсь, чтобы правила сии не были слишком легки, или, яснее сказать, легкомысленны. Ибо, вопреки сему самонадеянному разуму, неоспоримый опыт свидетельствует, что в сей земной жизни человека никакая способность его не образуется, никакое знание не приобретается, никакой успех не достигается без того, чтоб он не впряг себя в какое нибудь ярмо, не понес какого нибудь бремени. Чтобы научить отрока грамоте, не впрягаете ли вы его в жестокое для него ярмо учебных часов, не отягчаете ли бременем непонятных для него книг, не принуждаете ли целый день твердить бессмысленныя и безвкусныя буквы? Что сказать о высшем образовании сего самага разума, который хочет быть законодателем легкой нравственности? Чтобы сделаться достойным своего имени, не преклоняется ли он под иго наставников, не силится ли поднять веками собранныя бремена учености, и, чтобы понести оныя, не мучит ли тела бессонницею, не утомляет ли головы напряженными размышлениями? Чтобы сделаться богатым, не отказывает ли себе человек надолго в приятностях роскоши, не связывает ли себя строгим законом бережливости? Чтобы получить жатву, не приобщает ли земледелец и самого себя к ярму орющего скота, и жнецы не наклоняют ли хребта своего перед малым колосом, прежде нежели он послужит им в пищу? Чтобы сделать одежду для прикрытия и защищения от воздушных перемен тела человеческого, сколько нужно разных искусств, разных трудов, разных орудий? Вот обыкновенные опыты человеческой жизни! Как же люди, которые по природе думают быть умнее и могущественнее природы, хотят легче научить человека добродетели, нежели грамоте? Легче сделать его совершенным духовно, нежели как он делается образованным по-мирски? Легче доставить ему вечное блаженство, нежели как приобретается тленное богатство? Легче достать живую пищу для бессмертной души, нежели как готовится безжизненная пища для смертнаго тела? Легче устроить нерукотворимую ризу правды и славы, нежели как устрояют рукодельную одежду нужды и стыда?

Если свидетельств природы не довольно для людей, которые хотели бы лучше слушаться природы, нежели Евангелия: буду отважнее; сошлюсь на свидетельство сих самых людей в том, что не легкость и приятность, но трудность и пожертвование ознаменовывают истинную и возвышенную добродетель или совершенство в человеках. Пускай сии люди, которым Христианские подвиги потому только не нравятся, что трудны, – пускай они скажут, удивляются ли они делам, которыя никакого труда не стоят, не требуют никакой победы над собою, никакого пожертвования? Великое ли дело, когда богатый не грабит и

не мздоимствует? Не гораздо ли важнее то, когда неимеющий насущного хлеба не хочет приобрести его неправдою? Когда обиженный отмщает: что тут важного? И звери то же делают. Но когда он щадит низложенного врага: тогда не только любомудрые, но и зрелищные ценители дел более превозносят победителя за победу над собственным гневом, нежели над силою врага. Что так в общепринятом мнении возвышает над многими другими подвигами подвиги военные и смерть за Отечество, если не пожертвование собственною безопасностью за безопасность Отечества? Итак, если от добродетели требуются подвиг и жертвование, чтобы она была достойна мира и его мнения: можно ли менее требовать для того, чтобы она была достойна Бога и Его праведного избрания? И если надобность подвига и закон жертвования не делают неудобноисполнимою добродетели мирской: то как можно неудобноисполнимою почитать добродетель Христианскую потому только, что она соединена с тою же надобностью подвига, подчинена тому же закону жертвования?

Но чтобы прямее ответить, почему Иисус Христос налагает на Своих последователей некое иго и бремя, и как иго сие оказывается благим и бремя легким, приведем на память знающим и приемлющим свидетельства Священных Писаний, что *человек*, некогда *в чести сый, не разуме* превосходства своего Ангелоподобного состояния, и, обманутый прельщением искушителя, добровольно *приложися скотом несмысленным, и уподобися им* (Псал. XLVIII. 13), потому что прилепился к чувственной природе, преимущественно пред духовною. Сколько по естественному последствию сего действия, столько же по праведному наказанию сего преступления, он естественно находится ныне под игом чувственности, так что и старания сделать приятным иго плоти крушат дух его, и усилия вырваться из-под ига сего другим образом удручают его, поелику грубое иго крепко налегло на него; прирасло к нему, и он, как впряженный скот, не имеет орудий сам себя разрешить от онаго. Таким образом человек, по Апостольскому выражению, *естеством чадом гнева*, всегда *труждается*, без успокоения; всегда *обременяется* без облегчения. В сем состоянии обретает его Христос: и, – примечайте, как напрасно труждающийся и обремененный жалуется на облегчителя и успокоителя; – не теперь в первые налагает, но только переменяет иго его; – переменяет иго злое и тяжкое на благое и легкое, – иго похотей и страстей погибельных на иго заповедей спасительных. И Христовы заповеди суть *иго*; потому что скотския похоти надлежит обуздать, зверския страсти укротить, и даже заковать чувственное удовольствие, и принести в жертву закону духовному: но иго Христовых заповедей есть *иго благое*, потому что находящийся под сим игом ведется от состояния более или менее скотоподобного в состояние истинно человеческое, Ангелоподобное, даже Богоподобное; – есть *бремя легкое*, потому что Господь, возлагающий оное, в то же время благодатно подает соразмерную силу нести оное. Иго Христово благо, и бремя легко: потому что чем охотнее человек несет оное, тем более сам становится благим; а чем более сам становится благим, тем легче для него становится исполнять благия заповеди, так что наконец он творит волю Господню с большою легкостью и удовольствием, нежели собственную, и таким образом иго на раменах его совсем исчезает или превращается в крылья, которые непрестанно несут его на Небо.

В сих размышлениях уже заключается оправдание истины Христианской и против другого обвинения, будто она слишком строга, когда требует от своего последователя очищения не только наружных, но и внутренних действий и движений. Подлинно, строгость заповедей Христовых преследует и слова праздные, и взоры нецеломудренные, и желания нечистые, и помышления суетные: но как сему и быть иначе, когда *прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его* (Быт. VIII. 21); а намерение Христово есть возвести сего человека к Богу, Которому никакое зло, никакая нечистота, никакая суета приблизиться не может?

Кто желал бы, чтобы закон Христов снисходительно взирал на беспорядочные блуждания человеческих желаний и помышлений: того можно спросить, согласится ли он, чтобы по сему снисходительному закону поступали с ним его дети или его друзья? – Отцу было ли бы приятно узнать, что его сын, видимо почтительный, втайне жаждет его наследства и ждет дня, в который оно ему достанется? Какой друг был бы доволен ласками и услугами своего друга, еслибы узнал, что в душе его нет любви и усердия, которых оные кажутся выражением? Если человек, который не видит мыслей и не знает желаний своего ближнего, не удовлетворяется, когда не видит в нем внутреннего к себе расположения: то koliko необходимее, чтобы чистоты желаний и мыслей требовал от человека Бог, испытующий сердца и утробы?

А что сия строгость Евангельской нравственности не жестока, и ее требования, при содействии благодати, в данной каждому мере, удобоисполнимы: в том да уверят нас, новоначальных учеников Христовых, благословенные, веками оправданные, опыты учеников Его совершенных, из которых многие, конечно, живо чувствовали благодатную легкость, когда не только носили всецелое иго необходимых заповедей, но и добровольно приложили к нему иго советов Евангельских; отреклись не только от любостяжания, но и от самого стяжания; не только в наслаждении отказывали плоти своей, но и необходимые требования тела ограничивали, чтобы тем удобнее распространять свою деятельность в области духа.

Упокоенные и прославленные Игоносцы Христовы! Вашими оставленными нам примерами, наставлениями, молитвами вспомоществуйте нам труждающимся и обремененным бременами плоти и мира, и с верою воспринимать, и с любовью нести благое иго Христово, и в нем обречать покой душам нашим. Аминь.

СXXXI.

76. СЛОВО

в день Рождества Пресвятыя Богородицы.

<1828 год>

*И отвеца им глаголя: кто есть мати Моя
или братия Моя? (Марк. III. 33)*

От чего праведная Елисавета, как скоро увидела пришедшую к ней Деву Марию, и услышала из уст Ее обыкновенное приветствие посещающих, тотчас исполнилась такою радостью, что радость сия сообщилась и младенцу во чреве ее, и он взыгрался, и мать воскликнула и начала благословлять Деву! От того, как объясняет сама Елисавета, что в Марии узнала она Матерь Господа. *Откуда, говорит, мне сие да приидет Мати Господа моего ко мне?*

От чего и Церковь о Пресвятой Деве Марии так радуется и с таким восторгом ублажает Ее? Почему самому рождению и младенчеству Ее воздает празднственную честь, безпримерную для прочих святых и праведных? – Кажется, и на сие не нужно искать другого ответа, кроме того, который нашли мы в пророческом духе Елисаветы: Мария есть Мати Господа нашего.

Но посмотрите, какую нечаянность представляет нам Евангелие. Мати Господа, которую так рано нашла и нам указала Елисавета, внезапно скрывается. Се Господь Сам

вопрошает: *кто есть Мати Моя?* – Нельзя вообразить, чтобы Он или не знал Своей Матери, или хотел отречься от Нея: однако вопрошать: *кто есть Мати Моя*, значит или не знать Ея, или отрицаться от Нея.

И что же мы делаем, когда ублажаем благословенную Матерь Господа нашего, думая тем угодить Ему, и к Нему чрез Нее приблизиться, если Он некоторым образом устраняет Ее от Себя?

Не смущайтесь, Песнословцы Богородицы, от сего трудного помышления. Оно поведет нас к размышлениям, которые не поколеблют, но утвердят нас в уверенности о Ея Божественной славе, также как и в разумении святого учения Сына Ея и Бога.

Седяше, повествует Евангелист Марко, *народ окрест Его. Реша же Ему: се Мати твоя и братия твоя и сестры твоя вне ищут тебе. И отвеца им глаголя, кто есть Мати Моя или братия Моя?*

Что не хочет Он знать братий Своих, то понять не трудно. В то время они были достойны такового отчуждения, потому что, как замечает Евангелист Иоанн, *ни братия Его вероваху в Него* (VII. 5). Но и кроме вины неверования их, справедливо сие потому, что это были мнимые только братия Иисуса; ибо это было родство Иосифа, мнимаго отца Иисусова. Таким образом, отрекаясь от братий, по рождению плотскому так называемых, Господь не отрицает никакой истины земной, а утверждает небесную истину Своего Божественного рождения.

Но каким образом и Матерь Господа подвержена одинаковому жребию с Его братиями? Она не мнимая, а истинная мать Его по человечеству; и сего высокого достоинства никогда не унизила Она неверованием в Него, яко истинного Сына Божия. Одна та вера, которою Она прияла Его, прежде Его земного рождения и зачатия, во время благовещения Архангелова, уже превосходит веру всех прочих верующих. Когда Иисус, еще младенец, во яслях, признан от пастырей Спасом, Христом, Господом: чем, как не верою, побуждаема была *Мати Его соблюдать вся глаголы сия в сердцах Своих* (Лук. II. 19)? Прежде нежели чудесами *явил Он славу Свою и вероваша в Него ученицы Его* (Иоан. II. 11), Матерь Иисусова столько уже веровала в Его чудодейственную силу, что сотворить первое чудо в Кане Галилейской, Она именно Его убедила. Так Она и ранее других, и совершеннее других, и веровала в Него, и познавала Его: а Он, то произносит возжеленное имя Матери, и уклоняется от того, чтобы видеть ее: *кто есть Мати Моя?* то видит Ее, и не дает Ей имени Матери: *что есть*, глаголет, *мне и тебе жено?* И паки: *жено, се сын твой*.

Господи! Не деяния Твои мы истязуем; но премудрости Твоей спасительной научиться желаем. Не постави нам в вину испытания писаний и даруй благодать разума.

Нужно ли предостерегать вас, Христиане, дабы вы не подумали, будто Господь не вполне чтит Препоблагословенную Матерь Свою? Едва ли нужно. Ибо вам должно быть известно всеобщее против недоразумений сего рода предостережение, которое Он Сам сделал еще Иудеям, когда сказал: *да не мните, яко приидох разорити закон, или пророки; не приидох разорити, но исполнити* (Матф. V. 17). Посему, без сомнения, не разорил, но исполнил Он и сию заповедь закона: *чти отца твоего и мать твою*. И подлинно, когда Его, еще в юных летах, проникнутаго чувством Своего назначения, не разумевшие того родители пришли отторгнуть от собеседования с учителями закона Божия, и увлечь из храма; тогда Он, хотя сделал возражение против сего поступка родителей, но тем не менее *бе повинуюся има* (Лук. II. 51). И наконец, когда страдания крестныя раздирали Его душу и

тело; когда пронзенными членами так тяжело висел Он на гвоздях между жизнью и смертью, а на Нем целый мир висел над погибелию в ожидании спасения, ни муки всего ада, ни попечения всего мира, всех времен и вечности, не заглушили в Нем чувства законной обязанности к Матери. Сию обязанность, которой исполнение пресекалось для Него вместе с земною жизнью, Он передал тогда Иоанну, которого девство и любовь соделали достойным служителем Девы-Матери; а чрез то и в сей части закона, подобно как во всех других, показал нам совершенство, состоящее в том, чтобы почтение к родителям, и попечение о них, простиралось на все обстоятельства жизни, до гроба, и далее гроба.

Если же и в столь трудных обстоятельствах столь совершенное почтение Матери Своей оказал Господь наш: то без сомнения должно заключить, что и в других случаях, хотя Он, повидимому, чуждался Ея, чуждался отнюдь не в предосуждение духовному *величию*, которое *сотворил* Он Ей Своим от Нея рождением, а только по уважению других высоких обязанностей Своего земного служения. Вспомним Его учение: *иже любит отца или мать нече Мене, несть Мене достоин; и иже любит сына или дочь нече Мене, несть Мене достоин* (Матф. X. 37). Так поучая, так должен Он был и творить, и примером дать силу поучению, по собственному Его правилу, что *великий в царствии небесном должен сотворить и научить* (Матф. V. 19). Посему надлежало Господу Иисусу когда нибудь в земной жизни Своей делом показать, как любит Он земную Матерь Свою совершенно, только не *паче* Отца Своего небесного, и как сыновнюю по человечеству любовь приносит в жертву делу Божию, Им совершаемому.

Теперь смотрите, как сим умозрением объясняются дела Христовы, казавшиеся с первого взгляда непонятными.

Матерь Иисуса требует, чтобы Он чудесно произвел вино на браке. Но чудеса назначены не для угождения Матери, а для явления славы Божией. Итак здесь угождение Матери надлежало принести в жертву: и, для совершенства сего жертвоприношения, пожертвовано и самою мыслию о Матери, и самым наименованием Матери: *что есть Мне и тебе жено?* Впрочем, час явить славу Божию, который не пришел прежде сея жертвы, наступил в след за оною: и потому чудо, в котором, повидимому, отказано Матери, чрез минуту совершается.

Матерь Иисуса и братия Его приходят, чтобы взять Его из дома, где Он многочисленному народу проповедует небесную истину. Они предприняли сие по добродушному побуждению, почитая Его находящимся в опасности: потому что его враги оглашали Его то неистовым, то действующим чрез князя бесовского, и умышляли погубить Его. Но еслибы Он покорился воле Своих сродников: то был бы нанесен вред делу Божию, не только потому, что безвременно прервалась бы Его проповедь, но и потому, что враги Его, как доказательство клеветы, употребили бы взятие Его сродниками, как будто имеющего нужду в их попечении. Итак должно было и здесь угождение Матери принести в жертву: и сия жертва опять была полным всеожжением, то-есть Господь принес в жертву всю Свою любовь к Возлюбленной Матери, и самую мысль и память о Ней: *кто есть мати Моя?*

Как-бы так говорил Он: «для чего волею земной Матери хотите вы отвлечь Меня от исполнения воли Отца небесного? Когда сии две воли влекут в разные стороны: Я знаю, и тотчас покажу, которой из них и с какою решительностию должно последовать. Оставляю земное рождение и родство, как-бы Я забыл его, как-бы его совсем не было: совершенно предан есмь воле Отца небесного, и делу Его, и Царствию Его; здесь ищу Себе и родства, если его иметь надобно: *кто есть мати Моя или братия Моя?* Кто же они? *Чада Божии, верующие во имя Его, иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския,*

но от Бога родишася (Иоан. I. 12. 13); или иначе: иже аще сотворит волю Божию, сей брат Мой, и сестра Моя, и мати Ми есть».

Видите, Христиане, что Господь не Матерь Свою, всякого ублажения достойную, внимания лишает, но нас поучает истине и правде, словом и примером. Внимайте и поучайтесь; примечайте и подражайте.

Когда родители, сродники, наставники, начальники требуют от вас того, что противно мудрованию вашему, вашей склонности, вашему вкусу, но что нужно, или полезно, или по крайней мере, безвредно: пожертвуйте мудрованием вашим, вашею склонностию, вашим вкусом обязанности повиновения. Вспомните Иисуса, Премудрость Божию, Который *бе повинуюся* Иосифу древоделю.

Когда ваши родители, сродники, ближние, требуют помощи, утешения, служения, между тем как вы сами в нужде, в скорби, в немощи: соберите последние силы ваши; забудьте свою скорбь для облегчения их скорби; разделите с ними последнюю крупицу и последнюю каплю. Вспомните Иисуса, среди мучений крестных, пекущагося о спокойствии Своей Матери.

Но когда несчастный пример и желания ваших родителей, сродников, людей вами почитаемых и любимых, отвлекают вас от исполнения священных обязанностей к Богу, вовлекают в дела противныя закону, нарушающия мир совести, противныя истинному благу и спасению бессмертной души вашей: тогда спросите и вы себя словом Иисусовым: *кто есть мати моя, или братия моя?* Вспомните, что у вас есть лучшее и высшее обыкновенного родство; что Бог, Отец ваш; что Церковь, Матерь ваша, что все творящие волю Божию, все Святые, суть ваши братия, или по крайней мере, желают быть вам братиями; не унижьте себя пред сим высоким родством; не разлучите себя от сего доброго и прекраснаго семейства; сотворите и вы волю Божию вместо человеческой; да и на вас укажет Господь, и речет: *се мати Моя и братия Моя.* Аминь.

1829 год.

СХХХП.

77. РЕЧЬ

**к Преосвященному Епископу Тамбовскому Евгению
по рукоположении Его.**

(Говорена в Успенском Соборе, июня 9 дня;
напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1829 год>

Благодатию Всесвятаго Духа совершилось ныне над тобою дело видимое в своих знамениях, невидимое в существе своем; таинственное в отношении между знамениями его и существом его, — дело, имеющее вид человеческого по своим орудиям, но воистину Божественное по силе в нем действующей, не столько понятное для разума, сколько ощутимое верою, — может быть, не довольно ощущаемое по нашему несовершенству, тем не менее существенное и действительное.

Святый Апостол говорит о даровании, которое дается с возложением рук священничества, и которое живет в человеке, принявшем оное (1 Тим. IV. 14). Как в привитом дереве живет сила, производящая плод по роду и качеству прививки: так и в человеке, которому священным тайнодействием, так сказать, прививается благодатная сила, живет она потом, действует чрез него, и производит благодатный плод по роду и степени, в каком сообщена.

Да не испытует неукрошенное любопытство, каким образом при возложении рук, или священных писмен, или риз, передается духовная сила: но пусть благоговейный ум наблюдает и соображает как еще в те времена, когда токи благодати не так отверзты были, как отверзлись в язвах распятого Спасителя, – еще, говорю, в те времена, Илия, например, повергает ризы свои на Елисея, и сей чувствует непреодолимое побуждение оставить все, чтобы вдруг из простаго земледельца переродиться в сына пророческого; как опять тот же Илия в минуту своего вознесения низвергает милоть свою на Елисея, и сей получает с нею сугубый дух своего посвятителя; или как самый не благодатный из Архиереев (потому что произнес осуждение на самую благодать и истину), еще обнаруживает в себе вышнюю пророческую силу, потому только, что он Архиерей: *не о себе рече*, замечает Святый Евангелист, *но Архиерей сый, прорече* (Иоан. XI. 51). Если еще во времена сеней и гаданий так ясно иногда просиявала тайнодейственная сила: что должно думать о временах самой благодати и истины? Если в сосуде, полном адских влияний, еще продолжала действовать прежде-влиянная в него благодать Архиерейства: что сказать о сосудах, не только освященных в свое время тайнодействием, но и сохраняющих, умножающих, возобновляющих свое освящение чистою верою, чистою молитвою, чистою жизнью, очистительным покаянием?

Итак, Боголюбезный брат и сопричастник тайнодейственной благодати, вступив ныне во Святителище сие с верою, что примешь дарование Божие, изыди отселе с новою верою, что *живет* в тебе отныне сие дарование; и сею верою возбуждаемый, со страхом носи сокровище, которое *имамы в скудельных сосудах* (2 Кор. IV. 7) нашей немощи и недостойнства, – *не неради*, – напоминаем тебе словом того же Апостола, который дал нам свидетельство о даровании Святительском – *не неради о даровании живущем в тебе, еже дано тебе бысть*, ныне, с возложением рук Архиерейства. Напоминание не строгое, чтобы не утратить тебя великостию требования, впрочем довольно знаменательное, чтобы указать тебе твои обязанности, и достаточное, чтобы руководствовать тебя к исполнению оных.

Нет причины предполагать, чтобы много было, наипаче между служителями Таинств, людей, упорно отвергающих дарование Божие. Но печальный опыт сего останка времен показывает, что не много и таких, в которых бы дарование Божие приносило плод так обильный и очевидный, как в Апостолах и Богоносных Отцах наших. Чем же наполняется обширная середина между сими крайностями? Без сомнения людьми, которые не довольно радят о даровании в них Божием. И так *не неради* о нем: и можешь с сим, толь кратким и простым правилом, идти так близко за самыми Апостолами, как Святый Тимофей за Святым Павлом.

Видишь ли себя знающим Божественные догматы: не помышляй, что знаешь довольно, и не переставай *внимать учению* для самого себя: *не неради*. Поучаешь ли народ: не вознеради, сравнивая себя с другими, реже в сем упражняющимися; но поревнуй Павлу, который день и ночь со слезами учил своих, и от того истина слов его была, как животворное солнце, а слезы его, как благотворный дождь, для духовной нивы.

Встретишь ли в пастве твоей невежествующих и заблуждающих: не обезпечивай себя мыслию, что они сделались такими при твоих предшественниках: *не неради*. Безуспешность предшественников не оправдывает безуспешности преемника.

Усмотришь ли Христиан не христиански живущих: не раздражайся, но и не смотри равнодушно: *не неради*. Обличи злое дело кротким словом, и еще более обличи добрым примером.

Особенно *не неради* употреблять дарование разума духовного на безпристрастное испытание и осмотнительное руководство тех, которым будешь давать участие во благодати Священства, и святую ревность на очищение Дома Божия от соблазнов, сеемых недостойными служителями Олтаря. Для сего со страхом воспоминай нерадение первосвященника Илия, которое кончилось погибелию его и его детей, и уничтожением самой святыни Кивота Божия.

Се, в знамение твердости правления и благоразумной строгости вручаем тебе и священный жезл. Употребляй его сколько можно более, как жезл пасущий, и сколько можно менее, как палицу наказующую; более угрожай, нежели поражай, и все без нерадения, со вниманием, с разсуждением, со страхом Божиим.

Сам же Пастыреначальник да упасет и тебя и вверенное тебе стадо, *утешая* тебя и подкрепляя невидимым *жезлом* Своего верховного всеспасительного Провидения и управления. Аминь.

СXXXIII.

78. СЛОВО

в неделю вторую по пятидесятнице.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 годов).

<1829 год>

*Она же абие, оставльша корабль и отца
своего,
по нем идоста.* (Матф. IV. 22).

В Евангелии встречаются нам ныне вдруг четыре человека, которые все, что имели, на чем утверждали свое благосостояние, что любили в мире, оставили для того, чтобы следовать за Иисусом Христом, не имеющим где главы поклонити.

Удивительный пример силы, действующей в слове Христовом! Ибо единое слово Христово: *гряди по Мне*, увлекло за Ним Петра, Андрея, Иакова, Иоанна, невидимою, но непреодолимою силою, подобно как магнит некою сокровенною силою, привлекает к себе железо.

Удивительный пример и веры, с какою Апостолы приняли слово Христово, которое, по изъяснению другого Апостола, не пользовало бы, еслибы осталось только *словом слуха*, и не было *растворено верою слышащих* (Евр. 4. 2)! Ибо хотя Господь и подкрепил требование последования за Ним величественным обещанием, соделать рыбаков *ловцами человеков*: но сие великое обещание так же трудно было им понять и принять, как и

оставить малое достояние, по видимому, необходимое, и утешение, по видимому, неразлучное с самою природою человеческою.

Впрочем, для удивления ли только представлено нам в Евангелии сие необыкновенное зрелище? Довольно ли нам оставаться благоговейными зрителями столь решительных последователей Христовых, или надлежит и нам по тем же самым следам идти за Христом, Который есть единый их и наш Наставник и Путеводитель? Не должно ли и нам что нибудь *оставить*, чтобы сделаться истинными последователями Христовыми? – Подумаем о сем хотя не много.

Надлежит разсудить, какая была существенная причина того, что святые Апостолы так решительно все оставили, чтобы следовать за Христом. Скажем ли, что то было безпредельное могущество слова Христова? Правда, слово Христово, яко Божие, действует безпредельно могущественно; впрочем оно никогда не действует излишно: итак сим предложенный вопрос не разрешается, а только превращается в другой вопрос: для чего слово Христово действовало на Апостолов так сильно, чтобы отторгнуть их от всего, к чему они могли быть привязаны по некоторой нужде, и даже по самой природе и закону? Скажем ли опять, что сие особенно нужно было для Апостолов, посылаемых проповедывать Евангелие всей твари, чтобы никакая тварь в особенности не привязывала их к себе, не удерживала, не развлекала их внимания, объемлющего спасение всего мира? И то правда: однако-ж будет ли справедливо, если сих людей, которые своим служением должны приобрести Богу весь мир, – их-то именно, и одних их, приговорим потерять весь мир, а себе самим тем более дадим права пользоваться миром, чем менее полезны мы Царствию Божию? Не возстанет ли против сего разсуждения наша совесть? А сие не обращает ли нас к такому заключению, что если избранные, святые, ближние, други, братья, сопредстольники Христовы должны были все в мире оставить, потерять, отвергнуть, презреть, возненавидеть, забыть, чтобы Единого Христа приобрести, и Ему Единому принадлежать, кольми паче мы, рабы Его недостойные, едва только не отверженные, обязаны принести некую подобную, хотя менее полную, и совершенную жертву вере в Него, любви к Нему, слову Его и заповедям Его?

Если может быть сомнение о том, правильно ли сие заключение: оставим, поколику то возможно, и самое умствование вместе со всем прочим, что надлежит оставить для Христа, и послушаем самага слова Христова, котораго конечно ни в каком случае оставлять не должно. Тако глаголет оно: *еще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик* (Лук. XIV. 26). Дабы, вы не подумали, что сие строгое изречение относится к одним избранным ученикам, или Апостолам, святей Евангелист не оставил с точностию предварить, к кому оное произнесено. *Идяху, говорит, с Ним народи мнози; и обраща, рече к ним.* И так не на некоторых только избранных, но на всех без изъятия простирается сей приговор, что тот не может быть учеником Христовым, кто не *оставит*, или не *возненавидит* всего, по естеству любезнаго, то есть кто крепкою любовию к Богу не превозможет и не препобедит любви ко всему, что любят вне Бога.

На что, – спросят, может быть, – сии жертвы лишения для Бога, Который ничего не приобретает чрез них? Подлинно Богу, как вседовольному и всеблагому, не для – чего лишать, потому что нечего требовать; Он Сам дает все, и всем дарствует. Но Он и не требует для себя никаких лишений: а человек сам не может обойтись без них для приобретения лучшего. Сие ясно показывает образ, представленный в Евангелии. Господь не говорит Апостолам: оставьте мрежи, оставьте корабль и отца своего: Он только воззывает их; Он говорит только: *грядите ко Мне*. Но когда они хотят исполнить сие слово, последовать сему воззванию: тогда оказывается, что сие надлежит начать

оставлением своих мреж, своего корабля и отца своего. Если бы они не оставили мреж, корабля, отца: то и не последовали бы за Иисусом. Кто хочет плыть: тому прежде надлежит отвязать, или, для поспешности, отсечь веревку, которою лодка его прикреплена к берегу. Кто желает действительно быть на пути к небу: тому необходимо нужно, или постепенно, – со вниманием и усилием разрешить, или, если боится закоснеть, и если чувствует в себе довольно силы, – решительным ударом отсечь все страстные, земные привязанности. Надобно освободиться от похотей плоти, чтобы предаться влечению духа. Надобно попать ногами земное, чтобы мудрствовать горняя. Надобно извергнуть из сердца мир, чтобы нашлось в оном довольно пространства для безпредельной любви к бесконечному Богу.

Вот, Христиане, одно из начальных Евангельских учений, так как оно и предложено нам почти в начале Евангельской жизни Апостолов. Посему не многого потребуем от вас, если предложим, чтобы вы пред собственною совестью испытали себя, сколько успехов оказали вы в сем учении.

Не отваживаюсь спрашивать, многие ли из нас, в строгом и полном смысле, *оставили все*, ради последования Иисусу Христу. Признавая свое несовершенство и недостойнство, не признаю себя в праве испытывать о том, чего Сам Господь требует токмо от некоторых, под условием совершенства: *аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси, и гряди в след Мене* (Матф. XIX. 21).

Если мы не оставили всего для Христа самым делом: исполняем ли сие хотя отчасти намерением и желанием? Говорит ли в тебе иногда сердце твое: как много еще я имею в мире, в сравнении с тем, что необходимо потребно для жизни временной! Как обременяюсь от того заботами! Как развлекаюсь удовольствиями! Господи, обнищавый мене ради! Даруй мне причаститься святыя и спасительныя нищеты Твоея, оставить мыслями попечения, оставить чувствами удовольствия! Как многое, и как живо еще люблю я в сем преходящем мире, и как связуюсь иногда, то железными узами любви огорченной, то златыми узами любви удовлетворяемой взаимностию и благополучием, и как те и другия воспевают меня в пути любви Божественной! Господи, возлюбивый нас тако, яко душу Твою положил еси за нас! Помогите мне, ради любви к Тебе, умерить любовь естественную, умертвить любовь пристрастную, возненавидеть не довольно любящую Тебя душу мою, да чистая любовь Духа Твоего Святаго *даст ми криле, яко голубине, и полещу, и почию* (Псал. LIV. 7) у Тебя, и в Тебе Едином!

Но дабы самая сии чувствования не прельстили тебя одним призраком, или не решительным порывом отрешения от тварей: осмотришь, и примешь, оставил ли ты самым делом для Бога хотя что нибудь, и особенно то, чем наиболее искушается господствующая склонность твоя. *Авраам бяше богат зело* (Быт. XIII. 2); и он не отверг и не расточил богатства своего: но когда, ради любви к Богу, не пощадил сына своего возлюбленного, тогда не осталось никакого сомнения, что он готов был для Бога пожертвовать всем, что имел, без малейшаго остатка. Если ты, напротив, при восторгах желания служить Богу, при изъявлении готовности пожертвовать для Него всем, не пожертвовал еще для Него действительно ничем, за что держится твоя любовь к собственности: то готовность твоя, и желание твое очень сомнительны. Если ты ничего еще не оставил в мире: то не сделал еще ни одного шага в след за Христом, ни одного шага по пути к небу.

Призови нас, Господи, вседействующим словом Твоим, во след Тебе, и вдохни в нас непритворное чувство оставления всего, ради Тебе единого, да все в Тебе обрящем, и сами в любви Твоей обрящемся. Аминь.

СXXXIV.

79. БЕСЕДА

из слов святого Апостола Павла о молитве духом и умом.

<1829 год>

*Помолюся духом, помолюся же и умом:
воспою духом,
воспою же и умом. (1 Кор. XIV. 15).*

Молитва есть дело толикой важности в жизни духовной, что еслибы кто хотел разрешить для себя недоумение, находится ли он на пути к совершенству жизни духовной, то ему надлежало бы примечать, имеет ли он какой-нибудь успех в молитве. Ибо если взять в разсуждение слово Господне: *вся, елика аще воспросите в молитве верующе, примите*; то по необходимости должно заключить, что кто умеет с верою в молитве просить всего, потребнаго к совершенству жизни духовной, тот все сие и приемлет, и потому, без сомнения, идет к совершенству жизни духовной, и наконец достигает онаго.

Судя по толикой важности молитвы для жизни духовной, мы должны быть очень заботливы о лучшем и надежнейшем способе совершать молитву.

Будем же внимательны. Вот Апостол, сказуя, как лучше желал бы молиться он сам, чрез сие дает нам самое надежное наставление, как и нам лучше молиться. *Помолюся, говорит, духом, помолюся же и умом: воспою духом, воспою же и умом.*

В изречении Апостола представляются, во-первых, два внешние вида молитвы: *помолюся, воспою*, – молитва словесная и молитва песенная.

О сих видах молитвы довольно заметить вкратце, как верно святая Церковь следует примеру и учреждению Апостольскому, поелику и ныне употребляет в Богослужении попеременно чтение и пение, молитву словесную и молитву песенную; и как общеупотребительным и общепользным должно почитать сие учреждение, не только для малосведущих и водимых чувственными впечатлениями, но и для людей возвышенно мыслящих, поелику и Богомудрый Апостол наравне со всем народом верующих, желает не только молиться духом и умом, но и петь от избытка Боголюбиваго сердца и умиленного чувства!

Во-вторых, представляются в изречении Апостола два некие особенные способа молитвы: молитва духом и молитва умом. *Помолюся духом, помолюся же и умом.*

Чтобы разуметь сии высшие образы молитвы, надлежит вникнуть, что значат слова: дух и ум в языке Апостольском. Когда слышим Апостола говорящего, что *сущии по плоти плотская мудрствуют, а иже по духу, духовная* (Рим. VIII. 5): тогда разумеем, что дух есть нечто высшее в человеке, противоположное плоти или чувственности. Когда тот же Апостол говорит еще: *сам аз умом моим работаю закону Божию, плотию же закону греховному* (Рим. VII. 25): из сего усматриваем, что и ум есть нечто высшее в человеке, противоположное плоти. Посему, кажется, что дух и ум составляют почти одно, как и подлинно соединяет их Апостол, когда излагает истину, или существо Христианского учения, состоящее в том, чтобы *обновлятися духом ума*. Если можно здесь примечать какое различие *ума от духа*: то разве такое, что дух представляется в самом уме чем-то

более возвышенным, более внутренним, открывающимся в уме, подобно как душа открывается в чувствах.

Но как в изречениях Апостола о молитве деятельность ума представляется в некоторой противоположности с деятельностью духа, как например: *дух мой молится, а ум без плода есть*: то надлежит между ими быть не малому, и весьма ощутительному различию. Дабы открыть сие различие, прочитаем слова Апостола несколько в большей полноте: *аще бо молюся языком, дух мой молится, а ум мой без плода есть. Что убо есть? Помолюся духом, помолюся же и умом: воспою духом, воспою же и умом*. Теперь видим, что выражение: *помолюся духом*, поставлено на место прежде употребленного выражения: *молюся языком*. Следственно *молитва духом* составляет одно с *молитвою языком*; и дабы понять молитву духом, надобно иметь понятие о молитве языком.

Чтобы не утомлять вас долее тяжким изыскательным словом, поспешим сказать, в чем состоит дело. Когда Апостолы по вознесении Господнем, *вси бяху терпяще единодушно в молитве и молении*; и в десятый потом день *исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, яко же Дух дающе им провещавати* (Деян. II. 4); и таким образом дар говорить иными неизученными языками открылся, как весьма блистательный плод молитвы, и как весьма торжественное знамение сошедшего и действующего Святого Духа: с того времени молитва и ревность верующих взяла особенное направление и стремление к достижению сего дара, сколь полезного в те времена для распространения Христианского учения, столь же приятного для обладающих оным, как очевидно уверительного в присутствии благодати Божией. Поелику сие стремление верующих соответствовало намерению благодати распространить Христианство: то благодать щедро-даровито снисходила сему стремлению, и таким образом в собраниях церковных не редко случалось, что дух молящихся восторгался к Духу Божию, Дух Божий нисходил на дух молящихся и, как неудержимый поток, изливался чрез уста их молитвами, песнопениями, славословиями, пророчествами на разных языках. Обилие сего дара было так велико, что иногда объятые Духом произносили молитвы, воспевали Божественные песни на таких языках, которых большая часть присутствующих, или даже никто из них, совсем не разумели. На сей-то случай сказал Апостол: *аще молюся языком*, – то-есть языком неизвестным, открывшимся только по дарованию Святого Духа, – *дух мой молится, а ум мой без плода есть*; – ум без плода потому, что его не понимают другие, и от того слово молитвы, сеемое языком его, не приносит в других плода подобной молитвы.

После сего, надеюсь, несколько понятно, что *молитва духом* есть такое молитвенное состояние, в котором человек, „воскриляемый верою и любовью, самую так сказать вершиною существа своего, своею высшею способностью и силою, которою он как бы сопределен с Божественным, стремится и восторгается к Духу Божию, приемлет наитие Духа Божия, предается сему наитию, так что уже тогда не столько сам человек молится, сколько *дышет* в нем *Дух Святой*, дышущий *идеже хочет*, – *Сам Дух Святой ходатайствует* о нем *воздыханием неизглаголанными* (Рим. VIII. 26), или глаголами, не редко превышающими разумение человека чувственного.

Различаемая от сего состояния у Апостола *молитва умом* есть такой образ молитвы, когда ум молящегося хотя возвышается к Богу с благоговейными мыслями, с благочестивыми желаниями, со святыми чувствами умиления или радости, но не предается влечению духовного восторга неограниченно, а управляет своими мыслями, желаниями, чувствами так, что в сем случае духовные силы действуют в обыкновенном, им свойственном, порядке, а потому молитвенные прошения и славословия изрекаются общевразумительно, почему и слышащих могут возбуждать к участию в молитве.

Оба сии образа молитвы одобряет и предлагает к употреблению Святый Апостол, когда говорит к Коринфянам: *помолюся духом, помолюся же и умом*. То-есть: не желаю и не советую вам употреблять один из сих образов молитвы исключительно; а за лучшее признаю, иногда молиться духом, а иногда молиться умом, попеременно, по требованию обстоятельств, – молиться духом для себя и для Бога, – молиться умом для Бога, и для себя, и для назидания ближних.

Не можно при сем пройти без особенного замечания, и даже без удивления того, что Апостол предлагает молитву духом, которая есть дар Духа Божия, наравне с молитвою умом, которая есть свободное дело духа человеческого. Как? Неужели мы так же властны употреблять молитву духом, как и молитву умом? Помыслил ли ты о сем, Святый Наставниче? – Без сомнения, братия, Дух Святый во Святом Павле не погрешает в преподаваемых нам наставлениях. Видно, подлинно властны мы молиться духом, как скоро подлинно и совершенно предаемся Духу Божию, который есть Дух молитвы; – видно властны, потому что, подобно сему, по дивному снисхождению к нам Духа Божия, и Пророки властны в употреблении духа Пророческого, как о том ясно свидетельствует тот же Апостол: *и дуси пророчестии Пророком повинуются* (1 Кор. XIV. 32).

Но еще более должны мы удивиться тому, что благодатную молитву духом, Апостол старается не усилить и распространить, но некоторым образом ограничить и удержать в ея стремлении. Он жалуется на избыточествующее употребление молитвы духом. С неким негодованием против молитвы духом говорит он: *дух мой молится, а ум мой без плода есть*. Он как бы предпочитает молитву умом и преимущественно к ней побуждает: *в церкви*, говорит, *хочу пять словес умом глаголати, да ины пользую, нежели тмы словес языком*. Что же сие значит? – То, что благодать Святого Духа в первенствующей Церкви разливалась, как море; что тогда многих верующих нужно было не побуждать к молитве, не влещи к делам духа, но умерять их безпредельную ревность, чтобы они, погружаясь в духе, не забывали обыкновенных обязанностей внешнего общежития человеческого и Христианского.

Если от сего духовного зрелища первенствующей Церкви обратимся к настоящему ея состоянию и к самим себе: то не должно ли нам прийти в удивление другого рода, или, может быть, в страх и ужас, от печальной разности настоящего с прошедшим? Многие ли между нами погружены в молитву духа так, чтобы нужно было их из моря духа извлекать на берег ума? Многие ли, хотя сколько-нибудь, испытали молитву духа? Многие ли довольно понимают ее, когда о ней говорится?

Скажут, за чем же ты нам и говоришь о сей молитве, которая так необыкновенна и так мало понятна? – Пусть на сие жалуется, кто хочет; а я именно потому и говорю о сей возвышенной молитве, что в наше время она так необыкновенна, и что так мало ее понимают. Надобно, чтобы век сей знал, что в нем сделались необыкновенными такие дары благодати, которые некогда были весьма обыкновенны; что мудрецам его сделались непонятны такие описания благодатных действий, которые понятны были простолюдинам, слушавшим Апостола Павла, или читавшим его Послания. Как же скоро знает сие сей поздний и сумрачный век: тотчас говорю ему то, что еще ранее повелено было сказать Ангелу Ефесския Церкви: *помяни убо, откуда спал еси, и покайся, и первая дела сотвори* (Апок. II. 5).

Поистине, братия, глубоко низпали мы от благочестивой ревности, от духовного преспеяния первенствующих Христиан, когда не только чудесная молитва духа оскудела, но часто и молитва ума невнимательна, молитва сердца холодна, молитва уст не одушевлена молитвою ума и сердца.

Покаемся и поревнуем первым делам первых Христиан; понудим себя *терпети в молитве и молении*, то есть, пребывать в ней по возможности, постоянно и неослабно; станем на страже ума и чувств наших со вниманием, чтобы отгонять от молитвы нашей суетные помыслы, страстные желания, и чувственные развлекающие впечатления и воспоминания, подобно как древле Патриарх Авраам отгонял хищных птиц от своей жертвы; да приближаемся к Богу не устами только, но наипаче сердцем; да помолимся и воспоем умом, по усердию нашему, да помолимся и воспоем наконец и духом, по дару Святаго Духа, Ему же слава со Отцем и Сыном во веки. Аминь.

СXXXV.

80. РЕЧЬ

при заложении в Москве Триумфальных ворот.

(Говорена августа 17 дня, напечатана в Московских Вестниках 1829 года, в Христианском Чтении 1829 года и в собраниях 1835, 1844 и 1848 годов).

<1829 год>

По державной воле Благочестивейшаго Императора Николая Павловича, на сем месте должны воздвигнуться торжественные врата в память незабвенных дней Александра Благословенного, в память отечественных бедствий, вознагражденных победами и славою, в память возрождения сего Царствующаго Града, ожесточением врагов почти разрушеннаго, Провидением Божиим дивно сохраненнаго, любовью к Отечеству возстановленнаго с большим прежняго благолепием и великолепием.

Посему мы собраны здесь ныне, чтобы призвать благословение Божие на основание и созидание сего памятника. Правило Христианское, чтобы всякое дело и начинание *освящалось словом Божиим и молитвою*.

С мыслию о памятнике всего чаще соединяется мысль о славе людей и дел, которые составляют предмет памятника; но еслибы только славолубию человеческому свойственно было созидать памятники, то тщетно старались бы мы освятить дело, у котораго его дух и намерение отнимали бы внутреннее достоинство, подобно как червь у плода, в котором он скрывается. Итак, дабы благонадежно призвать благословение Божие на видимое основание памятника, надлежит прежде благонадежно утвердить его невидимое основание, то есть побуждение и намерение, с каким он созидаем быть должен.

Естественное, простое, и по простоте своей чистое побуждение к созиданию общественных памятников должно полагать в любви к Отечеству и благодарности к людям, которые по общепользным подвигам достойны жить в памяти Отечества. Чтобы в сем удостовериться, возведем нашу мысль к началу памятников частных, которые в происхождении должны были предшествовать общественным, так как семейство предшествовало государству. — Сын любит сидеть под деревом, под которым часто видел сидящим отца своего, и наслаждался беседою отеческой любви и опытной мудрости: в сем случае дерево есть памятник отца для сына, и то, что делает оное памятником, есть любовь сыновняя; но поелику они напоминают прошедшее только одному знающему оное, а человек желает и для других сделать памятным то, что для него незабвенно: то от недостатка и несовершенства памятников естественных должна была родиться мысль устроить искусственные памятники. Что делал человек, то по времени стал делать народ, который есть тот же человек, только умноженный: и таким образом произошли общественные памятники.

Если любовь к Отечеству изобретает памятники общественные: то пользуется сим изобретением Государственная мудрость. – Памятник есть безмолвный проповедник, который, в некотором отношении, может быть превосходнее говорящего, потому что не прекращает порученной ему проповеди, и таким образом она доходит до целого народа, и до многих последовательных родов. – Памятник есть книга, которой не нужно искать в книгохранилище, потому что она лежит на пути; и таким образом читается и теми, которые не думали раскрывать ее. Присмотрев сие, мудрость государственная благоприятствует устройству памятников, дабы они в свою очередь внушили народу ту самую любовь к Отечеству, которая внушила мысль устроить их, и дабы, возвещая добродетели и подвиги предков, к тем же добродетелям и подвигам поощряли потомков.

Так, если Бог благоволит воздвигнуться основываемому ныне памятнику, он будет возвещать непобедимое мужество Благословенного Царя и с ним вместе благословенного народа, великия жертвы, принесенныя Царем и народом для спасения Отечества, и великое спасение, приобретенное великими жертвами. Поучение, подлинно достойное внимания потомства! Таким образом уже мы находим, что есть памятники, в гражданском отношении священные. Но как мы призваны для освящения христианского, то не уедем показать, что и такового освящения могут быть достойны гражданские памятники, именно тогда, когда глубоким основанием их есть благочестие и благодарность к Богу, Верховному Виновнику благотворных для общежития человеческого, и по благотворности достопамятных, событий.

В книге Царств, после описания вторжения иноплеменников во Святую землю и победы, одержанной над ними по молитве Пророка Самуила, читается следующее: *и взя Самуил камень един, и постави его между Массифафом и между ветхим и нарече имя ему: Авенезер; сиречь камень помощи; и рече: дожде поможет нам Господь* (1 Цар. VII. 12). Вот памятник, без сомнения благословенный и священный, потому что им благословляется и святится имя Господа Помощника.

Нет сомнения, и Благочестивейший Николай, указуя сие место для памятника, рече в сердце своем: *зде поможет нам Господь*. Человек, которого имя не желаю я произнести, прошел здесь, с любезным ему опустошением, сквозь, Столицу до близ лежащего дома Петрова: сделал себе кратковременным, достойным себя памятником, пожар Петрова дома; дожде дошел он; и уже не дано ему идти далее; он возвратился, чтобы поспешать к своей собственной гибели. *Отзде поможет нам Господь*.

Вознесем убо с Благочестивейшим Государем и мы благоговейныя сердца к Богу – Помощнику, и вновь призовем Его помощь, да воздвигнется сей памятник в благодарение и славу Ему и в благодатное наставление родам грядущим. – Да возвещает он помощь Господню бывшую и да увещает к упованию и на помощь Господню будущую. Да входит сими торжественными вратами многолетно в первопрестольный Град Свой Благочестивейший Государь наш, со славою побед, и с радостью мира. Да не внидет никогда сими вратами враг, да не убежит ими злоумышленник. – Да исходит ими во веки верный Град в сретение законному и возлюбленному Царю.

Граде, до ныне дивно Богоспасаемый! *Да прозовется и впредь, по Пророку, спасение забрала твоя, и врата твоя хвала* (Иаии. LX. 18).

1830 год.

CXXXVI.

81. СЛОВО на заключение мира с оттоманскою портою в 1830 году.

(Напечатано в Христианском Чтении 1840 года
и в собраниях 1844 и 1848 гг.).

<1830 год>

*И будут дела правды мир, и одержит
правда покой,
и уповающе будут до века. (Ис. LII. 17).*

И так, слава в вышних Богу! – Мир на земле Российской, и, чрез миротворство России, мир на землях многих! Мир, достойный быть изображен сими пророческими словами: *будут дела правды мир, и одержит правда покой*; а посему достойный также сей пророческой надежды: *и уповающе будут до века!*

Еслибы могущественный Самодержец жаждал только бранных побед: то, став одною ногою в Адрианополе, а другою в Эрзеруме, Он не утерпел бы, чтобы не сделать еще шага, дабы до земли унизить высокую Порту. Но великодушный Монарх, как решился в начале брани, так и среди успехов оружия остался при первоначальной решимости действовать не столько правом силы военной, сколько мирною силою правды. Среди отверстых, так сказать, врат к новым победам, от торжественных кликов славы, Он обратил все внимание к тихому гласу человеколюбия. Сие неземное величие духа явил в себе Благочестивейший Государь, и плод онаго есть мир, ознаменованный многочисленными делами правды и человеколюбия. Правда договоров возстановлена и ограждена; неправды против Россиян и против России заглажены вознаграждениями; христианским народам под нехристианским правительством оказано верное покровительство; и если хотим быть внимательны, можем усмотреть, что с делами правды Царевой тайным неким, но действительным союзом связаны дела правды Божией: ибо тот самый властитель, который за девять лет пред сим, в день Пасхи, первого Священноначальника Христианской Греции предал мученической смерти, в нынешнем году, в день же Пасхи, должен был утвердить независимость Христианской Греции, – независимость, которой Европа соединенными силами Наваринской битвы, соединенным искусством продолжительных переговоров, не могла достигнуть, и которой достиг Император Российский без приметных усилий, миром.

Вот, Христиане, очевидный для целого мира пример верности и непреложности Божественных изречений, что *будут дела правды мир*, то-есть, дела справедливости, благи, непорочности, или естественно, или сокровенным действием Провидения превращаются в мир, в благоуспешность, в благополучие; что *одержит правда покой*, то-есть добродетель истинная, *наитием Духа от Вышняго* (Ис. XXXII. 15) возбуждаемая и управляемая, одерживает победу над всеми препятствиями и достигает покоя, в делах общественных – общественного, в делах духовных – духовного; что люди сего рода *уповающе будут до века*, то есть только на добродетели, на благи, на непорочности основанное благополучие благонадежно и прочно.

Не одни цари принуждены бывают вести войну, и употреблять усилия к достижению выгодного мира. *Не война ли жизнь человека на земли?* – говорит Иов (VII. 1). И подлинно, кто из нас не находится чаще или реже, в более или менее трудном противоборстве с каким-нибудь врагом, препятствующим нашему миру, или домашнему, или душевному: хотя враг сей не какой-нибудь царь и народ, но просто

неблагоприятствующий человек, или, может-быть, вещь, и даже отсутствие вещи, мысль, желание, страсть, недостаток? Один, например, сражается с бедностью, и, то усилием трудов, то искусством оборотов старается завоевать изобилие, или, по крайней мере, примириться с нуждами. Другой домогается занять какое-нибудь возвышенное место в общественной службе, или преследует какое-нибудь почетное название, чтобы как-нибудь помириться с помыслами честолюбия, которые не дают ему покоя. Но вот в чем всего чаще погрешают неумиренные воинственники жизни: они не примечают открытого, или сокровенного, но тем не менее верного союза между правдою и миром, между добродетелию и благополучием, между непорочностью и спокойствием. От того правда для них не довольно любезна; от того мир для них не довольно надежен. Им кажется, что закон налагает на нас дела правды, как тяжкие оброки, как господския работы, только к изнурению нашему, без всякой для нас надобности и выгоды. Им думается, что также удобно, или еще скорее, можно достигнуть мира, если оставить в стороне трудный и узкий путь правды. Нет! Дела правды предписываются законом для того именно, что оныя суть средство к миру. Мира благословенного, благополучия прочного, спокойствия истинного не иначе достигнуть можно, как путем правды. *И будут дела правды мир, и одержит правда покой, и уповающе будут до века.*

Хотя дерзко, и почти нелепо, брению вопрошать скудельника, почему он делает такой, а не другой сосуд, и назначает ему такое, а не другое употребление: однако да будет отчасти позволена сия дерзость, не для мятежного и тщетного прекословия премудрому и благому Художнику мира, но для скромного исследования потребной для нас истины. Вопросы, человек, для чего Бог сотворил тебя существом нравственным, имеющим тонкое внутреннее чувство различения добра и зла; для чего, по свидетельству Апостольскому, *создан ты на дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходишь* (Еф. II. 10), а дела злыя возбранены тебе строгими заповедями, под угрозою смерти? Для Творца ли твоего сие надобно, или для тебя самого? Если ты медлишь на сие ответствовать, то предваряет тебя один из просвещенных друзей Иова, и говорит: *воззри на небо, и виждь: смотри же на облаки, коль высоки суть от тебе. Аще согрешил еси, что сотвориши Живущему превыше их? Аще же и много беззаконновал еси: что можеша сотворити Ему? Понеже убо праведник еси, что даси Ему? Или что из руки твоя возмет* (Иов. XXXV. 5–7)? Возмем в разсуждение заповедь: *не укради*. К чему нужна она Тому, Который обладает всем, и у Которого никто не властен ни отнять, ни похитить? Не сделаешь Ему прибыли, если не украдешь, ни убытка, если украдешь. У него даже невозможно украсть, потому что куда ни унеси вещь, она всегда остается в Его владении. Если же заповедь сия не для Законодателя надобна, то, конечно, надобна для самого тебя, которому заповедана. Так точно: заповедано тебе не красть, дабы тоже заповедано было всем, дабы таким образом ты отовсюду был огражден безопасностью от кражи, дабы дело неправды не похищало у тебя мира, дабы дело правды приносило тебе покой. Подобным образом запрещено убивать, чтобы твоя жизнь предохранена была от убийства; запрещено лжесвидетельствовать и злословить, чтобы ты не страдал от клеветы и злоречия; запрещено желать зла и мыслить зло, чтобы злыя желания не мучили твоего сердца, чтобы злыя мысли не оскверняли и не затмевали твоего ума. Запрещены даже праздные слова и праздные мысли: это уже слишком тяжело, говорят легкомысленные; без нужды строго, думают неразумющие; праздные слова, говорят, не вредны, а праздные мысли – еще менее: да, мелкия насекомыя большею частию не ядовиты и не смертоносны; однако хотел ли бы ты жить в воздухе, ими наполненном, где непрестанно толпятся они в глаза, жужжат в уши, тревожат осязание и сотнями наносят, подлинно, несмертельные раны? Сему подобно состояние души, наполненной праздными и суетными помыслами: если кому сие не ощутительно, то потому, что он не испытал лучшего внутреннего состояния; и потому должен поверить знающим, что благо, которое готовит ему заповедь об очищении ума, гораздо важнее, нежели он вообразить может. Предписано Богослужение:

без сомнения и сие не потому, чтобы Бог имел нужду или недостаток в служащих ему: *тысяща тысяч*, как видел Пророк (Дан. VII. 10), *служат Ему* на небесах несравненно ближе и благоугоднее, нежели лучшие из земнородных; *тмы тем предстоят Ему* там, не имея нужды обращаться к другим, ничтожным делам, ни к безчувственному покою, как мы – после нашего краткого служения. Если мы удостоиваемся призывания к делам служения Богу: то для того, чтобы чрез сие сделать нам благодеяние и милость, приблизить наши мысли, чувствования, действия, ум, волю, словом: приблизить существо наше к Существу Высочайшему, чтобы сим приближением поставить душу нашу пред светом вечного Солнца, дабы она сим светом внутренно просвещалась, оживлялась, наполнялась, питалась, наслаждалась и, утвердись наконец в причастии сего света совершенно, сделалась причастницею вечного блаженства. Что сказать о *новой заповеди*, о возвышеннейшем, чистейшем, совершеннейшем, собственно Христианском образе закона, о единственной и всеобъемлющей заповеди, о любви к Богу и к ближнему? Кто здесь не чувствует, как прямо, как непосредственно ведет правда к миру, исполнение заповеди к блаженству: тот, видно, не получил еще предсказанного Пророками истинным Христианам *сердца нового и духа нового* (Иез. XXXVI. 26), а остается с сердцем ветхим, Адамовым, *каменным*; и поистине таковой заслуживает, чтобы отнять у него сей свободный и возвышенный закон, которого достоинства он знать не хочет, и предать его всей власти низкого и рабского закона чувственных нужд, похоти, ярости, со скотами и зверями, и, с неодушевленной землею природою, законам темного, страдательного борения сил.

Человек, заботящийся менее о правде, нежели о мире, менее о законе, чем о благополучии, может-быть, скажет, что он уверен во всеобщей благотворности закона и правды, если бы только держались оных все без изъятия, и если бы путь правды в начале и продолжении своем не представлял трудностей, которые закрывают возжеланный конец онаго. Но когда, говорит, вижу, что слово правды и честности часто не находит внимания, а слово хитрости и лести уловляет людей и правит делами; что многолетний праведный труд только что не лишается насущного хлеба, между тем как посредством неправедных оборотов составляются огромные богатства; что на пути правды предстоят подвиги, лишения, а по сторонам от него разсыпаны удовольствия... Не хочется договорить сего нелюбомудрого разсуждения, которое впрочем, осмотрясь, вероятно, не один из нас найдет у себя более или менее доведенным до употребления в делах. Ах, бедный искатель скороспелого и дешевого благополучия! Неужели ты подлинно хочешь завидовать хитрости, лести, неправедным оборотам, злоприобретенному имению, низким удовольствиям, кратко сказать, неправде и пороку? Неужели недостойнство средств не отражает тебя сильнее, нежели сколько привлекают выгоды, обещаея такими средствами? Неужели приятно было бы тебе надеть красивую одежду, как вывеску твоих обманов, построить великолепный дом, как памятник твоему грабительству, сесть за роскошный стол и есть плоть и пить слезы и кровь разоренных твоими неправдами? Неужели ты назвал бы это благополучием? Неужели полагал бы тут найти мир хотя на краткое время, не говорю, надолго? *Не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие: зане яко трава скоро изсиют* (Псал. XXXVI. 1. 2). Если под владычеством правосудного царя земного не долго успевают неправда, не долго правда остается в затруднении: возможно ли в царствии всевидящего и всемогущаго Царя небесного, долго, ненаказанно ругаться над Его вечными и святыми законами? Возможно ли, чтобы ревностные и верные исполнители сих законов не были ведены самым верным, хотя не всегда одинаким, не всегда открытым, не всегда торжественным путем к миру, к покою, к блаженству? Праведный Иов будет наконец благоденствовать, несмотря на то, что видимый и невидимый мир возстали на разрушение благоденствия его. Если правда Иосифа низведена до рабства и темницы: за то наконец она возведется до престола. Кроме сего, есть для Иосифа и в темнице мир, которого не имеют братья его на свободе, – мир

добраго сердца, утешение непорочной совести, отрадное веяние духа небесного на чистую душу, предвкушение блаженства, уготованного правде сынов Божиих, не только правдою, но и безконечными щедротами Отца небесного.

Христианин! Никто, как ты, для достижения правдою мира, добродетелию блаженства, не имеет столь совершенного Подвигоположника, столь верного Вождя, столь могущественного Помощника. Он един паче всех показывает тебе, что еслиб дела правды повели даже путем смерти, то проведут до воскресения в жизнь, и до вознесения в славу. Итак, тебе с особенною точностию и можно и должно исполнять учение, которое и прежде Христианства преподавать не колебались: *уповай на Господа, и твори благостыню, и насели землю, и упасешия в богатстве ея. Открой ко Господу путь твой, и уповай на Него, и Той сотворит. И изведет, яко свет, правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Псал. XXXVI. 3. 6). Аминь.

CXXXVII.

82. СЛОВО в день св. пророка Илии.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 годов).

<1830 год>

*И иде в крепости яди тоя четыредесять
дней, и четыредесять
нощей до горы Божия Хорив. И вниде тамо
в пещеру, и вселися
в ней, и се глагол Господень к нему (3
Цар. XIX. 8. 9).*

Во многих церквах, как здесь, память Святаго Пророка Илии совершается по особенному Церковному чину. Усердствующие собираются в первенствующий храм места, и, с предношением священных знамений веры, с пением духовных песней, путешествуют в другой храм, особенно посвященный памяти Пророка, и здесь уже совершается торжественное Богослужение. Что была за мысль Богомудрых Отцев наших в сем учреждении, какового для многих других Святых, и даже для многих Господних праздников, не сделано?

Чтобы с основанием отвечать на сей вопрос, заметим общее правило Святыя Церкви: представлять видимые образы и подобия того, что воспоминается или созерцается духовно в ея праздниках. Так, вспоминая Крещение Господа, она ведет вас на реку и совершает молитвы над водою; торжествуя Воскресение Господне, она пробуждает вас в полночь, и преизобильным светом светильников во храме изображает день вечныя жизни в горнем Иерусалиме, где светильник Агнец, где солнце не нужно, где ночи не будет.

По сему правилу, по сим примерам, догадываться можно, что наше крестное хождение в день Илии Пророка есть для назидания нашего представленный, уменьшенный образ многих его хождений, по истине крестных, то-есть, соединенных с подвигом и страданием ради Бога и благочестия, и в особенности образ великаго и чудеснаго путешествия его в гору Хорив, где он сподобился созерцать торжественное явление Божества.

И так, с благоговейным вниманием приведем себе на память хождение Пророка Илии во время бездождия и глада к потоку Хорафову и здесь его чудесное препитание служением вранов; потом его хождение в Сарепту, и там чудеса неоскудевающей горсти муки, неизсякающего еля, воскресения сына вдовицы; обратное хождение в землю Израильскую, и чудеса низведения дождя на землю, и огня небесного на жертву; бегание пред Ахаавом во Иезраель, может быть, с желанием и нечестивую Иезавель обратить к Богу силою совершившихся чудес, и обратное отшествие души ради своея, не потому, чтобы подвизающийся для неба дорожил земною жизнью, но потому, что не хотел доставить торжества нечестию, в предосуждение благочестию; наконец великое, как я сказал, путешествие, к которому Ангел приготовляет Пророка двукратным сряду обедом, без сомнения, потому, что постник не хотел вкусить довольно, тогда как сие нужно было для его укрепления на долгий путь, – чудесно трудное путешествие в продолжение сорока дней и сорока ночей без пищи, впрочем достаточно награжденное беседою с Богом и непостижимым для нас блаженным ощущением: *тамо Господь*. Не буду говорить о последнем путешествии Пророка из Галгал в Вефиль, из Вефиля в Иерихон, из Иерихона за Иордан, при чем Илия старался скрыть себя и славу своего вознесения от Елисея. С нашими еще очень земными движениями ума и сердца не догнать нам путешественника, поспешающего на небо.

Особенно меня останавливает вопрос о Хоривском путешествии Пророка, подобный вопросу о нынешнем нашем крестном хождении: что была за мысль послать его в столь дальний и необыкновенный путь? Еслибы спросили: за чем послан он был во время бездождия на поток Хорафов; ответ не труден: там еще сохранялось естественно хотя одно из средств жизни, вода. За чем в Сарепте? – За тем, что в Хорафе воды не стало, а в Сарепте нашлась верующая женщина, которая достойна была и сама быть сохранена от глада чудесно, и послужить сохранению человека Божия. Но за чем в Хорив? Для беседы с Богом? Для явления Божия? Но не беседовал ли Бог с Илиею и в Хорафе, и в Сарепте? Не равно ли для Вездесущаго явиться в пустыне Иудейской, или Аравийской? Не обвините меня по сим вопросам в любопытстве или дерзости. Внимайте спокойно; я ищу наставления.

Подлинно Бог везде может беседовать с верующим; везде может дать узреть Себя чистому сердцем. Однако из сего не можно заключить, что Илии не нужно было идти в Хорив: ибо идти туда повелел ему Бог, а Бог не может повелеть что-либо излишнее или бесполезное. Благодатное общение всегда готово для человека со стороны Бога; но человек с своей стороны не всегда готов для общения с Богом, и требует большего или меньшего приготовления, смотря по тому, в каком состоянии обыкновенно находится, и к чему готовится. *Очисти я днесь и утре: и да исперут ризы: и да будут готовы в день третий* (Исх. XIX. 10. 11). Сим повелением сам Бог очевидно приготовлял Евреев к великому откровению на горе Синайской. *Уготовихся и не смутихся, сохраним заповеди Твоя* (Пс. CXVIII. 60), говорит к Богу Псалмопевец: и тем дает разуметь, что если для исполнения заповедей Божиих в порядке, без смущения, нужно приготовление, кольми паче для принятия благодатных общений и духовных откровений. Чем особеннее общение, к которому Бог призывал Пророка Илию, тем особеннее требовалось к оному приготовление, которое и заключалось в его сорокадневном крестном ходе.

Ход Илии был в мире, но от мира к Богу; во плоти, но от плоти к духу; по земли, но от земли к небу.

Ход его был от мира: потому что час от часа далее оставлял он за собою и невразумимое безумие Ахаава, и неукротимую злобу Иезавели, и мерзости лжепророков, и бедственное ослепление Израильского народа. Как луна от тумана и облаков, душа Пророка

освобождалась от темных, печальных и нечистых воспоминаний мирской суеты, порока и нечестия; возвышалась в светлости, в спокойствии, в чистоте, и силою уподобления, более и более³ открывала себя Богу, Который есть свет и мир.

Ход Илии был от плоти к духу: ибо хотя он и прежде сего не покорялся плоти, а предстоял Богу духом, почему и был способен слышать глас Его, и принимать Его повеления; но когда надлежало ему вступить в ближайшее, и после сокровенного в открытое некоторым образом общение с Богом, тогда потребовалось крайнее очищение и утончение внешнего человека, дабы сей бренный сосуд не распался от прикосновения высочайшей духовной силы. Больной глаз не может сносить обыкновенного света, который приятен оку здоровому: но чтобы смотреть безопасно на солнце, потребно зрение орлиное. Так плотский, грехом зараженный человек, не способен к благодатным ощущениям даже низшей степени: но чтобы откровенным лицом взирать на славу Божию, или хотя под покрывалом предстоять ей вблизи, для сего и очистившийся от скверн плоти, и причастившийся духа, требует новаго возведения. Посему, как Синайскому с Богом общению Моисея сопутствовал сорокадневный пост: так и Хоривскому с Богом общению Илии предшествовало сорокадневное путешествие, в котором он не питался ничем другим, как только помышлением о Боге и молитвою.

Ход Илии был к небу и к Богу: ибо хотя он, вероятно, не знал предварительно, что будет с ним в Хориве; но идучи на сию гору, которая сопредельна и в основании своем есть одна с Синаем, почему и названа *горою Божию*, без сомнения, вспоминал славное Богоявление Синайское, и сим благоговейным воспоминанием не только *приступал к горе осязаемой, и разгоревшемуся огню, и облаку, и сумраку, и буре, и трубному звуку, и гласу глагол небесных*, но, как созерцатель, и к самому Глаголателю *небесному, Егоже глас землю тогда поколеба* (Евр. XII. 18. 19. 26), и таким образом, когда ноги Илиины текли все по земли, дух Илиин все восходил к небу, и приготавлился к высокому общению с Богом.

Таков, братия, великий крестный ход Илии; таков его святой праздник, в который он нимало не работал плоти, нимало не занимался миром, точно праздновал единому Богу. По сему можно судить, каков должен быть и наш, хотя малый, крестный ход, и наш, хотя не столь совершенный, духовный праздник.

Когда в священном шествии ведут тебя от одного святого места в другое для протяженного молебствия и торжественного Богослужения: помышляй, что и тебя хотят приготовить к общению с Богом, елико можно, чистому, елико можно, близкому. А если ты внимателен: то и всякий обыкновенный твой путь из дома во храм Господень совершай по возможности, как деятельное приготовление к общению с Богом. Еще же лучше, да будет и вся жизнь твоя, по примеру Святых, не иное что, как непрерывный крестный, крестом Христовым предваряемый, управляемый и охраняемый, кресту Христову последовательный ход, от плоти к духу, от земли к небу, от мира к Богу. Да будет твоим праздником не только то, чтобы ты был празден от тяжких рабских дел, но то наипаче, чтобы ты был свободен от приятной работы чреву, рассеянию, тщеславию, суетам разного рода. Соделывай всемерно ум твой, сердце твое и самые чувства твои праздными от всякой твари, прельщающей, озабочивающей, смущающей, да возможешь принять Бога в уме, в сердце, во внутреннем чувстве, созерцанием, желанием, ощущением, чрез духовное учение, чрез чистую молитву, чрез дела благия и святых.

После сего что сказать о тех, которые без благоговения, без размышления, без внимания идут на праздник Церковный, как на мирское зрелище, на место святое, как на место увеселения чувственного? Да сохранит их Бог, чтобы они не приобщились к праздникам

Ахаава и Иезавели: но чтобы они участвовали в празднике Илии Пророка, того конечно сказать о них не можно.

Щедрый стяжатель даров духовных, не отказавший Елисею в недовольно скромном домогательстве иметь вдвое более тебя! Не откажи и нам дерзновенно просящим: ходатайствуй пред Богом твоим и нашим о усугублении благодати празднующим день твой вместе с тобою молитвою и воздержанием, или, с препитавшею тебя вдовицею, делами человеколюбия и милосердия. Но и на тех, которые не постигают еще высоты и чистоты твоего праздника, низведи от благопослушливаго тебе неба не огонь гнева пожирающий, но свет благодати просвещающий, да и сии наконец путем истины и правды приидут в гору Божию святую, и вселятся в ней во веки. Аминь.

СXXXVIII.

83. СЛОВО

по освящении храма Святыя великомученицы Екатерины при Екатерининском Институте.

(Говорено сентября 14 дня; напечатано отдельно
и в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.).

<1830 год>

*Уготовися призывати Бога твоего
Исраилю. (Амос. IV. 12).*

Освящение храма есть один из случаев, при которых Церковь подает нам мысли о приготовлении нашем для Бога.

Ибо что значат, с особенною торжественностию, во время сего тайнодействия возглашаемые пророческия слова: *возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная: и внидет Царь славы* (Псал. XXIII. 7)?

Скажем ли, согласно с изъяснением некоторых древних созерцателей, что сим изображается восхождение Иисуса Христа, по воскресении, с обоженным в Нем человечеством, на небо, — восхождение необычайное для небес, потому что безприммерно дотоле, и совсем непостижимо было восхождение на небо с плотию: почему и надлежало произойти некоему необычайному движению небесных сил, так как-бы малыя двери и тайная лестница восхождения и нисхождения Ангелов, превращались в великия врата торжественнаго вшествия Победителя смерти и Возстановителя человечества? — Нет спора о сем первоначальном, небесном смысле слов Пророческих: но когда оне произносятся пред вратами храма земнаго; то по необходимости требуют сюда относящагося применения.

Скажем ли что сим изображается вступление в освящаемый храм благодатнаго, таинственнаго присутствия Иисуса Христа, Царя славы, да возсядет здесь на престоле храма, подобно как на небесах возседит одесную Бога Отца, да подает отселе благодать, подобно как оттоле дает славу? — Это верно так: но что значит, что велят возвыситься вратам вечным, тогда как сие повеление произносится пред вратами, которые суть временны, потому что вещественны, и которые сего повеления не могут ни услышать, ни понять, ни исполнить?

Для удовлетворительного разрешения сего вопроса возьмем в основание то, что говорит о храме и о святости его Святой Апостол Павел: *храм Божий свят есть, иже есте вы* (1 Кор. III. 17). То есть: храм Божий есть чувственное изображение духовного храма, который есть истинный Христианин; святостию храма изображается святость Христианина; следственно и освящением храма, освящение Христианина. И так, когда при освящении храма возглашается ко вратам вечным: то сие относится к бессмертной душе, к ее свободной воле, желаниям и любви, коими она может приять Бога. Когда повелевается, чтобы врата возвысились: то чрез сие возбуждается человек воздвигнуть силу воли своею от низких, земных вещей к возвышенным, небесным предметам, вознести горе помышления и желания, отверсть верою, расширить любовию сердце, к общению с безконечным Богом.

Если сие изъяснение слов Пророческих и обряда освящения храма некоторым покажется недовольно простым, для убеждения в истине: то пусть поверят оное возглашением другого Пророка, прямо к чтущим Бога человекам, под именем Израиля. *Уготовися призвати Бога твоего, Израиль!* вызывает Пророк Амос: или, точнее по Еврейскому его изречению: *приготовься в сретение Богу твоему*. Пусть вспомнят обещание посещения Божия, которое не иносказательно ко вратам или храму, но прямо к верующему человеку и к любящей душе произносит Сам Иисус Христос: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Иоан. XIV. 23).

И так тебе говорят, Христианская душа, *приготовься во сретение Богу твоему*.

Как приготовиться? Когда ожидать Его? Где можно с Ним встретиться? – Посмотрим несколько пристальнее, несколько ближе.

Человек не так сотворен, чтобы ему быть и оставаться в разлучении с Богом, и в удалении от Него. Если душа человека есть дыхание жизни от уст Господних, как сказует книга Бытия: то какова близость между дыханием и дышущим, такова должна быть близость между человеческою душою и Богом. Разлучение человека от Бога есть состояние неестественное. О причине сего разлучения тоже должно сказать в отношении ко всем человекам, что сказано Пророком в отношении к Иудеям: *греси ваши разлучают между вами и между Богом* (Исаии LIX. 2). Посмотрите на первых человек после первого греха. *Услышаста глас Господа Бога ходяща в раи по полудни*: вот след первоначального общения человека с Богом! *И скрыстася Адам же и жена его от лица Господа Бога* (Быт. III. 8): вот изображение греховного разлучения от Бога! Примечайте, что милосердый Бог идет к человеку и после греха его: но грешник не готов во сретение Богу своему, и убегает от Него. И это не в раю токмо: но и по изгнании человека из рая, Бог все еще старается приблизиться к грешнику, чтобы обратить его к Себе, и потому не гнушается говорить даже с братоубийцею Каином; а грешник продолжает удаляться от Бога; и не Бог Каину, но Каин сам себе произносит приговор изгнания от лица Божия. Так от первых дней мира, и далее, Бог все идет к человеку, приближается, является в делах природы и Провидения, в чудесах, в откровениях, в законе, в Пророках, и в последок дней сих в единомродном Сыне Своем Иисусе Христе. Прислушайся, внимательная душа: не слышится ли и тебе *глас Господа Бога ходяща*, не только *в раи по полудни*, но и по всей вселенной, в полудни и в полунощи, утром и вечером? Скажет ли напротив душа разсеянная, что она ничего такого не слышит? На сие ответствуем ей: Бог однако не переменился, не отступил вспять, не перестал действовать; если ты Его не слышишь, то ты невнимательна.

Как вечный и вездесущий, Бог присутствует и действует всегда и везде, потому всегда и везде можно с Ним встретиться. Но поелику человек, по греховности своей отвращается и удаляется от Бога; по своей переменчивости и немощи не всегда внимлет Ему; по своей духовной слепоте и плотяной огрубелости часто не примечает тонких духовных действий Божества: то есть особенные обстоятельства и случаи, когда, и где, глас шествия Божия к человеку особенно внятно слышен, и таким образом человек особенно призывается уготовиться во сретение Богу своему. *Сице сотворю ти, Израилью*, говорит Бог у Пророка: *оба́че яко сице сотворю ти, уготовися во сретение Богу твоему, Израилью*. Теперь нет нужды доискиваться, о каком деле Своем предваряет Бог Израиль: хотя впрочем из слов Пророка можно приметить, что это есть угроза делом правосудия и наказания: довольно заметить для настоящего разсуждения, что есть особенные дела, которые творит Бог, и о которых предваряет человека, именно для того, чтобы возбудить внимание человека; чтобы показать ему Свое приближение, и призвать его во сретение Себе; чтобы внушить ему Свои спасительные намерения, и расположить его к соответствованию оным.

Видена быша шествия Твоя, Боже (Псал. LXVII. 25)! Просвети очи наши, чтобы в чистом свете рассмотреть виденное, да научимся созерцать и невиденное нами.

Если нам не довелось собственными очами видеть какогонибудь великого и чудесного шествия Божия, в котором *земля потрясется, небеса кануша от лица Бога Синаина* (Псал. LXVII. 9): не видим ли мы, по местам, по временам, хотя меньших путей Его, которые идут иногда прямо к нам? Не случается ли, что земное, нас окружающее, потрясается, отклоняется от нас, и оставляет пространство между нами и прочими тварями? Болезнь, печаль, потрясение благосостояния, разлука с людьми искренними и верными, ненадежность оставшихся, гонение, угнетение, презрение, превратности внезапные, бедствия поражающие, опасности грозные, а в некоторых случаях, неизъяснимое внешними причинами внутреннее действие, не приводят ли нас иногда в такое расположение духа, что предметы, дотоле занимательные и приятные, уже не привлекают нас, но становятся неусладительны, безвкусны, чужды; мы чувствуем пустоту, ничтожность всего, что испытали, потребность и некое ожидание, которых ничто не удовлетворяет? Знаете ли, что это такое? – Невидимое однако же не совсем неприметное *шествие Бога* нашего, *глас Господа ходяща*. Он идет к душе нашей, и уготовляет Себе путь, отстраняя от нея твари, около ея теснящиеся, и путь Ему преграждающие. И *яко сице творит Он тебе: уготовися во сретение Богу твоему, Израилью*, – уготовься, душа моя, свободным и решительным отвержением тварей, нелюблением мира, ни яже в мире, дабы не было тебе препятствия принять Бога полною любовью неразделенного сердца.

Когда мысль о будущем и страх суда Божия, как громовый удар, пробуждает нас от дремоты безпечности; когда совесть, как молния, внезапным грозным светом озаряет мрак души, и обличает все, даже до сокроуенных нечистот, помыслов и желаний, даже до забытых давно грехов юности: что и это, как не *шествие Бога* правосудного и вместе милосердаго, *глас Господа*, преследующаго грех, и в тоже время ищущаго благодатно приблизиться к грешнику? Не скрывайся же бесполезно, как Адам; не заточай упорно сам себя далее и далее от Бога, подобно Каину; *уготовися во сретение Богу твоему*, сердечным сокрушением, слезами, покаянием, исправлением жития.

Чувствуешь ли расширение, облегчение, возвышение сердца, при совершении доброго дела, во время прилежной молитвы, при посещении храма Божия, при слушании слова Божия? – Знай, что это *глас Господа Бога ходяща в раи* внутреннем, благодатное приближение, сладкое в двери сердца толцание Того, Который сказал: *се стою при дверех и толку; аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечераю с ним, и*

той со Мною (Апок. III. 20). Не теряй драгоценного мгновения; не запирайся от вожделенного Пришельца; *уготовися во сретение Богу твоему*, отверзи Ему дверь сердца твоего верою, любовью и искреннею готовностью послушливо принимать благодатныя внушения, и верно последовать оным.

Вот некоторые, наиболее обыкновенныя сретения благодатных посещений. Кто внимательно будет ожидать, и тщательно готовиться: тот будет встречать Бога своего так часто, и так близко, что наконец возможет сказать с Давидом: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Псал. XV. 8).

Призри благодатно, Господи и на нашего Давида, и на сопрестольную Ему общую для всех детей сих по человеколюбию Матерь; и к тем, которые устроением сего святилища желают приблизить к Тебе, и Тебе уготовать юныя сердца сии, буди выну близок и присущ святым и освящающим Твоим благословением, временным и вечным. Аминь.

CXXXIX.

84. СЛОВО

по освящении храма и по принесении Господу Богу молитв о предохранении от губительных болезней.

(Говорено сентября 18 дня; напечатано отдельно
и в собраниях 1835, 1844 и 1848 годов.)

<1830 год>

Вкратце буду беседовать с вами, братия; хотя не мало сказать надобно. Продолжившиеся молитвы не позволяют быть долгому слову. Послушайте не долго, но внимательно.

В молитвах упоминалось о губительной язве во дни Давида, и о чудесном ея прекращении (2 Цар. XXIV). Воспоминание сие здесь к месту, теперь ко времени.

Царь Давид впал в искушение тщеславия: хотел показать силу своего царства, и повелел исчислить всех способных носить оружие, тогда как такое исчисление совсем не было в употреблении у Евреев. И праведник не безопасен от падения, если вознерадит.

Еще не кончилось исчисление народа, как Царь почувствовал в совести своей обличение греха и страх наказания от Бога. В самом деле явился Пророк, и, по повелению Божию, предложил Давиду на выбор одно из трех наказаний: войну, голод, мор. Примечайте из сего примера, что война, голод, мор, и подобные бедствия, хотя кажутся приключениями случайными; хотя происходят частью от известных причин естественных, тем не менее однако суть орудия правосудия Божия, употребляемые для наказания согрешивших человеков.

Давид смирился пред Богом, безропотно покорился суду Его, и совершенно предался в волю Его. *Да впаду убо в руце Господни*, сказал он. *И даде Господь смерть во Израили от утра до часа обедняго*. Здесь приметьте скорый плод смиренной покорности судьбам Божиим. Не три месяца несчастной войны послал Бог, не три года голода, и мор не на три дня, как угрожал Пророк сначала, но уже только *от утра до часа обедняго*.

Открылось наказание греха, и совершилось покаяние Давида. *И рече Давид ко Господу, егда виде Ангела биюща люди, и рече: се аз есмь согрешивый*. Давид совершенно покался

во зле греха, и тотчас *раскаялся Господь о зле наказания. И рече Ангелу погубляющему люди: довольно ныне, отъими руку твою.* Примечайте спасительное действие покаяния.

Чтобы довершить действие помилования, избавления и спасения, Пророк, по наставлению Ангела, побудил Давида поставить Господеви олтарь, на гумне Орны Иевусеанина, там, где в последствии времени создан и храм Соломонов. *И созда тамо Давид олтарь Господеви, и вознесе всесожжения и мирная. И послуша Господь земли, и отъят язву от Израиля.* Примечайте необходимость молитвы во время общественных бедствий, и в особенности пользу молитвы, приносимой торжественно пред олтарем, по наставлению духовному и небесному, по установлению Божественному.

Братия! не видится ли нам нечто подобное грозному видению Давида? Не видим ли и мы Ангела Господня *стояща между землею и небом, и меч его извлечен в руку его, простерт на Иерусалим* (1 Пар. XXI. 16)? Не смотрите большими глазами страха, которые обыкновенно видят то, чего нет, и не видят того, что есть: взирайте острым и мужественным оком проницания и благоразумной предосторожности. Губительная болезнь, несколько лет опустошавшая не Христианския страны Азии, простерлась и на Христианския страны Европы. В прошедшем году показала она в пределах отечества нашего: уступила предохранительным средствам попечительнаго Правительства: но в нынешнее лето явилась вновь. Мы, до сего дня пощаженные, благословим долготерпеливаго к нам Бога! Но Ангел погубляющий виден; меч его извлечен: он угрожает.

Что же нам делать? Я думаю, то же, что сделали Давид и жители Иерусалима при виде Ангела погубляющего. *Паде Давид и старейшины Израилевы, облеченнии во вретище, на лице свое.* То же должно нам делать, чем Ниневитяне отвратили не по догадкам и опасениям ожидаемую беду, но определительно предсказанную погибель. *Вероваша мужие Ниневийстии Божови, и заповедаша пост. И возопиша прилежно к Богу, и возвратися кийждо от пути своего лукаваго, и от неправды суция в руках их* (Ион. III. 5–8).

Повергнем, братия, сердца наши пред Богом во смирении, в покорности неисповедимым судьбам Его. Признаем не только правосудие Бога, готового карать грехи наши, обличающего наше житие, недостойное имени Христианскаго, но и Его милосердие и долготерпение, которое не вдруг, не прежде других, поражает нас, а показывает поразившее других, нам же только грозящее наказание, и, как бы предохраняя, говорит: *еще не покается, вси такожде погибнете* (Лук. XIII. 5). Покаемся, братия, и принесем плод достойный покаяния, то есть исправление жития. Отложим гордость, тщеславие и самонадеяние. Возбудим веру нашу. Утвердимся в надежде на Бога и на имя Иисуса Христа, Ходатая Бога и человеков, Спасителя грешных и погибающих. Исторгнем из сердец наших корень зол, сребролюбие. Возрастим милостыню, правду, человеколюбие. Прекратим роскошь. Откажем чувственным желаниям, требующим ненужнаго. Возлюбим воздержание и пост. Облечемся, если не *во вретище*, то в простоту. Отвергнем украшения изысканныя, ознаменованныя легкомыслием и непостоянством. Презрим забавы суетныя, убивающия время, данное для делания добра. Умножим моления, тайныя на всяком месте, и во всякое время, общественныя, по руководству Святыя Церкви. Употребим внимательно, благовременно, благонадежно, всегда благотворное и всецелое врачевство, мирную, безкровную жертву, приобщением Пресвятаго Тела и Крови Христовы.

Хотя ни Ангел, ни Пророк не приходил побудить нас к созданию благоприятнаго Богу, а для нас благодатнаго олтаря: но, благодарение Богу, Христолюбивое усердие, не престаёт

созидать олтари и храмы; и на одной неделе, не один олтарь освящен, и еще не один готовится к освящению.

Господи! *послушай земли*, смиренно призывающей Твое пренебесное Имя, и *отъими язву* от России. Сохрани град сей, и верою живущих в нем. Благослови плодоносящих и добродееющих во Святых храмах Твоих!

Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя! Аминь.

CXL.

85. РЕЧЬ

**Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу
пред вступлением Его Величества в Успенский Собор.**

(Говорена сентября 29 дня, во время открывшейся в Москве губительной болезни;
напечатана в собраниях 1835, 1844 и 1848 годов)

<1830 год>

Благочестивейший Государь!

Цари обыкновенно любят являться Царями славы, чтобы окружать себя блеском торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься ныне среди нас как Царь подвигов, чтобы опасности с народом Твоим разделять, чтобы трудности препобеждать. Такое Царское дело выше славы человеческой, поелику основано на добродетели Христианской. Царь небесный провидит сию жертву сердца Твоего, и милосердо хранит Тебя, и долготерпеливо щадит нас. С Крестом сретаем Тебя, Государь, да идет с Тобою воскресение и жизнь.

CXLI.

86. СЛОВО

**в день Святых трех Святителей Московских, при продолжении
молитв о избавлении от губительных болезней.**

(Говорено в Успенском соборе, октября 5 дня;
напечатано отдельно и в собраниях 1835, 1844 и 1848 годов.)

<1830 год>

И в праздник теперь не время торжествовать: потому что исполняется над нами слово Господне: *превращу праздники ваша в жалость* (Амос. VIII. 10). И в день Господень, в доме Божиим несвободно Богословствовать: потому что свет созерцания закрывается туманом скорби, и заботливые помыслы прерывают нить размышления и слова. Должно нести то, что рождает находящий день: надобно, без попечения о чине слова, говорить то, что внушает, и чего требует настоящее время.

И гнев, и милость, и наказание, и пощада, и грозное прещение противу грехов наших, и долготерпеливое ожидание нашего покаяния, ежедневно и ежечасно пред очами нашими. Ангел погубляющий ходит по стогнам и по домам; большую часть обитателей оставляет неприкосновенными; не многих касается; некоторых поражает. Видите, что мера грехов

наших полна: ибо начинается необычайное наказание. Но видите и то, что бездна милосердия Божия неисчерпана и не заключена: ибо не *вскоре возгарается ярость Его* (Псал. II. 12).

Помыслим, братия, о важности для нас настоящего времени. Важно и всякое время; и нет времени, которое безопасно можно было бы пренебрегать: ибо во всякое время можно спастись или погибнуть. Но особенно и необыкновенно важно для нас сие время, когда Бог уже положил нас на весы правосудия Своего, так что одна пылинка, прибавленная к тяжести грехов наших, одна минута, не употребленная для облегчения сей тяжести, могут низринуть нас; когда путь жития нашего стеснился так, что с каждым шагом мы поставляем ногу между жизнью и смертью, между надеждою спасения и страхом гибели; когда *Бог Судитель праведен и крепок, и долготерпелив, и не гнев наводяй на всяк день*, по неисповедимым, но, без сомнения, премудрым и праведным судьбам Своим, в сии дни, особенно, близко, прямо на нас навел гнев, и, *аще не обратитесь, оружие Свое очистил, лук Свой напряже и уготова и, в нем уготова сосуды смертныя, стрелы Своя палящими содела* (Псал. VII. 12–14).

Когда тут медлить? Куда откладывать спасительныя намерения? У места ли дремать безпечно на краю пропасти? Надобно каждому из нас немедленно и ревностно попешись, как бы облегчить тяжесть прежних грехов своих, покаянием и делами человеколюбия; как бы от умножения сей губительной тяжести предохранить себя чрез пресечение дел неправедных решительным и твердым намерением исправления; как бы чрез живую веру и непрестанную молитву *открыть ко Господу путь* свой духовный (Псал. XXXVI. 5), и утвердиться в нем, дабы и сомнительною стезею жизни временной могли мы проходить с бодростию, и на темный путь смерти телесной вступать без боязни; как бы возгорающийся гнев Божий угасить слезами умиления; как бы от стрел правосудия Божия укрыться под непроницаемым щитом креста Христова.

Повторяю, и не могу довольно повторять: покаяние, исправление жития, молитва, вера во Христа Спасителя, и какая кому по состоянию и дару возможны добродетели Христианския и плоды духовные, – вот истинныя потребности наши во всякое, и наипаче в настоящее время! Вот верныя средства нашей безопасности во всякой видимой опасности, и благонадежные залогов неотъемлемой жизни в самой смерти! По благодати Божией спасительныя средства сии всегда готовы для нас; никогда не удалены от нас: войди только каждый в себя; взирай умом, обращай сердцем, воздыхай духом к Богу крепкому, живому, многомилостивому.

Господи! Ты един *веси сущих Твоих* (2 Тим. II. 19), также и начинающих быти Твоими; однако, поелику Ты показал нам возможность познавать древо по плодам, и духовное состояние человека по явлениям онаго; дерзаем утешать себя мыслию, что есть между нами такие, которых настоящий гнев твой обратил к милосердию Твоему, и страх близкой гибели приблизил ко спасению. Сего ради буди благословен и во гневе Твоем, якоже и в милосердии Твоем! Но, Господи, обещавший некогда не погубить целого града десяти ради в нем праведников, и ради покаяния единого Давида повелевший Ангелу погубляющему отъяти руку свою от Иерусалима, пощади и спаси град сей ради известного Тебе в нем числа покаявшихся от грехов своих!

Много должно утешать и ободрять нас, братия, и то, что творит среди нас Помазанник Божий, Благодетельнейший Государь наш. Он не причиною нашего бедствия, как некогда был первою причиною бедствия Иерусалима и Израиля Давид (хотя конечно по грехам и всего народа): однако с Давидовым самопожертвованием приемлет Он участие в нашем бедствии. Видит нашу опасность: и не думает о Своей безопасности; устремляется к нам в

ту самую минуту, как примечает опасность. Государь! Тебе нет нужды подвергать Себя нашей опасности; наши грехи привлекли на нас бедствие; облегчай оное, поколику можешь, но не приближайся к местам, кои посещает гнев Божий. Нет, говорит Он, *да впаду в руце Господни*; иду туда, где вознесена грозная рука Господня, чтобы как можно более разделять скорбь, как можно деятельнее облегчать бедствие возлюбленного Мне народа. Государь! мы знаем, как близка к сердцу Твоему Твоя древняя Столица: но Россия на раменах Твоих; Европа предлежит заботливым очам Твоим, – Европа, зараженная, гораздо более смертоносным, поветрием безверного и буйного мудрования; против сей язвы нужно Тебе укрепить преграду; для сего потребно бдительное наблюдение происшествий, многие советы, дополнение рядов Твоего воинства. Так, говорит Он, Мой долг предупреждать и ту опасность; но непреодолимая сила отеческой любви и сострадания влечет Меня к сердцу России, болезненно трепещущему.

Защитниче наш, виждь, Боже, и призри на лице Христа Твоего (Псал. LXXXIII. 10); прими жертву Его человеколюбия, и умиласердися над народом Его!

О как, братия, желал бы я совсем успокоить себя таковыми утешениями, и почить на уповании. Но еще страшусь, чтобы пред очами Всевидящего и нелицеприятного Судии число кающихся и смиряющихся не оказалось слишком малым, и покаяние слишком несовершенным; чтобы множество не поболевших и не сокрушившихся, когда бичь Божий поразил не многих, не низвело на себя умноженных ударов, чтобы на неприемлющих наказания Божия сильнее не возгорелась ярость Божия.

К вам обращаюсь и мысленно припадаю, Богоутвержденные столпы здешняго Священноначалия, Петре, Алексие, Ионо, Филиппе! Чего не может сделать сие скудное и безсильное слово; чего недостает в моем собственном немощем и неплодотворном покаянии: да сотворит то, да восполнит ваша благоприступная к Богу молитва, и обилие данная вам благодати. Да не упасет смерть стада вашего. Да сохранится оно, и почует в мире, в безопасности жизни временной, в надежде жизни вечной, не сокрушаемое, но руководимое и ограждаемое жезлом Верховнаго Пастыре-Начальника, Иисуса Христа, Начальника жизни, прославленного во Святых, во веки. Аминь.

СХLII.

87. СЛОВО

**в неделю двадесатую по Пятдесятнице, при воспоминании
освобождения Москвы от нашествия Галлов, и при продолжении
молитв о избавлении от губительных болезни.**

(Говорено в Успенском Соборе октября 12 дня;
напечатано отдельно и в собраниях 1835, 1844 и 1848 г.)

<1830 год>

Еще праздник; и еще слышится мне грозное слово Господне: *превращу праздники ваши в жалость, и вся песни ваша в плач* (Амос. VIII. 10).

Мы воспоминаем ныне, и хотели бы праздновать освобождение сего града от сорокадвухдневнаго одержания жестокими врагами. Хотим торжественными песнями славословить Бога избавителя. *Востани, слава моя; исповеся Тебе в людех, Господи* (Псал. CVII. 3. 4).

Но что град? Что там люди? Не новое ли трудное поприще времени проходят? Несколько сот болящих страждут; многие здоровые сострадают болящим; некоторые оплакивают умерших; малодушные связаны страхом; благоразумные не столько, как обыкновенно, свободны, по причине осторожности; человеколюбивые носят в сердце чувство общего бедствия; благоговейные поникли пред грозющим перстом Вышняго.

Что же превозможет? *Праздник*, или *жалость*? *Песни* торжественные, или *плачь*? – Ибо трудно согласить и соединить сии противоположности. Почему премудрый Соломон и распределяет оныя на разные времена. *Время*, говорит, *рыдати*, и *время ликovati* (Еккл. III. 4).

Видно, не славу пробуждать, и не торжественные песни воспевать нам ныне. И сие не потому, чтобы позволительно было во время прещения Божия прекратить благодарение Богу за Его прежния благодеяния. Нет! должно и во дни гнева Божия с благодарением вспоминать прежния по гневу милости Божии, как потому, что сего требует справедливость, так и потому, что сие должно подавать нам надежду возобновления милости к нам Божией и по настоящем гневу Его. И не только за прежния благодеяния Божии, но и за настоящее скорбное посещение Божие должно благословлять Бога, по примеру Иова: *яко Господеву изволися, тако бысть; буди имя Господне благословенно во веки* (Иов. I. 21). Но как и праведный Иов, при столь благодатном чувствовании сердца, уступил немощи естества человеческого, и с самым посещением Божиим, которое было скорбное, а не радостное, сообразовался, тем, что *востав растерза ризы своя, и остриже власы главы своея, и посыпав перстию главу свою* (20), в знамение печали: то и нам приличнее ныне образ печали, нежели радости, и по духовной немощи нашей, и по смирению пред грозным посещением Божиим, и наипаче по греховности нашей. Ибо как посещает ныне нас Бог, без сомнения, по грехам нашим: то всего паче потребно для нас покаяние: а с покаянием сообразнее печаль, нежели радость, только бы печаль была по Боге, Котораго мы оскорбили грехами нашими. *Печаль бо*, говорит Апостол, *яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделоват* (2 Кор. VII. 10).

Покоримся судьбе Божией во всем; последуем всякому мановению Провидения. Примем, как часть наказания Божия и то, что во славу Божию совершаемое нами служение не может ныне совершиться с подобною прежней радостью, торжественностью и пространством общения.

Перейдем приличное настоящему времени слово и глас, от болевшаго до смерти, но потом чудесно исцелившагося Езекии: *яко ластовица, тако возопию, и яко голубь, тако поучуся; исчезосте бо очи мои, еже взирати на высоту небесную ко Господу* (Исаии XXXVIII. 14). Не для того извлекаю из Священных книг сии давние жалобные звуки, чтобы сделать более горькою нашу настоящую печаль, но чтобы показать образ печали спасительной. Тяжкая болезнь и преждевременная близость смерти опечалила Езекию: однако печалился он без ропота на Бога, без нетерпеливости, не теряя надежды. Он вопиял к Богу со страхом Божиим: в сем разуме уподобляет он себя робкой *ластовице*. Он молился с кротостью и смирением: сие изображает он подобием *голубя*, тихо стенающего. И когда первая молитвенная взывания его казались не услышанными: он не предавался отчаянию, но продолжал возносить прилежную и непрестанную молитву, и даже тогда, как молитвенный глас оскудевал в устах его, не преставал *исчезающими*, но еще умоляющими *очами взирати на высоту небесную ко Господу*. И что же наконец? – Милосердый Господь не презрел печали благочестивой, не отверг молитвы усердной и постоянной. *Избави мя*, скажет Езекия, *и отъя болезнь души моя; и Той сотвори путеводство во вся лета моя*.

Да вопием, братия, и мы в настоящей печали нашей к Богу со страхом и смирением, с верою и упованием, с усердием и постоянством: *яко у Господа милость, и многое у Него избавление* (Псал. СХХІХ. 6). *Господь мертвит и живит; низводит во ад и возводит* (1 Цар. ІІ. 6).

Господи Иисусе Христе! в Тебе *живот бе* от века; в Тебе *живот явился* во времени; Ты *имаши ключи ада и смерти*. Ты во днех плоти Твоея многими и различными образы подавал человекам жизнь и исцеление, дабы никто, ни в каких обстоятельствах, не оставался без надежды Твоея помощи. Ты не только возложением рук и прикосновением риз исцелял болящих, но и ставшим издалеча прокаженным, без прикосновения, целебную силу преподал; и сыну мужа царева, не являя лица Твоего, заочно не менее действительное слово исцеления послал. Ты и языческой жены Хананейской докучливую молитву не отверг, и исповедуемую отцем отрока беснуемаго скудость веры благодатию Твоею дополнил. Ты для воскрешения дочери Иаировой на призывание отца ея склонился; для воскрешения Лазаря, не призванный, пришел, и сына вдовицы Наинской, никем кроме Твоего милосердия не умоляемый, воскресил. *Где суть милости Твоя древняя, Господи* (Псал. LXXXVIII. 50)? Ибо хотя не обитаеши с нами видимо, но, по непреложному Твоему обетованию, *се с нами еси во вся дни до скончания века*. Если по грехам нашим так сильно возмогает смерть: да не престанет *являться и живот Твой в мертвенной плоти нашей*, славы ради Твоего имени. Не отвергни наших молений несовершенных и недостойных; не умножи гнева Твоего за наше маловерие и нечувствие или нетерпение; приими исповедание нашего маловерия, как веру, и печаль нашу, как молитву; и когда очи наши, к Тебе взирающия, исчезают от немощи, да ходатайствует пред Тобою за нас само Твое безпредельное милосердие. Виждь вдовиц, угрожаемых безчадием; виждь младенцев, *иже не познаша десницы своя, ниже шуйцы своя*, не понимающих также ни вины, ни бедствия сиротства, им предстоящаго. Виждь, и милосердуй, и невидимо послы в нас слово Твое утешающее, исцеляющее, животворящее, и *глагол Твой да не возвратится к Тебе тощь*. Аминь.

СХLІІІ.

88. СЛОВО

**в неделю двадесять вторую по Пятдесятнице,
при продолжении молитв о избавлении от губительных болезней.**

(Говорено в Троицкой церкви странноприемнаго графа Шереметева дома,
по случаю возобновления оных, октября 26 дня;
напечатано отдельно и в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1830 год>

Читанная ныне из Евангелия притча, или повествование о богатом и Лазаре так известно, что, при вступлении в поучение, не нужно вновь читать или пересказывать написанное в Евангелии, а можно прямо приступить к размышлениям, какия оно внушает.

Но прежде всего, сие место приводит мне на память *человека богатаго*, который не потерял своего имени в делах ничтожных, который не оставил без внимания беднаго и больнаго *Лазаря* у ворот своего великолепнаго дома, но заботливо искал его по чужим домам, и бедному и больному Лазарю построил сей пространный дом, приготовил неистощимыя пособия для жизни и врачевания, и сие великолепное дело человеколюбия довершил устройением сего величественнаго Храма, чтобы Лазарь имел удобность не одним терпением до конца, но и другими упражнениями благочестия готовиться к лону

Авраамову. Отче Аврааме, отче верующих и человеколюбивых! обими, если можно, и за нас в блаженных недрах твоих, вместе с душою, терпением спасавшагося Лазаря, душу человеколюбием спасавшагося раба Божия Болярина Графа Николая; и да почиет она в светлых обителях вечно благословенного и благословляющего твоего семени, Господа нашего Иисуса Христа, Которому ты берег души древния, и Который, для душ древних и новых, Един есть воскрешение и жизнь и покой!

Обратимся, братия, к себе. – Кто богат и любит свое богатство; кто склонен к роскоши; кто чувствует в себе порыв возноситься преимуществами своего имени и состояния: тот пусть поставит себя пред Евангельскою притчею, как пред зеркалом, и пусть посмотрится, не походит ли он на богатого Евангельского, и такое сходство нравственного лиценачертания не предвещает ли с вероятностию той же участи, какая постигла богатого Евангельского по его смерти?

Бе богат: это походит на многих из нас; и это, кажется, не есть несчастная черта, потому что ее видели в лице самого Авраама, который однако не только себе обрел по смерти утешение, но и которого лоно представляется хранилищем вечного утешения для других. *Облачашеся в порфиру и виссон,* то есть, в самые изящные и драгоценные ткани, какия в древния времена употребляемы были людьми знатными и богатыми: и это на многих из нас походит; и также, кажется, не беда, что человек богатый носит одежду, по приличию своего состояния, чистую, тонкую, отличную от простонародной. *Веселяся по вся дни светло:* кажется, и это не тяжкое преступление, что живущий в изобилии живет весело, и законно купленные удовольствия разделяет с людьми, ему приятными.

В сем состоит все Евангельское изображение жизни богатого. Прибавим изображение и смерти его: *умре же и богатый; и погребоша его.* Тут еще менее можно приметить что-либо, на чем бы основаться могло худое предвещание.

Что же потом? Блажен ли умерший богатый? по крайней мере, свободен ли от наказания? – Нет! *во аде, – сый в муках.*

О Боже! – подумает ктонибудь, – как легко погибнуть, и следственно как трудно спастися! Евангельский богатый, кажется, ничего не сделал, за что бы осудить его на гибель. – Так, возлюбленный! подлинно легко погибнуть. Кто решительным направлением своей воли, склонностию, страстию, совратился и двинулся на путь неправый – на путь богатолубия, роскоши, тщеславия: тот легко и неприметно катится по наклонности сего пути, не примечая, что наклонность сия простирается до самого ада. Впрочем пример богатого Евангельского не показывает того, сколько трудно спастися: ибо как совсем не видно, чтоб он делал чтонибудь для своего спасения, то из сего примера совсем нельзя заключить, сколько труда для сего потребно. Ты думаешь извинить его тем, что он ничего не сделал для своей гибели: но не слишком ли много безумия требуешь ты от каждого погибающего, чтобы он сам действовал прямо для своей гибели? Погибают обыкновенно не потому, чтобы старались погибнуть, но потому, что не стараются спастися. Ничего не сделал? – В том то и преступление, от того то и беда, что ничего не сделал. Если кто ничего не делает для временного благополучия, для земной выгоды: не признаешь ли ты справедливым, когда таковой ничего не получает? Как же можно требовать, чтобы праведный, свободно свободными владычествующий Бог, так сказать насильно дал небесное, вечное блаженство человеку, который ничего не делает для получения сего блаженства, и не имеет к оному деятельного желания и стремления свободной воли?

И так, вот некоторые из наставлений, какие внушает Евангельская притча о богатом. Не должно слишком много успокаивать себя внешнею непорочностью своей жизни: не делать грубых, явных преступлений, не убивать, не грабить, не притеснять, не значит еще быть добродетельным и достойным блаженства; в некоторых людях это есть только внешняя благовидность жизни, еще не означающая души, в добре утвержденной; это есть только преддверие, которым входят в храм непорочности, только подножие, которым восходят к добродетели, стоящей гораздо выше. Благами века сего должно пользоваться с умеренностью, даже с некоторою недоверчивостию, с опасением, чтобы *не воспринять благая своя в животе своем*, без остатка утешения для жизни будущей. Вести жизнь *по вся дни веселую*, по вся дни блистательную, в которой дни работные не отличаются от праздников ни трудом, ни простотою, в которой праздники не имеют покоя от увеселений, есть *путь*, по самому снисходительному суждению, реже невинный, чаще сомнительный, очевидно *широкий*: а потому если видимая широта его не стесняется тайным отчуждением сердца от мирских прелестей, сокровенными духовными подвигами и препобеждающими суету добродетелями, то конец сего пути не иной может быть, как указанный Христовым изречением: *широкий путь вводя в пагубу* (Матф. VII. 13).

Дабы лучше усмотреть, чего доставало в лице Евангельского богатого, для благоприятных предзнаменований будущей участи, поставим против него лице Лазаря. *Нищъ же бе некто именем Лазарь*. Видите ли, чего не доставало богатому, против Лазаря? – Ему не доставало самага имени. *Человек некий бе богат*, говорит Евангелие. О, как стремглав превращается здесь образ мира сего! Кому была нужда узнавать и делать известным имя больного нищаго, поверженного на земле, на которого никто не обращал внимания? Единственные собеседники его, псы, лизавшие гной его, верно не называли его по имени. Но имя Лазаря написано в Евангелии; известно Аврааму; слышно на небесах. А имя богатого, на пиршествах и в собраниях переходившее из уст в уста его многочисленных друзей, почитателей и знакомых, пропало без вести. *Человек некий*: и только! Что же сие значит? – Без сомнения, надлежит сие изъяснить, как последствие обыкновенного начала, что имя человека является и скрывается, помнится и забывается, по роду и достоинству дел его. Предметами жизни и деятельности богатого были вещи тленные, удовольствия скоропреходящая, слава суетная: все поглощено суетою, временем, тлением; не на чем было устоять праздному имени праздного человека.

Да помыслят посему человеки, более пристрастные к чести и славе своего имени, нежели ревностные к делам достойным чести и славы; – да помыслят, что будет и с их именем? Если они стараются только какнибудь распространить и возвысить имя свое на земли, между человеками; а не делают ничего такого, по чему бы их узнали, почтили и приняли на небесах: то чего можно им ожидать для своего имени, разве что оно умрет со смертными, исчезнет в земном воздухе, или наконец промелькнет, может быть, некогда пред ними сквозь пламя преисподнее, для увеличения наказания их неукротенного самолюбия и ложного славолубия? Но на небесах или не будут знать их имен, или не осмелятся произнести, чтобы не осквернить святых уст и слуха небожителей, и чистаго воздуха небеснаго. Сюда принадлежат слова Пророческия: *ни помяну же имен их устнама моима* (Псал. XV. 4).

Станем еще на краткое время между богатым и Лазарем. – *Лежаше пред враты его гноен, и желаше насытитися от крупниц, падающих от трапезы богатого: но и пси приходяще облизаху гной его*. Теперь открываются в лице богатого черты, которые обнажают его нищую внутренним добром душу, и обнаруживают тайну его гибели. Лазарь *пред вратами*: хозяину дома нельзя не приметить его при каждом своем выходе и входе: но богатый как будто не примечает его. Лазарь не только беден, но и болен: и сие не трогает жестокой души богатого. Больному немного надобно; слишком довольно было бы для

Лазаря остатка от ломтя хлеба, которого богатый мало ест, сберегая остатки голода для снедей более лакомых: и сего бедный Лазарь тщетно *желает*. Псы, по непонимаемому ими внушению благодетельной природы, приходят отправлять должность врачей над ранами Лазаря: богатый все не хочет догадаться, что в нем нет и столько сострадания, сколько есть в безсловесных. *О человек*, чуждый человечества! – Но удержимся. Мы стоим здесь, братия, не для того, чтобы негодовать на пороки других, но чтоб учиться предохранять себя от пороков, или исправлять себя от них, и уклоняться от пропасти, в которую другие по небрежности низинулись.

Вот еще очень нужное наставительное размышление, которое мы должны почерпнуть из Евангельского сказания о несчастном богатом. Жизнь чувственная, если небрежно предаются ей, занимая душу плотскими и суетными удовольствиями, неприметно расслабляет ее внутреннюю силу, и притупляет нравственное и духовное чувство, так что человек наконец делается туп, тяжел и почти неспособен к возвышенным побуждениям и чистым удовольствиям истинной добродетели. А как, напротив, легко было бы то самое богатство, которое обыкновенно служит пищею жизни чувственной и плотской, обратить на то, чтобы питать побуждения возвышенные, чтобы достигать удовольствий чистых, посредством благотворения нуждающимся и бедствующим ближним!

Братия! как много в сии дни *Лазарей*! Одни больны; другие бедны; некоторые и то и другое. Благодарение человеколюбию Благочестивейшаго Государя, и им одушевляемого и движимаго Правительства! Благодарение и человеколюбию народа! Никто не остается не только *пред воротами*, на улице, но не оставляется и в жилище, неудобном или небезопасном; врачующие и пекущиеся охотно приближаются к больным такою болезнью, о которой одна мысль в иных возбуждает отвращение или страх; крупницы *от трапез богатых*, довольно часто падают в уста бедных; даже бедные своими лептами делятся с другими бедными, или отдают в милостыню свой труд, и себя в служение болящим; служители чистоты и Святости всюду текут очищать, умягчать и заживлять душевные раны страждущих, и еще не страждущих телесно. Кажется, и Сам Врач душ и телес преклоняется к молитвам Веры и к подвигам человеколюбия, и простирает милующую руку. Смерть уже не распространяет власти, ей попущенной; и болезнь начинает уступать здравью.

Однако дерзнем ли мы подумать, что у нас происходит уже нечто лучшее, нежели что видим в Евангелии? – Там один больной и бедный; один богатый, осужденный, и у сего пять братьев, подобных ему в том, что жили только для себя, а не для Бога и ближнего. Бог да помилует нас, братия, чтобы не нашлось и у нас, против одного требующаго милости, шесть немилостивых! Разделим, по возможности, каждый с которым нибудь, а все со всяким злостраждущим Лазарем, *благая наша, воспринимаемая в животе нашем временном*, дабы принятые прежде нас на лоно Авраамле не отреклись разделить с нами благая Божия, в жизни вечной. Аминь.

CXLIV.

89. СЛОВО

в день восшествия на Всероссийский престол Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено в кафедральной церкви Чудова монастыря, ноября 20 дня;
напечатано отдельно и в собраниях 1835, 1844 и 1848 г.)

<1830 год>

*Вси путие Господни милость и истина
взыскающим
завета Его и свидения Его. Псал. XXIV. 10.*

Настоящий день Господь сотворил нам, сынове России, да возрадуемся о Царе, нам дарованном: и благодарение Богу, что сему радостному дню довольно почтительно уступают дни скорби, внезапно нашедшие на град сей. Град Царев выздоравливает, чтобы не проводить дня Царева в неблагоприятном унынии.

Предоставляю испытателям природы, по должности, или по охоте, потрудиться над изысканием причин сей благоприятной перемены: они найдут, вероятно, более одной и будут иметь случай состязаться о том, которая из них истинная, или которая сильнее другой. Что касается до меня, без труда нахожу одну причину, которая удовлетворительнее и приятнее многих изысканных изъясняет происходящее. Сия благотворная причина есть милость Божия к Царю и Царству.

Так, по выражению Пророка, *день дни отрыгает глагол* (Псал. XVIII. 3), один день говорит другому, все происшествия каждый день говорят людям то, что написано у Пророка: *вси путие Господни милость и истина взыскающим завета Его и свидения Его.*

Что такое *путие Господни*? Неограниченному нельзя определять путей; Вездесущему некуда шествовать. Он уже везде присутствует. Соединение понятий *милости и истины* с понятием *путей* дает разуметь, что Пророк сие последнее слово употребил в значении нравственном.

Путие Господни суть действия Провидения Божия в отношении к нравственным существам, направление управляемых Богом средств к достойным Божества целям.

На каких же *путях Господних*, или в каких действиях Провидения, указывает нам Пророк *милость и истину*? Добрый благополучен: очевидно, что тут есть истина взыскающим завета Божия. И грешный не лишен временного благополучия: очевидно, что это милость. Но милость и истина в сих случаях так видимы, что, кажется, Пророку не стоило бы труда указывать на сии явления, довольно понятныя и без Пророка.

Пророк говорит выразительно: *вси путие Господни милость и истина*. Здесь приметно опасение, чтобы некоторые непроницательные люди не усомнились о некоторых путях Господних. О каких же действиях Провидения могут усомниться непроницательные? Приходит на людей бедность, болезнь, голод, смерть: путь ли это Господень? Где тут милость? Бедствия сии постигают многих, злых и добрых, без приметного разбора: путь ли это Господень? Где тут истина? Зло естественное от естественных причин рождается, естественными же средствами не редко и отвращается: где же тут путь Божий? Не примечаем ли, как недоумения сего рода охотно выдумываются и проповедуются людьми века сего, как будто новыя открытия, как будто познания законов естества? Подлинно, здесь не излишен чистый, возвышенный взор Пророка, чтоб усмотреть путь Божий в делах природы, чтоб открыть милость и истину Господню сквозь смешение невинности и виновности человеческой. И Давид сие видит; и задолго предупреждает наших поздних мудрователей, чтобы они не делали неуместных исключений из законов и власти, сколько всеблагаго, столько же и всеобъемлющаго Провидения. *Вси путие Господни милость и истина.*

Поелику Бог безконечен, вездесущ и всемогущ: то нет во вселенной никакого состояния тварей, которое было бы Ему недоступно, чрез которое бы не лежал какойнибудь путь

Господень: нет происшествия, которое бы не было ведено путем Господним, впрочем так, что путь Господень никогда не стесняет путей свободы для существ нравственных. Поелику Бог вездесущий и всем управляющий есть также Бог премудрый, праведный и всеблагий: то все действия Провидения Его, все происшествия мира, касающиеся существ нравственных, ведутся так, чтобы все было средством к добру и противу зла; чтобы то, что называют злом по неприятному ощущению и разрушительным действиям в видимой природе, сие, так сказать, поверхностное явление зла, было врачевством или противудием против зла более глубокого и подлинного, которое, раждаясь из злоупотребления свободы существ нравственных, повреждает их внутренно и делается источником безчисленных и безконечных злых последствий, внутренних и внешних, если пути онаго не пресекаются путями Господними. *Вси путие Господни*, в сем числе и, так названные, *стези гнева* (Псал. LXXVII. 50), или карательныя действия Провидения, и бедствия, повидимому, случайно находящаяся, повидимому, без разбора поражающая, суть *милость и истина*, относящаяся преимущественно ко *взыскающим завета Его и свидения Его*; – истина, когда поражается грешник, и предупреждается умножение грехов и распространение греховной заразы; – истина, когда в общем бедствии спасается праведник; – милость, когда пощажён бывает грешник, в котором или уже возбуждено, или предусматривается имеющее возбудиться покаяние; – милость и истина вместе, когда бедствием, которое угрожало многим, и постигло не многих, многие приведены к познанию своего греховного состояния и возбуждены к исправлению.

Еще Иовом *слышанные*, и еще и ныне слышимые *утешителие зол* (Иов. XVI. 2), (то есть такие утешители, которые, думая утешить во зле, ложным утешением производят новое зло) говорят: будьте спокойны: истребительная болезнь совсем не есть гнев и наказание Божие. Так что же она, други мои? Разве благоволение и награда от Бога? вероятно, что такой награды не пожелал бы себе такой утешитель; а то верно, что нам не позволит человеколюбие пожелать оной для него.

Когда в храмине доброго отца покажется розга: увидевший ее тотчас подумает: видно, между детьми есть провинившийся. Вселенная есть дом Отца небеснаго. Человеков, особенно детей веры, бережет Он более, нежели мать детей своих (Иса. XLIX. 15). Общественное бедствие, без сомнения, не венок, а розга. И так, когда вижу сию розгу: не умею думать иначе, как что земныя чада, видно, заслужили наказание от Отца небеснаго.

Возражают: как может быть наказанием, например, болезнь, от которой в числе прочих и невинный младенец умирает? – Уже много веков прошло, как сие возражение решил Премудрый: *восхищен бысть, да не злоба изменит разума его, или лесть прельстит душу его* (Прем. IV. 11). Иное умертвить невиннаго; – нельзя вдоволь ужасаться жестокой несправедливости человека, отъемлющаго у безвиннаго ближняго дар Божий, коего отъемлющий ни возратить, ни заменить не в силах; – иное умереть безвинно, под владычеством Провидения, которое путем жизни временной, кратким или долгим, ведет к блаженному покою жизни вечной; безвинно умирающий ничего не теряет, а приобретает жизнь безопасную и лучшую, и в ней блаженство, или приготовление к блаженству, по способности, награду по достоинству; следственно человек не обижен; Провидение право. Таким образом, поздняя или ранняя, легкая или тяжкая, всегда *честна пред Господем смерть преподобных Его* (Псал. CXV. 6) и спасительна: но также всегда *смерть грешников люта* (Псал. XXXIII. 22) и наказательна. И поелику от начала мира *грехом смерть во вся человеки вниде* (Рим. V. 12), как наказание: то и ныне увеличение власти ея над человеками вообще означает увеличение их наказания. И Владычествующий жизнью обыкновенно угрожает смертию, как наказанием за грехи и беззакония: *беззакония сотвори; смертию умрет* (Иезек. XVIII. 13)! Посему как смерть *не согрешивших по подобию преступления Адамова* не препятствовала всеобщей смерти человеков быть

следствием всеобщего осуждения (Рим. V. 14–18): так смерть невинного младенца от истребительной болезни не препятствует сей болезни оставаться общественным наказанием Божиим, и, может-быть, сверх того в частности, наказанием, или средством духовного возбуждения, для тех, которые лишились сего младенца, и его будут оплакивать.

Если думают, что бедствие пришло не путем истины и милости Господней, наказующей зло, и обращающей к добру: то спрашиваю: как же пришло в мир бедствие? Украдкою? – Нельзя. Бог всеведущ. Насильственно? – Нельзя. Бог всемогущ. По слепому движению сил природы? – Нельзя. Ими управляет Бог премудрый и всеблагий. Куда ни обращайся с догадками, отовсюду принужден будешь возвратиться к одной неоспоримой истине, что, если как нибуду допущено в мир бедствие, то допущено не иначе, разве как средство Провидения, наказательное и исправительное, а иногда испытательное и усовершенительное, – как истина и милость путей Господних.

Но еще говорят: еслибы болезнь была наказанием Божиим; то непозволительно было бы избавляться от нея врачеванием: ибо когда Государь определяет преступнику наказание, тогда покушение избавиться от сего наказания почитается новым преступлением. Неверное уподобление, и от того ложное заключение! В том самом случае, когда болезнь действительно есть наказание Божие, врачевания от болезни отнюдь не должно сравнивать с побегом от наказания. Можно виновному избежать от рук правосудия человеческого; и тем сделать новое преступление, тем более тяжкое, что им пролагается путь к другим преступлениям: побег от правосудия всевидящего и всемогущаго Бога невозможен; сим правосудием можно только быть прощenu и отпущenu; а о сем стараться не есть преступление. Убегающий от определенного ему наказания человеческого есть мятежник: совсем не то врачующийся от болезни: он делает сие по дару и власти Того же Господа, Который наказует его: ибо *Господь созда от земли врачевания* (Сир. XXXVIII. 4); *от Вышняго есть исцеление* (2). Убегающий от определенного человеческого властью наказания нарушает определение сея власти; сего никак не делает врачующийся от болезни; успехом врачевания открывается только то, что ему определена была болезнь не смертная. Исправим уподобление и окончим спор. Оковы суть одно из таких орудий правосудия человеческого, которая не для невинных назначены, хотя впрочем пребывание в оных Иосифа не виною его должно быть изъясняемо. Подобно сему болезнь телесная есть одно из орудий правосудия Божия, хотя болезнь Иова, Езекии и многих других приходила и приходит особенными путями Господними, в которых, впрочем, при внимательном рассмотрении, всегда открывается милость и истина.

Случаи сынов человеческих, которые многоразличная премудрость Божия ведет путями праведнаго и благаго Провидения, так многочисленны, так разнообразны, так соплетены взаимными отношениями, так глубоко сокрыты своими началами в сердцах, которая един Сердцеведец испытует, так далеко простерты своими последствиями по смертному и бессмертному бытию человеков, что желать все темное в оных понять, все трудное изъяснить, значило бы хотеть пересчитать песок, или горстью вычерпать море.

Умей же и мудрствовать, и добровольно мудрованию своему полагать границу, по необходимости ограниченный человек! Поверь здравым понятиям о Боге всепромыслителе, которая согласно тебе внушают и разум и откровение; удовлетворишься несомнительными примерами людей, над которыми, и естественно, и чудесно, не над всеми одинаково, над каждым верно, явилась правда и благодать Божия; согласишься, не только умом, но и сердцем, с словом Пророка, и с неисчислимыми свидетельствами слова Божия, что *вси путие Господни милость и истина взыскающим завета Его и свидения*

Его. Уверенность, сколь удовлетворительная для ума, столь же отрадная для сердца, и благотворная для жизни!

Мудрствующий по стихиям мира скажет: «воздух был заражен; – воздух освобождается от заразы». – Первое горько; да и во втором не много вкуса. Но когда говорят, что Отец Небесный умилосердился над нами, и когда слушают сие с верою: человек получает такие чувствования, по которым он становится в одно время и счастливее, и нравственно лучше прежнего.

Благо есть исповедатися Господеви, и пети имени Твоему, Вышний, возвестити заутра милость Твою и истину Твою, на всяку ночь (Псал. ХСІ. 2. 3).

Да не изменяем никогда сей, сколько священной, столько же блаженной обязанности. Исповедаем истину Божию, наказующую бедствиями грешников, и освящающую оными праведников; исповедаем милость Божию, являемую нам ныне; призовем благоподательную милость и истину Господню на дни грядущие, Благодетельнейшему Государю нашему и Августейшему Дому Его, царствующему Граду сему, России, и наконец всякой душе, по вере и взысканию завета Божия способной к причастию милости Божией. Аминь.

CXLV.

90. СЛОВО

**в день тезоименитства Благодетельнейшаго Государя Императора
Николая Павловича, по получении высочайшаго повеления о
возстановлении сообщений Москвы, прерванных по предосторожности
против губительных болезней.**

(Говорено в кафедральной церкви Чудова монастыря,
декабря 6 дня; напечатано отдельно и в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1830 год>

Утомились мы, так долго и часто, говоря и слыша, все о болезни, все о смерти. Но кто может прекословить воле Владеющего жизнью, Который сии уже малые, только что приметные остатки сени смертной не спешит совсем удалить от глаз наших, может быть, для того, чтобы, обезпечась скорым помилованием, не поспешили мы забыть праведного наказания? Благословен Он и за то, что наказал, и за то, что милует, и за то, что милует постепенно, дабы тем более упрочить нам Свою милость.

Мне представляется, что, как Лазарь из гроба, встает в сие время сей град, правда не многими своими членами действительно умерший, однако весь всецело воскресший от страха смерти. Но чего еще недостает сему воскресшему, чтобы пользоваться обновленною жизнью? – Да! еще нужно для него тоже владычественное повеление, которое дано было для воскресшаго Лазаря: *разрешите его, и оставите ити* (Иоан. ХІ. 44). Внемли же, воскресший град! Се и для тебя исходит от Престола Царева разрешающий глас: *разрешите его, и оставите ити*; разрешите его от обязанностей, которыми любящая рука принуждена была связать его предохранительно, чтобы область смерти не распространилась; оставьте его безпрепятственно, незаключенными вратами, непрегражденными путями, идти в села и окрестные грады, и принимать приходящих, чтобы жизнь естественная не затруднялась в своих потребностях, чтобы жизнь

общественная не стеснялась в своих движениях. Благословенна благодать Царева, и за намерение связать смерть, и за поспешность разрешить жизнь.

Поздравляю тебя, от страха смертного воскресший, от болезни смертной исцелевший, от трудностей жизни разрешенный град! Но послушай, что еще, при сих благоприятных для тебя событиях, тебе сказать внушает истина, что советовать тебе, побуждает желание твоего блага. *Взысках благая тебе* (Псал. СХХІ. 9). Если ты воскрес: то умеи беречь безопасность жизни, тебе возвращенную. Если ты исцелел: то вспомни слово Исцелителя, сказанное *в Церкви: се здрав еси, тому не согрешай, да не горше ти что будет* (Иоан. V. 14). Если ты разрешен, то умеренно и осторожно приводи в движение члены твои, дабы чадолубивая мать не увидела необходимости вновь спеленать дитя, во вред себе употребляющее разрешенные члены.

Кажется, кому бы лучше понимать высокую цену жизни и безопасности, как не тому, кто только выходит из смертной опасности? Кому свойственнее быть осторожну в употреблении здоровья, как не тому, кто недавно видел окрест себя, или даже испытал над собою, жестокость болезни? Разрешенный от уз, или отпущенный из-под стражи, не больше ли другого знает неприятность неволи; а потому не больше ли другого должен беречься, чтобы вновь не заслужить оную? Грешник, наказанный и помилованный, к удалению от греха, не сугубое ли побуждение, не два ли крыла имеет, – в воспоминании наказания и в благодарности за помилование?

Подлинно так бы надлежало быть: но как часто бывает совсем иначе! Едва не потонувший подле берега вскоре без нужды пускается в глубину. Тот, над кем уже сбылось врачебное предвещание мудраго: *во мнозех брашнах недуг будет, и пресыщение приблизит даже до холеры* (Сир. XXXVII. 33), – как скоро чувство глада является вестником возвращающегося здоровья, опять по прежнему *разливается на различие брашна* (32). Тот, который вчера, как милостыню получил свободу, сего дня не хочет положить пределов своему своеволию. Сколько людей, городов, народов, времен, в которых повторялось то, в чем певец Израилев так давно, так горько, упрекал своих соотечественников! *Егда, говорит, убиваше я, тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утреневаху к Богу; и помянуша, яко Бог помощник им есть, и Бог вышний избавитель им есть.* – Но что далее? – *И возлюбиха Его усты своими – только, и языком своим солгаша Ему; сердце же их не бе право с Ним* (Псал. LXXVII. 34–37).

Какие несчастные опыты! Какая неблагодарность и несправедливость! Какое отсутствие благоразумия! После такого поведения, чего добраго ждать, и по естественному действию не добрых начал, и по правосудию земному, а где сего не достанет, по правосудию небесному, котораго ни избежать, ни обмануть невозможно? – *Горше что будет!*

Град возлюбленный! Горько тебе было; но много услаждена чаша твоя: благодарно сохрани дарованное; благоразумно заслужи лучшее; берегись грехов и погрешностей, *да не горше ти что будет.* Утвердим себе, братия, и не престанем исполнять благие обеты, которые вдохнуло нам спасительное время скорби. Не с ропотом воспомянем трудности, нас постигшия, но с утешением трудности перенесенныя. Благодушно перенесем некоторыя неудобства, которыя еще перенести остается. Употребим дарованныя облегчения и вспоможения в пользу, а не в удовлетворение страстей и прихотей. Со вниманием и чистосердечною верностию да ходим в послушании заповедям Божиим и повелениям власти, от Бога поставленной. Так будем благодарны Богу, нас милующему. Так будем достойны Царя, о нас пекущегося.

Господи, спаси Царя (Псал. XIX. 10)! Господи! *на людех Твоих благословение Твое* (Псал. III. 9). Аминь.

1831 год.

CXLVI.

91. СЛОВО

в неделю вторуюнадесять по Пятидесятнице.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 годов.)

<1831 год>

Слышав же юноша слово, отъиде скорбя бо имея стяжания многа. (Матф. XIX. 22)

Какой это несчастный человек! Только приблизился ко Христу Спасителю; и уже удаляется от Него. Услышал Его Божественное слово; и отходит с печалию. С печалию отходит от Того, Который есть *утеха Израилева* (Лук. II. 25), и радость неба и земли. Если от Христа отходит он с печалию: то где же найдет он утешение? Что за несчастье? Что за странность? От чего это?

Причина сей несчастной странности многим не показалась бы делом важным, еслибы не открывались ее последствия, которых нельзя почесть маловажными. Это – пристрастие к земным вещам. *Бе бо имея стяжания многа.*

И так Евангелие хочет вразумить нас о вредных и опасных последствиях пристрастия к земным вещам. Примем сие вразумление со вниманием, и вразумим, по возможности, сами себя размышлением.

Пристрастие к земным вещам бывает в человеках не одного рода, и не одной степени. Особенно различить должно пристрастие к вещам земным грубое, явно безпорядочное и незаконное, от пристрастия тонкого, не всегда приметного, иногда благовидного.

Пристрастен ктонибудь к богатству, и для удовлетворения сему пристрастию употребляет обман или хищение; пристрастен ктонибудь к удовольствиям телесных чувств, и для удовлетворения своему пристрастию предается объядению, или пьянству, или еще более низким порокам; истощает стяжание свое, чтобы наполнить чрево свое; простирает свою жадность и невоздержание до неприличия, до безобразия, до болезней, и самыми болезнями не вразумляется обратиться к воздержанию: – такие пристрастия, и действия их, столь очевидно безпорядочны и незаконны, и последствия сих пристрастий столь очевидно вредны в отношении ко временной и вечной жизни, что сего почти не нужно доказывать и указывать человеку, которого ум не омрачен таковыми пристрастиями, которого сердце не погрязло в тине скотских наслаждений. Пожелал ли бы добрый и благородно мыслящий хозяин, чтобы хищник поселился у него в доме, чтобы ненасытимый и нечистый ядца сидел за его столом, чтобы неистовый от вина входил в его беседу? Что же сказать о Всевышнем Домовладыке, и чистых обитателях небесных обителей? Возможно ли, чтобы в их обители допущены были души с такими склонностями и привычками, по которым, во время пребывания их в телах, для других, еще не совсем очищенных, только менее нечистых людей, оне были отвратительны и

нестерпимы? *Вне псы и чародеи, и любодее, и убийцы, и идолослужители, и всяк любяй и творяй лжу* (Апок. XXII. 15). *Ни лихоимцы, ни татие, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы царствия Божия не наследят* (1 Кор. VI. 10).

Есть земныя пристрастия, не столь грубыя, однако вредныя для ищущих Царствия небеснаго; и тем более опасныя, чем менее их опасаются. Сие должен объяснить показанный нам в Евангелии пример человека, пристрастного к имению.

Он приступил к Иисусу Христу с важным вопросом: *что благо сотворю, да имам живот вечный?* Посему можно заметить, что это был человек не легкомысленный, и не суетою только занимающийся. Сего юношу не стыдно поставить пред лицом старцев; на сего Израильянина можно с уважением указать Христианам. Всех ли нас паче всего, и чаще всего занимает сей важный вопрос: *что благо сотворю, да имам живот вечный?* Не проводит ли иной дня в заботе, и ночи в бессоннице, над пустыми вопросами: как бы сделаться богаче? Или, как бы выше и виднее других занять место в обществе? Между тем как едва ли ктонибудь из нас не знает, что Евангелие возвещает горе богатым, и первым угрожает жребием последних? Если в таком состоянии душа твоя, христианин: то сказываю тебе, что она, кроме благодати святого крещения, еще в низшем духовном состоянии находится, нежели душа сего Израильянина, коей жалкое состояние обнаружилось внезапным удалением от Христа.

Когда Иисус Христос вопрошающему о средствах достигнуть вечной жизни, отвечал, что для сего надлежит соблюдать заповеди, не убивать, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, почитать отца и мать, любить ближняго, как самого себя; тогда не обинуясь *глагола Ему юноша: вся сия сохраних от юности моея*. В то время, когда человек ищет себе наставления для вечной жизни, трудно подозревать его в вознамеренном лицемерном самохвальстве пред своим наставником: ибо в сем случае он обманывал бы только самого себя, и, скрывая от наставника истинное состояние своей души, тем самым лишал бы себя наставления, сему состоянию приличнаго. И так должно думать, что Евангельский юноша не против совести объявил себя сохранившим заповеди от юности своей: хотя впрочем можно, и должно заметить, что зеркало совести его, не очищенное и не просветленное благодатию Христовою, не довольно чисто и верно представляло ему духовный вид и достоинство его деяний. Если от Израильянина не требовать более, нежели чего надлежит от него требовать, по состоянию Израильянина: то сей Израильянин опять является довольно хорошим; и я опять опасаюсь, что не каждый из нас, Христиане, выдержит с ним сравнение в добродетели.

Сохранил ли ты, Христианин, те заповеди, которыя сохранил сей Израильянин? А тебе легче было, нежели ему, сохранить оныя, и не сравненно более можно и должно было сделать добра, при помощи благодати Христовой, данной тебе во святом крещении, щедро умножаемой, и удобно возобновляемой другими Христианскими таинствами.

Послушаем еще Израильянина. — *Вся сия сохраних от юности моея; что есмь еще не dokonчал?* — Какой опять благоразумный вопрос! Как обыкновенный ученик писмени закона, смотря на дела свои со внешней их стороны, он почитает себя исполнившим заповеди: однако потому еще не почитает себя заслужившим жизнь вечную; не думает, чтобы удаление от грубых грехов и преступлений можно было поставить в столь высокую цену пред Богом, но предполагает, что для приближения к Богу, для достижения Царствия Его, нужен какойнибудь подвиг более возвышенный, более достойный величия Божия. Не видите-ли, что тут есть некоторое смирение, и некоторое предчувствие духовнаго закона? Сии добрыя расположения душевныя привели сего Израильянина ко Христу;

поставили его во дверях благодати; открыли пред ним путь не только спасения от вечной смерти, но и путь совершенства, ведущий к вечной жизни и к высшим степеням блаженства: ибо Господь точно нашел его способным к тому, чтобы преподать ему учение совершенства: *аще хочещи совершен быти.*

Что ж подлинно *не dokonчал* он? – Спрошу и я вместе с ним. Желание и деятельное искание вечной жизни, исполнение заповедей, смирение, стремление к усовершенствованию в добре: – как уже тут много добраго! Чего еще не достает? И если подлинно чего нибудь не достает: то, кажется, сие остальное, или не очень нужно; или удобно может само собою произрасти от столь обильных семян добра. Так могли бы мы подумать: и много бы погрешили. Могут и многия семена добра остаться без плода, от одного только недостатка; могут многие подвиги не достигнуть цели, от одного только препятствия. Бедный Израильтянин умел почувствовать, что *не dokonчал*: но докончить не умел.

Иди, – сказал ему обретенный им благий Учитель, – *продаждь имение твое, и даждь нищим.* От сего учения о совершенстве вдруг все изменилось в непостоянном ученике. Где прежняя доверенность к Учителю благому? Где желание живота вечнаго? Где от юности приобретенный навык исполнять познанныя заповеди? Где ревность о докончании подвигов, потребных для вечной жизни? – Все скрылось; все исчезло; я вижу только внезапное бегство: *отъиде*. Тщетно благий, воистину, Учитель, словом истины нанеся страсти богатолюбца врачебную и спасительную рану, поспешает утолить боль ея, словом утешения: *и имети имашии сокровище на небеси*; то есть я не отнимаю у тебя имения, а только переношу оное в самое безопасное место, на небеса; не разоряю тебя, но предохраняю от разорения, переменяю сокровище тленное на нетленное, проживаемое на неистощаемое, крадомое и отъемлемое на некрадомое и неотъемлемое: пристрастная к земному душа не приемлет утешения небеснаго: *отъиде скорбя*. Тщетно провидевший сие Господь привлекает его непосредственно к Себе: *и гряди в след Мене*; то есть, я предлагаю тебе тот самый жребий, который я избрал для самого Себя; может ли это быть худой жребий? Если ты, привыкши почитать себя счастливым с имением, не знаешь, как быть довольным без имения, ты удобно сему научишься из примера, слова и опыта, следуя за Мною. Сила слова и любви Христовой, приметно, проникала в сердце юноши; ему тяжело было разстаться с таким Учителем, не последовать такому наставлению: однако ж он не имел довольно решительности победить свою страсть, и потому она увлекла его. *Отъиде скорбя: бе бо имея стяжания многа.* Отшел он от Христа, может быть, для того, чтобы никогда уже не возвратиться к Нему: ибо если, находясь у самага Источника благодати, он не вкусил ея; то кто знает, взыщет ли его в удалении благодать, им оскорбленная и пренебреженная?

Смотрите, братия, и со вниманием примечайте, с заботою и опасением о вашем собственном спасении примечайте, как одна страсть в человеке может повредить многим добродетелям; как пристрастие к земным вещам отягчает душу, омрачает ум, связует волю, угащает уже разгоревшееся желание благ небесных, удаляет от благодати, уже обретенной, разрушает надежду вечной жизни, повидимому, не без труда и благоразумия основанную. Ибо в Евангелии дело идет не просто о каком-то князе Иудейском, котораго судьба не теперь и не нами должна решиться; нет, Евангелие не рассказывает праздных и бесполезных повестей; дело идет о судьбе человека, пристрастнаго к имению; и если ты таков, то, хотя без твоего имени, однако и о тебе говорит Евангельская повесть, и тебе угрожает, не какую либо маловажную опасностию, но тем, что твоя страсть может довести тебя до измены учению Христову, и удалить от Христа.

Что же делать, скажет кто-либо, неужели всем бросать имение, и сделаться нищими? – Нет, опять не о том дело. Ибо и Христос не от всякаго требовал добровольной нищеты. На

пример, сего, видно, не требовано Им от Иосифа Аримафейского, *иже и сам учися у Иисуса*, и без сомнения был верен Его учению, когда решился послужить Его погребению, не смотря на опасность от врагов Его, и который впрочем в сие время еще оставался *человеком богатым* (Матф. XXVII. 57).

Итак что же делать?

Кто чувствует внутреннее призвание к добровольной нищете, а наипаче кто, по испытанию и убеждению в сем призвании, посвятил оной себя обетом: тот да держится нищеты сея, как можно, вернее, как можно, искреннее, как можно, совершеннее. Имей то, что иметь заставляет необходимость, и правило твоего звания позволяет. Но берегись присвоивать и удерживать чтонибудь сверх сего; и не позволяй себе жаждала большего. Не прельщай себя мнимым снисхождением суждения о том или другом, говоря: это не слишком непозволительно: по сему обольстительному суждению поступал Иуда, когда *ковчежец имеяше, и вметаема ношаше* (Иоан. XII. 6). Он думал, что не слишком непозволительно с некоторою жаждою желать умножения денег, чтобы от избытка удобнее было подавать нищим; и не приметил, как совсем забыл правило Апостольского нестяжания: *не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших* (Матф. X. 9); и под покровом нищелюбия воспитал своекорыстие и злорыстие: *тавь бе*. Не обезпечивай себя и тем, что ты не какое-нибудь большое накопил сокровище: не пуды золота надобны, чтобы погрузить твою ладью в бездну адскую; тридцать сребренников были для сего слишком тяжелы в руках человека, изменившего правилу нестяжания.

Кто же не обязан правилом совершенного нестяжания: тот, пользуясь богатством, законно приобретенным, не забывай правила, еще Псалмопевцем провозглашенного всем богатым: *богатство аще течет, не прилагайте сердца* (Псал. LXI. 11). Напоминай себе часто, что скорее, или медленнее, но во всяком случае чрез не долгое время, или богатство тебя оставит, или ты оставишь богатство: и потому обходись с ним, как с гостем, которого надобно честно принять и честно проводить. *И купующии, яко не содержаще, и требующии мира сего, яко не требующе* (1 Кор. VII. 30. 31), учит Апостол.

Наконец, если, не смотря на желание поставить себя в сие Христианское равнодушие к земным вещам, ты не достигаешь сего безпристрастия, сей свободы, сей возвышенности духа; если земныя желания против твоей воли, как сети, опутывают твою душу и не допускают ее возноситься к небесному; если заботы любоимения отвлекают тебя от дел благочестия, или развлекают мысли и охлаждают чувствования сердца твоего в самых упражнениях благочестия; если скупость стесняет твое сердце, и скорчивает твою руку, когда тебе надлежало бы простерть ее для благотворения: то вновь особенным образом указываю тебе на Евангельского богатолубца. Это его болезнь; и тебе показано теперь, как она опасна. Итак подумай о врачевствах, которые подал против нея Врач душ и телес: *продаждь имение твое, и даждь нищим; – гряди в след Мене*. Если ты не умеешь с сохранением имени, сохранить твою душу: то подлинно, не лучше ли уже погубить богатство, нежели, чтоб оно тебя погубило? Если не можешь вдруг, по крайней мере по немногу выпутывай душу твою из сети пристрастий, действуя вопреки пристрастиям, ее связующим. Заставь себя благотворить бедному, хотя бы сердце твое не преклонялось к нему состраданием. Отторгни себя от дел житейских, и хотя с некоторым принуждением, поставь себя на дело благочестия, когда того требуют долг и порядок жизни. Бог узрит сии, хотя не совершенныя, однако благонамеренныя жертвы: и низпослет тебе мудрость и силу на то, чтобы приносить оныя в большей чистоте и совершенстве. Наипаче же, если по немощи твоей не достигаешь еще, чтобы непосредственно следовать за Христом, по крайней мере внимательно и неуклонно взирай во след Его; вразумляй себя учением Его; возбуждай себя примером Его; молитвою привлекай силу Его; и за сим путеводительным

Светом, как Израиль за столпом огненным, хотя помалу, простирайся дальше и дальше от Египта, ближе и ближе к земле обетования, – дальше и дальше от порабощения страстям и похотям, ближе и ближе к свободе чад Божиих, и к житию на земли небесному, к которому и да приведет всех нас путями провидения и благодати Своея, нас ради Обнищавший, да мы нищетою Его обогатимся, богатый в милости Христос Бог наш, сый благословен во веки. Аминь

CXLVII.

92. СЛОВО по освящении храма на кладбище.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 годов.)

<1831 год>

*Скры мя в селении в день зол моих, покры мя
в тайне селения своего. Пс. XXVI. 5.*

Благодатию Всесвятаго и всеосвящающаго Духа, освящен ныне храм сей, чтобы ему быть небоподобным жилищем Божиим, святилищем таинств, прорицалищем Слова Божия, лестницею, досызающею до небес, для восхождения молитв веры к престолу Всевышняго.

Благословен Бог благоволивый тако, ради споспешествования спасению душ наших. Благословенны рабы Божии, споспешествовавшие сему делу благодати, попечением, трудом, соединением доброхотных даяний, из коих и малая лепта будет иметь не низкую, а может быть, и очень высокую цену пред очами Бога, взирающаго на сердце дателя. Благословение Бога Отца да осеняет, свет Иисуса Христа, Сына Божия, да просвещает, крыло Святаго Духа да покрывает, ныне и присно, всякую душу человека, входящаго во святилище сие с верою и любовию к Богу, с молитвою и упованием на Него, с признанием своея немощи и греховности, с желанием Благодати Его, для исполнения заповедей Его. Истинный Бог и Господь наш Иисус Христос, Который есть воскрешение, и живот, и покой умерших о Господе, по молитвам веры, здесь приносимым, да исполняет до совершения меру покоя, да утверждает надежду блаженнаго воскресения, душам, в покаянии и вере скончавшихся, коих тела окрест храма сего почивают на уповании воскресения.

Поелику же особенность освященнаго ныне храма есть та, что он создан на месте погребения усопших о Господе: то сие подает нам случай и побуждение, нечто сказать о благочестивом обыкновении созидать храмы Божии на местах погребения усопших, и погребать усопших при храмах Божиих.

Храм нужен не Богу, Котораго престол есть небо, и земля подножие, и Котораго вселенная не вмещает, но человеку для прибежища к Богу, чрез всевозможное устранение от суеты тварей, в которой чувство присутствия Божия потеряно. Так определяется место храма: подобным образом определены быть могут и особенные часы храма. Особенно нужен человеку храм Божий, во-первых, в час благоговения, для принесения славы Богу, яко Богу, Всевышнему, Всесовершенному, славословие Котораго есть рай и блаженство даже на земли; во-вторых, в час радости, для принесения благодарения Богу Творцу, Промыслителю, Спасителю; в-третьих, в час душевной скорби, для излияния души пред Богом, Который, в откровении Своем, благоволил между прочим явить себя в имени *Утешителя*.

На сие последнее употребление храма Божия, то-есть, на употребление онаго во время печали, указывает Святой Давид, когда, паче всего прося и взыскаю от Господа, чтобы *посещати храм святой Его* (Псал. XXVI. 4), поставляет сему в причину: – *яко скры мя в селении Своем в день зол моих, покры мя в тайне селения Своего*. Слова сии, может быть, относятся к тому дню жития Давидова, когда он, в смертной опасности от Саула, в бегстве, один, без оружия, без хлеба, без помощи, пришел в скинию Божию в Номве, и хотя тут был на то время Доик, сделавшийся после доносителем Саулу на Давида, и проливший за него кровь многих невинных, однако и Доик Давиду в сие время не повредил, и Саулу его не предал, и Первосвященник Авимелех, даже с отступлением от закона, снабдил Давида хлебом освященным, и мечем Голиафа, для защиты в случае нападения. Сей случай есть один из тех, в которых Бог веру и благочестивое доверие человека, прибегающего ко храму Его в труднейшие часы жизни, оправдывает, по видимому, случайным, но удивительно верным в его пользу направлением, и обстоятельств, и свободных расположений других людей. Впрочем сей ли точно случай был в мыслях Псалмопевца, или нет: но поелику он желает всегда посещать храм Божий, и даже *жить в доме Господнем*, по той причине, что Господь скрыл его в селении своем в день зол: то из сего видно, что он приписывает храму Божию постоянное преимущество, быть прибежищем для бедствующих и печальных, крепкою оградою безопасности, сокровищницею благодатного утешения.

Смерть, по обыкновенному понятию, и по естественному чувству, не есть ли верх зол? Смерть любезных нам не есть-ли полнота скорбей? – Итак полезно и благотельно, чтобы на краю могилы, где с любезными нам погребается наше благополучие, наши радости, наши надежды, стоял храм Божий, куда можно принести самую горькую печаль, чтобы получить, колико сладостное, толико же верное утешение. Да внидет сюда препровождающий новопреставленного, или еще скорбящий о давно умершем, и да услышит сострадательное увещание Апостола: *братие, о умерших да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования* (1 Сол. IV. 13). Да внидет осиротевший, и падет в объятия *Отца сирых*. Да внидет вдовица, и, с надеждою неизменного покровительства, припадет к *Судии вдовиц* (Псал. LXVII. 6). Да внидет лишившийся детей, и найдет их в верных руках неизреченно благаго и благотельнаго Любителя детей, глаголющаго и некоторым родителям, как некогда сказал Апостолам: *оставите детей, и не возбраняйте им прийти ко Мне: таковых бо есть царство небесное* (Матф. XIX. 14). Всяк, пораженный зрелищем смерти, да внидет сюда, во храм за нас Умершаго, и ради нас Воскресшаго, и да воскреснет духом, вняв слову воскресения: *аще бо веруем, яко Иисус умре и воскрес, тако и Бог умерших во Иисусе*, то есть, с верою в Него, *приведет с Ним* (1 Сол. IV. 14). Из сего краткаго разсуждения можете усмотреть братия, как сообразен с назначением храма, как нравственно полезен, обычай устроить храмы при местах погребения, и погребать при храмах.

Но должно признаться, что сие изъяснение не будет еще удовлетворительно для тех, которые знают, что для обычая Церковнаго, дабы он был правилен и чист, не довольно того, чтобы он основан был на благовидных соображениях и чаемой пользе; а надобно, чтобы он глубже и непоколебимее утвержден был на непреложном и прямом свидетельстве Слова Божия, или по закону единства Церкви, на верном предании от первых образцовых времен Христианства. Войдем в некоторое изъяснение, чтобы, по возможности, удовлетворить и сему требованию.

Обычай Иудейской Церкви в обращении с умершими, утвержденный Моисеевым законом, далеко разнится от обычая Церкви Христианской. Там прикоснувшийся к умершему почитался нечистым, и место, где лежал умерший, почиталось нечистым. Посему там, положить умершаго во дворе храма, значило бы осквернить храм. Почему так

было в Церкви Ветхозаветной, а не так в Церкви Новозаветной? – Смерть была нечиста от Адама, как нечистый плод греха его. Но Христос очистил и освятил смерть Своею пречистою и пресвятою смертию. От Его Богопричастного тела, за нас пострадавшего, от Его Божественных крови, за нас излиянных, простерлась очистительная сила на все человечество, преимущественно же на тех, которые приобщены к таинственному телу Его, чрез таинство святого Крещения и святыя Евхаристии. Посему для нас, Христиане, смерть может быть также чиста, как жизнь; и умершие, наравне с живыми, могут принадлежать храму Господню; потому что, наравне с живыми, принадлежат Господу. *Никтоже бо нас, по учению Апостола, себе живет, и никтоже себе умирает. Аще бо живем, Господеву живем: аще же умираем, Господеву умираем. Аще убо живем, аще умираем, Господни есмы* (Рим. XIV. 7. 8). По сей принадлежности всех Единому Господу, тогда, как живые стоят во храме Господнем, умершие, как-бы продолжая пребывать в общении Церковном, почивают окрест храма; некоторые же, которые достовернее и совершеннее других усвоены Господу, и которых *смерть* преимущественно *честна пред Господем* (Псал. CXV. 6), как-то, святые мученики, по обычаю, сохраненному священным преданием, почивают телесами своими под самым олтарем храма. Одни упокоиваются тайнодейственною и молитвенною силою олтаря: другие самому освящению олтаря споспешествуют силою своих молитв и данныя им благодати.

Можем и в Слове Божиим показать основание сего обычая, преданием в Церкви сохраненного. *Глаголаше бысть Моисею хотящу сотворити скинию: виждь бо, рече, сотвориши вся по образу, показанному ти на горе* (Евр. VIII. 5). Но что показано ему на горе? – *образ и тень небесных вещей*, как сказует Апостол. Итак вот коренный закон храма, который нет причины отменить и для храма Христианского: храм должен быть сотворен во всем, как можно, по образу вещей небесных, показанных достойному созерцателю. Как образ небесных вещей для храма Ветхозаветного созерцал Моисей на горе Синае: так образ небесных вещей для храма Новозаветного показан был Иоанну Богослову в откровении, где он между прочим сказует: *видех под олтарем души избивенных за слово Божие, и за свидетельство, еже имеаху*, то есть, души святых мучеников (Апок. VI. 9). Не нам, и не теперь открывать тайну, для чего тамо души святых мучеников сокрыты до времени под олтарем, а не ликуют окрест олтаря: довольно для настоящего разсуждения заметить, как верно в видимой православной Церкви все сотворено по образу небесных вещей. Там, в славном храме небесном, души святых мучеников под олтарем: и здесь, в земном таинственном храме, мощи Святых под олтарем. Если же прилично телесам Святых почивать под самым олтарем святого храма: то не неприлично и то, чтобы тела верных почивали окрест олтаря и храма.

Примечай, душа Христианская, священную и даже таинственную важность обыкновения, тела усопших о Господе полагать при храме Господнем. Оне достойны сей почести потолику, поколику сами суть храмы Божии, члены тела Христова, жилища Святого Духа. Помышляй о сем часто, со вниманием, пока носишь земное тело; и со тщанием очищай свое тело воздержанием, освящай упражнениями благочестия, устрояй ему нетленную одежду из дел веры и добродетели, дабы, когда ты отложишь свое тело, и его положат близ святилища Господня, не возгнушалась оным святыня Господня, как неочищенным от растления Адамова и твоего собственного, и не отринула от себя жребия твоего ко жребию тех, *ихже расточишася кости при аде* (Псал. CXL. 7), но восприяла тебя в наследие нетленно, и нескверно, и не увядаемо, *соблюдено на небесех* (1 Пет. I. 4). Аминь.

1832 год.

CXLVIII.

93. БЕСЕДА о благочестивом усердии.

(Напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1832 год>

*Тицанием не лениви, духом горяще,
Господеви
работающе (Рим. XII. 11).*

Говорить о благочестивом усердии подает мне мысль не один Святой Павел своим Богодухновенным наставлением, но и многочисленный собор Святых своими примерами.

Те, которые в настоящее собрание приведены, благочестивым усердием, может быть, не без утешения услышат нечто такое, что сообразно с свидетельством их собственной совести. Вообще же никто не должен почитать ни маловажным, ни посторонним для себя то, чему Апостол Христов Христиан поучает.

Тицанием не лениви, духом горяще, Господеви работающе. Последним из сих трех увещаний Апостол убеждает нас деятельно исполнять обязанности наши к Богу: а двумя предыдущими определяет, с какими душевными расположениями надлежит исполнять оныя.

Дело раба работать господину своему: так дело Христианина работать Господеви. Каким образом? Работать над своим умом, чтобы просветить его познанием истинного Бога и святой воли Его; работать над своим сердцем, чтобы очистить его от страстей и похотей, дабы оно могло сделаться достойною жертвою Богу, и обителю благодати Его; работать всеми своими силами и способностями, чтобы все делать для Бога, и благоугодным Ему образом, как то, для Него честно исполнять дела звания и должности, для Него благотворить бедным, для Него терпеливо переносить скорби. Земные господа удовлетворяются только такою работою, которая приносит выгоду, а просьбы и добрые слова своих рабов и наемников конечно не поставят в счет работы к воздаянию: но Господь небесный, не ищущий от нас никакой выгоды и не имеющий ни в чем нужды, а приемлющий нашу работу для того только, чтобы нам же благодетельствовать, приемлет и наши к Нему молитвы и славословия, как службу и работу Ему благоугодную. Из сего не трудно усмотреть, как многообразна работа Господеви, и как она простирается на всю жизнь человека внешнюю и внутреннюю, до великой субботы, — успокоения в Самом Боге. Очень худо было бы, если бы такая работа производилась без старания и с леностию. Ленивый не делает того, что делать должно; нестарательный делает кое-как, не заботясь о успехе и совершенстве дела. Такие работники не годными почитаются и у земных господ; кольми паче непотребны они пред очами Господа небесного. Посему верный приставник дел Его взывает ко всем, Ему работающим: *тицанием не лениви!* Не будьте ленивы и нестарательны! Но, не довольствуясь сим, Он присовокупляет: *духом горяще!* Имейте горячность духа, пламенную ревность, кипящее усердие служить Богу, и творить волю Его.

Живое усердие к Богу есть черта, которая много значит в характере Христианина, и в определении того, чем быть, и чего достигнуть он может.

Во-первых, оно есть собственно то, что в человеке работу Господню делает угодною Богу. Сие объяснить можно близким простым примером, и доказать вашим собственным делом.

Пред святым Образом ты возжигаешь свещу, и полагаешь, что тем совершил некоторое служение Богу. Но ты знаешь, что Богу и Святым его, пребывающим во светлостях святых, небесных, нет никакой нужды в земном, вещественном светильнике; ты видишь, что и во храме иногда без него можно было бы обойтись при помощи великаго, вседневнаго светильника Божия на небе. Что ж значит твое служение возженною свещею, и как оно может быть угодно Богу и Святым Его? – Оно должно быть видимым знамением горящаго в тебе духа, твоего благочестиваго усердия. Дух Божий распределил в Церкви образы служения по чину и по способностям: предстоятель олтаря молится, славословит, тайнодействует, поучает: меньшие служители Олтаря возбуждают молитву и духовное разумение священным чтением или песнопением, указанием чина священнодействия и предметов молитвы; тебе, которому досталось в безмолвии слушать и возбуждаться, дабы ты не казался устранным от деятельнаго участия в Богослужении, бездейственным членом Церкви, предоставлено знаменательное действие возжечь свещу пред святым Образом, и когда ты сие делаешь, совесть твоя получает свидетельство, что ты участвуешь в служении Богу, Церковь утешается, заключая по знамению, что ты горишь духом, и Бог благоугождается жертвою твоего сердца. По сему примеру надлежит разсуждать и о других делах благочестия. Человек не видит сердца ближняго своего: но и он не удовлетворяется одною видимостию и вещественностию дел, а старается по приметам угадывать, с искренним ли усердием оныя делаются, и когда сие находит, высоко ценит дела, и много утешается. Бог ли сердцеведец может быть доволен видимым и вещественным делом благочестия и добродетели, когда не видит в сердце человека благочестиваго усердия? *Бог зрит на сердце. Дажь Ми сердце твое*, говорит Его премудрость человеку; и взаимно *даст ти Господь по сердцу твоему*. По сердцу Иерусалимской вдовицы, положившей в церковное сокровище две лепты, произнесен суд Христов, что малый дар ея больше всех великих. Малую деньгу безценною пред Богом делает благочестивое усердие.

Во-вторых, благочестивое усердие помогает человеку в работе Господней, облегчает для него подвиги служения Богу, и ускоряет шаги его по пути к духовному совершенству. Когда человек мира и плоти слышит заповеди, по которым должно поступать человеку Божию: не люби мира, ни того, что в мире; отрекись от имения, то-есть, или раздай оное бедным, или управляй им с таким равнодушием, как бы ты не имел онаго; умерь любовь к отцу и матери, к жене и детям, чтобы тебе не любить их больше, нежели Бога; отвергнись себя; возми крест: он ужасается тягости работы Господней, и не понимает, как может кто нибудь понести оную. Напротив того не только всесильный Подвигположник говорит: *иго Мое благо, и бремя Мое легко есть*; но и подобострастный нам раб Его скажет, что *заповеди Его тяжки не суть*. Как же согласить столь различные между собою виды одного и того же дела? – Соглашение сие заключается в понятии благочестиваго усердия. *Путь заповедей Твоих текох*, говорит Псалмопевец, *егда разширил еси сердце мое* (Пс. CXVIII. 32). Он дает чрез сие разуметь, что путь заповедей Божиих, путь жизни благочестивой и духовной, кажется трудным, человек коснит на нем, колеблется, претывается, воспящается, не умеет переставить ноги, дотоле, доколе сердце его сжато, холодно, не возбуждено к добру: но когда оно разширяется духовным жаром, возбуждается Божественным желанием, тогда человек бежит путем Божиим легко и скоро. Опытный разумеет сие: а дабы удобнее было разуметь каждому, пусть обратят внимание на то, как много делает горячность духа в обыкновенных делах человеческих. Укажу на один случай, в котором вдруг можно видеть и действительный, обыкновенный опыт, и вместе притчу, имеющую высшее, духовное знаменование. Иаков сам себя отдал в работу Лавану на семь лет с тем, чтобы, вместо платы, получить Рахиль в супружество: *и быша пред ним*, говорит деписание, *яко малы дни, занеже любяше ю* (Быт. XXIX. 20). Рахиль, красная взором, знаменует красоту созерцания духовнаго. Если в духе человека зажглась любовь к красоте Божества и Божественнаго: то хотя и многие годы должно

будет провести в трудных подвигах благочестия для приобретения полной радости спасения; будут пред ним, яко малы дни, занеже любит то, для чего работает.

Сим образом изъясняется то, как Апостолы среди гонений проходили с проповедию Евангелия вселенную от края до края, и не утомлялись; как Мученики радовались во страданиях; как Преподобные в суровом и скудном пустынножительстве находили блаженство, и не хотели променять онаго ни на какую иную жизнь.

В-третьих, горячность усердия к Богу может быть полезна в особенности, для охранения человека от искушений со стороны плоти и мира, и духов злобы и прелести. Духовные наблюдатели изъясняют сие простым подобием. Когда котел кипит на огне: тогда не смеют к нему приблизиться, ни насекомое, чтобы осквернить, ни наглое домашнее животное, чтобы похитить пищу, приготовляемую в нем для человека. Но когда снимется с огня и остынет, тогда насекомья роятся около него, и падают в него, и наглый пес может приблизиться, осквернить, похитить. Подобно сему, когда душа человека кипит огнем Божественного желания: сей духовный огонь служит ей в одно время и силою для действия, и броней для защиты. Но если небрежение допускает угаснуть сему огню; и благочестивое усердие остывает: то суетные, лукавые, нечистые помыслы роятся и роятся в области чувственной, падают во глубину души, и оскверняют ее, и может придти наглая страсть, и расхитить в душе, что в ней уготовлялось для благоугождения Богу.

Что мнится вам братия? Не есть ли горячность духа к Богу качество, преимущественно вожденное? Так подлинно. И сию мысль находим у Самого Спасителя Нашего. *Огня приидох вовреци на землю*, глаголет Он, *и что хошу, аще уже возгореся* (Лук. XII. 49). То есть, как желал бы я, чтобы он уже горел! Что жь это за огонь, столь вожденный Пришедшему спасти человека? Без сомнения, не огонь разрушающий, но огонь оживляющий, огонь духа, ввергаемый в землю сердца, который, по выражению Пророка, *разваряет и очищает, яко сребро, я яко злато; и очистит сыны Левиины*, то есть, сынов сердца; *и прелиет и яко злато, и яко сребро; и будут Господеви приносяще жертву духовную в правде* (Мал. III. 3). Сей Божественный огонь, которым Иисус Христос так желал воспламенить сердца человеков, горел уже тогда в собственном Его сердце, как в своем источнике, как то обнаруживают непосредственно за вышеприведенными следующие слова Его: *крещением же имам креститься*, то-есть, крестным страданием; *и како удержуся, дондеже скончаются* (50)! То-есть, как Я томлюсь, доколе сие совершится! Что значит сие томление, как не то, что Его сердце горело желанием страдания и крестной смерти, дабы сею жертвою умиловить Бога Отца, и совершить спасение человеков?

После таковых размышлений не болезненно ли, братия, помыслить, что есть и в называющихся Христианами сердца, остающиеся только землею, в которую еще не ввержен огонь Христов, хладною, чуждою жизни Божией? Не печально ли примечать, что некоторые работают Господеви только в внешних делах благочестия и добродетели, поверхностно, принужденно, без возбуждения духовнаго, без усердия искренняго и глубокаго? Бедные! они понимают, что слишком опасно было бы не работать Господеви совсем; но работая не усердно, делают сами себе двоякий вред: и увеличивают тяжесть своей работы, и не достигают всего плода, от нея возможнаго.

Могут некоторые сказать: мы желали бы иметь горящий к Богу дух, но что делать, если сие нам не дается? На сие от||ветствуем: если Божественный Спаситель наш во дни плоти Своя так желал ввергнуть Божественный огонь Свой в сердца человеков: думаете ли вы, что Он менее желает сего ныне? *Иисус Христос вчера, и днесь, той же и во веки*. В Нем и ныне, как всегда, и для каждого, как для всех, — в Нем живот и свет человеков, свет

непрестанно просвещающий, живот непрестанно оживляющий. *Приступите к Нему, и просветитесь.* Положите пред Ним землю сердца вашего, и Он возжжет в ней Свой животворный огонь. Сделайте для Него не многое, что теперь есть в вашей возможности, и Он сотворит для вас, что есть в Его всемогуществе и всеблагости. Возбуждайте сердце ваше воспоминанием безчисленных и непрестанных благодеяний Бога Творца и Промыслителя, и размышлением о безпредельной любви Икупителя, который, недовольствуясь быть вашим благодетелем, соделал Себя вашею жертвою и вашею пищею, – сохраняйте, сколько можно, совесть вашу не возмущенною и мирною, а если она возмущена грехом, не медлите очищать и умирать ее покаянием; заставляйте себя безленостно и безропотно работать Господеви со страхом, доколе не дастся вам работать Ему с радостью; не приписывайте себе успехов, какие дадутся в служении Богу, но восписуйте все благое благодати Его, держите себя чрез молитву и смирение, непрестанно поверженными пред Богом, как земля пред солнцем. Верен Бог, сияющий видимым солнцем Своим на злыя и благия, по обетованию благодати Своея, возсиять и в сердцах ваших, согреть и воспламенить их духом Своим Святым, да будете *духом горяще, Господеви работающе*, не только, яко верные рабы, тщательно, по усердию, но и яко присныя чада, радостно, по любви, да имеете утешение внутреннее, да достигнете воздаяния вечнаго. Аминь.

СХLIX.

94. СЛОВО в день Успения Пресвятыя Богородицы.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 г.)

<1832 год>

*Да не явишия человеком постяся, но Отцу
твоему,
Иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне,
воздаст
тебе яве. Матф. VI. 18.*

У гроба Пресвятыя Девы Марии, Церковь поставляет нас ныне в благочестивое созерцание. Ибо что такое церковный праздник, если не благочестивое созерцание, в котором дух отдыхает от труда плоти, и собирает силы для работных дней жизни?

Что же видим, быв поставлены у гроба Пресвятыя Девы? Зрелище необыкновенное! – Обыкновенно до гроба – свет и ясность, далее гроба – мрак и неизвестность: но здесь совсем напротив. До гроба – какое высокое достоинство и добродетель в какой глубокой тайне и безвестности! Далее гроба – какой свет и слава, какое торжественное воздаяние достоинству и добродетели!

Не много нужно труда для изъяснения, что нравственное достоинство Преподобнейшей Девы Марии должно признавать безпримерно высоким. Сие видно само собою из достоинства служения, в которое она избрана и возведена. Если бы нашлась добродетель выше, нежели Ея: то была бы несообразность в том, что Она преимущественно избрана быть жилищем, престолом, Материю Бога Слова. Но в судьбах и делах Божиих несообразности быть не может. Следственно, как верно то, что Мариам есть *благословенная в женах*, то есть, благословенная высочайшим благословением пред всеми прочими женами: так же верно и то, что добродетель Ея есть высочайшая, чистейшая,

совершеннейшая, хотя впрочем Она чиста и совершенна помощью того же Христа, Который соделался наградою Ея чистоты и совершенства.

Но посмотрите, сколько знают, как видят достоинство Мариами прежде гроба Ея.

Кому лучше было знать Ее, как не тому, кто удостоен был доверенности хранить сие сокровище мира, сию запечатленную сокровищницу Неба? Но Иосиф вначале так мало знал, сколь высоко должно чтить Ее, что почитал даже возможным *обличить* Ее, хотя и не хотел того. Иосиф готов был повергнуть безценное сокровище, еслибы оно не было надежнее оберегаемо более просвещенными хранителями, Ангелами. *Не хотя ея обличити, восхоте тай пустити ю. Сия же ему помысливишу, се Ангел Господень во сне явися ему* (Матф. I. 19. 20).

О дивно-молчаливая Дево! Не ближе ли было Тебе самой известить Иосифа о том, о чем наконец известил его Ангел? Почто ждала Ты дальняго вестника с неба? Почто не спешила на помощь праведнику, почти впадшему в несправедливость? – Без сомнения для того, *да не явишиися человеком*, с Твоею добродетелию, с Твоею благодатию, с Твоим достоинством, *но единственно Отцу Твоему небесному, Иже в тайне*.

Тайну высокого достоинства Девы Богородицы более или менее открывали Ангелы, звезда, волхвы, пастыри, Симеон: но Ангелы возвратились на небо; волхвы на Восток; звезда скрылась; Симеон с миром отпущен из мира сего; свет Вифлеемской славы потушен гневным дыханием Ирода и кровию младенцев; Мария скрывалась то в Египте, то в Назарете, а Ея достоинство и знаменитость – в Ея сердце. *Мариам же соблюдала вся глаголы сия, слагающи в сердце своем* (Лук. II. 19).

Пришло время, когда слава премудрости и чудотворений Сына Мариина просияла в Иудее и Галилее. Надлежало бы отблеску славы Сыновней вскоре озарить и лице Матери. Однажды нечаянно показалось, что сие начинается. Другая, может быть мать, или сильно желающая быть матерью, живее других вообразила счастье Матери благословенной, и всенародно предалась восторгу, который побуждал ее прославлять Иисуса, и вместе с Ним Его Матерь. *Воздвигши некая жена глас от народа, рече Ему: блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссал* (Лук. XI. 27). Но приметьте: она говорит околичностями; *ублажает чрево и сосцы*, а не произносит имени Той, Которую прославляет. Почему? – Без сомнения потому, что не знает Ея ни в лице, ниже по имени.

Другие знали Мариам и в лице и по имени: потому что не могли не знать сего: и несмотря на сие оставались в самом странном о Ней неведении. Послушайте, что говорят сограждане и соседи Иисуса и Марии. *Откуда сему премудрость сия, и силы?* (Следственно, они слышат премудрость Иисуса, видят чудеса Его, признают их, и побуждаются ими узнавать все, что до Него касается). *Не сей ли есть тектонов сын? Не мати ли Его нарицается Мариам* (Матф. XIII. 54. 55)? Видите, они не умеют даже сказать: Иосиф, сын Давидов, Мария, дочь Давидова; они знают только то, что в глазах: – что Иосиф есть ремесленник, что Мария есть – Мария. Как же не знают они даже того, что Евреи так заботливо старались знать и о себе, и о других? Как не знают рода и происхождения Марии? – Не иначе можно изъяснить сие, как тем, что Пресвятая Дева, не желая ни в чем *являться человеком*, не ища никакого человеческого утешения, не хотела и того, чтобы в унижении бедности Своей утешать Себя пред человеками достоинством Своего рода; и потому не делала гласным Своего происхождения так же, как Своей добродетели и благодати.

Но что уже дивиться тому, что чужие, дальние ли то, или ближние, долго не дают славы Той, Которую должны *ублажать все роды*? Сам Сын Ея, – усомнился бы я сказать, если бы можно было усомниться пересказывать сказанное самою Истиною, – Сам Сын Ея, повидимому, не решается дать Ей пред человеками славу, подобающую матери; и Он является как-бы не знающим, или не желающим знать Ее. *Кто есть Мати Моя* (Матф. XII. 48)? вопрошает Он. Как-бы ищет, кому даровать имя, честь и славу Своея Матери, умалчивая о Той, Которой Его рождение дало право на сии отличия. *Мати Моя и братия Моя сии суть, слышащие слово Божие и творящие е* (Лук. VIII. 21). Говоря таким образом, Господь не отчуждает Матери Своея по плоти: поелику слышит слово Божие паче других Та, Которая услышала оное прежде других; и творит оное деятельнее других Та, Которая сотворила Ему достойную обитель во чреве Своем. Но, во-первых, Господь возвышает Своим изречением слушающих и творящих слово Божие, и возбуждает к сему спасительному деланию; во-вторых, и Он, в приведенном изречении, сообразуется с собственным правилом Своея Матери, чтобы *не являться человеком*, – сколько можно уклоняться от славы человеческой, ища славы Божией; и Он медлит, отлагает явить человекам всю честь и славу Той, Которая есть *честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим*.

Иду далее поприщем земной жизни Иисуса и Марии: тоже повсюду. Где наиболее является слава, там отнюдь не является Мария, как например, при торжественном входе Господнем во Иерусалим. А если где является Матерь Господня, там не слава Ее встречается, как например: *стояху при кресте Иисусове Мати Его и сестра Матере Его* (Иоан. XIX. 25).

Последуем за Распятым, чрез дверь гроба, в область славы Воскресшаго. Уже не первый только, но и последний по вере ученик Его славит Его Божество: *Господь мой и Бог мой!* Уже за славою Господня воскресения следует новая Божественная слава вознесения Его на небо. Ищу человека, действия, слова, в котором бы, хотя теперь, явилась слава *Матери Господа моего*, которую, правда, еще очень рано, только без свидетелей, и без последствий возвещала праведная Елисавета: ищу и – не нахожу. *Сии вси* – написано об Апостолах после вознесения Господня – *бяху терпяще единодушно в молитве и молении, с женами и Мариею Материю Иисусовою* (Деян. I. 14). Какое неожиданное повествование! Не только после Апостолов, но даже после неких неизвестных жен, едва наконец вспомнили наименовать *Марию Матерь Иисусову*. Что это такое? Неужели повествователь не довольно чтит Матерь Божию? – Сохрани Бог допустить сию мысль, оскорбительную не только для Пресвятыя Девы, но и для Святаго Евангелиста Луки! Что ж это значит? – То, что Святой Лука так пишет в книге Деяний Апостольских, как вела себя Пресвятая Дева между Апостолами; а Она, хотя, по высоте благодати, в духе, невидимо председательствовала в соборе Апостолов, – по смирению сердца, во плоти, видимо, не допускала до Себя никакой славы, не употребляла никаких преимуществ, поставляла Себя в ряду с прочими женами, учила их Своим примером тому, чему после учил их Апостол Павел словом: *жены ваша в церквах да молчат* (1 Кор. XIV. 34). *Жена в безмолвии да учится со всяким покорением; жене же учить не повелеваю* (1 Тим. II. 11. 12). Желал бы я – скажу мимоходом – чтобы в сей священный пример пристально всмотрелись наши чуждающиеся братия, которые, прежде суда Христова, осудив без разбора всякое священство, и за то наказав сами себя произвольным лишением священства, к довершению беспорядка, поручают начальствовать у себя в общественном Богослужении девам, – без сомнения, не мудрым, а юродивым! Ибо какая дева, кроме юродивой, дерзнет принять на себя в Церкви то, к чему не дерзала приступать Пресвятая Дева Богородица?

Теперь посмотрим на другое, необозримое по пространству, но уже удобозримое по светлости, поприще, которое открылось для Пресвятыя Девы Ея успением. Как скоро сие совершилось: собор Апостолов, как говорит благочестивое предание, отсюда собран Духом Божиим, чтобы не столько оплакивать, сколько праздновать Ея погребение. Как прежде неверие Фомы обращено в доказательство достоверности воскресения Христова: так теперь умедление Фомы обращается в средство к прославлению вознесения Богоматери, – еще сокровенного, как сокровенна была жизнь Ея на земли. Восприяв славу Божию на небеси, с сего времени Она не отвергает и человеческой славы на земли, прежде неугодной для Ея смирения, теперь полезной и благотворной для живущих на земли.

Слава Ея имела и своих врагов, подобно как и слава Христова: но в сем-то наипаче является Божественная сила благодати, что враги служат ей не столько препятствием, сколько средством к достижению ее целей. Что произвели еретики, которые так и хитро и дерзновенно усиливались похитить у Пресвятыя Девы Марии высокое наименование *Богородицы*? – То, что Православная Церковь, остерегаясь от их лукавства и дерзости, стала еще ревностнее прежнего прославлять Пресвятую Богородицу, от чего нет теперь в Церкви ни одного дня, ни одного Богослужения, которые бы не были *преукрашены Ея Божественною славою*. И это не есть простой перебор слов православных противу еретических, но действительное сражение духовных сил и совершенная победа силы Христовой над силою Его противников. Ибо славящая уста утомились бы в продолжение веков, еслибы, на глас молитв и славословий, не посещала верующих Пресвятая Богородица Своею могущественною помощию, принося душам Христа с Его благодатию, подобно как Она является носящею Его на руках, в наших священных изображениях. – *Радуйся благодатная! Слава Твоя Боголепная Богоподобными сияет чудесы!*

Вот, братия, что видится мне ныне, чином церковным и долгом служения поставленному на страже, в созерцании, у гроба Пресвятыя Девы Богородицы. Но к чему сие видение? – Ибо созерцание благочестивое должно быть не праздно, а деятельно. – К тому, чтобы пример сокровенной жизни Ея споспешествовал нам – и уразуметь, и принять, и делом исполнять учение Христово: *да не явишиися человеком... но Отцу твоему, Иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве*. Подвизайся, делай добро, служи Богу: но берегись, чтобы твоих подвигов, твоих добродетелей, твоего благочестия не обнаруживать пред людьми без нужды, произвольно, самодовольно, тщеславно; имей Бога свидетелем твоей совести, и Он будет мздовоздаятелем твоим за все, что ты, не примечаемый человеками, для Него делаешь или терпишь.

Господь заповедует тайну, во-первых, для дел человеколюбия: *тебе творящу милостыню, да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя*. Во-вторых, для дел благочестия: *егда молишися, вниди в клеть твою, и, затворив двери твои, помолися Отцу твоему, Иже в тайне*. В-третьих, для дел самоотвержения и умерщвления плоти: *да не явишиися человеком постясь, но Отцу твоему, Иже в тайне*. Следственно, тайну скромности и смирения заповедует Он для всех обязанностей человека к Богу, ближнему и самому себе, – для всякой добродетели, – для всех дел Закона.

Скажут: но как же исполнится Христово же слово: *так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Матф. V. 16)? – Не заботьтесь; слово Христово исполнится само собою, и не потребует вашей помощи. Сказано: *да просветится свет ваш*, сам собою, естественно, как светит всякий свет; а не сказано: *выставляйте на показ свет ваш*. Добрыя дела суть дела света по естеству: делайте тайно, – свет просияет, когда, и сколько повелит Бог Светодавец. Беда в том, если делаете дела темные, злые: от сих, конечно, нет и не будет света, и Бог не будет ими прославлен.

Скажут еще: как же и молиться, или проповедывать в Церкви, если и дела благочестия творить должно в тайне? – Дабы ответствовать на сие, напомним, что в том же самом поучении, в котором Спаситель наш говорит о молитве в тайне, говорит и о даре, приносимом к олтарю: *аще принесеши дар твой ко олтарю* (Матф. V. 23); а сие бывает в Богослужении открытом и торжественном. Из сего видно, что заповедию о тайной молитве не отменяется обязанность участвовать в общественном церковном Богослужении. Но есть и в сем случае своего рода осторожность, чтобы не являться человекам тщеславно, а смиренно предстоять Отцу небесному, Иже в тайне. Если, стоя в церкви, ты совершаешь действия благоговения, общия всем присутствующим, но стараешься удерживать, или делать неприметными, особенныя в тебе движения возбужденнаго благочестия, воздыхания или вопли, готовые исторгнуться, слезы, готовые пролиться: в сем расположении ты и среди многочисленнаго собрания сокровенно предстоишь Отцу твоему, Иже в тайне.

Помыслим, братия, сколь и неблагородно, и тягостно, и бесполезно жить только на показ, как поступают многие и в нравственной, и в общественной, и в домашней жизни. Все показывают, все выставляют, о всем трубят, всякое ничтожное дело провозглашают, подобно как кокошь свое новорожденное яйцо. Но провозглашение кокоши основательнее; она возвещает яйцо, которое подлинно родилось и остается: а тщеславные возвещают то, чего нет, или провозглашением уничтожают провозглашаемое. Например: сделано дело благотворения: хорошо; до сих пор оно существует. Но если сделавший и хвалится оным: то доброе дело исчезает. Теперь открылось, что нет добраго в его сердце; там тщеславие. Нет добраго в его деле; произведение тщеславия не есть доброе дело. Нет добраго даже в глазах людей: ибо они проникают тщеславие, и если славят дело тщеславнаго, то в тоже время разглашают и укоризны его тщеславию. Кольми паче нет здесь добраго пред Богом. Он отказался от тщеславных, когда сказал: *восприемлют мзду свою* (Матф. VI. 2. 6. 16).

Христианин! Будь, а не кажись: вот одно из важных для тебя правил. Познай несравненное достоинство скромной, тихой, сокровенной добродетели. Ей свойственно быть тайною для земли: потому что она небесной породы, и для неба существует. Совершай ее в тайне, и охраняй от глаз человеческих, часто нечистых и вредящих ея чистоте, а представляй тщательно и непрестанно чистому и очищающему оку Божию. *И Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве.* Аминь.

CL.

95. СЛОВО
в день Тезоименитства Благовернаго Государя,
Наследника Престола, Цесаревича Великаго Князя
Александра Николаевича.

(Говорено в Успенском соборе, августа 30 дня;
напечатано в собраниях 1844 и 1848 г.)

<1832 год>

Бога бойтесь, царя чтите. 1 Пет. II. 17.

В собрании боящихся Бога и чтущих Царя, не трудно возвещать сие учение. Прежде нежели предложено, уже оно принято; прежде нежели проповедано, исполняется. Ибо что привело вас в сей Дом Божий, как не благочестие, или страх Божий? Что собрало вас

именно ныне, и собирает в подобные нынешнему дни славы, радости и надежды Царевы, если не благоговейное почтение к Величеству Помазанника Божия, соединенное с любовью к Нему и к исполненному надежд – Наследнику Его величия и добродетелей, и с желанием сохранить надолго сии дары Божии?

Итак нужно ли повторять: *Бога бойтесь, царя чтите*? Радуюсь, если не нужно; надеюсь, что не будет сие излишно. Может быть, не каждый из нас размышлял, что значит, что две заповеди: *Бога бойтесь, царя чтите*, в учении Святого Апостола Петра поставлены рядом, в непосредственном одна с другою сближении. А в сем размышлении, может быть, найдется нечто достойное внимания.

Подобное сближение мысли о Боге с мыслию о царе встречаем и у самого Иисуса Христа, когда Он говорит: *воздадите Кесарева Кесареви, и Божия Богови* (Матф. XXII. 21). Но здесь сочетание мыслей произведено не просто изволением говорящего, а сложностью вопроса, на который Он отвечает: *достойно ли есть дати кинсон Кесареви, или ни?* – вопрошали Господа ученики Фарисеев и приверженцы Ирода, ожидая, что если ответ будет: должно; то Фарисеи могут обвинить Иисуса пред народом в недостатке ревности по закону Божию, в котором написано: *пол дидрахмы дань Господу* (Исх. XXX. 13), а не земному царю; если же ответ будет: не должно; в таком случае Иродиане обвинят Иисуса пред Римским правительством, в речах возмутительных против Кесаря. Чтобы разсечь сию обоюдную сеть, потребен был обоюду острый ответ: отдайте Кесарево Кесарю, – заплатите дань Кесарю монетою, которая носит на себе его изображение и надпись, – знак его власти, и его ручательства за безопасность собственности; отдайте Божие Богу, – отдайте в дань храму Божию пол-дидрахмы, по предписанию закона Божия. Есть обязанности не только к Богу, но и к Царю; одне другим не противоречат; и те и другия вместе исполнять можно и должно.

Изречения Святого Апостола Петра в его Послании не управляются какою либо приметною, внешнею, случайною причиною. Его мысли свободно следуют созерцанию истины, и его слова его же мыслям. Вслед за мыслию о Боге само собою родится у него мысль о царе, и обязанность к царю становится рядом с обязанностью к Богу. Что же особенно примечательное можем мы открыть в сем сочетании мыслей Апостола?

Прежде ответа на сей вопрос, надобно вспомнить, что написанное в первом веке Христианства теперь предлагается людям девятнадцатаго века, что впрочем дух Евангелия, как Дух Божий, объемлет все времена; и что посему он изрекает в первом веке то, и таким образом, что и каким образом нужно и удовлетворительно и для девятнадцатаго, равно как для всех прочих веков.

Несчастное свойство мудрования, более в нынешния времена, нежели прежде, господствующее в умах, есть недоверчивость к истине, во всяком роде познаний. О всем, что прежде было признаваемо твердым основанием прочих познаний, теперь спрашивают, точно ли это есть основание, и, под предлогом испытания и удостоверения, разными образами подкапываются под оное, не догадываясь, что сия работа есть только разрушительная, а не созидательная. На чем основано правило: *Бога бойтесь*? На чем основано правило: *Царя чтите*? Не потому ли Священник проповедует почтение к Царю, что надеется от него покровительства своему служению? Не потому ли Царь покровительствует Олтарю, что надеется иметь его подпорою Престола? Не взаимная ли только польза соединяет Олтарь с Престолом?

Прости меня, Святая, Божественная Истина, что я пред Твоим Святилищем принужден открыть часть глубин омраченного, низверженного мудрования!

А ты, достойное последних времен мудрование, высокое только в гордом о себе мнении, глубокое только потому, что роешься в земле и прахе чувственных опытов и мелочных изысканий, плодовитое только сомнениями и подозрениями, твердое только в упрямстве неверия! Слыши, если хочешь слушать безпристрастно, истина не колеблется стать против твоего дерзновенного испытания, и просто явиться пред твоими ухищренными изысканиями. Да, есть в том польза, когда Олтарь и Престол союзны; но не взаимная польза есть первое основание союза их, а самостоятельная истина, поддерживающая и тот и другой. Благо и благословение Царю, покровителю Олтаря; но не боится Олтарь падения и без сего покровительства. Прав Священник, проповедующий почтение к Царю: но не по праву только взаимности, а по чистой обязанности, если бы то случилось и без надежды взаимности.

Вот человек, который недавно был рыболовом, и который, перестав быть таким, не сделался чемнибудь важным для Иерусалима и Рима, и несколько других, подобных ему, вопиют Иерусалимлянам и Римлянам, Иудеям и язычникам: *Бога бойтесь!* Веруйте в Господа Иисуса! Сей голос проходит вселенную, проходит веки. Тысячи и мириады Иудеев веруют в Иисуса, ими распятого. Миллионы бывших многобожников убоялись Бога Единого. Повсюду Христианские Олтари на развалинах Синагог Иудейских и капищ языческих. Какой могущественный царь помог сему огромному перевороту? Константин Великий? – Никак! Он пришел к Олтарю Христову, когда сей уже стоял на пространстве Азии, Европы и Африки; – пришел не для того, чтобы поддержать оный своею мощию, но для того, чтобы с своим величеством повергнуться пред его святынею. *Живый на небесех рано посмеялся* (Псал. II. 4) тем, которые поздно вздумали унизить Его Божественную Религию до зависимости от человеческих пособий. Чтобы сделать смешным их мудрование, Он три века медлил призывать сильного Царя к Олтарю Христову; а между тем со дня на день возставали на разрушение Олтаря сего цари, народы, жрецы, мудрецы, сила, искусство, корысть, неправда, хитрость, ярость. Что же наконец? – Все сие исчезло: а Церковь Христова стоит; не потому, что поддерживается человеческою силою, но потому, что и *врата адава не одолеют ей* (Матф. XVI. 18); потому, что Христос царствует и Своим Царством утверждает вселенную, а не вселенною Свое Царство. *Господь воцарися, в лепоту облечеса; – ибо утверди вселенную, яже не подвижится* (Псал. XCII. 1).

Вот и другое воззвание бывшего рыбака: *царя чтите*. Пусть поищут мудрецы сомнений и подозрений, какая бы взаимность, выгода, надежда могла заставить сего проповедника пристрастно благоприятствовать царю. Кто был царь, который прежде и ближе других встретился с проповедием Святого Петра? – Ирод. Какая же услуги оказал Ирод Христианству? – *Возложи*, говорит Книга Деяний Апостольских (XII. 1–4), *возложи Ирод царь руке озлобити некия от Церкви. Уби же Иакова брата Иоаннова мечем. И виде, яко годехе ест Иудеем, приложи яти и Петра, – егоже и емь всади в темницу.* Ангел чудесно избавил Петра от темницы и от Царя: и после того Петр проповедует: *царя чтите*. Чем также наградила Петра за подвиги Апостольские держава Римская? Не крестом почести, а крестом распятия. Петр ожидал сего, с вероятностию, по примерам, даже с достоверностию, по предсказанию Господа: и почтение к царю проповедывал подданным царя, от которого пострадать готовился. На чем же основывалась сия проповедь? – Конечно не на взаимности, выгоде, надежде. На чем же? – Без сомнения, на истине Божественной, а не человеческой. *Бога бойтесь: царя чтите*. Первая из сих заповедей тверда самостоятельно: в мысли о Боге необходимо заключается мысль о благоговении к Богу. На первой утверждается вторая: ибо если вы боитесь Бога, то не можете не уважать того, что постановил Бог; но как, по слову другого Апостола, *несть власть, аще не от Бога: суция же власти от Бога учинены суть* (Рим. XIII. 1), и власть верховная,

ближайший на земли к Богу, *Божий слуга есть* (4): то, благоговей истинно пред Богом, вы не можете не чтить усердно и Царя.

Теперь открылось, что думал Апостол, когда с мыслию о страхе Божиим непосредственно соединил мысль о почтении к царю. Он хотел кратко, но притом, чисто и основательно преподавать учение о должности Христианина и гражданина. Сказав: *Бога бойтесь*, он изложил учение Христианина, и вместе положил основание учению гражданина. Сказав непосредственно за сим: *царя чтите*, он не только изложил учение гражданина, но и утвердил оное на незыблемом основании Божественной Религии. Он вдруг показал – как независимое, Божественное достоинство Религии, так, зависящее от устройства Божия, достоинство Царского Престола; как важность союза между Олтарем и Престолом, так ничтожность низких, недостойных помыслов о том и другом.

Христиане! Если Апостольская заповедь: *Бога бойтесь*, некогда своею внутреннею силою покорила себе неведавшие Бога умы, враждебные против Бога сердца язычников; если ее верно исполняли среди бедствий Христианства, под пытками гонителей онаго: то мы, которые родились под священным и благотворным владычеством сей заповеди, ныне, когда за ее исполнение не только не преследуют, но и одобряют, какое извинение можем найти для себя, если мы хладны к благочестию, недейтельны в исполнении воли Божией?

Если непосредственно подле великой заповеди: *Бога бойтесь*, могла стоять заповедь: *царя чтите*, тогда, как царь не чтит истинного Бога и преследовал Его чтителей: то как и священна, и легка, и сладостна должна быть для нас сия последняя заповедь, когда Царь, над нами царствующий, не только знает и исповедует единого с нами истинного Бога, но и освящен помазанием Божиим, покровительствует истинное благочестие Своею властью, уполномочивает Своим примером, ограждает Своими законами и правосудием, чтит Святых Божиих, как и недавно почтил Он с Церковию новопрославленного Святителя Митрофана?

Бога бойтесь: царя чтите. Сии две заповеди так соединены для нас, как бы два ока на одном лице истины и правды. Не разрозните их; не обезобразьте лица истины; не повредите одного из очей ея.

Боимся Бога, – говорят некоторые суеверы; и отрекаются молиться за царя, или давать ему дань, или вступать в его службу. Не очевидно ли, что это не последователи благочестия, но враги онаго, также как и отечества? Христос учил: *воздадите Кесарева Кесареви*. Апостолы учили: *царя чтите*. Кто учит не тому, чему поучал Христос и Его Апостолы: тот не последователь, а враг Христов. Негде есть и инаго рода политические раскольники; они хотят, к соблазну народов, иметь царя, не освященного Царем царствующих, закон человеческий без закона Божия, власть земную без власти небесной, присягу без имени Божия. Знаете ли, что делают сии неугомонные мудрователи? Они хотят выколоть у правды правое око. Можно ли основать закон и власть только на зыбком песке мнений людских? Как может стоять земля без неба? Что значит слово: Клятва, без Всевидящего и Всемогущаго, Который Один дает сему слову дух и силу, неколебимо поддерживающую верного и неизбежно карающую изменника?

Братия! Да стоим твердо во всецелой истине и правде. Боящиеся Бога! *Царя чтите*. Чтущие Царя! *Бога бойтесь*. Аминь.

СЛ.

96. РЕЧЬ
Благочестивейшему Государю Императору
Николаю Павловичу, пред вступлением Его Величества
в Успенский собор.

(Говорена сентября 20 дня; напечатана отдельно
и в собраниях 1835, 1844 и 1848 г.)

<1832 год>

Благочестивейший Государь!

Каждый год является весна, каждый день восходит солнце: но явление их всегда ново, всегда радостно для земли, которая в них чувствует свою собственную жизнь. Так радость лицезрения Твоего, венчанный Свет наш, по благодати Твоей к нам уже не редкая, и теперь, как-бы в первый раз, нова для нас, и полна, потому что сердца наши чувствуют в Тебе душу народной жизни.

Да будет же наша о Тебе радость, радостна и Тебе; ибо кроме сего нет для Тебя за нас достойной на земли награды.

Царь царствующих да продолжит сохранять Тебя, так же во всем Твоем царстве, как и в Твоем благословенном семействе, Отцем о чадах веселящимся.

СЛП.

97. СЛОВО
по освящении храма Святаго Духа
на Московском Даниловском кладбище.

(Говорено сентября 25 дня; напечатано в Христианском Чтении 1832 года
и в собраниях 1835, 1844 и 1848 г.)

<1832 год>

*Благодать даяния пред всяким живым (да
будет), и над
мертвецем не возбрани благодати.*
Сир. VII. 36.

Радоваться на кладбище, правда, не очень у места: однако я не колеблюсь признаться, что с радостью нахожусь ныне на сем месте, куда в продолжении многих лет множество людей ежедневно приносит свои печали.

Радуюсь, помышляя о снисхождении благодати Божией, которая сего новаго, верою ей предлагаемаго, жилища не отвергла; потому что благоволила совершиться освящению онаго по чину святыни.

Радуюсь, помышляя о сем храме, вместо ветхаго новом, вместо близкаго к разрушению увековеченном, вместо скуднаго и малоудобнаго благоустроенном и благолепном.

Радуюсь, вспоминая в вере и уповании преставльшагося раба Божия, который принес мне первую заботу о недостаточном устройстве бывшего здесь храма, и еще двух подобных, и вверил нескудныя для каждого из трех даяния, с такою при том строгою осторожностью, да *не увести шуйца, что творит десница*, – что и не означенное именем его собственноручное писание о сем деле истребовал от меня назад, чтобы почерк руки не обнаружил его пред человеками. Возлюбившая благолепие дому Бога своего, душа! Бог видит твое имя, котораго я не произношу, повинуюсь твоему завещанию: и да сохранит оное в книге живота; да украсит оное на небеси славою, без сомнения лучшею, нежели та, от которой ты благоразумно скрывался на земли; да скажет тебе там, где ты у Него почиваешь, что добрая мысль твоя не осталась без дела, и что даяние твое встретилось и с добрыми руками, и с обилием других даяний, так что добрый плод превысил добрую надежду.

Радуюсь, помышляя о всяком рабе Божиим, мало ли, много ли, по силе споспешествовавшем созданию и украшению сего храма и наипаче о понесшем все попечение и труд сего устройства. – И для чего же не сказать иногда что нибудь в Церкви о некоторых частных людях, если только не по человеческим видам сказать желается? – Незнатная женщина была та, которая помазала благовонным миром главу Господа Иисуса; и сие дело ея, по видимому, было простое, женскому образу мыслей свойственное: однако, за доброту ея намерения, Господь тогда же повелел о ней и деле ея говорить в Церквах всего мира. Можно говорить в Церкви о том, что делается для Бога и Церкви. – Что же радостно мне, при мысли о устройтеле храма сего? – Не только то, что он щедро послужил здесь Богу стяжанием и трудом, но и в особенности, что вступил в сие дело тогда, как не был к оному привлекаем никакою нуждою, никакою обязанностию; – тогда, как имел уже на своем попечении другой храм; – тогда, как обнаруженная некоторыми холодность к сему делу представляла неблагоприятный пример, и мы, искавшие помощи оному, оказались было беспомощными. Не говорю о сем яснее потому, что ни на кого не только жаловаться, но и в мыслях моих сетовать не желаю: Бог да наставит на лучшее всех нас; Церкви же Своей Он верно не оставит без благопотребной во время помощи, как сказал я относительно к сему храму еще в минуты беспомощности, и как, по благодати Божией, на деле оказалось.

Радуюсь, думая о бедных и беспомощных братиях наших, которые при сем храме обретают себе и жилища новоустроенныя, и средства к постоянному призрению оных уготованныя, с тем же свободным доброхотством, которое действовало в созидании храма.

Сказав сие, с моей стороны – по долгу благодарности, для других – в утешение и назидание, прибавлю для добродееущаго в Церкви: да не приложит он сердца своего к человеческой похвале, если слышит или услышит ее; да не восприимет мзды человеческой, суетной и ничтожной, за то, что делал для Бога, истиннаго и вечнаго Мздовоздателя; да возрадуется с нами, но не о себе, а о Господе, который благословил его и стяжанием, и намерением добраго употребления онаго, и благопоспешным исполнением намерения.

Наконец, радуюсь я теперь, думая и о усопших братиях наших, zde лежащих. Ибо если не напрасно благочестивая древность ввела в обычай, чтоб они полагаемы были при Церкви; если есть для них польза от приносимых здесь за них молитв и великой безкровной Жертвы: то мне мнится, что и они вместе с нами празднуют, когда здесь молитвы и жертвоприношения о них возобновлены, распространены на три олтаря, упрочены.

А что есть душам усопших польза от совершаемых за них молитв и жертвоприношений, о том не будет здесь неуместно сказать несколько слов, ради общего нашего утешения и назидания.

Есть в Христианстве люди, которые сами себя лишают утешения молиться за усопших. Какие это люди? – Без сомнения те, которые, приметным или неприметным для себя образом, больше любят умствовать, нежели веровать. Почему не приемлют они молитв за усопших? – Не видно другой тому причины, кроме той, что не понятно, как действие молитвы простираться может так далеко, – даже из одного мира в другой, из видимого в невидимый.

Человека, рассуждающего таким образом, спросил бы я: понятно ли обыкновенному разуму действие молитвы человека живущего за другого живущего, – особенно если молитва приносится за отсутствующего, или же и за присутствующего, но приносится для испрошения чего либо нравственного и духовного, как-то: прощения грехов, исправления от пороков, укрощения страстей, просвещения, утверждения в добродетелях? Две души, каждая с своим собственным умом, волею, склонностями, свободою, не суть ли одна для другой два отдельные мира, – отдельные тем более, что преграждены телами? Как же молитва одной простирает свое действие на другую?

Пусть отвечают на сии вопросы, как хотят. Если возмущся изъяснить, как отдельность существа и свободы не мешает действовать молитве за живых: сим самым изъяснится, как таже отдельность не мешает молитве за усопших. Если скажут, что действие молитвы за живых возможно, хотя неизъяснимо разумом; то я скажу: не отвергайте же и действия молитвы за усопших потому только, что оно неизъяснимо, или таковым кажется.

А по моему мнению, в предметах веры безопаснее то, чтобы меньше умствовать, а более верить, и утверждаться не на мудровании собственном, а на Слове Божием. Слово же Божие говорит: *о чесом помолимся, якоже подобает, не вемы* (Рим. VIII. 26). Следственно по разуму, без благодати, не знаем, можно ли молиться за когонибудь. Но сам Дух, продолжает Апостольское слово, – *ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанномы*, в молитве каждого, по его состоянию особенной; и тот же Дух, для общего руководства в молитвах, наипаче общественных, явственно изрекает, о чесом подобает молиться. Например: *молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки* (1 Тим. II. 1). Еще: *аще кто узрит брата своего согрешающа грех не к смерти; да просит, и даст ему живот, согрешающим не к смерти. Есть грех к смерти; не о том, глаголю, да молится* (1 Иоан. V. 16). И еще: *молитесь друг за друга, яко да изцелеете. Много бо может молитва праведнаго поспешествуема* (Иак. V. 16). Послушаем еще, как Святый Апостол Павел и молится за других, и требует молитвы других. *Молимся всегда о вас*, пишет он к Солунянам, *да вы сподобит званию Бог наш и исполнит всяко благоволение благодати, и дело веры в силе, яко да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа в вас, и вы в Нем, по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа* (2 Сол. I. 11. 12). И далее в том же послании: *прочее, молитесь о нас, да слово Господне течет и славится, якоже и в вас* (III.1). И в другом послании: *всякою молитвою и молением молящися во всяко время духом, и в сие истое бдяще во всяком терпении и молитве о всех святых и о мне, да дастся ми слово во отвержение уст моих, с дерзновением сказати тайну благовествования, о немже посольствую во узах* (Ефес. VI. 18. 19. 20).

Не собирая более свидетельств Священного Писания о молитве вообще, как о деле известном, приложим к особенному предмету настоящего размышления те свидетельства, которые доселе приведены.

Если мы не знаем, о чем молиться; а для вразумления нашего незнания дано нам Священное Писание, *могущее умудрити во спасение*, даже до того, что *совершен будет Божий человек на всякое дело благое уготован* (2 Тим. III. 15–17): то от премудрости и благодати Духа Божия, изглаголавшаго сие Писание, надлежит ожидать, что оно не только удовлетворительно наставит нас, о чем молиться, но и предохранит запрещениями, чтобы нам не молиться о том, о чем молитва была бы не угодна Богу. Чаяние сие оправдывается самым делом. Теперь же видели мы, как Священное Писание, заповедуя молитву *за вся человеки*, от молитвы, Богу не угодной и человекам не полезной, предохраняет верующаго запрещением: *есть грех к смерти; не о том, глаголю, да молится*. Из сего следует, что если о молении за усопших и нет в Священном Писании особенной, определительной заповеди, а выводится оное только из понятий и заповедей о молитве, более общих; но если притом нет против сего моления в Священном Писании никакого запрещения, как и действительно нет: то самое сие незапрещение, самое молчание Священного Писания есть уже доказательство того, что моление за усопших Богу не противно, и человекам не бесполезно.

Охотник до сомнений спросит: не излишне ли молиться о тех, которые умерли с верою и упованием? – Ответствую: не излишне ли, по видимому, молиться о Святых? Однако, Святой Павел велит молиться *о всех святых*. Не излишне ли молиться о Апостолах, которые суть распространители благодати на всех прочих, и первые из Святых в Церкви: *положи Бог в Церкви первое Апостолов* (1 Кор. XII. 28)? Однако Апостол Павел требует, чтобы молились о нем и не Апостолы, и притом тогда, как он уже приближался к венцу за подвиги Апостольства. Есть молитва в пользу самого Евангелия: *да слово Господне течет и славится*, хотя Евангелие само есть *сила Божия во спасение всякому верующему* (Рим. I. 16): – можно ли бояться излишества в молитве за верующих?

Или, спросят, – не тщетна ли молитва за умерших во грехе? – Ответствую: тщетна – за умерших во грехе смертном, смертию духовною, и в сем состоянии постигнутых смертию телесною, – за тех, которые внутренно отпали от духовного тела Церкви Христовой и от жизни по вере, своим неверием, нераскаянностью, решительным и конечным противлением благодати Божией. Где просвещенному и безпристрастному оку явны признаки сей горькой смерти; там нет места утешению молитвы: *есть грех к смерти; не о том, глаголю, да молится*. – Но что может сделать молитва *о брате, согрешающем грех не к смерти*? Может *дать ему живот*. Не ужели и умершему телесно? – Святой Иоанн, которого словами теперь мы руководствуемся, не говорит: *да*; но не говорит и – *нет*. Он не запрещает молиться о умершем, тогда как запрещает молиться о грешнике отчаянном и безнадежном.

Всепроницательная премудрость Божия, в Божественном Писании, не провозглашает довольно громко заповеди молиться за усопших, может быть для того, чтобы в надежде на сие пособие, не обленились живущие, ранее телесной смерти со страхом свое спасение соделовать. Но когда и не возбраняет сего рода молитв: не то ли сие значит, что еще позволяет бросать, хотя не всегда решительно надежную, но иногда, и может быть часто, благопомощную вервь, отторгшимся от берега жизни временной, но недостигшим вечного пристанища душам, которая между смертию телесною и последним всемирным судом Христовым, зыблется над бездною, то возвышаясь благодатию, то низводясь останками поврежденной природы, то восторгаясь Божественным желанием, то запутываясь в грубой, еще не совсем совлеченной, одежде земных помышлений?

И вот, может быть, почему моление за усопших издревле существовало и существует в Церкви, не как торжественно возвещенный, существенный член веры и строгая заповедь; но как благочестивое предание и обычай, всегда поддерживаемый свободным

послушанием веры, и частными духовными опытами. Приведем на сие некоторые свидетельства.

Благодать даяния, пишет Сын Сирахов, *пред всяким живым да будет, и над мертвецем не возбрани благодати*. Что значит здесь *благодать даяния*? Если это дар олтарю; то слова: *над мертвецем не возбрани благодати*, очевидно значат: принеси жертву по усопшем, или, что тоже, молись за усопшаго. Если же кто хочет признать более вероятным, что *благодать даяния* значит благотворение бедному; то слова: *над мертвецем не возбрани благодати*, будут значить: подай милостыню в память усопшаго. Ту ли другую ли мысль имел Сын Сирахов: оне обе предлагают одно, им общее основание, – то, что живущий может и должен делать добрыя и душеполезныя дела ради усопшаго.

В истории Маккавеев находим именно жертву и молитву за усопших. Иуда принес оную за воинов, умерших во грехе взятия военной добычи *от даров идольских*, которыми благочестивый не должен был осквернять рук своих (2 Мак. XII. 39–46).

С тех пор, как образовалось общественное Богослужение Христианское, моление за усопших пошло в оное, как часть, постоянно к составу онаго принадлежащая. Свидетельствуют о сем все древния чиноположения Божественной Литургии, начиная от литургии Святаго Иакова, брата Господня. Посему нет никакого сомнения, что моление за усопших есть предание Апостольское.

Аще и грешен отъиде, – говорит Святой Златоуст, – *елико возможно есть, помогати достоин: обаче не слезами, но молитвами, и мольбами, и милостынями и приношениями. Не просто бо сия умышлена быша, ниже всеу творим, память о отшедших в Божественных тайнах, и о них приступаем, молящися Агнцу лежащему, вземшему грех мира, но да отсюда будет им некая утеха. Ниже всеу предстояй жертвеннику, страшным тайнам совершаемым, вопиет: о всех во Христе усопших и памяти о них совершающих* (на 1 Посл. к Кор. бесед. 41). И далее говорит: *не ленимся убо отшедшим помогающе, и приносяще о них молитвы. Ибо общее лежит вселенныя очищение. Сего ради благонадежно о вселенной молимся тогда, и с мучениками, со исповедниками, со священниками именуем их. Ибо едино тело есмы вси, аще и светлейшия суть уды удов. И возможно есть отсюда прощение им собрати, яко то от молитв, от приносимых за них даров, от святых с ними именуемых.*

Благочестивейший Государь, пишет Евсевий о Константине Великом, – *избрал местом своего погребения Церковь Апостолов, созданную им в Константинополе, в надежде участия в молитвах, совершаемых там в честь сих Святых, и для того, чтобы соединясь в Церкви с народом Божиим, сподобиться иметь участие в Божественной службе, в таинственной жертве, в молитвах верующих, даже и после смерти своей* (О жизн. Konst. кн. IV. гл. 71). –

Не должно отрицать, говорит блаженный Августин, – *что души усопших, от благочестия ближних живущих получают отраду, когда за оных приносится жертва Ходатая, или творима бывает милостыня в Церкви: но сие полезно только тем, которые в жизни заслужили то, чтобы им сие после было полезно* (О вер. над. и люб. гл. 110).

Святой Григорий Двоеслов представляет примечательный опыт действия молитвы и жертвоприношений за усопшаго, случившийся в его монастыре. Один брат за нарушение обета нестяжания, в страх другим, лишен был по смерти Церковного погребения и молитвы в продолжении тридцати дней; а потом из сострадания к его душе, тридцать дней

приносима была безкровная Жертва с молитвою за него. В последний из сих дней усопший явился в видении оставшемуся в живых родному брату своему, и сказал: *доселе худо было мне, а теперь уже я благополучен; ибо сего дня получил приобщение* (Бесед. кн. IV. гл. 55).

Но остережемся, чтоб после некроткого священнослужения, не продлить слова до утомления. Для внимательных довольно сказанного, чтобы каждый подтвердил себе следующие, не знакомые, но нередко забываемые правила:

Первое: молись за усопших с верою и надеждою милосердия Божия.

Второе: не живи сам небрежно, а старайся чистою верою и неотлагательным исправлением от грехов, упрочить себе надежду, что и за тебя, по твоей кончине, молитвы принесут душе твоей отраду, и помогут ей в достижении вечного покоя и блаженства в Боге, присно блаженном и препрославленном во веки. Аминь.

СЛП.

98. СЛОВО по освящении храма.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1832 год>

*Ты же сыне человек, покажи дому
Израилеву храм,
и да престанут от грехов своих.
Иез. XLIII. 10.*

Если слово сие не даром лежит в священных книгах; если, как уверяет Апостол, *елика преднаписана быша, в наше наказание преднаписашася* (Рим. XV. 4): то к кому из нас сие слово? Кому дается сие повеление? К кому препосылается сие увещание!

После других, не простирается ли, может быть, и ко мне повеление: показать храм тем, которые могут смотреть на него со вниманием, особенно теперь, когда храм только что явился в своем существе и действии, потому что *слава Господня вниде во храм* (Иез. XLIII. 4)?

Не должно ли, может быть, и предстоящим в сем храме, и видящим новоявленную святыню сию, напомнить древнее увещание: *да престанут от грехов своих?*

Грехи народа Иудейского, — холодность к истинной вере, пристрастие к суевериям языческим, корыстолюбие, роскошь, неправда, угнетение сильными слабых, непослушание подчиненных властям, возрастшая до разстройства жизни частной и общественной, после бесплодных обличений от Пророков, после частных и непродолжительных наказательных посещений Божиих, привлекли наконец решительный суд Божий. Иерусалим взят и разрушен Вавилонянами. Храм Соломонов сожжен. Иудеи отведены в плен Вавилонский. Прекратилось законное Богослужение: потому что хотя оставались священники, но не было законом определенного и освященного места для Богослужения. Неудивительно, если горесть Иудеев доходила до отчаяния: потому что в прежних наказаниях Божиих голодом, войною, мором, они имели утешение и надежду в

святom храме, который показывал, что союз их с Богом не вовсе прерван, и что путь к умилоствлению Его еще открыт; но когда Бог, отвергая согрешивший народ, отверг и место Свое Святое, тогда отвержение казалось окончательным и гнев неумолимым. В сие-то безнадежное, по видимому, время Бог берет между пленниками Вавилонскими Пророка Иезекииля, ведет его в духе в опустошенный Иерусалим; на развалинах и пепелище храма показывает ему целый храм, его устройство, размеры, законы, присутствие в нем славы Божией; и повелевает тайновидцу, посредством повествования, показать прочим Иудеям сие сколь величественное, столь же утешительное зрелище, котораго не могли они видеть обыкновенными глазами. *Ты же сыне человекь покажи дому Израилеву храм.*

То есть: скажи дому Израилеву, что храм Божий не в конец разрушен; что можно видеть его в духе, хотя и нет его для очей телесных; что над развалинами его носится его таинственный образ; что там дело идет о его устройстве, размерах, законах, а сие бывает тогда, когда готовятся созидать новый храм; что следственно есть надежда видеть новый храм Божий, и есть надежда Иудеям вновь быть народом Божиим, потому что Бог не станет созидать безлюдный храм. *Покажи дому Израилеву храм.*

Слышащие сие теперь, могут подумать, что сие до них не касается. Мы не Иудеи, скажут они, не имели несчастья по грехам лишиться своего храма; но имеем благословение Божие видеть храм, благочестивым усердием воздвигнутый, и благодатию Божиею освященный. Признаю и я над делом вашим благословение Божие; сорадуюсь вам; призываю продолжение благословения Божия. Но не торопитесь с вашими прекословными помыслами. Вы тотчас услышите то, что верно не до одних Иудеев касается.

Покажи храм, глаголет Господь, *и да престанут от грехов своих*. Покажи храм: но не просто, не для одного любопытства, не для одного утешения сим видением, но для того, чтобы сие видение произвело в видящих действие, и действие сильное и решительное: *да престанут от грехов своих*.

О Господи, *обличай, и наказуй, и научай, и обращай, яко пастырь стадо свое* (Сир. XVIII. 13)! Разве может видение храма Твоего иметь сию врачевную и спасительную силу? Разве может оно способствовать согрешающим, *да престанут от грехов своих*? О, если бы Ты научил нас, как с успехом употребить сие средство к нашему исправлению и усовершению, – нас, которые после желания и вознамерения престать от грехов своих, даже и не примечаем иногда, как впадаем во грехи, то прежние, то новые!

Нет сомнения, что сие размышление и желание разделяют со мною многие, и таким образом открывается, что слово Божественного откровения, которым теперь мы занимаемся, касается не до одних Иудеев, но с пользою может коснуться до сердца всякаго, согрешившаго пред Богом. Будьте же внимательны. Дело точно до нас касается.

Представляемое Иудеям чрез Пророка видение новаго храма, по необходимости должно было привести им на память прежний храм, созданный Соломоном, и неперменную судьбу бывшего храма, которая не может измениться и для будущего. Судьбу сию определил Бог, когда, по совершении и освящении храма, в видении Соломону сказал между прочим: *еще отвращающиеся обратитесь вы и чада ваша от Мене, и не сохраните заповедей Моих и повелений Моих; – и храм сей, егоже освятит имени Моему, отвергу от лица Моего* (3 Цар. IX. 6. 7). Сколь непреложна судьба сия, Иудеи дознали печальным опытом, в разрушении сего храма Вавилонянами. На все сие указывает Бог, когда глаголет Иезекиилю: *покажи дому Израилеву храм*.

То есть: представь дому Израилеву образ нового храма, и тем самым приведи на память судьбу храма прежнего, которая, как основанная на правде вечной, не может не быть судьбою и нового; и пусть помыслят Иудеи, что должно им делать. Если приятно и вожделенно им видение нового храма: то пусть позаботятся о сохранении храма. Если заботятся о сохранении храма: то пусть вспомнят, что грехи разрушили храм. Если знают, что грехами разрушается храм: то пусть перестанут быть разрушителями храма. *Покажи дому Израилеву храм, и да престанут от грехов своих.*

Видите, как сильно увещевало Иудеев видение храма, чтобы они престали от грехов своих. Но не тоже ли, Христиане, и нам говорит видение ныне нового храма?

Господь Христианского храма, Господь сего храма, не есть ли тот самый Бог, Который некогда храм Иудейский, по благоволению Своему воздвигнул, благодатию Своею освятил, во гневе Своем за грехи дважды отвергнул, и предал опустошению? Правда, во храме Христианском, преимущественно пред древним Иудейским, Бог является Богом милосердия и благодати в Единородном Сыне Своем Иисусе Христе, Спасителе грешных: но перестал ли Он, – может ли вечный перестать – быть также и *Богом правды*? Итак судьба первого храма в мире не простирается ли на все храмы до последнего в мире? И над сим новоосвященным храмом не изрекается ли от Вышнего, угрожающее вместе и предохраняющее, определение: *еще отвращающиеся обратитесь вы и чада ваша от Мене, и не сохраните заповедей Моих, – и храм сей, его же освятих имени Моему, отвергу от лица Моего*, или видимым отвержением осквернения и опустошения, или невидимым отъятием благословляющей и благодетельной руки, сокрытием благодатной силы святилища? А из сего не следует ли уже само собою и сие увещание: *покажи храм, и да престанут от грехов своих*? Пусть берегутся устроители храма, чтобы не быть его разрушителями. Утешающиеся благодатным видением храма да отвергаются того, что ведет к лишению сего видения, сея благодати. *Да престанут от грехов своих.*

Скажет ли кто: желаю престать от грехов, но не знаю, как сего достигнуть? – Хорошо. Я покажу тебе одно из ближайших средств для научения сему. Сие средство есть храм. Ибо, сверх прославления Бога, во храме не иным чем занимаются, как тем, чтобы отвести человека от грехов, и обратить к добродетели. Не сему ли учат Пророческия и Апостольския писания, которые здесь читают? Не сему ли учат священные песни, которые здесь воспеваются? Не сему ли учат примеры Святых, которые здесь ежедневно представляются? Приходи, внимай, и научишься и умудрен будешь. Показую тебе храм, да престанешь от грехов своих.

Скажет ли кто еще: желаю престать от грехов, но не имею силы освободиться от них? Не спорю против сего признания, и поспешаю показать тебе близкое, отверзтое хранилище силы духовной. Сие хранилище есть храм. Что могущественнее Слова Божия, которым сотворено все, и которым возсозидается все? Здесь оно действует. Что сильнее молитвы, которая проходит облаки и преклоняет к себе Вышнего? Здесь она живет, как в своем доме: ибо храм, по слову Писания, есть *дом молитвы* (Лук. XIX. 46). Что благотворнее присутствия Господа нашего Иисуса Христа, Который для того и *прииде в мир, чтобы грешных спасти* (1 Тим. I. 15)? Здесь Он присутствует и духовно, по Своему непреложному обещанию: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Матф. XVIII. 20), и ощутительнее, нежели духовно, в пречистом Теле Своем, за нас ломимом, во оставление грехов, и в Божественной Крови Своей, за нас изливаемой, во оставление грехов. Что суть и все совершаемая здесь таинства, как не сосуды, в коих благодатная Божественная сила, победоносная над злом, благопомощная для добра, заключена и открыта – заключена видимо, открыта невидимо; заключена для испытующаго разума, открыта для верующаго сердца; заключена для невнимательнаго и

некающегося грешника, открыта для искренно кающегося, и подвигающегося о своем исправлении? Приходи, приступай, очищайся, укрепляйся и победишь зло, и успеешь во благе. Показую тебе храм; да престанешь от грехов своих.

Се глас от храма глаголющего ко мне, и муж, то есть, Ангел, стояше близъ мене, – скажет тайновидец храма. Еслиб и наши очи, братия святого храма сего, были отверсты для видения таин: и мы увидели бы в сем храме Ангелов, с нами входящих, с нами служащих, как *посылаемых в служение за хотящих наследовати спасение* (Евр. I. 14). Что же, думаете, сии чистые и верные служители Божии глаголют, когда видят нас во храме невнимательных, не очищенных, леностных к молитве, не приступающих к таинствам, не отложивших всякое житейское попечение, не возненавидевших греха совершенную ненавистию? Не дивятся ли они несообразности наших расположений? На что ж, говорят они, – на что сим людям святой храм, если они не пекутся о своем освящении? Неужели для того, чтобы он был только свидетелем их нерадения, к горшему осуждению за то, что не пользуются столь близким и удобным пособием ко спасению? *Сыне человекъ, покажи сему новому дому Израилеву храм, и да престанут от грехов своих.*

Сколько дано моей мерности, я показал вам, братия, храм, как средство и пособие освящения. Благодать Божия, отныне здесь обитающая, и отсюда исходящая, да споспешествует вам, если кто из вас еще не оставил, оставить небрежную жизнь греховную, и утвердиться во благочестии и во всякой добродетели, да в Церкви Бога жива, и сами будете Церкви Бога жива, в нихже Дух Божий живет и жить будет во веки. Аминь.

CLIV.

99. СЛОВО

**по освящении храма Св. Великомученика Димитрия,
в доме призрения для ведомства Духовнаго Попечительства,
устроенном Гвардии Капитаном Дмитрием Петровичем Горихвостовым.**

(Говорено октября 2 дня; напечатано
в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1832 год>

*Тогда разверзется рано свет твой, и
исцеления твоя
скоро возсияют: и предъидет пред тобою
правда твоя,
и слава Божия обьимет тя. Иса. LVIII. 8.*

Взирая на сей дом, как на дело человеколюбия, на сей храм, как на дело благочестия, соединенного с человеколюбием, – помышляя о сирых, беспомощных, безкровных, которым уготовляется здесь кров, помощь, замен попечений родительских, – во всем, что здесь устроено, приготовлено, назначено, примечая тихое мановение руки, свободно и попечительно простирающейся к делу благотворения, как изъясню я чувствование утешения, как удовлетворю побуждению благодарности? – Желал бы я иметь власть, не только с искренним желанием, но и с силою и действием, изрекать подобныя сим пророческим, обещания и предвещения: *разверзется свет твой; – предъидет пред тобою правда твоя; – слава Божия обьимет тя.*

Но что нужды, что слово человеческое не имеет власти и силы приводить в действие благословения, которые оно изрекает сему, или другому благотворящему? Сию власть и силу имеет Слово Божие для всех благотворящих. В деле человеколюбия заключается семя благословения. Провидение Божие не оскудевает, раскрывая сие семя, возвращая, и уготовляя плод благодати и спасения тому, кто благотворит ближнему от искреннего и чистого сердца.

Тогда, говорит Пророк Исаия, разверзется рано свет Твой. Когда это? Видите, что он предвещает некое особенно прекрасное утро, и не всякому, а некоему особенно счастливому человеку. Когда же и кому? – Тогда, и тому, когда кто верно исполнит дела человеколюбия, к которым увещевал Пророк непосредственно пред сим предвещанием своим. *Раздробляй алчущим хлеб твой; и нищия безкровныя введи в дом твой: аще видиши нага, одей; и от свойственных племени твоего не презри: тогда разверзется рано свет твой, и исцеления твоя скоро возсияют: и предъидет пред тобою правда твоя, и слава Божия обьимет тя.* Творящему дела человеколюбия Пророк обещает не только раннее и ясное утро доброй надежды, но и полдень славы.

Бытие человека идет подобно тому, как дни мира от начала их. *Бысть вечер и бысть утро* (Быт. I. 5). Сперва сумрак и тьма, как состояние природы: а потом уже свет, как дар Божий. Жизнь человеческая показывается сперва в сумраке, смешенном из тьмы неведения и из мерцаний простоты и незлобия детского. За тем возстающая страсти, возрастающая чувственность, усиливают мрак. То, что на языке мира называется просвещением и образованностию, не есть удел многих; и притом это есть только блеск поверхностный и безжизненный. Свет истинно благотворный и жизненный должен быть не чуждый, не поверхностный, но воплощенный в жизнь и деятельность человека, Божий по дару, *твой* по усвоению внутреннему. Блажен, у кого в сердце, или в средоточии существа, глаголет Творческое слово: *да будет свет*. Правда, оно глаголет всегда и для всех; поелику есть слово вечное: но поелику сердце человеческое, по своей ниспадшей природе, есть *одебелелое* (Иса. VI. 10), то есть, чувственное, и *каменное* (Иезек. XI. 19), то есть, по грубой чувственности, неспособное к тонким духовным ощущениям, то не всякое сердце человеческое довольно чутко для гласа и слова Божия, не всегда довольно прозрачно и чисто для света Божия. Что же может способствовать тому, чтобы сделать сердце человеческое менее грубым, и более способным оглашаться глаголами духа, просвещаться светом благодати? – Не скажу, чтобы для сего был один только способ: но должно сказать, что, в числе способов к сему, один из простейших есть добровольное умягчение, растворение собственного сердца любовью к ближнему, состраданием к бедствующему, делами человеколюбия. Так *блажени милостивии*; так они *помиловани будут* (Матф. V. 7). Твори усердно дела человеколюбия: *тогда разверзется рано свет твой*. Рано: – скорее, нежели ты думаешь: скорее, нежели как достигнул бы ты сего средствами, которые кажутся более искусными и более возвышенными.

Человек имеет нужду не только в свете благодати, как омраченный по природе неведением и чувственностию, но и в целебной силе благодати, как немощный и страждущий, не только *плотию*, которая естественно *немошна* (Матф. XXVI. 41), но, что гораздо важнее, духом. Чувственность, страсть, порок, потому только и ум омрачают, что порабащают волю, и лишают ее свободной силы. И где же на земли душа, которая бы не болела, легче, или тяжелее, в своей совести? Кроме сего есть болезни, отвне поражающая душу до глубины: –нечастия, печали. Единый верный, и довольный для всех людей, случаев, немощей, болезней, скорбей, врач душ и телес есть Господь наш Иисус Христос: это правда; это безценная правда; блаженная правда. Но самое верное лекарство надобно верно принять, чтобы оно было целебно и спасительно: и не часто ли нужно бывает особенное искусство, дабы лекарство было принято, особенное приготовление, дабы

лекарство воздействовало? Вы говорите иногда человеку: прими всецелбное врачество благодати Христовой; но уста души его не отверзаются; рука не простирается, или дрожит; и вы напрасно приклоняете к нему чашу спасения. Для успеха в духовном врачевании весьма полезно иногда то приготовление, чтобы рука человека укрепились делами благотворения, чтобы сердце и уста его разверзлись чувством сострадания и словом утешения к бедствующему ближнему; чтобы приобретаемое посредством дел милости доброе свидетельство совести утвердило надежду на милость Божию, чтобы надежда на Бога милосердаго привела за собою уверенность в средствах Его милосердия, или веру, чтобы вера в Спасителя возбудила святое желание к Нему, или любовь Божественную. Потому Пророк, уча благодетельствовать, исцелять, по возможности, скорби ближних, в след за тем обнадеживает скоростию коренного, нашего собственного исцеления. *Исцеления твоя скоро возсияют.*

Обрел ли уже человек свет, или еще коснит в началородной тьме, ускоряется ли его духовное исцеление, или он еще влачит тягость различных немощей и скорбей ветхаго Адама, он между тем, пока на земле, всегда на пути, знает ли его, или не знает, видит, или не видит, идет по нему, или влечется: а враги всегда близко, преткновения всегда под ногами, опасности вокруг, руководства часто не достает, охранение не является. Счастлив, кто может иметь пред собою предшественника, который бы отклонял опасныя встречи, показывал, где безопасно поставить ногу, страшил и удалял врагов, и призывал охранителей! И такого-то предшественника обещает слово Пророка человеку благодетельному к ближним; и сей надежный предшественник есть – самая его добродетель. *Предъидет пред тобою правда твоя.* Малосведущий в путях Провидения не вдруг поймет, каким образом добродетель, нами сделанная, и оставленная назади, во днях прошедших, может на пути жизни явиться впереди нас, в подобии руководителя: но это верно так в путях Провидения. Она предшествует нам светом, который мы чрез нее приобрели, поддерживает нас силою, которую мы от нея прияли, отражает от нас враждебныя силы тьмы, призывает к нам невидимыя благотворныя силы света. Поелику добродетель человеколюбия в действиях своих соответствует целям всеблагаго Провидения, и таким образом служит ему: то Провидение воспримлет на себя, так сказать, долг взаимности и благодарности, и особенно покровительствует благотворящих, как своих служителей, и свои орудия. Вдова Сарептская на пути своей жизни встретила с голодом; и верно была бы поглощена им: но из последней горсти муки она подала в милостину Пророку Илии малый опреснок. С сей минуты сия добродетель пошла пред нею: и она прошла время глада чудесным образом безопасно и спасительно.

Наконец, если мы уразумели, каким образом благотворительность к нуждающимся и бедствующим ближним доставляет человеку благодатный свет, благотворную силу, благонадежное руководство на путях жизни: то чрез сие, без дальнейших изъяснений, становится очевидным и то, что та же благотворительность ведет к причастию славы Божественной. *И слава Божия обьимет тя.*

Итак, благодеяющий да благодетельствует с радостию, в верной надежде благословения Божия действенного и спасительнаго.

Но и приемлющий благодеяния, по долгу благодарности, да благословляет благодетеля словом радости, любви, молитвы, да и благодетелями и приемлющими благодеяния прославляется Бог, премудро и праведно устрояющий благополучие бедствующих чрез человеколюбивых благодетелей, и блаженство благодетелей чрез дела человеколюбия. Аминь.

1833 год.

100. СЛОВО
по освящении храма Святителя Митрофана,
в Хотькове монастыре.

(Говорено июня 29 дня; напечатано
в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1833 год>

*И сами, яко камене живо, зиждитесь в
храм духовен, святительство свято,
возносити жертвы духовны,
благоприятны Богови Иисус Христом. 1*
Петр. II. 5.

Сей храм, по всей вероятности, есть первый, который украшается новопрославленным именем Твоим, Святителю и Чудотворче Митрофане. Приими сей начаток, сию добровольную жертву веры; представи оную Великому Архiereю, прошедшему небеса, Господу нашему Иисусу Христу; сотвори ее благоприятну Богови; дополни и дополняй твоими богоприятными молитвами недостаточество наших молитв, ныне принесенных о храме сем, и отныне во храме сем приносимых; не попусти праздну быти благодатному имени твоему, нареченному на храме сем, но посещай оный, яко тебе верою нашею усвоенный; благослови и упаси душу, сей дар усердия тебе принесшую, и всем храму сему служащим и в него притекающим споспешествуй, да *и сами*, по Апостольскому слову, *яко камене живо, зиждутся в храм духовен, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоприятны Богови, Иисус Христом.*

Веруйте и не сомневайтесь, чада веры, что прошения наши, теперь изреченныя, и слышит, и приемлет, и не отречется исполнить, избранный нами Предстатель пред Богом. Ибо для чего иначе и прославил его Бог на земли, довольнаго славою небесною, и не имеющего нужды в славе земной, – для чего иначе, если не для того, чтобы чрез сию славу открыть и указать его нашей вере, и чтобы, по сей вере, принимать его за нас предстательство, и исполнять наши во благих желания?

Но при сем не забудем, что благодать непременно требует веры; что предстательство Святых, всегда для нас готовое, ожидает от нас желаний благих, чистых, искренних; что, дабы сподобиться их споспешествования, надлежит представить им то, чему бы они споспешествовали, то есть надлежит самим нам посильно действовать и подвизаться для нашего спасения: ибо как можно, чтобы святые, при всей их благодатной силе (которой впрочем, по самой доброте ея, не свойственно принуждать и неволить), привели нас в царствие небесное, когда мы для того не хотим сделать ни одного шага, или напротив идем путем ада и погибели?

И сами, яко камене живо, зиждитесь, заповедует Апостол.

Камень живой, от человек убо уничиженный, от Бога же избранный, честный (1 Пет. II. 4), И. Христос и Его спасительная благодать, есть вечно незыблемое основание истинныя Церкви. На сем основании созидали и продолжают созидать ее Апостолы, пастыри, учителя, словом учения, силою молитвы, таинствами веры, подвигами жизни. Сим образом создана Церковь; но это еще не все для того, чтобы и ты, и я устроены были

в составе Церкви. Вы не мертвые камни, из которых строят художники, но которые не могут созидать сами себя; *вы камень живо*, имеете свою жизнь, волю, деятельность; и так надобно, чтобы вы имели деятельное участие в вашем духовном созидании: *и сами зиждитесь*, так, чтобы в вас был и храм, и священство, и возношение жертв духовных.

Как чудно Христианство! Иудейство представляло законный храм один только во всем мире, законное священство только в одном роде Аарона, жертвы только вещественные, безжизненные или умерщвляемые, в крови, огне и дыме; многие в оном редко могли достигнуть до храма, никогда до священства, и никогда же большею частию не достигали до разумения тайны прообразовательных жертв, запечатленной до Христианства. В Христианстве, напротив, не только повсюду храмы, не только из всех народов, по избранию благодати, священники, не только повсюду приносится безкровная Жертва, заключающая в себе, не прообразование Христа отдаленного и ожидаемого, но таинство Христа пришедшего, присутствующего, предающегося нам в пищу и питье жизни вечной; но и что еще? – Дабы и последний из Христиан не мог подумать и пожаловаться, что Бог менее, нежели о других, благоволит о нем, и менее, нежели других, приближает его к Себе, всем вам дана возможность, право, обязанность, заповедь, чтобы вы, пользуясь и храмом, и священством, и Божественною Жертвою, в самих себе устроили то самое, чем пользуетесь от священного служения других. *И сами зиждитесь в храм духовен, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоприятны Богови Иисус Христом.*

Поелику Апостол говорит о *жертвах духовных*, как о многих: то слова его ведут нас к указанию на некоторые особенные роды таковых жертв; сие, надеюсь, послужит самым простым способом изъяснения Апостольского учения о духовном храме и священстве.

Есть жертва духовного сокрушения, которую, еще во времена Иудейства, более вещественного всесожжения угодною Богу признавал Давид: *всесожжения не благоволиши; жертва Богу дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. L. 18. 19). Когда человек, входя в самого себя, усматривает свое пред Богом недостойнство, нечистоту, греховность: тогда дух его, который до того, может быть, высился и величался каким нибудь своим добрым качеством, или преимуществом внешним, от обличения совести, как от молнии дерево, сокрушается и низлагается. Как из разбитого сосуда истекает то, что в нем было: так из сокрушенного сердца источаются слезы печали по Боге и покаяния. Не думай, возлюбленная душа, что ты страдаешь бесплодно: Бог приемлет сокрушение и покаянное смирение твое, как жертву, и притом не маловажную. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.* Сия жертва есть одна из первоначальных духовных жертв. Кто не принес ея: от того прочия духовныя жертвы не будут совершенны, если только возможны.

Есть жертва славословия и молитвы, которой также от древних еще времен научал Псалмопевец: *пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя* (Пс. XLIX. 14). Каждый раз, когда ты чувствуешь благодарность к Богу, твоему Творцу, Промыслителю и Спасителю, или благоговение к Его Божественному величию и совершенствам; когда внимательное размышление о Боге засвечивает некоторый свет познания в твоем уме, возжигает огонь любви в сердце и от сего восходит в душе чистая радость и святое желание к Богу: ты возносишь сим образом к Богу духовную жертву, которая в видимом Богослужении таиннознаменательно изображается кадилом и фимиамом. *Кто сия*, говорит древний созерцатель в таинственной песни, *кто сия, восходящая от пустыни, яко стебло дыма, кадящая смирну и ливан* (Песн. III. 6)? Разрешая сию притчу, мы можем сказать, что это есть душа, растопленная любовью в

молитву, которая испаряется выспрь, идет к небу легко, как дым, и бывает Богоприятна, подобно как приятно благоухание кадила.

Есть жертва милости, которой учит Сам Иисус Христос. *Шедше, научитесь, что есть, милости хочу, а не жертвы* (Матф. IX. 13). Как дела милосердия, по любви к Богу, творимыя нами для ближних наших, Господь Иисус приемлет, как-бы сделанныя Ему Самому; *понеже, глаголет, сотвористе единому сих братий моих меньших, Мне сотвористе* (Матф. XXV. 40): то понятно, каким образом дела сии составляют приношение или жертву Богу. Апостол побуждает нас к таковым жертвам, обнадеживая, что оне будут приятны Богу. *Благотворения и общения не забывают; таковыми бо жертвами благоугождается Бог* (Евр. XIII. 16).

Есть жертва правды и истины, на которую указывает Соломон в притче: *творити праведная, и истинствовати, угодна Богу паче нежели жертв кровь* (Прит. XXI. 3). Всякое дело справедливости и добродетели, всякий подвиг за истину, обращается в жертву Богу, когда совершается именно с тем намерением, чтоб исполнить волю и закон Божий, и особенно с пожертвованием собственной выгоды и собственного удовольствия. Не смущайтесь тем, что люди попирают иногда сию жертву: Бог взыщет свою жертву и воздаст за нее. Посему говорит Давид: *пожрите жертву правды, и уповайте на Господа* (Пс. IV. 6).

Высшая из жертв за истину, истинное всесожжение Христианское, есть мученичество за веру Христианскую. О сей жертве написал Апостол Павел к Тимофею: *аз уже жрен бываю* (2 Тим. IV. 6), подавая нам и пример предания себя на жертву сию, и вместе наставление, чтобы не дерзать на сие самопроизвольно, а только послушно предаваться, когда судьба Божия приведет кого, во еже жрену быти.

Но дабы кто не подумал, что мы, хранимые Провидением Божиим в мире Церкви, так сказать, обойдены участием в благодати и славе мученичества, поспешим сказать наконец, что есть род мученической жертвы, доступной всякому, внутренней, когда Христианин мечем слова Божия, силою повеления Христова, в глубоком самоотвержении, отсекает от ума своего всякий собственный помысл, от воли всякое собственное желание, от сердца всякое, хотя бы то было и праведное, негодование на ближняго, и всякое вожделение собственного удовольствия, всякое услаждение самим собою; и все сие приносит в жертву воле Божией, по образу подвигоположника Иисуса, когда Он, предваря крест внешний внутренним, в Гефсиманском подвиге сказал Отцу Своему небесному: *не якоже Аз хочу, но якоже Ты* (Матф. XXVI. 39). Есть свободное приношение собственного тела, к которому так настоятельно приглашает нас Апостол, когда говорит: *молю вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше* (Рим. XII. 1). Образ сей жертвы, по изъяснению того же Апостола, состоит в том, чтобы мы *помышляли себе мертвых убо быти греху, живых же Богови, и чтобы представляли себе Богови, яко от мертвых живых, и уды наша оружия правды Богови* (Рим. VI. 12. 13), то есть, чтобы все наши силы, способности, члены благоразумно употребляли на делание добра, для Бога. Сюда принадлежит и сия особенная жертва, когда девство Богу посвящается, и дар целомудрия, в чистом сосуде воздержания, Богу приносится.

Вот приятныя Богу жертвы, которые не от одних, поставленных священноначалием, священников, но и от всякаго истиннаго Христианина могут, и должны быть приносимы, частью должны по обязанности частью могут по усердию добровольному, и по особенному призванию свыше. Приносите оныя, Христиане! и не оставляйте Бога вашего

без жертв, Его достойных, дабы и Он не оставил вас без благословений низводимых усердными жертвами.

Скажете ли, что для вас еще не довольно ясно, каким образом вы созиждетесь в храм духовный? Не затрудняйтесь. Вы только верно и усердно приносите жертвы, вам указанные, и вам понятны, жертву сердечного сокрушения пред Богом, жертву хвалы и молитвы, жертву милости и правды, жертву посвящения вашей души и вашего тела на дела Богоугодныя. Как в древния времена жертвы были прежде храма, и потом жертвы создали для себя храм, и освятили оный: так и ваши духовныя жертвы, постоянно продолжаемые, низведут невидимую руку благодати Божией, которая созиждет и освятит в вас храм свой, да вселится в вас Бог, и будет вашим Богом, и вы будете Его людьми, о Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

CLVI.

101. СЛОВО

в день обретения мощей Преподобнаго Сергия.

(Напечатано в Христианском Чтении 1839 года
и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1833 год>

*В благословении правых возвысится град;
усты
же нечестивых раскопается.* Прит. XI. 11.

Вот необыкновенный род строительного искусства, который, вероятно, не всем известен, а иным покажется вовсе несбыточным. Город созидается: чем, думаете? Богатством? искусством? властью? многолюдством? – По мнению Соломона, не тем, а добрыми словами добрых людей: *в благословении правых*. И напротив, город разрушается: чем? оружием врагов? огнем? водою? землетрясением? – Опять не тем, а злыми словами злых людей: *усты нечестивых раскопается*. Как могущественно и благотворно, по мнению Соломона, благословение! И как разрушительны слова злобныя.

Но если бы Соломон не открыл сей тайны слова, в Палестине: то мы могли бы домыслиться о ней, при внимательном рассмотрении места, где теперь находимся. Была здесь безлюдная, ни руками человеческими не возделанная, ниже следами человеческими не ознаменованная, пустыня. Но явилось здесь благословение одного праведника, или еще немногих с ним: и совершилось то, что праведному и Богоугодному мужу предсказано Пророком: *созиждутся пустыни твоя вечныя и будут основания твоя вечная родом родов; и прозовешися здатель оград, и стези твоя посреди упокоиши* (Иса. LVIII. 12). Пустыня уподобилась градам, благоустроением и многолюдством, создалась крепче градов, потому что не падала и во время неоднократного падения царствующаго града; воздвиглась выше градов, потому что под сень ея приходят обитатели градов и весей, приносят здесь Праведнику дары, которых он никогда не искал, и честь, от которой всегда убегал; и все сие делают потому, что видят на ближних, испытывают на себе, как могущественно и благотворно благословение сего Праведника.

Сие располагает меня к некоторым размышлениям о *благословении*, которая, может быть, и для других окажутся не излишними.

Благословение, по своему имени, происходит от благого слова. Если же хотите доискиваться, откуда происходит благое слово, где первоначальный его источник, и глубочайший корень его силы: то найдете, по указанию Божественного мудреца Иоанна, что *в начале бе Слово, и Слово бе у Бога, и Бог бе Слово: – в Том живот бе, и живот бе свет человеком* (Иоан. I. 1. 4). Поелику человек сотворен по образу Божию: то из сего самого заключить можно, что и в даре слова он получил нечто по образу творческого Слова Божия. Святой Иоанн доводит сию мысль до высочайшей степени знаменательности, когда говорит, что та самая жизнь, или сила, которая есть в Боге Слове, соделалась светом человеков. Внутренний свет человека проявляет себя в слове. Итак, поелику Бог Слово *рече, и быша*, и притом *вся добра зело*: то не удивительно, что и человек, когда он находится в возвышенном состоянии образа Божия, из полноты веры в Бога Слова, Котораго *живот бе свет человеком*, из глубины благодати сердечной, изрекает слово, и оно действует, оказывается могущественным, творит благо.

Предложенное теперь размышление должно быть достоверно: поелику основано на непреложной истине Священного Писания. Но дабы кто не усомнился в том, верно ли из истины Божественной извлечено наше заключение: представляем вам свидетельство святого Мужа, который из одного с нами начала вывел одинаковое с нами заключение. Глубокий, при всей простоте слова, созерцатель вещей Божественных и человеческих, Макарий Египетский, о состоянии человека, *когда он еще небесного образа был причастник*, пишет следующее: *доколе Слово Божие было с ним, и хранил заповедь, все имел*. И далее: *самое Слово в нем сущее, было ему вся, то-есть оно было ему и разум, и чувство, и наследие, и учение. Что бо Иоанн глаголет о Слове? В начале бе Слово. Видиши, что Слово было вся*. И еще: *Вся ему было Слово и доколе пребывал храняй заповедь, друг был Богу* (Бесед. XII. §§. 6. 7. 8). Слово Божие было человеку все; в Слове Божиим имел он все, говорит Святой Макарий. Я только договариваю: Слово Божие было человеку и могуществом его собственного человеческого слова; в Слове Божиим имел он и силу благословения. Не удивительно, если сила сия была велика: сие напротив очень естественно, когда она так близко происходила от Божественного начала. Гораздо страннее было бы представлять ее столь же ограниченною в человеке совершенном, как и в человеках, отчужденных от жизни Божией.

Обыкновенный разум человеческий не знает духовного могущества слова, и даже боится догадок об оном. Сему почти так и надлежит быть: поелику он берет образы своих познаний уже не с того человека, который сотворен по образу Божию, но с того, который, ниспадши с сей высоты грехом, *приложися*, как говорит Псалмопевец, *скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. XLVIII. 13). И сему-то человеку принадлежит и самый сей разум, который теперь рассуждает о способностях и силах человека. Какой же мудрости ожидать от такого разума? Он, как слепой, осязает глаз, и, не могши ощупать в нем света, заключает, что солнца точно также нет на небе, как нет у него в глазах, и что верить бытию и действию солнца и света было бы суеверие и мечтательство. Сему слепцу нужен, да для него именно и написан, сей врачебный совет тайновидца: *коллурием помажи очи твои, да видиши* (Апок. III. 18), вылечись от ослепления грубою чувственностью; помажь око разумения тонкою мазью веры в духовное и Божественное: тогда будешь истинно видеть. Притом, если хотим видеть или познавать силу и действие духовное: то надобно и предметом наблюдения избирать не людей плотских, хотя они всегда в глазах, но людей духовных, хотя сии не часто встречаются; – людей, которые нравственным очищением и самоотвержением уменьшили тяжесть вещества, подавляющего дух человеческий, а постоянным обращением ума и сердца к Богу, приблизились к Нему, возвратились к причастию образа небесного, возобновили внутреннее общение со Словом и Духом Божиим.

Если вы, как должно, расположены к сему роду наблюдения: то мне не трудно показать вам в опытах, как много заключается в выражении Клеопы: *муж силен словом* (Лук. XXIV. 19). Словом Иисус Навин остановил солнце. *От уст словесе* (3 Цар. XVII. 1) Илии зависели роса и дождь, в продолжении трех лет с половиною. *По глаголу Господню, егоже глагола рукою Илииною*, горсти муки в водоносе, и столь же малаго количества еля в чванце, достало на все время голода. Трикратным дхновением и словом Илии воскрешен сын вдовы Сарептской. Елисей исправил злокачественные источники Иерихонские, всыпав в них соль: но как всякой знает, что соль не имеет такой силы, то по необходимости должно заключить, что сила сего действия заключалась в сем слове Пророка: *сице глаголет Господь: исцелих воды сия* (4 Цар. II. 21). Словом Апостол Петр исцелил хромого, и воскресил Тавифу. Не собирая более примеров, замечу в особенности, как ясно в некоторых из приведенных теперь, действие Слова Божия в слове человеческом, как-то: в словах Елисея: *сице глаголет Господь*, и в словах Апостола Петра к хромоу: *во имя Иисуса Христа Назорея, встани и ходи*. В других случаях, повидимому, иначе, как-то: Тавифе тот же Апостол говорит как будто своим только словом: *Тавифо, встани*. Но предыдущий случай не оставляет никакого сомнения в том, что и здесь, хотя не проявляется именем и звуками, но действует силою то же самое Слово Божие, обитающее в Святом Апостоле.

Если же таким образом дознано, что Слово Божие, являясь ли открыто в устах человек, приближенных к Богу, или действуя сокровенно из сердец их, творит дела чудесныя, некоторым образом подражательныя творческим действиям Божества: то не менее должно быть понятно и достоверно, что то же Слово Божие, чрез тех же людей, теми же способами, изрекает и преподает благословения, некоторым образом подражательныя действиям Божескаго Провидения.

Итак благословлять, в сильнейшем значении сего слова, значит простираť действие Божия Слова на творения Божии. Благословляющий есть благою волею посредствующий между Словом Божиим и творением Божиим.

По сему понятию, верховный и всеобщий раздаятель благословений, есть Иисус Христос, Ходатай Бога и человек, Богочеловек, в котором *Слово плоть бысть*. Вот почему благословение было древнейшею чертою, которою Он означен был еще Патриархам, например, Аврааму: *благословятся о семени твоём вси языцы земнии* (Быт. XXII. 18). Вот почему и Апостол, желая изобразить благоденствия Христовы роду человеческому, сказал, что Бог Отец *благословил нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе* (Еф. I. 3). Вот почему и мы, преподавая наше заимствованное благословение, обыкновенно употребляем имя Иисуса Христа, в особенности, или в составе имени Пресвятыя Троицы, и крестное знамение Христово.

Из преподавателей заимственаго благословения, родители суть некоторым образом естественные посредники между творческим Словом и своими детьми: поелику некоторым образом довершили над ними дело создания, произведя их на свет. Вот почему естественно важно и сильно благословение родительское, особенно же, если благочестием возвышается до силы благодатной. В сем роде удивительны благословения Патриархов. Например, благословение Сима Иафету: *да распространит Бог Иафефа* (Быт. IX. 27), теперь, после нескольких тысяч лет, как сильно еще действует в потомках Иафета, Европейцах, которые не престають распространять во все страны света свои поселения, торговлю, власть, религию, нравы.

Священник есть раздаятель благословения, по чину благодатнаго тайноводства. Еще в первоначальном постановлении о законном священстве, Бог сказал священникам:

благословите сыны Израилевы (Числ. VI. 23). И паки о них же: да возложат имя Мое на сыны Израилевы, и Аз Господь благословлю я (27). И в Новом Завете, когда Господь повелел Апостолам, и преемникам их служения до скончания века, учить, крестить, вообще тайнодействовать, во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матф. XXVIII. 19), Он положил чрез сие в них силу Своего благословения, и дал им власть преподавать оное. По сему судите, достойно ли внимания благословение священства. Не о том думайте, какою рукою, или в каком сосуде, но какой Божественной Лозы духовное вино подается вам, чрез благословение служителя Христова.

Впрочем и то справедливо, что *еще кто очистит себе, будет сосуд в честь освящен и благопотребен Владыце, на всякое благое дело уготован (2 Тим. II. 21)*. Посему Святые, как сосуды верою и духовными подвигами очищенные, благодатию исполненные, любовью отверзаемые и преливающиеся, суть не столько почерпатели и раздаватели благословения, на время, по должности, по нужде, сколько живые потоки благословений, неистощимо текущие и орошающие. Благословение Христово непрестанно лиется в них, и преливается чрез них, *яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его: яко роса Аермонская, сходящая на горы Сионския: яко тамо заповеда Господь благословение и живот до века (Псал. CXXXII. 2. 3)*. Оно изливает свет и мир в души, цельбу в тела, благопоспешество в начинания и дела, благоустройство в места, невидимую, но богато и разнообразно плодотворную небесную росу на землю.

Иудеев посылали за благословением в Иерусалим, на горы Сионския: *яко тамо заповеда Господь благословение (Псал. CXXXII. 3)*. Колико благополучнее мы, Христиане! Для нас оно и более открылось, и более приблизилось. И тамо и здесь заповеда Господь благословение. Уразумеем же благословение.

Как вожделенно должно быть то, чего сам вседовольный Бог желает! А Он желает, Он требует Себе от нас, и от всех Своих творений, благословения: *благословите Господа вси раби Господни (Псал. CXXXIII. 1). Благословите Господа вси Ангели Его; благословите Господа вся дела Его (Псал. CII. 20. 22)*. Возлюбим же и мы благословение, и во-первых, собственно Христово благословение.

Преклоним сердце и пред всяким благословением святыни, по той же причине, что в оном нисходит благословение Бога Слова.

Родители! не забывайте благословлять детей своих любящим сердцем, и старайтесь возвысить силу вашего естественного благословения, привлекая благочестием и верою силу благодатную.

Дети! дорожите благословением родителей тысячекратно более, нежели прочим наследством: ибо чрез оное, по вере, можете получить благословение Отца, *из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется (Еф. III. 15)*. *Делом и словом чти отца твоего и мать, да найдет ти благословение от них. Благословение бо отчее утверждает дома чад (Сир. III. 8. 9)*.

Поелику во всяком неложном благословении чрез благословляющего человека сокровенно течет благотворное Слово Божие: то помыслим, братия, какую духовную выгоду имеем мы, когда благословляем. Тогда, как мы отверзаем сердце наше человеку, подавая благословение, Бог Слово изнутри отверзает вход в сердце наше Своему благословению. Подавая человеку, мы приобретаем от Бога. Посему примем как духовное благодеяние, и будем искренно исполнять, и сию Христианскую заповедь: *благословляйте гонящая вы; благословите, а не кляните (Рим. XII. 14)*. Верное исполнение сего верно соделает нас

благословенными Отца Небеснаго, которых Иисус Христос призовет наследовать уготованное таковым Царствие от сложения мира. Аминь.

CLVII.

102. СЛОВО по освящении храма Святыя Равноапостольныя Марии Магдалины, в Градской больнице.

(Говорено июля 22 дня; напечатано в Христианском Чтении 1836 года
и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1833 год>

*И ныне се на небесех послух мой, свидетель
же ми во вышних.
Да приидет моя мольба ко Господу, пред
Нимже да каплет око
мое. Иов. XVI. 19. 20.*

Прозорливость и человеколюбие подвиглись, и побудили Власть устроить дом врачевания для больных, которые не могли бы пользоваться сим пособием в своих жилищах: дело, которое само говорит о своем достоинстве. Но я слышу, что еще говорила при сем Власть благочестивая. Сего не довольно, сказала она. Больница, потребности жизни, лекарства, врачи, – это еще не все, что нужно для больных. Для них нужен еще дом молитвы; для них должны быть в близкой готовности пособия веры.

Чем же на сие будет ответствовать служитель Веры? Без сомнения, радостно и благодарно к Богу молитвою за Венценоснаго Благодетеля страждущаго человечества, и Его же духом одушевляемых исполнителей воли Его. При том, думаю, к обязанности же служителя Веры отнесено быть может, чтобы дать некоторый отчет в благочестивой мысли, которая столь благотельно исполнена.

Итак утверждаю, что как в болезнях, так вообще в несчастиях, никакия средства и пособия недостаточны без Религии. Одна Религия, и притом откровенная, примиряет ум с зрелищем бедствий, которое возмущает его. Религия приносит полное утешение бедствующим. Религия подает решительныя врачевства против бедствий.

Не трудно встречаться с добром и благополучием. Сердце и чувство ими довольны: не за что и разуму спорить против оных. Но когда зло и беда у нас пред глазами, хотя и не на нас нападают: один сей вид поражает чувство и сердце; и если среди сего поражения возстает размышляющий ум, он мучит себя вопросами: зачем зло в мире всеблагаго Бога, беспорядок в делах Премудраго, разрушение в творении Всемогущаго? Сколько веков боролся с сими недоумениями естественный разум человеческий, и не мог одолеть оных! В какой мрак, в какия нелепости впадал он, желая изъяснить происхождение зла! Он догадывался, не в грубом ли веществе или телесности заключается причина тьмы, зла и греха, и, дабы от сих недостойных произведений освободить Божество, представлял себе вещество вечным и несотворенным от Бога. Вообразил себе злое начало, независимое и равносильное доброму началу, то есть, Божеству. Вымыслил неумолимый рок, или слепую судьбу, которая без разбора обрекает существа на зло или добро, так что самое Божество не может сему препятствовать. Как будто может быть вечным вещество, которое мы ежеминутно видим разрушающимся! Как будто вечная материя, злое начало,

неумолимый рок суть чтонибудь больше, нежели мечты и выдумки, и притом такие выдумки, которых нельзя принять без того, чтобы не отринуть важной и коренной истины, именно, понятия о безпредельном совершенстве и всемогуществе Божества! Как будто зло делалось от того или понятнее, или сноснее, что переименовывали оное злою материей, злым началом, злым роком! Так бился разум человеческий в темном и тесном чувственном мире, как цыпленок в яйце, и не мог пробить скорлупы. В таком состоянии были мудрецы и любители мудрости, следственно и все почти люди, доколе не ознакомились с откровенною Религиею, долго таившеюся в небольшом уголке земли, откуда совсем не ожидали света, долженствующаго просветить вселенную. Явилось Христианство: и нелепости оказались нелепостями, темное объяснилось, несносное облегчилось. Теперь поняли, что зло произошло первоначально от злоупотребления свободы существами сотворенными, следственно не делает нареkania Творцу мира, Который в даре свободы был велик и щедр, а злоупотреблению ея непричастен; теперь узнали, что Бог имеет средства искупить человека от зла, коему сей добровольно себя продал за чувственное удовольствие, следственно зло не делает нареkania и Провидению Божию о мире; теперь получили верную надежду, что зло, и в человеках, и в природе будет решительно побеждено, а добро возвышено, и блаженство утверждено на веки Христом Спасителем, следственно и при виде зла и бедствия можно благодушествовать, подобно как земледелец не отчаявается зимою, зная, что посев его не совсем убит холодом, а воскреснет весною, или как садовник не сердится весною на горькие и терпкие плоды, зная, что будут мягки и вкусны летом и осенью. Так одна Религия, и притом откровенная, примиряет ум со зрелищем бедствий, которое возмущает его.

Если трудно быть и зрителем бедствий: то конечно еще труднее испытывать оныя на себе самом. Но как иногда нельзя миновать их: то надобно же какнибудь уметь обходиться с ними. Вопль и рыдание, без сомнения, не есть наилучший способ беседовать с несчастьем: найдите же другой, более сообразный с достоинством разумнаго и свободнаго существа, но также сообразный и с возможностью бедствующаго; иначе сказать, изыщите средства утешения. Здесь-то желал бы я испытать сию гордую Философию, которая думает, не иным чем, как только мудрствованием собственным, сделать человека благополучным и независимым от внешних приключений. Послал бы ее, например, в больницу, испытать силу ея мудрования. Что скажет она страждущему? – «Будь великодушен; ты страдаешь по действию причин естественных, по законам природы, от которых не можешь освободиться, будучи звеном в цепи существ и перемен». – Как вы думаете, будет ли от того больному легче или приятнее, когда он узнает, что страдает по причинам и законам? Не почувствует ли, напротив, он себя более прежняго отягченным узами причин и законов, из коих нельзя вырваться? – Или, положим, что Философия, смотря на больнаго с нравственной стороны, скажет: – «вероятно, ты сам привлек болезнь какиминибудь излишествами, неправильностями, неосторожностью: переноси же великодушно то, чего сам причиною». – Опять спрашиваю: достаточно ли сие разсуждение для утешения страждущаго? Не может ли он сказать такому утешителю: ты удвояешь мое несчастье, представляя меня несчастным и физически и нравственно? – Что еще может сказать страждущему Философия? – «Терпи; если не врачевание, то смерть прекратит страдания». – Но если на сем она остановится, – а она принуждена остановиться на сем, потому что не видит далее: то скорее призовет отчаяние, нежели отраду. Отстраним суетную мудрость человеческую, которая много обещает, но мало может. Прииди, Премудрость Божия; помоги, Божественная Религия. Ты можешь сказать страждущему, что его бедствие или послано, или допущено небесным Отцем милосердным; что следственно бедствие не без нужды, не без правды, не без пользы, ибо такого не попустил бы такой Отец; что Он милует и тогда, когда поражает, и готов ежеминутно даровать облегчение, по способности приемлющаго, сообразно с истинным благом его. Ты можешь уверить, что страдание может быть велико, но не может быть

несносно, по реченному: *верен Бог, иже не оставит вас искушиться паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возможи вам понести* (1 Кор. X. 13). Если болящий от того болен, что грешен и, следственно, сугубо несчастен: ты можешь подать ему и сугубое утешение, именно: для скорби душевной – надежду прощения грехов, по вере и покаянию; для болезни телесной – надежду исцеления, вследствие прощения грехов, или же то уверение, что Врач душ и телес употребит болезнь как средство очищения, обратит болезнь тела во врачество души чрез подвиг терпения, и что следственно, надобно благодушно принимать страдание болезни, как благодушно принимают горькое лекарство, в пользу которого уверены. Ты, бессмертная Религия, можешь из самой горькой мысли о смерти извлечь сладкое утешение ибо ты видишь в ней не конец только настоящего, но и начало будущего, – не предел, но продолжение, не закрытие зрелища, но открытие лучшаго, – не мрачную бездну, в которую на-удачу может броситься отчаяние, но область света, куда благонадежно может вступить вера, где претерпевших до конца ожидает не только прекращение бед, но и наслаждение благ, и выше всякаго понятия щедрое воздаяние за терпение. Наконец, в основание и совершение всех утешений, ты, Религия Христова, можешь указать страдальцу на великаго Мужа болезней, *Который язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша, Который понес наказание мира нашего, Котораго язвою мы исцелехом* (Иса. LIII. 5). Те, которые истинно познали Его в вере и любви, знают, как не только возможно без ропота и нетерпеливости, но даже как сладостно, переносить страдания в общении страданий Его, с помощью Его, при виде примера Его, из благодарности к Нему, из любви к Нему. От них-то слышим, столь невероятныя для мудрования плотскаго, но и столь ободрительныя для мудрования духовнаго, изъясления внутренних ощущений: *хвалимся в скорбех* (Рим. V. 3). *Радуюся во страданиях моих* (Кол. I. 24). *По множеству болезней моих в сердце моем утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Псал. XCIII. 19). *Якоже избыточествуют страдания Христова в нас: тако Христом избыточествует и утешение наше* (2 Кор. I. 5). Так полно и совершенно утешение, которое страждущий или бедствующий может обрести в Религии.

Надобно ли, сверх облегчительнаго пособия, решительное врачество против бедствий? И оно вернее обретается в Религии, нежели где либо инде. Есть болезни, от которых врачебная наука отказывается; есть бедность, от которой не избавляет никакое трудолюбие; есть скорби от несправедливости, которых не может пресечь никакое правосудие человеческое, по той весьма достаточной причине, что человек не всеведущ и не всемогущ. Для Религии нет подобных препон и ограничений. Ея сила есть сила Всемогущаго, Который *мертвит и живит, низводит во ад и возводит, убожит и богатит, смиряет и высит* (1 Цар. II. 6. 7); Который *исцеляет всяк недуг и всяку язю* (Матф. IV. 23). Ту самую силу, которою благодетельствовал и чудодействовал Иисус Христос, изливал Он в души Святых, заключил в своем Слове и в таинствах, и от сих сокровищниц ея дал ключи вере и молитве. *Вся возможна верующему* (Мар. IX. 23).

Дабы сличить настоящия размышления с опытом, вспомните Иова, котораго и нельзя почти не вспомнить в обители болящих. Нападение грабителей, истребительный огонь небесный, разрушительная буря, потеря стад, рабов, дома, детей, – сколько стрел в одну цель! Сколько бед на одну голову! Несчастье, великое само в себе, делала еще большим великость прежняго счастья. Удары, сносные порознь, до чрезмерности усиливали многочисленность и внезапность. Но праведник устоял: потому что стоял посредством Религии в Боге. *Яко Господеви изволися, тако бысть*: сказал он (Иов. I. 21). Изобретатель зла² нашел средство еще увеличить бедствие: *и порази Иова гноем лютым от ног даже до главы*. Не было для него ни дома, ни больницы: *сediaше на гноищи вне града*. Оставалась у него жена: но не для помощи, а для новаго искушения; она вздумала его учить отчаянию: *рцы глагол некий ко Господу, и умри* (Иов. II. 7–9). Посетили его друзья: но их слова были

не пластырь на его раны, а еще новые стрелы обличений неправедных. Что же? Тул диавола истощился, но щит праведника не пробит. Какой щит? – Тот же, что у Апостола: *щит веры* (Ефес. VI. 16). Сей щит поставляет он против стрел неправедных обличений, когда говорит: *се на небесех послуш мой, свидетель же ми во вышних*. В молитве ищет он себе утешения и врачевания: *да придет мольба моя ко Господу, пред Ним же да каплет око мое*. Человеческая мудрость в Елифазе, Валдаде, Софаре, Елиусе постыждена. Религия в Иове победила решительно. *Господь же возрасти Иова. И даде Господь сугубая, елика бяху прежде Иову, во усугубление* (Иов. XLII. 10).

Христе Господи! Твоя благодать торжествовала в Иове над всяким злом, во образ Твоих победоносных страданий. Она же и теперь облегчает подвиг Иова: ибо теперь его не повергают на гноище вне града, но дают ему благоустроенную обитель, призрение, врачевание, утешение веры, и все сие ради Тебя, Который к Себе Самому отнес подобныя дела человеколюбия, когда рек: *болен бех, и посетисте Мене* (Матф. XXV. 36).

Благословенна Вера Твоя, святая, могущественная и спасительная! Приими и благослови сию обитель, как жертву, Ей и Тебе принесенную.

Всякий же болящий да верует, *и молитва веры спасет болящего* (Иак. V. 15).

И всякий бедствующий да верует, и будут *вся возможна верующему*, во славу Начальника и Совершителя веры Иисуса Христа, нераздельную со славою Отца и Святаго Духа. Аминь.

CLVIII.

103. БЕСЕДА о нашем житии на небесех.

(Напечатана в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1833 год>

*Наше бо житие на небесех есть,
отонудуже и Спасителя
ждем Господа нашего Иисуса Христа, иже
преобразит
тело смирения нашего, яко быти сему
сообразну телу славы
Его. Филипп. III. 20. 21.*

Как бы ни приятно кто жил на сей темной земле: однако никто, надеюсь, не станет спорить, что несравненно приятнее должно быть житие на светлых небесах, если туда кто может переселиться.

Посему не достойна ли полного внимания нашего весть, которую слышим от Апостола о житии на небесах, что оно действительно есть, и даже что оно для нас не чуждо? *Житие наше на небесех есть*.

Небесный житель, который, видно, еще живя на земли обладал небесным житием, потому что все земное пренебрег и оставил, и потому что еще тогда силу небесной жизни проявлял в себе духовною прозорливостию, исцелениями, властью над преисподними

силами, Преподобне Отче Сергие! Твоею молитвою и благословением споспешествуй нам возвести помышления и сердца наши к небесному житию, да не погрязнем в суете жития земного.

Разуму земному странным показаться может Апостольское возвешение, что *житие наше на небесех есть*. Он скажет: и птицы небесные не на небесах живут, хотя мы уступаем им преимущественно называться *небесными*; мы меньше птиц можем отделять себя от земли. Наша жизнь стоит на земле, как на основании; питается земною пищею; покрывается земною одеждою; укрывается в земном жилище. Как же можно сказать, что *житие наше на небесех есть*? Иное дело, еслибы сказано было: житие наше на небесех будет. Но и сие кому известно? А то как возможно?

Вы оправдаете меня, братия, в том, что я не соглашусь поправлять, или ослаблять слов Апостольских в угодность непонимающих. Я стою твердо в Апостольском уверении, что *житие наше на небесех есть*. Чтобы сделать истину сию внятною и ощутительною, надлежит различить и сравнить жизнь временную и вечную, телесную и духовную.

Если бы городского жителя, во время путешествия, в поле, или в деревне, спросили: где он живет? без сомнения, он не сказал бы: вот здесь на дороге, или вот здесь в сельской гостинице; но сказал бы, что живет в городе, где у него дом и семейство, хотя бы во время вопрошения и далеко был от города. И справедливо: ибо мы живем не там, где случайно странствуем, где ночуем в постоялом доме, но где имеем постоянное пребывание. Примените сие к Апостолу: и просто будет его необычайное по первому виду изречение. Святой Павел жизнь временную представлял только странствованием, землю – не больше, как постоялым домом; как мысль странника упреждает его, и находится уже в доме, когда он еще на пути, так сердце Апостола, во время земного странствования, было уже там, идеже есть сокровище его, где Бог живет во свете, где Христос царствует во славе, где обители Святых и жизнь их истинная и вечная. Так он мыслил и чувствовал, такая мысли и чувствования предполагал и во всех Христианах, как участниках той же веры, как наследниках той же вечной жизни: и потому не о себе только, но вместе с собою и о всех нас уверительно сказал: *житие наше на небесех есть*.

Как жизнь временная есть едва приметное мгновение пред вечною: так жизнь телесная, или чувственная, едва заслуживает название жизни в сравнении с духовною. Святой Апостол, тогда как возвещает житие небесное, с горестию и негодованием отвергает преобладающую в некоторых людях жизнь телесную или чувственную. *Мнози бо ходят, ихже многажды глаголах вам, ныне же и плача глаголю, враги креста Христова, имже кончина погибель, имже бог чрево, и слава в студе их, иже земная мудрствуют* (Фил. III. 18. 19). И не духовный человек оскорбится, если ему скажут, что он живет только чревом: так низко думают о чреве и о жизни чрева даже и такие люди, которые не духовно мыслят. Но если всякий поклонник без сомнения много ниже своего Божества: то подумайте, как низки люди, *имже бог чрево*, которые идолу чувственного наслаждения приносят в жертву время и жизнь, тело и душу, дары природы и приобретения в мире! Если это жизнь, то разве скотская: а жизни человеческой, кольми паче Христианской, ни искры тут нет. Какая же быть может жизнь, которую нам не стыдно было бы назвать нашею жизнью? скажут ли: жизнь сердца? или: жизнь разума? На сие скажу относительно жизни сердца, что, если она не возвышена особенным средством, то близко граничит с жизнью чувственности, и потому легко низвергается в ту же пропасть низости, которую мы не давно указали; или же удобно переходит в жизнь зверя, который находит удовольствие в том, что терзает; что касается до жизни разума, кроме того, что она с трудом, и то в немногих, восходит до некоторой высоты, земный разум также висит над пропастью чувственности, и нет в природе человеческой силы, которая была бы

достаточно безопасно поддержать его. Почему Апостол, тех, *имже земная мудрствуют*, ставит рядом с теми, *имже бог чрево и слава в студе их*, то есть, которые, предавшись чувственности, полагают славу в делах постыдных, и *имже кончина погибель*. Какая же, спрошу еще раз, быть может жизнь, которую мы могли бы назвать нашею, не подвергаясь стыду и опасности? – Не иная, как только жизнь духа, – жизнь, в которой *уды сущие на земли*, то есть чувственные похоти и страсти, *умерщвляются* крестом Христовым, то есть чрез повиновение заповедям Его, и чрез последование примеру Его, – жизнь, в которой *разум пленяется в послушание веры*, и от нея получает и чистый свет, дабы видеть истину, и силу, дабы непоколебимо стоять в оной, – жизнь, в которой *вселяется Христос верою в сердца* человек, и *любвию действует* в них к миру внутреннему, к благополучию внешнему, к благоустройству общественному, к блаженству вечному. Сия жизнь не есть земная, потому что она земное умерщвляет; не есть земная, потому что рождается от семени небесного и Божественного. Она есть небесная жизнь, потому что хотя сеется на земли, но растет в небо, и даже превышает небес, она есть небесная, еще прежде окончания видимой жизни земной, потому что нам *возвещен живот вечный, имже бе у Отца, и явился нам, и в следствие сего есть общение наше со Отцем и с Сыном Его Иисусом Христом* (1 Иоан. I. 2. 3), есть *общение Святаго Духа со всеми нами* (2 Кор. XIII. 13); а сие общение, без сомнения, есть небесное и пренебесное.

Познаем, возчувствуем, Христиане, достоинство Христианства. Поверим возвещению Апостольскому, уразумеем сие возвещение, возрадуемся о сем возвещении, что *житие наше на небесех есть*. И если между тем устрашают нас превратности жизни временной, озабочивают нужды жизни телесной, возмущают искушения плоти, да возводим взоры наши от темной и коловратной земли к светлому и неподвижному небу, *отонудуже и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа*, Который и превратности времени, и нужды тела, и искушения плоти окончательно прекратит, когда *преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его*, что предназначал Он для нас, и в чем обнадеживает нас Своим преобразованием, воскресением, вознесением.

Житие наше на небесех есть! В сем Апостольском слове, подаю вам, чада Церкви воинствующей, оружие против многого, что сражается с вами на земли.

Тяготит тебя печаль о добром и возлюбленном умершем. Скажи себе: *житие наше на небесех есть*; не благоразумно было бы разслаблять себя на пути печалию о том, кто упредил нас; лучше напрягать силы и внимание, чтобы верным путем идти туда, где житие обоих.

Искушает тебя любовь к земным вещам и желание многого приобретения. Скажи опять: *житие наше на небесех есть*, а здесь мы путешествуем; не надобно путешественнику слишком увеличивать ношу путевого запаса; нелепо было бы останавливаться на дороге, и строить себе великолепный дом для ночлега.

Обижают тебя, лишают собственности, чести, награды. Еще скажи себе: *житие наше на небесех есть*; там наши сокровища некрадомыя, венцы нетленные, воздаяния вечныя. Не нужно заботиться много, если отнимают лепту на пути; позаботимся лучше, чтобы сохранить безценное наследие в доме Отца небесного.

Так сильною мыслю о небесном, верою в небесное, любовь к небесному, надеждою небесного возмогай, земнородный, над земным и преисподним; и подвизайся непрестанно, да будет в тебе небо Благодатию, да будешь наконец ты в небе со славою вечною. Аминь.

104. СЛОВО

по освящении храма Святыя Великомученицы Екатерины, при Московской Екатерининской больнице.

(Говорено в 20 день августа; напечатано отдельно,
в Христианском Чтении 1833 года и собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1833 год>

*Есть же во Иерусалимех овчая купель, яже
глаголется
Еврейски Вифезда, пять притвор имущи. В
тех слежаше
множество болящих, слепых, хромых, сухих,
чающих
движения воды. Иоан. V. 2. 3.*

В сих словах Евангелия видим древнейшую из градских больниц.

Похвалим человеколюбие Иудеев, которые для множества болящих создали пять *притворов*, или галлерей, и дали приличное сему месту имя: *Вифезда*, то есть *дом милосердия*; хотя впрочем не знаем, правительству или народу должна достаться сия похвала.

Врачебное средство было там одно: не человеческим искусством приготовленная баня в овчей купели.

Вместо врача, приходил в сию больницу Ангел. *Ангел бо Господень сходит*.

Сей необыкновенный врач исцелял решительно, и ни один больной не был у него записан в списке неизлечимых. *Здрав бываше, яцем же недугом одержим бываше.*

Не правда ли, что это было прекрасное заведение? Но покажем и ту сторону онаго, которая не так светла.

Небесный врач посещал порученную ему больницу не ежедневно, как земные врачи, а только однажды в год. *Ангел бо Господень на всяко лето сходит*.

Исцеление было решительное, но каждый год получал оное один только человек. *Иже первое влязаше по возмущении воды, здрав бываше.*

Не всякий больной имел силу дойти до возмущенной воды, а тем менее упредить других. Не доставало прислужников или сердобольных людей для помощи безсильным. От того некоторый расслабленный тридцать восемь лет бесполезно лежал в сей больнице, доколе не явился Господь стихий, времен и Ангелов, Которому не нужно было ни мутить воды, ни ждать годового срока, ни призывать Ангела, а довольно было сказать расслабленному: *востани, возми одр твой, и ходи.*

Какой есть исцеления образ сей? Какое нам таинство являет? – вопрошает Святой Златоуст, указуя на Евангельское сказание об овчей купели. А кто позволит более смелости своему естественному разуму, любящему вмешиваться в дела Провидения, которая выше его: тот может еще сказать: какое странное соединение и чудесной силы,

исцеляющей всякую неизлечимую болезнь, и скудости сея силы, не простирающейся далее исцеления одного человека; и щедрости, приготовляющей целый водоем врачевства, и бережливости, не дающей более одного, редкого приема онаго; – и Ангела и воды, как будто целебной силе Ангела нужна вода, которая впрочем, как все знают, не есть всеобщее врачевство. Но послушаем, что на сии недоумения отвечает Святый Златоуст. *Не просто бо, говорит он, и не туне сие написано есть: но будущия вещи аки на образе и изображении нарисует нам: дабы зело необычайное и нечаянно пришедшее дело не повредило у многих силы веры. Что убо есть, еже нарисует? Имело некогда крещение даятися, многую силу и дар великий содержащее, крещение вся грехи очищающее, и вместо мертвых живыми творящее. И так все сие чрез купель, и чрез другия многия воды, как бы чрез образ, ясно означается.* До зде Святый Златоуст (На Иоан. Бесед. 36).

Осмелимся продолжить сие изъяснение. Надобно было на опыте показать погружение в воду, уничтожающее всякую болезнь, чтобы приготовить умы к открытию крещения в воде, уничтожающего все грехи. Надобно было в осязательном явлении движения воды дать приметить благотворное над нею действие Ангельского духа, дабы сделать менее невероятным новотворное и возродительное в воде крещения действие Духа высшаго, нежели Ангельский, Духа собственно Божия. Надобно было, чтобы благотворная сила овчей купели подавалась только тому, кто ревностным стремлением к исцелению оставляет позади себя всех прочих: дабы и в сем явлен был образ купели крещения, которой спасительная сила подается только тому, кто стремлением веры к небесному и Божественному оставляет позади себя все земное. Надобно было представить Ангельское действие ограниченным, надобно было подле самого Ангела продержатъ разслабленного тридцать восемь лет без исцеления, дабы тогда, как Христос исцелит его единым словом, очевидно из сего было, что сей Исцелитель без сравнения выше Ангелов, что власть Его неограниченна, что Он есть Ипостасное Слово Божие и истинный Бог.

Если бы кто вздумал еще жаловаться, что много средств употреблено для одной цели, – множество больных, множество лет, множество ежегодных чудес Ангельских для одной мысли о Христе и крещении: на сие отвечаю: цель сия довольно велика сама в себе, и важна для человечества, чтобы сделать неприметною всякую жалобу на расточение средств, употребленных для достижения сей цели. Если испытатели природы производят продолжительныя работы, устроят многodelьныя орудия, употребляют огромныя издержки, чтоб открыть или объяснить какую нибудь частную и подчиненную истину естественную: то конечно стоило труда устроить в Иерусалиме овчую купель с ея принадлежностями, как небольшую *модель* великой купели, в которой возрожден целый мир Христианский, – как удобовразумительнаго указателя высокой истины и непостижимаго таинства Христа Спасителя и Бога.

Но довольно о Христианских таинствах, которыя лучше и достойнее чтутся смиренным молчанием веры, нежели возносящимся испытанием разума. Возвратимся просто из больницы Иерусалимской в больницу Московскую.

С радостью, с чувством внутренняго убеждения мы можем воздать долг хвалы и благодарности Благочестивейшим Самодержцам нашим, которые как во всякой добродетели, и во всяком благотворении, так и в попечении о болящих величественно предшествуют народу своим примером. По ним с благодарностью можем вспомнить и некоторых из подданных, которые в подвигах человеколюбия довольно близко последовали Царскому примеру. Можно насчитать в сем граде более пяти, не *притворов*, а великолепных домов, которые представляют добродетель милосердия в делах тем лучше, что не выставляют ея в названиях. Отче милосердия! призирай выну на дела сии

оком благодати; и да будут помилованы милующие; да будут, по непреложному обещанию, *блажени милостивии*.

Нет, правда, здесь оной купели, достаточной против всякого недуга, и врачи здесь не Ангелы. Вразсуждении сего я могу только указать нашим плотоносным врачам на пример безплотного Иерусалимского врача, для их размышления. Сей пример не показывает ли близости духовного к телесному, возможности союза между силою духовною и вещественным средством врачевания, целебного влияния духовного на телесное, когда духовное чисто и доступно Божественному? А если это так: то не может ли, – не должен ли врач, если не хочет быть ремесленником, работающим только вещественными орудиями над веществом, – не должен ли, говорю, и духовное употреблять в пособие телесному врачеванию, чистую волю признавать важною частию в составе врачебных средств, усердною молитвою искать света и силы в тех случаях, где наука идет ощупью в темноте, и претывается?

Но если здесь и не достает Ангела, за то ни один больной не будет здесь, как в Иерусалиме, доведен до необходимости жаловаться: *человека не имам*; но каждый найдет здесь и человека врачующаго, и человека служащаго немощному, и, когда нужно, человека приближающаго к благотворным влияниям источника духовного. Во славу Бога, преимущественно в Христианстве щедрого средствами спасительными, должно сказать, что место, где мы стоим теперь, не может завидовать купели овчей, соделавшись ныне хранилищем силы, более нежели там, высокой и благотворной. Не Ангел однажды в год, но Царь Ангелов, Ангельскими дориносимый чинми, приходит сюда так часто, как дерзает призывать Его призванный к сему дерзновению человек; и пребывает здесь с силою, которою все сотворено, и все сохраняется, врачует, усовершенствует. Есть здесь всеобщий источник исцелений: о, если бы довольно умели, верующим сердцем, открывать оный для себя и болящие, и врачующие!

Но как слушающие меня не болящие: то скажу еще: о если бы и здоровые ревностнее притекали в сие святилище сил, как во врачебницу душ, почти всегда, как я думаю, не безболезненных внутренно?

Если Церковь, как свидетельствует устройство сего места, признается нужною и для больных, которые большею частию не имеют сил приходить в оную: меньше ли нужна она для здоровых, которые приходить в нее могут? Кто отважится утверждать сию несообразность? А не часто ли видим мы сию несообразность на деле, то есть, что здоровые меньше больных помышляют о Церкви?

Можно, говорят, молиться Богу дома, духом. Нет о сем спора. Но люди, которые лучше нас умели молиться духом, не бегали от храма, а прибегали в оный с радостью. *Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем* (Псал. СХХI. 1). Даниил Пророк, *муж желаний* (Дан. X. 11), человек, который жил молитвою, когда не мог идти в храм Иерусалимский, потому что был в Вавилоне, и потому что храм был разрушен, старался сблизить себя по крайней мере с местом и, так сказать, тенью бывшего храма, становясь на молитву перед открытым к Иерусалиму окном, и в те часы, в которыя приносима была жертва во храме до его разрушения. *Дверцы же отверсты ему в горнице его противу Иерусалима; в три же времена дне баше преклоняя колена своя, моляся и исповедаяся пред Богом своим* (Дан. VI. 10). Или Даниил суеверен? Или вы хотите быть духовнее Даниила? – Нет! Надобно признаться, что те, которые не посещают храма под предлогом молитвы духом, или совсем не радят о молитве, или совсем не понимают сего дела.

Если же кто, признавая свое нерадение и невнимательность, изнемогает в усердии ко храму потому, что, посещая оный, не довольно ощущает в себе от того содействия к лучшему: такового уверяем со Святым Златоустом, что *приобрывает и примет некоторую пользу; хотя и не таковую, дабы мог оную чувствовать, однако же примет. Ибо еслибы кто мимо прошел мироварницы, или бы в подобных ей домах часто кто находился; то и не хотя облагоухался бы приятною вонюю: кольми паче человек в церковь ходящий. Не возможно бо,* говорит он еще, *дабы беседующий к Богу, и слушающий беседующаго Бога, не приобрел что либо* (на Иоан. Бесед. 53).

Не будем, братия, безпечны о здравии душ наших, но будем тщательно пользоваться врачебницею душ Церковию, и Врачем душ – Христом, доколе Он ходит среди нас, как Врач, исцеляющий всякую болезнь греха, доколе, по долготерпению, медлит явиться, как Судия, имеющий решить жребий наш на вечную смерть, если не на вечную жизнь. Аминь.

CLX.

105. СЛОВО
в день Священного Миропомзания и торжественного
венчания на Царство Благочестивейшаго Государя
Императора Николая Павловича всея России.

(Говорено в Успенском Соборе августа 22 дня,
напечатано в Христианском Чтении 1833 года
и в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1833 год>

Побеждай благим злое. Рим. XII. 21.

Если бы в сей день, освещаемый сиянием Царскаго венца, величественнаго и благолепнаго, не столько по числу и достоинству камней честных, сколько по достоинству законной наследственности, по преимуществу освящения свыше, по превосходству Царских доблестей, которыя он покрывает, – возжелали мы, Россияне, увидеть венец сей в новом блеске: то мы тотчас можем иметь сие приятное видение, обратив наблюдательный взор на новыя Царственныя деяния Благочестивейшаго Императора. Посмотрите на пример, на новый состав Российских законов, столь ожидаемый правосудием, и наконец извлеченный из разночастных, разнообразных, иногда недружных стихий разновременнаго законодательства. Не есть ли это новый, светлый, из отечественных копей извлеченный, камень в венце Николая Перваго, – камень, котораго так долго искали Его предшественники, и который Он Своею неумоимостию предвосхитил у Своих преемников.

Или, поставьте себя на пределах двух империй, двух частей света и двух религий, и посмотрите на оконченное недавно дело умирения на Востоке. Сделаться благодетелем, охранителем, спасителем царства, недавно враждебнаго, и только победами доведеннаго до примирения, – не есть ли и сие такое дело Царской доблести, которое приносит новое светлое украшение венцу Благочестивейшаго Императора нашего, новую славу Его царствованию?

Славу сего дела особенно провозглашать должно здесь, в Церкви: поелику оно есть великолепное исполнение благороднаго правила Христианскаго: *побеждай благим злое.* Дело сие не только славно для Царя и народа, но и полезно для Христианства: ибо весь не

познавший Христа Восток видит теперь в сем славном деле, к какой чистой, безкорыстной, возвышенной верности и благотворительности располагает вера Христианская сердца Царя и народа.

Но довольно сего воззрения на некоторые дела Царственные, чтобы нынешняя особенная молитва и благодарение за Царя были нами принесены, сколько по долгу послушания Церковной заповеди, столько же по убеждению и усердию собственному.

Гораздо нужнее каждому из нас обращать внимание на собственные дела, хотя, может быть, малая и едва приметная в необъятном множестве и разнообразии дел человеческих, но никогда не маловажная для делающего: потому что пойдут за ним далее пределов настоящей жизни, и либо увенчают его, либо возложат на него укоризну и стыдение вечное.

Побеждай благим злое. Всякий ли найдет исполнение сего правила в своих делах? Всякий ли найдет сие правило довольно раскрытым в уме своем, довольно углубленным в сердце своем?

Что есть зло в мире, и собственно в человеках, о сем опыт всех и каждого свидетельствует так сильно, что, хотя бы разум и вздумал против сего спорить, не может переспорить свидетельства ощущений, которые умствованиям не повинуются. А когда зло есть, и действует против нас: то не употреблять против него никаких средств было бы противно и закону самосохранения, и закону человеколюбия; потому что неудерживаемое зло поглотило бы весь род человеческий, – и закону веры в Бога; потому что не препятствовать распространению зла значило бы благоприятствовать вражде против Бога, и хуле на Его творчество и управление миром. Итак надобно противостоять злу, сражаться с ним, побеждать оное. *Побеждай злое.*

Но каким оружием? Положим, что вы решились бы употреблять такое же оружие, с каким на вас нападают, и поступать по праву равного воздаяния. Обида за обиду, злословие за злословие, рана за рану. Будет ли сим образом побеждено зло? – Не думаю. На пример, если воздано раню за рану: то произошло двое раненых вместо одного; следственно зло удвоено, а не прекращено, потому что обиженный, нанеся рану обидчику, не излечил тем своей. Обида, возданная за обиду, не только не уничтожает зла сделанного, но и не останавливает хода зла, или даже усиливает оное. В ком было довольно зла, чтобы начать обиду, в том, по всей вероятности, найдется онаго еще более, чтобы отвечать на взаимную обиду. Таким образом должна произойти цепь обид; и поелику каждый воздающий за обиду естественно будет стараться сделать соперника менее способным вредить, то всякая дальнейшая обида должна быть тяжелее и убийственнее предыдущей. Из сего можно усмотреть, как верно рассуждение Апостола: *аще друг друга угрызаете и снедаете, блюдитесь, да не друг от друга истреблены будете* (Гал. V. 15). И так, побеждать злое злым не надежно, если бы кто и не удержался от такого сражения мыслию, что сие не позволительно.

Спросят, может-быть: как же наказывают убийцу смертию? Как же ведут войну? Ответствую: иное право частного человека, иное суда, и еще иное власти верховной. Власть верховная, поелику не имеет над собою судии на земли, по необходимости сама должна судить обиды, наносимыя Государству, и употреблять войну исполнителем Государственного правосудия: но и сие, верховная власть, одушевленная достойными своей высоты чувствованиями, делает не для того, чтобы поразить злым злое, но чтобы защитить и охранить благое, то-есть безопасность и благо собственного ея Государства. Если власть судебная внутри Государства сражается злом наказания противу зла

преступления: и сие так разнится от частного мщения, как разум от страсти, как созидание от разрушения. Суд сражается против зла не за себя, но за невинно страждущаго: следственно водится не злом мщения, но благом сострадания, человеколюбия, справедливости; притом в благоустроенном Государстве суд только открывает виновнаго, а наказывает его закон; но и закон гражданский, если он изречен духом Христианскаго правосудия, не имеет намерения мстить за зло, а пресекать и предупреждать зло; не имеет намерения убивать убийцу, но смертью, или другим образом, лишать его возможности убийства, и охранять от него живущих. В сем именно духе кроткий закон Благочестивейших Самодержцев наших присуждает и убийце не смерть, а жизнь, хотя отлученную от жизни честных граждан, однако же – жизнь и надежду умереть не смертью преступника, а смертью Христианина. Что касается до людей в частности; если бы каждый вздумал присвоить себе те права, по коим действует суд против преступления, или власть верховная против врагов Государства: то явилось бы почти столько же воюющих сторон, сколько есть людей, имеющих силу владеть своими членами. Состояние человечества, которое нашло себе достойное место в головах некоторых умствователей, но котораго, – благодарение Провидению, – не было и не будет, потому что не может быть в истинном бытии рода человеческого!

Итак, если побеждать злым злое, частию не позволительно, частию не надежно, даже и при помощи правосудия человеческого, которое, при всей бдительности своей, не может поставить довольно щитов противу тонких уязвлений злобы и коварства: то Христианское правило *побеждать благим злое*, оказывается столько же необходимым, сколь оно привлекательно своею чистотою и возвышенностию.

Недальновидные могут подумать, что в подвиге сего рода скорее побежден будешь, нежели победишь: потому что зло действует наступательно, а благо, и особенно Христианское благо, и оборонительнаго противодействия не любит. Напрасно! Мы имеем опыт сей победы, столь великий, столь очевидный, что он должен ободрить всякую робость, разрешить все недоумения, если смотрят на оный, как должно. Какое огромное зло сражалось против первенствующаго Христианства! То было зло целаго мира. Как напротив малым и немощным казалось благое, заключенное в Христианстве! *Буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит; и немощная мира избра Бог, да посрамит крепкая; и худородная мира и уничиженная избра Бог и не сущая, да сущая упразднит* (1 Кор. I. 27. 28). Как же побеждено буим премудрое, немощным крепкое, ничтожным сущее? – Побеждено благим злое: неверие верою, порок и разврат сторогою добродетелию, гонение терпением, несправедливость великодушием, любостязание и грабительство нестяжательностию и вольною нищетою, лукавство прямодушием, вражда любовию, сила и ярость мучителей кровию мучеников. И всемирное зло язычества исчезло; и благо Христианства овладело миром. Не ужели ты подумаешь, Христианин, к оскорблению Христианства, будто труднее подвизаться ныне противу зла, прокрававшегося в мир Христианский, нежели как было прежде, противу зла господствовавшего в мире языческом?

Добрая победа не в том состоит, чтобы ты сделал зло врагу, но чтобы враг не мог сделать истиннаго зла тебе. А сего никакой враг не сделает, если ты твердо стоишь во благе силою веры к Богу и любви к Богу и человекам. Посмотрите на человека сим образом сражающагося противу зла, и вслушайтесь посреди самих опасностей брани в его военный клик: *кто ны разлучит от любви Божия? скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или мечь?* – Видите, нападение со многих сторон; удары сильны. Не пал бы воин Христов? – Нет, восклицает он: *во всех сих препобеждаем за Возлюбльшаго ны*. И что еще? – Он уверяет, что в целом мире нет силы, которая могла бы поколебать побеждающаго благим злое. *Известихся бо, яко ни смерть, ни живот, ни Ангели, ни*

*начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая
возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем*
(Рим. VIII. 35–39).

Всем слышащим сие членам воинствующей Церкви желаем не столь трудного подвига
противу зла, но столь же благою силою веры и любви, столь же совершенной победы и
спасения со славою вечною. Аминь.

1834 год.

CLXI.

**106. СЛОВО
в день празднования Пресвятей Богородице
в Страстном монастыре.**

(Говорено июня 2-го дня; напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1834 год>

И тебе же самой душу пройдет оружие.
Лук. II. 35.

Бедствие человека непорочного и доброго есть одна из трудных загадок, какая предлагает
видимая вселенная человеку размышляющему. Видя доброго страждущаго, другой
добрый страдает и сам, поелику чувствует сострадание: и таким образом от одной загадки
родится другая: за что и сей страдает? Видит сие слабый верою, и подвергается
искушению в вере. Видит склонный к пороку, и разрешает загадку на свою голову: какая
же, говорит, польза быть добродетельным? Видит склонный к неверию, и непонятную
загадку разрешает другою, несравненно более непонятною; он говорит: случай
господствует в мире и в делах человеческих.

Благословенная в женах! Непорочнейшая из дочерей человеческих! И Тебе премудрый
старец Симеон не усомнился предложить сию грозную загадку: *и тебе же самой душу
пройдет оружие*. День плачевный и ужасный, но вместе спасительный разрешил Тебе
загадку пророчества. Терние венца Иисусова, гвозди Его распятия, копие прободения Его,
Его раны, Его болезненный вопль, Его умирающий взор, – вот оружия, которыми Твое
матернее сердце пронзено было столь же безприммерно глубоко, сколь совершенна Твоя
любовь, сколь безпримерна Твоя непорочность. Теперь, когда Ты пребываешь в
Божественной славе Сына Твоего, для Тебя уже разгадана и загадка необычайного
события: теперь Ты видишь во свете Божиим, для чего надлежало пройти оружию и Твою
чистую душу, и как сие согласно и с бесконечною премудростию, правдою, и благостию
Провидения, и с Твоим бесконечным блаженством.

Матерь Света! низведи нам искру света от ума Христова, дабы уразуметь и нам тайну бед
и скорбей земных, не столько, сколько бы желало наше любопытство, но сколько нужно
для нашего мира и спасения.

Не было бы никакого зла на земле, и никакого бедствия в человеках, если бы не было
греха. *Едином человеком грех в мир вниде, и грехом смерть* (Рим. V. 12), в имени которой
заключается сокращение всех бед и зол. За грех определен человеку принужденный и

изнурительный труд вместо свободного и легкого делания: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. III. 19). За грех болезни: *в болезнях родиши чада* (16). За грех смерть: *в оньже аще день снесете* от древа запрещенного, *смертию умрете* (Быт. II. 17).

Человек, потеряв опыт первоначального чистаго бытия своего и вселенной, потерял и понятие об оном. Как рыба, движущаяся в воде, не знает лучшей и более совершенной жизни, какою животныя живут в воздухе: так бедная душа человеческая, погруженная в грубый и тленный стихийный мир, и в нем живущая, как рыба в воде, не знает тонкой и нетленной жизни райской. Отсюда недоумения своемудрствующаго разума о том, была ли подлинно такая жизнь, и как она могла быть. Я приведу теперь одно только из сих недоумений, для примера их ничтожности. Разум рассчитывает, что если бы люди все рождались, и ни один из них не умирал; то умножение людей сделалось бы наконец несообразным с пространством и способами земли обитаемой; и таким образом теснота вселенной требует смертности человеков, чтоб умирающие очищали место преизбыточествующему множеству рождающихся. Таковым мелочным счетчикам жизни мы можем сказать тоже, что Господь сказал Саддукеям, которые из законов брака вздумали было извлечь опровержение учения о жизни будущей: *прельщается, не ведуще писания, ни силы Божия* (Матф. XXII. 29). Кто вам сказал, что земля была бы вечною темницею для человеческого безсмертия? И не ужели вы думаете, что с земли на небо нет иной дороги, кроме той, которая лежит чрез гроб и могилу? Не ужели также вы думаете, что землю, и прежде ея проклятия в делах человека, так же как ныне, надлежало размерять десятинами на каждого человека, для его обитания и продовольствия? *Прельщается, не ведуще*. Не растленный грехом человек несравненно менее зависел в жизни от произведений земли, нежели ныне; а земля, без его труда, несравненно щедрее была для него в своих произведениях, нежели ныне. Совершив на ней определенное поприще, он восходил бы на небо так легко, как в Иаковлевом видении лестницы, достигающей до небес, *Ангели Божии восхождаху и нисхождаху по ней* (Быт. XXVIII. 12). Возможность сего перехода в Енохе и в Илии отчасти нам показана. Не опасайтесь! Нетленная жизнь безгрешнаго человека рассчитана была Провидением лучше, нежели вами ныне. Поелику же вечное Провидение от века провидело и то, что превосходный и необходимый для блаженства дар свободы будет человеком употреблен во зло, и тем рушится первоначальное устройство человека и земли: то нет сомнения, что премудро и благотельно рассчитано им и последовавшее за сим смешение добра и зла, которое нас изумляет и поражает.

После общего вопроса о бедствиях человечества, зачем оне есть в царстве Провидения, на который ответ уже заключается в том, что мы доселе сказали, испытующий разум предлагает два особенные вопроса: во-первых, зачем бедствуют и невинные, во-вторых, зачем и те, которые не безвинны, страждут не в соразмерности с виною своею, а нередко наименее виновные страждут наитягчае. Дадим ответ на оба сии вопроса.

Для сего воззрим на человечество не нашим взором поверхностным, но глубоко проницательным взором людей просвещенных свыше. В каком виде им представляется человечество? *Вси согрешиша, и лишени суть славы Божия* (Рим. III. 23), говорит Святой Павел. *Кто чист будет от скверны?* вопрошает Иов, – и отвечает: *никтоже, аще и един день житие его на земли* (XIV. 4. 5). *В беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя* (Пс. L. 7), исповедует Давид, не опасаясь нарушить сим отзывом заповедь почтения к родителям. Что же сие значит? то, что все человеки согрешили еще во Адаме, который, поелику начал рождать детей уже после греха, то не мог без чуда передать им того, чего уже не имел, – безгрешности и нетления, а естественно передал то, что имел, – грех и тление. – Если бы кто из нас дерзнул еще спросить: чем же виновны мы, невольно наследовавшие от Адама грех и тление? таковому, если он сколько нибудь внимателен к

себе, вместо меня могла бы ответственность, и заградить ропотливые уста, его собственная совесть, которая может в жизни каждого указать случаи, в коих мы не были верны добрым побуждениям, быв для того довольно сильны и при наследованном повреждении. *Бог есть Бог сердца нашего, и весть вся* (1 Иоан. III. 20); и потому видит в нас и те тонкие нравственные нечистоты, которых более или менее огрубевшая совесть не примечает. Итак *еще беззакония наши назриши Господи, Господи, кто постоит* (Пс. CXXIX. 3)? Сие размышлением, вопрос: почему бедствуют и невинные? не только разрешается, но и уничтожается; потому что, по строгому суждению, нет на земле невинных, и следственно все бедствующие бедствуют, как более или менее виновные, кроме Единого, *иже греха не сотвори* (1 Пет. II. 22), и Которого страдания, высочайше таинственные, имеют блаженнейшее для нас изъяснение, ибо *Той язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем: язвою Его мы исцелехом* (Иса. LIII. 5); Он подъял и понес тяготы, нас подавляющие, чтобы с тем вместе возставит нас от падения.

Что касается до вопроса: зачем люди, хотя, может быть, безгрешные, но по всем открытым признакам безвинные, бедствуют иногда чрезмерно тяжко: кто может обличить Провидение в сей чрезмерности? Если признаем, что бедствующий безгрешен; и если знаем, что всякий грех есть отступление от закона, следственно возстание против воли Бога законоподателя, мятеж в Царстве Божиим, оскорбление вечного величества Божия: то скажите какой грех слишком мал для временного бедствия, и какое временное бедствие слишком велико для греха?

Нет спора о том, что не все грехи равно тяжки, и что есть разные степени виновности в грехе одного рода: но кто из нас может довольно верно взвесить сию тяжесть, довольно точно определить сию степень? Для сего должно положить на весы, и поставить в меру, не только видимое дело, но и невидимое желание, и сокровенное намерение, и тайную мысль, силу и немощь, познание и неведение, пособия и препятствия, прельщение к злу и поощрение к добру, невнимательность к неизведанному и неверность дознанному опытом, закоснение и раскаяние, ожесточение и сокрушение: но кому возможно все сие, разве единому Испытующему сердца и утробы, всеобъемлющему и всеведущему? Также и для того, чтобы взвесить тягость бедствия, надлежит принять в разсуждение, кроме открытого вида онаго, степень чувствительности бедствующаго, скудость и даже отсутствие, или напротив обилие противодействующих утешений, и многое, для чего нет веса и меры у внешнего зрителя. Как же говорим мы о чрезмерной тяжести бедствия, в сравнении с тяжестью греха, разве на угад и на удачу?

Бог действует на временную жизнь человека, поврежденнаго грехом, не только в качестве судии, чему еще будет особенное время в конце веков, но также, и преимущественно, в качестве врача, чему теперь-то и есть время. Посему Он определяет человеку меру бедствия и скорби иногда не как отчитанное воздаяние за дела, но как прием врачевства, способный препобедить силу греховной болезни: а это совсем другой расчет. Есть болезненные состояния, которые кажутся маловажными и не угрожающими, но против которых сведущий врач находит нужным употреблять жестокие врачебные средства. Притом же Врач небесный не всегда начинает врачевать болезнь душевную по ее уже раскрытию: взор Его проникает в глубину души, самой сей душе невидимую, и открывая там тонкий зародыш греха, страсти, самоволия, самоугодия, тонкую примесь зла и нечистоты к добрым склонностям и расположениям, орудием искушения извлекает наружу сии болезненные начала для их уврачевания, и для возведения души к высшей чистоте. Не случается ли видеть, что люди благоустроенные в жизни, охотно прибегающие к Богу, или, лишась того, что сильно любили, например детей или супруга, мирской чести и славы, или имущества, так предаются скорби, что в ней одной

сосредоточивают свою жизнь, не умеют подкрепить себя здоровым размышлением, в котором прежде не имели недостатка; не могут довольно собрать себя в молитву, в которой прежде находили улажнение; вера, любовь к Богу, преданность в волю Божию, суть теперь для них только знакомые имена и звуки, после того как они до своего несчастья ощущали в себе силу и действие оных? Что сие значит? – то, что любезное им они любили чрезмерно, и паче Бога, хотя сами того не различали; что дети, супруг или супруга, честь, слава, имущество были идолы их сердца. Что же было делать Сердцеведцу и Душелюбцу, как разве отнять идол, исторгнуть, хотя болезненно, неправильную любовь к твари из души, которую Он хочет наполнить Своею Божественною любовью? Он любит, милосердует, очищает, врачует, приготовляет к блаженству; а мы смотрим, и говорим: как Он тяжело посещает!

Наконец согласимся, что есть бедствия, о которых совсем нельзя спрашивать: за что, но разве: к чему? в которых не нужно обвинять человека, но в которых надобно только уметь оправдать и возлюбить Провидение. Таковы бедствия Иова, Пророков, Апостолов, Пресвятыя Девы. Не быв на сей высшей степени духовного возраста и жизни, когда питаются крепкою пищею креста, мы, в нашем младенчестве Христианства, – дай Бог, чтобы, хотя в младенчестве! – без сомнения только слабо и невнятно можем лепетать о путях и подвигах душ полного возраста Христова. Вопросим же лучше их самих, что скажут они нам о своих бедствиях. Что же говорит Иов? *Господь даде, Господь отъял: яко Господеви изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословено во веки* (Иов. I. 21). Что говорит Апостол? – *Радуюся во страданиях моих* (Кол. I. 24): *якоже избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше* (2 Кор. I. 5). Видите ли, как не кстати мы, грешные люди, вступаемся за Праведников, и покушаемся возстать против Провидения за их бедствия? Они не приемлют нашей безразсудной услуги; они не жалуются на горькую участь свою; не хотят перемены ея; они радуются; они благословляют Бога; они счастливы; мы не понимаем их счастья, и думаем, будто можно роптать за то, за что они благодарят.

Если вы хотите хотя догадочно понимать то, до чего еще не достигли: смотрите на земное, и гадайте о небесном и Божественном. Ты любишь друга; он тебя любит; и тебе благодетельствует. Совершенно ли, при сих отношениях, удовлетворена твоя любовь, если она полна и чиста? Думаю, нет. Ты можешь думать: «уверен ли друг мой в искренности любви моей? не подозревает ли он, что я люблю больше его благодетельства, нежели его?» Пусть же откроется случай, когда ты мог бы для своего друга понести труд, скорбь, опасность: если ты благородная душа; как охотно ты бросишься на сей случай! И перенося для друга твоего труд, скорбь, опасность, как будешь ты радоваться, что теперь он несомненно узнает искренность и чистоту любви твоей! Приложи сей пример к любящим Бога в благополучии. Они уверены, что Бог знает их сердце, к Нему благодарное: но не доверяют себе. Они могут, и некоторым образом должны заботливо помышлять о том, совершенна ли их благодарность к Нему, чиста ли любовь, не прилепляется ли сердце их тайным пристрастием к благодетельствам, мимо Благодетеля, и любовь, питаемая временными благодетельствами, не угаснет ли по истощении сей пищи. Является искушение, и приглашает: принеси в жертву твоего возлюбленного Исаака; претерпи для Бога лишение того, что ты более всего любишь после Бога; понеси гонение, безчестие, страдание за имя возлюбленного Иисуса. Как воскреснется при сем Боголюбивая душа! Как она готова вступить в поприще страдальческого подвига, предать себя в огненное испытание! Как она тверда в сем испытании? Как утешает ее мысль, что наконец она приносит Богу жертву, которая ей не дешева! Какое успокоительное и удостоверительное свидетельство дает ей совесть, когда огонь искушения не изменяет злата ея, когда в горниле страданий сильнее возгарается любовь ея к Богу, когда сквозь внешнее умерщвление природы просиявает внутренняя благодатная жизнь, и небо в

человеке утверждает надежду о человеке в небе! Поверьте, неопытные, что не лгут сии люди, когда говорят о своей радости в страданиях что в огне бедствия они поют и славят Бога с такою же безопасностью, свободою и услаждением, как три отрока в печи Вавилонской.

Христиане! кого из нас на пути жизни временной не встречает чаще или реже разнообразное бедствие? Тщетно старались бы мы обойти все такие встречи; по крайней мере некоторые из них неизбежны: следственно надобно благовременно приобучать себя, чтобы встретиться приличным образом. Предложенныя теперь размышления да побудят нас к тому, чтобы встречать бедствие не как врага и мучителя, но как справедливого наказателя грехов, как врача душевных болезней, как посланника Божия, как вестника благодати. *Его же бо любит Господь, наказует* (Евр. XII. 6). Аминь.

CLXII.

107. СЛОВО

в день рождения Его Императорскаго Величества Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено в Успенском Соборе июня 25-го дня,
напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

*Вем бо, яко заповесть сыном своим, и дому
своему
по себе: и сохранят пути Господни творити
правду
и суд.* Быт. XVIII. 19.

Поелику год Царя, принадлежа Ему, как год жизни, принадлежит вместе и царству, как год царствования: то неудивительно, что в настоящий день, граничный между окончившимся и начинающимся годом Благочестивейшаго Самодержца нашего, встает вся Россия, и устремляет изощренное око на прошедшее, на будущее, на небо, с благодарением, с надеждою, с молитвою.

Одна из особенностей совершившагося года царства состоит в том, что рядом с сим годом, как юная луна при солнце на ясном небе, явился начальный год совершеннолетия Наследника Престола.

Как теперь еще вижу я сей прекрасный вечер, по истине достойный дня Христова.

Среди величественнаго храма, среди песнопений и молитв пред открытым олтарем Воскресшаго, на минуту прерванных, к открытому Слову жизни, к спасительному Кресту Христову Царь настоящий ведет юнаго Царя будущаго, между тем как венец и скипетр и держава, как знамения будущаго царствования, покоятся о страну. Сколько важных мыслей можно прочесть в сем зрелище, когда оно еще безмолвствует! Итак вступление Порфиророднаго на путь к Престолу должно быть на пути к олтарю. Итак заповедь, обет, молитва, суть предобручение венца, скипетра, державы. Итак крест есть предварительный венец венца, и силу будущей власти Царской надлежит извлечь из лобзаемаго Евангелия. Итак, чтобы благонадежно завещать Царство, для сего, видно, надлежит прежде крепко завещать благочестие.

Слышу священный обет Сына Царева, и вдруг открывается, что совершеннолетие, которое Сам вступающий в оное с толикою скромностию назвал *ранним*, есть напротив того вполне зрелое: потому что Он возвышенно понял высокие помыслы Своего Родителя, и глубоко почувствовал важность настоящего мгновения. Он стоит пред Богом, как живая жертва, приносимая Царем-Отцем за будущее благосостояние царства, и, согласно с волею Родителя, и Сам представляет Себя в жертву, и облак слез, восходящий в очах Его, дает приметить, что фимиам непорочного сердца Его восходит горе.

Мне кажется, что и вы были при сем царственном жертвоприношении, поелику в то же время приносили ту же молитву: так хотел Благочестивейший Государь, Который любит, поколику возможно, быть с вами во всем едино. Но я был при оном ближе, и могу вам свидетельствовать, что сколь поразительно некогда чудна была жертва, орошенная удвоенным и утроенным возлиянием воды, чтобы потом пришел на нее небесный огонь, столь сладостно чудною явилась наша безценная живая жертва, орошенная всеобщими слезами любви, радости и молитвы, дабы пришел на нее животворный огонь благословения свыше.

Ты призрел не сие мгновение, Царю небес и вечности, пред Которым и ни одно земное мгновение несть забвено. Тебе принесены сии слезы, столь искренния, столь единоклубныя, столь чистыя, какия только может проливать Отец Отечества вместе с сынами царства. Когда жребий наш приидет пред лице Твое; когда судьбы твои вопросят у Тебя, открыть ли на нас сокровища гнева по грехам нашим, или сокровища щедрот, по вере в Тебя: тогда, Господи, помяни вновь сие мгновение, призри еще на сии слезы; и еще изреки на нас суд милосердия; еще изнеси нам державный жребий спасения и мира. Благочестивейшему же Царю нашему, Который царствует не только для современников, но и для потомства, Который так же печется о царствовании будущем, как о настоящем, и попечения Свои о будущем пред Тобою, вечный Царю, полагает, и Тобою обезпечивает, — умножи и лета Его царствования, и благословения Твои на них, тем обильнее, чем благоизвольнее вверяет Он Себя, и Своего Наследника, и Свое царство державе Твоего Провидения.

Братия! Случай, который так приятно нам разсматривать, заключает в себе истину, которую желательно видеть более и более открытою для нашего внимания, для нашего убеждения, для нашей деятельности: благо Царю и народу, царству и дому, родоначальнику и роду, которые благонадежную будущность упрочивают себе Богом и благочестием.

Почти одинок был Авраам, и при том был странник, без отечества, без дома, когда Бог сказал при нем, как будто без него: *Авраам же бывая будет в язык велик и мног, и благословятся о нем вси языцы земнии* (Быт. XVIII. 18). То есть: одинокий, кочующий Авраам делается Еврейским народом, сильным царством, прострется от Египта до Ливана, потом разсыплется от Вавилона до Египта, до Антиохии, до Рима; вновь сосредоточится в новом, духовном, Божественном *Сыне Авраамли* (Матф. I. 1), — в Иисусе Христе; и вновь паче прежняго распространится в новом, духовном Израиле, — в Христианстве, и в сем благословятся высочайшим и обширнейшим благословением точно все народы земные. Какое величественное древо, вселенную ныне осеняющее, в каком малом зерне обетования скрыто было! И как чудно изрекает Бог сие обетование! *Авраам же бывая будет*, то есть верно и непременно будет, *в язык велик*. Не глаголет: *ты будешь*, хотя говорит в лице Аврааму, но: *Авраам будет*, как бы его тут не было, давая сим разуметь, что дело обетования делается, как бы без него, не по его предусмотрению, не его силою, не по его заслугам; ибо так действует благодать. А что еще удивительнее, Бог не глаголет даже: *аз сотворю Авраама в язык велик*: но: *Авраам будет*, как будто дело

сделается само собою. Господь скрывает некоторым образом Свою вседействующую силу, дабы показать Аврааму основание доброй будущности, которое особенно нужно сделать очевидным. Какое основание? – Благодетель, и на нем основанную правду, или добродетель. *Вем бо, продолжает Всеведущий слово Свое к Аврааму, яко заповесть сыном своим, и дому своему по себе; и сохраняют пути Господни творити правду и суд.* Авраам посеет благодетель в сынах своих и в доме своем, и произрастет многоплодие и величие потомства. Завещает им правду: и они получают неисчислимое и неописанное наследие всемирного благословения.

Вот древнейшее умозрение, или, точнее сказать, вот Самим Богом преподанная теория обеспеченной будущности, объясненная, и до сих пор подтверждаемая тысячелетними опытами!

Может быть, некоторые скажут, что жребий Авраама есть особенный и единственный во всем человечестве. Да, он есть особенный, по чистоте и превосходству веры Авраамовой, среди господствовавшего суеверия и беззакония; и единственный по цели обетования, которая есть Христос: но в отношении к указанному основанию доброй будущности это не есть единственный случай, или исключение из правила общего, а напротив есть только весьма ясный пример общего правила, по которому действует Провидение. Бог, Который так благословляет *правду и суд* в человеке, не может Сам отступать от правды и суда, ниже изменять Своих вечных правил. Если Он обещал, и по обещанию действительно даровал Аврааму благословенную будущность на том основании, *яко заповесть сыном Своим и дому своему по себе; и сохраняют пути Господни*: то, без сомнения, также дарует благую будущность, личную ли, потомственную ли, каждому, кто, заповедав благодетель во-первых себе самому, силою благодетеля же действует и на зависящих от него, ревнуя о распространении онаго между ближними, и споспешествуя утверждению онаго на времена грядущия. Апостол, не обинуясь, возвещает всеобщее благотворное действие благодетеля на будущность. *Благочестие, говорит, на все полезно есть, обетование имеющее живота нынешняго и грядущаго* (1 Тим. IV. 8).

В мудровании сынов века сего видны две мысли, которые располагают их жить в настоящем со слепою надеждою, или, напротив, с отчаянною беспечною в отношении к будущему: первая, что мир идет по своим законам, и потому один, или несколько человек, напрасно усиливались бы дать сей огромной машине желаемое направление; другая, что человечество само собою идет к совершенству, и потому не много важности в том, как ударяешь ничтожным веслом твоим по широкой реке времени, которая и без того течет, и все, по ней плывущее, влечет к морю совершенств разнаго рода.

Дабы усмотреть, правы ли сии мысли, можно их отдать на суд одну другой. Если мир, не исключая и человечества, идет по своим законам, как искусно устроенная машина: то напрасно мечтаете вы, будто человечество само собою идет к совершенству. Машина проходит и повторяет известный круг более или менее сложных и разнообразных движений; и, без руки художника, нейдет ни к какому новому, прежде ей неизвестному совершенству; временем же, скорее или медленнее подвигается к повреждению и разрушению. И напротив, если человечество само собою, или хотя как нибудь иначе, идет к постепенно возрастающему, или наконец ожидаемому совершенству: то, конечно, или мир не так управляется свойственными ему законами, как машина, или, по крайней мере, человечество не так крепко привязано к машинальной части мира, как думает машинальная мудрость.

Мир идет по своим законам! Пусть так; он идет по законам необходимости. А ты, существо свободное и нравственное, разве ты не должен идти по законам свободы и

нравственности? Разве премудрый, праведный и благий Бог только в бездушном мире воцарил свойственный Ему закон: а мир духовный предал мятежу и безначалию беззакония? Нет! В мире физическом, что посеяно, то, а не другое, вырастет по закону необходимости; в мире духовном и нравственном, что посеешь свободно, то и жать будешь. Посеешь благочестие и правду: пожнешь благословение и благополучие. Посеешь нечестие и неправду: пожнешь клятву, бедствие, гибель.

Человечество идет к совершенству! Это не совсем неправда. Философия нашла сию мысль у Религии; позавидовала возвышенности ей; похитила ее; но не поняла, и не умела употребить. Религия открыла, что Бог ведет человечество к совершенству и блаженству, зло неисправимое отсекая правосудием, исправимое исправляя милосердием, подавая Свою силу немощи, но никогда силою не подавляя свободы, а преклоняя ее к добру любовью: гордая философия, худо подслушав, тщеславно пересказывает, что человечество идет к совершенству само собою, побеждая (как она прибавляет) природу посредством искусства, открытий, изобретений, но (что не всегда она проповедует, однако показывает делом) не домогаясь приблизиться к Творцу природы. Со Святым Павлом молю вас, *братие, да никтоже вас будет прельщая философию и тщетною лестью, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе* (Кол. II. 8). И ныне, как во времена языков, уклонясь от мудрости по Христе, *в премудрости Божией не разуме мир премудростию Бога* (1 Кор. I. 21). Думают одним взором обнять все человечество; указывают какой-то самодвижный ход онаго к совершенству; превозносят успехи так называемого просвещения и образованности; обещают золотой век: и там, где наиболее думают, что все сие делается и сделается само собою, и менее всего заботятся о благословении и просвещении свыше, – там именно, и в то же самое время, не находят ни добродетелей, ни нравов, ни спокойствия, ни безопасности, пороки необузданны, распри безконечны, союзы ненадежны, мудрость сделалась не более, как промышленностью, и познания товаром, книги и зрелища наполнены преступлениями и ужасами, как темницы и места казни. Скажите пожалуйста, неужели сие-то и есть прямая дорога и естественный ход к совершенству человечества? Или, напротив, не суть ли это распутия, дебри, пропасти, уклонения, заблуждения, падения? Но сократим спор. Если человечество, в целом ли, почасти ли, должно идти к желаемому и ожидаемому в будущем совершенству, благополучию, блаженству: то надобно, чтобы найден, или лучше указан был истинный к тому путь. Говорю: лучше указан: потому что путь, пролагаемый догадочно, часто не ведет к цели и тогда, когда ее представляет в виду; а путь, указанный опытным и верным путеводителем, ведет к цели и тогда, когда она еще скрыта от взоров. Какой же это путь? – Тот, который Откровение Аврааму нарекло, по приспособлению к разнообразному множеству шествующих, – *путями Господними*, который впрочем в основании есть единый путь Господень. Кто же указывает путь сей? – Иногда, поколику нужно, Сам Господь с неба, как, например, тому же Аврааму: *ходи предо Мною и буди совершен* (Быт. XVII. 1). Обыкновеннее же испытавшие благонадежность сего пути, от радости провозглашают свое обретение, и по человеколюбию приглашают к участию в оном, как например: *блажени непорочнии в пути, ходящии в законе Господни* (Псал. CXVIII. 1). *Блажен муж, иже на пути грешных не ста, но в законе Господни воля его. Будет яко древо насажденное при исходящих вод. Вся, елика аще творит, успеет* (Псал. I. 1–3). *Блажени вси боящися Господа, ходящии в путех Его. Труды рук твоих снеси; блажен еси и добро тебе будет* (Псал. CXXVII. 1–2). *Потерпи Господа, и сохрани путь Его, и вознесет тя еже наследити землю; внегда потреблятися грешником, узриши* (Псал. XXXVI. 34). Если, то есть, и покажется тебе, что путь Господень труден, или долог, и не являет тебе вскоре приятной будущности: не колеблись в вере; не теряй надежды; наконец минует испытание, и откроется воздаяние. *Потерпи, – узриши.*

Христиане! Вам известно, что великий град Божий, к которому собственно ведет путь Господень, – блаженная будущность, которая оправдывает путь сей совершенно, – лежит за пределами времени. Но на сем же, и только на сем, пути лежат и мирные обители и безопасные грады временных благословений. Сохраняйте сей путь, у нас благодарение Богу, не потерянный: и как Благочестивейший Государь наш указывает путь сей Своему Наследнику, так и вы предшествуйте на сем пути добрым примером, и указуйте, и заповедуйте оный, родители детям, домовладыки домашним, наставники наставляемым, начальники подчиненным, старшие младшим; все друг другу да подаем руки на пути веры и благочестия, который есть единственный верный путь благоденствия и блаженства! Аминь.

CLXIII.

108. СЛОВО

В день обретения мощей Преподобного Сергия.

(Напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 г.)

<1834 год>

*Чадѡ, аще приступаеши работати
Господеву Богу, уготови душу
твою во искушение: управи сердце твое, и
потерпи, и не скор буди
во время наведения: прилепись ему, и не
отступи, да возрастeши
напоследок твой. Сир. II. 1–3.*

Собравшиеся здесь к Мужу, который прилежно поработал Господеву Богу во время свое, и приял от Него вечное воздаяние, столь обильное, что вот уже несколько веков от избытка онаго неистощимо уделяет всякому, истинно нуждающемуся и непритворно просящему, – собрались, без сомнения, для того, чтобы найти себе у него помощь и наставление в работании Господеву Богу, дабы получить воздаяние спасения и блаженства.

Тех, которые успешно прошед начальные подвиги служения Богу, *ведутся уже на совершение*, мы предоставляем непосредственному тайному наставлению и руководству сего Богомудраго Наставника, глаголющаго духом к духу, и помазанию общаго для него и для них Духа Божия, которое *учит их о всем* (1 Иоан. II. 27). Поелику же и на нашу немощь возложен долг служения слову истины: то, приняв благословение от сего Сильнаго делом и словом, сообразно с нашею мерою, обратим мы малую беседу к тем, которые, подобно нам, коснят еще в *слове начала Христова* (Евр. VI. 1); не столько *работают* Богу, сколько *приступают* к сему; давно, может быть, начинают, но все не находят себя *уготованными* к спасительному деланию. И сим предложим не нашего мудрствования ненадежное изобретение, но готовое поучение опытнаго мудреца.

Чадѡ, аще приступаеши работати Господеву Богу, уготови душу твою во искушение.

Поучение для иных недовольно ожидаемое, и еще менее приятное! Я думал, скажет иной, что приступающий работать Богу должен готовиться к подвигам, хотя не малым, но не трудным, более же – к утешению, к радости, к блаженству: потому что Бог всемогущий и всеблагий не только видит работающих Ему, но и приближается к ним, помогает им,

утешает их, награждает. — Да, это все так; надежда сия верна; и должно держаться ей: но надлежит знать и то, что на пути к награде и блаженству, среди поприща подвигов, и при самом вступлении в оное, нередко, и притом иногда неминуемо, встречается искушение; а потому надобно готову быть и к сей встрече. *Аще приступаеши работати Господеву Богу, уготови душу твою во искушение.*

Что такое *искушение*? — Испытание, какое, в чем, или в ком, свойство, какая сила, какое превосходство, или напротив, какое несовершенство, находятся, по наружности недостоверно узнаваемые, или совсем скрыты во внутренности. Так слово Божие изъясняет о сем предмете само себя: *яко же искушается в печи сребро и золото: тако избранная сердца у Господа* (Прит. XVII. 3). Вещь, кажущаяся золотою, может быть или из чистаго золота, или из нечистаго, или вовсе не из золота во внутренности: в огне золото становится чище, примесь отделяется, поддельное вещество обличается. Так добродетель человека может быть чистая и твердая, о Бозе соделанная, и в силе Божией неизменная, или нечистая, по причине примешения помыслов тщеславия, своекорыстия и самоугодия, или наконец вовсе лицемерная: в огне искушения чистота ее возвышается, нечистота отделяется, лицемерие обличается.

При сем может ктонибудь подумать: мы делаем испытание вещей, потому что не всегда узнаем по наружности, что скрывается в их внутренности: но Богу, Котораго взор, как все объемлет, так и сквозь все проникает, на что испытывать сердца людей? Недоумевающий о сем пусть приметит, что и художник полагает золото или серебро в огонь не для того только, чтобы узнать подлинность и чистоту или нечистоту металла, но и для того, чтобы нечистое и поддельное отделить и отбросить, и получить чистый, светлый, прочный и более прежнего ценный металл. Для первой из сих двух целей какиминибудь особенными опытами искушать сердца не нужно Богу всеведущему: но для другой попускать на людей, и даже, может быть, иногда наводить искушения, полезно для самих людей. Полезно посредством искушения обличение ложной и лицемерной добродетели, дабы освободить человека от пагубнаго самопрельщения, и поставить на путь истиннаго покаяния и исправления. Полезно посредством искушения и неложную добродетель возводить к высшей чистоте, крепости и совершенству, по реченному: *святый да святится еще* (Апок. XXII. 11), да, по обетованию Христову, *чистиим сердцем Бога узрят* (Матф. V. 8), да *вся побеждая наследит вся* (Апок. XXI. 7), да совершенный, без препоны, по закону подобия и единства, приступит и приобщится к *церкви первородных на небесех написанных, и духом праведник совершенных* (Евр. XII. 23). Наконец полезно и очищенную уже веру, и усовершенствованную добродетель, и Божественную поистине любовь, обитающую в сердце человека, скромностию и смирением покрываемую, посредством искушения открывать, дабы ее познали, возлюбили, возжелали перенять, и сугубо прославили Бога, и за образец, и посредством подражания.

Не входя теперь в разсуждение об особенном, высшем роде искушения душ совершенных или приближающихся к совершенству, как, например, некогда *Бог искушал Авраама* (Быт. XXII. 1), требованием в жертву единственного сына обетования, а сообразно взятому нами в основание настоящей беседы слову Писания, ограничивая взор более общим, низшим, начальным родом искушений, к которым должен готовиться каждый, приступающий работати Господеву Богу, не скроем, что встреча с искушением, которая, по направлению Провидения, должна быть полезна, хотя и трудна, может быть напротив опасна, хотя притом иногда и приятна. Есть злохудожное и насильственное направление искушения, которое усиливается ослабить и подавить добро, и поднять зло в человеке, ввести нечистоту сперва в помыслы, потом в желания, и наконец в дела, возмутить и

разстроить душу. Не пренебреги сего, желающий работати Богу; будь предусмотрителен; готовь силу против насилия, благоискусство против злохудожности. *Уготови душу.*

Для сего нужно знать, откуда происходит сей род и сие направление искушения. О сем говорит святой Апостол Иаков: *никто же искушаем да глаголет, яко от Бога искушаем есмь; Бог бо несть искушаем злыми, не искушает же Той никогоже* (Иак. I. 13). Иной во время искушения говорит: Бог послал на меня искушение; и не заботится, когда оно производит в душе его движения неправильныя, немирныя, нечистыя; не примечает, как отворяет оно дверь греху. Нет, возражает ему святой Иаков, не усыпляй себя тщеславною мыслию, что ты на пути Божиим, потому что неблагоприятному состоянию твоему ты дал невинное и даже почетное название искушения; Бог, как Сам не искушается злом, которому совсем недоступно естество Его; так и не искушает никого злым направлением искушения, что было бы противно Его благодати. Откуда же сей род и сие направление искушения? – *Кийждо*, продолжает тот же Апостол, *искушается от своея похоти влекомъ и прельщаемъ; таже похоть зачещи рождает грех* (ст. 14–15). Если же таковое самоискушение – от похоти, иногда еще не решительно греховной, впрочем способной зачать грех: то не трудно усмотреть многочисленные источники искушений, по следующему указанию другого Апостола: *все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца*, присовокупляет и Иоанн согласно с Иаковом, *от мира сего есть* (1 Иоан. II. 16). Дополним еще, что и мир, как творение Божие, не есть сам по себе гнездо похоти, или работная хранилище искушений; не к сему назначил его премудрый Художник и Содетель Бог; но к сему силится обратить его, чрез преслушание первого человека вошедший в него, злохудожник и разрушитель диавол, который и есть *искуситель* по преимуществу, как и называется в священном Писании (Матф. IV. 3). Если он нагло дерзнул приступить в сем качестве к самому Иисусу Христу, в Котором *не имел ничегоже* (Иоан. XIV. 30), в Котором, то есть, не было ничего греховнаго, или поврежденнаго, или нечистаго, и следственно никакой внутренней пищи искушению: то не должно ли заключить, что сей адский ветр всегда, до предсказаннаго решительнаго запечатления бездны (Апок. XX. 3), приметными или неприметными, прямыми или косвенными исходами дышет в мир, и силится раздуть всякую искру похоти в человеке, и *все еже в мире*, превратить в дрова огню сему нечистому?

Как же много причин, как много случаев к искушению; как иногда прикрыта, и между тем как велика должна быть опасность! Не годится быть безпечну; нельзя пускаться на удачу; надобна осторожность, бдительность; надобно изыскивать средства к безопасности; надобно иметь в готовности оружие для отражения нападений; надобно присутствие духа, мужество, твердость, непреклонная решимость, долго, может быть, стоять в искушении, которым испытывается в нас доброе, и ни на минуту не уступать искушению, которое клонит к злу. Все сие не приходит само собою: если ты подлинно желаешь работати Господеву Богу; то подумай о сем не поверхностно, не рассеянно, с глубоким вниманием, с деятельным попечением; устрой ум твой, расположи сердце твое. *Уготови душу твою во искушение.*

Спросишь ли, как сие сделать? – Предлагаю тебе дальнейшия наставления избраннаго мною наставника.

Первое. *Управи сердце твое.* Не попускай твоим помыслам и желаниям носиться без управления, как корабль без кормчаго, как конь без узды. Дай им управление. Направляй непрестанно мысли к истине, желания к добру. Обуздывай помыслы и желания суетныя, чтобы не вознеистовились похоти злыя, и не повергли колесницу души в пропасть беззакония.

Второе. *Потерпи, и не скор буди во время наведения.* Опрометчивость и непостоянство суть равно вредные домашние враги добрых намерений, и переметчики на враждебную сторону искушения. Непостоянство разрушает начатое устроение души; опрометчивость, начиная без основания, также готовит не иное что, как разрушение. Кто *не скор во время наведения*, то есть во время приражения искушения не поступает опрометчиво, тот сберегает себя от шага, который, по всей вероятности, оказался бы не на прямом пути, и выигрывает время собраться с силами, и поучить помощь: *Претерпевый же до конца*, по непреложному обетованию, *той спасен будет* (Матф. X. 22).

Третье. *Прилепись ему, и не отступи, да возрастешь напоследок твой.* Вспомним слышанное от Апостола: *Бог несть искушаем злыми, не искушает же Той никогоже.* Итак чем крепче прилепляешься к Нему, чем постоянное в Нем утверждаешь сердце твое: тем ты безопаснее от искушения, которое не может проникнуть в Бога, следственно и тебя в Нем поколебать не может.

Если искушение, происходящее не от Бога, *искушает* тебя *злыми*, тревожит, поднимает нечистое дрожание со дна чувственности, приводит в брожение злая склонности: прибегай к Богу, и молись молитвою, преданною от Господа: Отче Небесный! *Не введи нас во искушение.*

А если искушение, управляемое Провидением Божиим, дает тебе средства усмотреть в себе недостатки, которых ты до того не примечал, немощи, от которых почитал себя избавленным; увеличивает твою опытность и ревность о своем исправлении; погружает тебя в смирение: прибегай также к Богу, и молись молитвою Псалмопевца: *искуси мя, Боже, и увещай сердце мое; истязи мя, и разумей стези моя; и виждь, аще путь беззакония во мне, и настави мя на путь вечен* (Пс. CXXXVIII. 23. 24).

Заклучим утешительным для искушаемых словом Апостольским: *блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв примет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его* (Иак. I. 12). Аминь.

CLXIV.

109. РЕЧЬ

по рукоположении Преосвященного Агапита Епископа Томского и Енисейского.

(Говорена в Успенском Соборе в 12-й день августа,
напечатана в Христианском Чтении 1834 года и
в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.)¹

<1834 год>

Преосвященный Епископ Агапит!

Бога Отца прозрением и предуставлением, Царственным вкупе и Священноначальственным мановением Господа нашего Иисуса Христа, благодатию и действием Святаго Духа, при молитвенном и рукоположительном служении Соепископов, принял ты ныне часть Епископского дарования, предназначенного, по изъяснению Апостола, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова (Ефес. IV. 12).

Часть Епископского дарования, – сказал я, не уменьшая твое настоящее приобретение, но из указания на целое, к которому принадлежит сия часть, желая извлечь полезные и утешительные для тебя мысли.

Какое ж это целое, котораго часть досталась тебе в нынешнем даровании? Не меньше, как Епископство Христово. Ибо Самого Иисуса Христа Апостол Петр называет, по Славенскому переводу Послания, *посетителем*, по Греческому подлиннику, – *Епископом душ* (1 Петр. II.25). Он, разделяя свое собственное Епископство душ, применительно к потребностям Церкви, коей Он есть *глава* (Кол. I. 18), *дал есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовестники, овы же Пастыри и Учители* (Ефес. IV. 11).

Видишь, какого чудного достояния часть приял ты ныне: – часть того дарования, которым Благовестники предали и неповрежденным сохранили Евангелие Христово, которым Пророки освещали мрак сокровенного и будущего, которым Апостолы преобразили мир языческий в Христианский, которым Иоанн возгремел о Боге Слове, которым Петр поколебал Синагогу, которым Павел *от Иерусалима и окрест даже до Иллирика исполнил благовествование Христово* (Рим. XV. 19), которым Афанасий, Василий, Григорий утвердили Православие и низложили ереси, от котораго Иоанн златыми струями учения усладил и напоил Церковь.

Помышляй о сем, и воскрисяй твой дух, и возбуждай твою ревность, и утверждай твое упование на помощь свыше.

Немощь ли устрашает тебя? – Вспомни, что и Апостолу сказал Господь: *сила Моя в немощи совершается* (2 Кор. XII. 9).

Озабочивает ли тебя то, что не на готовый идешь престол, но должен будешь сам поставить и утвердить твое седалище, и при том на такой земле, где не многонасеянную ниву Христову окружают и плевелы и терние? – Воззри на Павла, который не только не приходил в смущение от подобных затруднений, но еще любил *благовестити не идеже именовася Христос, и не на чужом основании созидать* (Рим. XV. 20).

Затрудняет ли тебя отдаленность паствы, тебе вверяемой? – Опять воззри на Павла, который, не довольствуясь тем, что своим служением наполнил пространство от Иерусалима до Иллирика, еще побуждаем был Апостольскою ревностью распространить свои подвиги до Рима и до Испании; или – если трудно смотреть так далеко – воззри на собственном твоем пути на Святого Стефана Пермского, на Святого Иннокентия Иркутского. Не добрые ли это предшественники? Не благ ли путь, который лежит по следам их?

Приими же благодушно и благонадежно сей, частию, если угодно, и путничный, наипаче же пастырский жезл; и гряди в крепости Господней, и совершай спасение людей Божиих. По образу древняго Патриарха, *с жезлом сим преиди* предел Европы, и да даст Господь, *да будеши более, нежели в два полка* (Быт. XXXII. 10) спасаемых.

CLXV.

110. РЕЧЬ

**Благочестивейшему Государю Императору
Николаю Павловичу пред вступлением Его величества
в Успенский Собор.**

(Говорена сентября 8-го дня, напечатана отдельно
и в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1834 год>

Благочестивейший Государь!

Об одном из Благочестивейших Царей народа Божия написано: *и вселися Иосафат во Иерусалим, и паки изыде к людям от Вирсавии даже до горы Ефремлы, и возврати их ко Господу Богу отец своих* (2 Пар. XIX. 4). Вот древнейший образец повременных путешествий Царя к Царству, для блага народа.

В сумраке древности, Ты мог не приметить сего образца Твоих путей, управляемых собственно Царскою мудростию и отеческим попечением о нашем благе; но тем паче примечательно для нас, что так сходно с древним Священным образцем, *и паки исходиши к людям*, от столицы до столицы, от области до области Твоей великой Державы; и в самую сию минуту, высоким примером Твоего благочестия возвышаешь сердца людей *сих ко Господу Богу отец Своих*.

Так на необъятном разстоянии времен и мест, виден опыт одной и той же истины, что пути Благочестивых Царей имеют сходное между собою направление, потому что их направляет одна невидимая рука; потому что *сердце Царево в руце Божией*.

Посему пред сим Святилищем Божиим, приветствуем Тебя, Благочестивейший Государь, не только по чувству любви радостным, но и по чувству благоговения священным приветствием: *благословен грядый во имя Господне!* Господь Сам да благословляет Царские пути Твои миром и всяким благом для Тебя и верного Богу и Тебе Твоего народа.

CLXVI.

111. РЕЧЬ

**Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу,
по случаю прибытия в Москву Благоверного Государя Наследника
престола, Цесаревича и Великаго Князя
Александра Николаевича, при вступлении Его Величества
и Его Высочества в Успенский Собор.**

(Говорена октября 19 дня; напечатана отдельно
и в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.)

Благочестивейший Государь!

Столица, радующаяся при одной мысли, что ей даровано быть колыбелью Твоего Первенца, — естественно, с живейшею радостью видит в год совершеннолетия Того, Которого приняла она в день рождения от самого недра Благочадных Матери. Радость сия возвышается и еще — восхитительною мыслию, что Твоя любовь дарит нам ныне сию нечаянную радость.

Такая радость не нашла бы для себя довольно слов. Но за нее может говорить простая сердечная молитва: да хранит Господь выну Тебя — наш мир и нашу радость, и Твоего Возлюбленного Наследника — нашу надежду, и да продолжит умножать Твои

семейственные радости, которыми так отечески делишься с Твоим же обширным семейством – Твоих верноподданных.

CLXVII.

112. РЕЧЬ

к Преосвященному Исидору, новорукоположенному Епископу Дмитровскому.

(Говорена ноября 11 дня; напечатана в Христианском Чтении 1835 года
и в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1834 год>

После того, как соединенною молитвою сопастырей призвана тебе Божественная благодать *проручествующая*, то есть, чрез рукоположение нисходящая и возводящая; – после того, как сия благодать, чрез открытый ею самую проток молитвы и рукоположение, без сомнения, действительно излилась на душу твою; – после того, как нашими смиренными руками, она же облекла тебя в полноту священных одежд, – священных, потому, что оне суть не просто украшения, но знамения даров и добродетелей, которыми Пастыреначальник Господь Иисус облачает души Богу посвящаемыя; – наконец после того, как сия же благодать обновила в тебе свой дар тайнодействованием и чрез тебя с нами; – чин святых Церкви повелевает мне, начатое словом молитвы заключить словом напоминания и совета.

Что же скажу? Не хочу сказать тебе моего слова, немощного и безжизненного. Чтобы запечатлеть живое дело Святого Духа, ищу живаго слова, тем же Духом вдохновенного.

Даждь нам нуждающимся в заем, Божественный Павле, твое слово, которое некогда послал ты к святому Тимофею. *Воспоминаю тебе, говорит, возгревати дар Божий, живущий в тебе возложением руку моею* (2 Тим. I. 6).

Тимофей был рукоположитель, как видно из завещания ему от Апостола: *руки скоро не возлагай ни на когото* (1 Тим. V. 22). Тимофей был правитель и судия пресвитеров, как видно из другого ему завещания: *на пресвитера хулы не приемли, разве при двою или трех свидетелех* (ст.19). Следственно Тимофей был Епископ, – был то, чем и тебя ныне та же благодать сотворила.

Для особенного твоего настоящего положения, может быть, не излишне будет заметить и то, что Тимофей является у Апостола не самостоятельным Епископом града Ефеса, но как-бы местоблюстителем, или, по нынешнему иноязычному названию, *Викарием* Святого Павла, как усмотреть можно из следующих слов послания Павла: *сия пишу тебе, уповаю прийти к тебе скоро; аще же замедлю, да увеси, како подобает в дому Божиим жити, яже есть Церковь Бога жива* (1 Тим. III. 14. 15). Слова сии показывают, что святой Павел сам действовал, и намерен был лично действовать в управлении Церковью Ефесскою; а между тем употреблял и руководствовал святого Тимофея, сперва как своего сотрудника и содействателя, а потом, по мере надобности, и как самостоятельного действующего в Церковном управлении.

Думаю, что и слушающие нас не совсем без пользы сие услышат, но найдут в моих замечаниях приятное для их веры свидетельство, что в Церкви Апостольской, даже до ныне, все происходит по образцам Апостольским. Тебе же, Боголюбезный брат, сказанное

мною должно показать, что не по случайному применению, но по истинному праву и приличию, даже по обязанности, могу, и должен я, обратить к тебе слово Святого Павла, посланное к Тимофею: *вспоминаю тебе возгревати дар Божий, живущий в тебе возложением рук наших.*

Видишь ли, что показывает тебе непогрешительное Апостольское слово? – *Дар Божий, живущий в тебе возложением рук.*

Дар Божий! – Не помысли о своем достоинстве; не обопрись на свою силу; не присвой себе того, что есть единственно Божие; не припиши *Христову благоухания* сосуду, в который оно положено.

Дар Божий! – Смирись, но не низлагай себя мыслию о своем недостаточестве или недостойнстве; не изнемогай в своей немощи. Вседержительный Дародатель не требует богатаго приемателя; сила Божия не нуждается в силе человеческой.

Дар Божий возложением рук! – Обними и удержи непоколебимою верою сей дар Святого Духа, как тот самый, который Бог Слово преподал Апостолам словом, но притом и дхновением, ради единосущия со Святым Духом; Который Дух Святой низвел на Апостолов в *дыхании бурном*, но при том и в *огненных языках*, ради единосущия с Богом Словом; и Который наконец в Апостолах, и преемниках их, как орудиях Духа, избрал себе также орудием и знамением руку, как многодеятельнейшее из орудий.

Дар Божий живущий в тебе! – Так! Нет сомнения, что присноживущий Источник жизни Бог живые дает и дары. Но для сей тайны благодати совсем нет у меня слова; а есть только, для тебя и для себя, боязненное и дерзновенное, недоступное и неотступное верование, желание, упование, стремление и повержение всего себя в смертные язвы Жизни за нас умершей, из которых единственно просиявает, дышет и течет истинная жизнь, в нас живущая.

Но, о бедная смертность, или, что почти тоже, греховность наша! И сия, в столь глубоком, в столь неистощимом, в столь чистом и светлом Источнике почерпаемая жизнь может в нас не только возмутиться и потемнеть, но истощиться, изсякнуть, угаснуть от нашего нерадения. И посему-то, как участнику жизни благодатной, наипаче же как орудию для распространения оной, Апостол вспоминает Тимофею, и я вспоминаю тебе, и ты сам себе отныне прилежно вспоминай, *возгревати дар Божий живущий в тебе*, возбуждать, питать, возвращать оной приличными средствами и пособиями, как-то: молитвою, Словом Божиим, ревностью, и верностью в порученном действовании, терпением в трудностях, любовью креста Христова, неуклонным зрением на образ Христов, который должен быть нашим отличием, не столько на персях и на сердце, сколько в персях и в сердце.

Он Сам, – Верховный Пастыреначальник наш, да упасет и управит тебя, и дарованный тебе ныне дар Свой да сохранит в тебе, и возрастит, и многоплодным сотворит, в оправдание благопопечительного избрания Державной и Священной Власти, в благопотребное и полезное служение Церкви, и, – если мне позволено не забыть и сего, – в облегчение бремени, на мою немощь возложенного. Да будет жезл сей твой и моею на время подпорою!

LXVIII.

113. СЛОВО

по освящении храма Святителя Николая, что в Толмачах.

<1834 год>

*Коль добри дома твои, Иакове, и кущы
твоя,
Израилью! яко дубравы осеняющая, и яко
садие
при реках, и яко кущы, яже водрузи Господь,
и яко кедри при водах. Числ. XXIV. 5. 6.*

Слова сии написал в книге Числ Пророк Моисей: а произнес оныя Валаам, человек, которого пророческий характер затмевается тем, что не выдержан до конца его жизни. Не скрывая сего обстоятельства, я не усумнился впрочем, в книге истиннаго Пророка, взять верно пересказанныя слова, произнесенныя Валаамом, как достойныя внимания: потому что произнесены оныя еще тогда, когда он, не прельщаясь корыстию и честию от языческаго царя, сохранял себя верным духу видения и Слову Божию; а потому мог даже пророчествовать о Христе и о спасительной Его смерти и воскресении, как то можно видеть в следующих его же словах: *возлег почи, яко лев, и яко скимен, кто возбудит его? благословящии тя благословени, и проклинающии тя прокляти* (Числ. XXIV. 9). Итак, стоит труда всмотреться в то, что видит сей провидец, и вслушаться в то, что он говорит.

Валаам стоял на высоте Фогора, имел пред глазами стан Израильтян, в конце сороколетнего странствования их по пустыне, и говорил: *коль добри дома твои, Иакове, и кущы твоя, Израилью! яко дубравы осеняющая, и яко садие при реках, и яко кущы, яже водрузи Господь, и яко кедри при водах.*

Невероятно, чтобы после столь продолжительнаго, столь труднаго путешествия, шатры и дорожныя повозки Израильтян, простому, телесному взору представлялись в такой восхитительной красоте, какою блещут оныя в словах прозорливца. Что же он видел? О чем он говорит? – Я уже заметил выше, что под образом спящаго льва, царя животных, или сына львова, котораго никто не смеет разбудить, Валаам видел Христа, Царя неба и земли, Сына Божия, Который почил сном смерти, и Котораго никто невластен был воскресить, как только Он Сам, Своею Божественною силою. Посему-то видение и заставило видящаго тотчас воскликнуть: *благословящии тя благословени*, что также собственно Христу приличествует, как Единому благословляющему благодатию всех, благословляющих Его верою. Согласно с сим разумением видения, можно думать, что и под образом стана Израильтян, видимаго телесными очами, провидцу дано было созерцать духом Церковь Божию и Христову: и в сем случае не удивительно, что он описывает красоту ея с восхищением. Какой это прекрасный дом! И не удивительно, ибо в нем живет Бог. Но Церковь подобна и *кущам*, потому что находится в состоянии странствования: *не имамы бо zde на земли пребывающаго града, но грядущаго взыскуем, небснаго* (Евр. XIII. 14). Она подобна *дубраве осеняющей*: потому что в ней и над нею всегда почивает осенение благодати Божией. Она подобна *саду* при реке: потому что всегда напаяется живою водою Духа Божия и учения Христова, всегда растет духовно, и приносит плод правды. Она – *яко кущы, яже водрузи Господь*, непоколебима, неразрушима, как дело Божие: так как и действительно Сам Господь сказал о ней: *созижду Церковь Мою, и врата адава не одолеют ей* (Матф. XVI. 18). *Яко кедри при водах*, всегда зеленеют, всегда возвышаются: так и она никогда не теряет жизни, которая возникла в ней от неистленного семени слова Божия, и непрерывно поддерживается

Духом Святым; наконец она непрестанно возвышается к небесам, дабы совершенно соединиться с Главою Своею, Христом, и сделаться совершенно небесною.

Еслибы кто сказал, что восторженные слова прозорливца могли относиться к Скинии свидения, находившейся в стане Израильян, иначе сказать, к их походному храму: сие не противоречило бы нашему изъяснению; потому что Скиния свидения также была образ, в котором можно и должно было созерцать Церковь.

Сие видение духовнаго благолепия Церкви приведено мне, братия, на мысль видением чувственнаго благолепия сего, ныне обновленнаго, храма, тщанием возлюбивших сие благолепие чад новаго Израиля, и благопоспешным подвигом воздвигнутаго и украшеннаго видимо, действием же благодати облеченнаго невидимо в высшую, духовную, таинственную красоту, и устроеннаго в таинственное жилище Божие. Пусть бы пришел и сюда древний прозорливец; или, если ему надобно зрелище, более обширное, пусть бы он, вместо нечистой высоты Фогора, стал у нас на благословенной высоте Кремля, посмотрел бы на многочисленные храмы, древние, новые, тщательно сохраненные в благолепии, или возобновляемые, или вновь и ныне с древним же усердием созидаемые: истинно, думаю я, он возобновил бы свой древний восторг, и еще раз возгласил бы свою древнюю песнь: *коль добри доми твои, Иакове, и куцы твои, Израилю!*

Благословен Бог, не оставляющий людей Своих присутствием благодати Своея! Благословенны людие Божии, не оставляющие Бога своего своею верою и желанием благодати Его! Пробави милость Твою ведущим Тя, Господи; и да не удалят Тебя от нас наши грехи и неверности, но паче благодать Твоя, нами во святилищах Твоих искомая, да отверзает сердца наши, да посещает их, да исполняет своею силою и своим утешением, и таким образом, изгоняя из них, и отражая от них все, Тебе противное, и их да *созидает в жилище Божие духом* (Ефес. II. 22).

К утешению веры, не неблагоприятно теперь будет, представить вам, братия, из слова Божия несколько удостоверительных свидетельств о пребывании благодати Божией в Церкви Христовой неотступно до скончания века.

Первое из таковых свидетельств дает Сам Иисус Христос, *свидетель верный и истинный* (Апок. III, 14), когда говорит: *созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей* (Матф. XVI. 18). – *Созижду*: слово сие показывает созидание Церкви еще в намерении, прежде самаго исполнения. Господь, как во многих случаях, для удобнейшаго вразумления нас о Божественных, непостижимых делах своих, уподоблял оныя обыкновенным делам человеческим, так и здесь уподобляет Себя хозяину, вознамерившемуся построить дом, или архитектору, обдумывающему построение здания. Надлежало между прочим подумать о прочности здания, и предусмотреть и предотвратить то, что могло бы вредить оному. И так Основатель Церкви смотрит в будущее. Видит, что врата адовы, отверстия к земле грехом Адамовым, при создании и по создании новой Церкви Христианской испустят против нея новыя силы зла: полчища гонителей, сонмища еретиков, скопища разных соблазнов. Что-жь? Если здание будет повреждено до разрушения: то цель онаго не будет достигнута; и не будет охранена слава Божественнаго Создателя. Но слава Ему во веки! Он провидит и предустраивает лучшее: *созижду*, говорит, *Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей*. Враги ея будут возставать на нее; будут иногда сильны; будут в некоторыя времена, в некоторых местах, торжествовать, отторгая у нея члены; а она будет страдать и болеть, но решительно *не одолеют ей*. Долго ли? – Без сомнения, до скончания века. Ибо если бы могли одолеть когданибудь, то Провидящий времена до вечности, не мог бы сказать решительно, что *не*

одолеют. Но чем Церковь побеждает и сохраняет себя непобедимую? – Без сомнения, силою Божиею, благодатию Божиею. Следственно, если силы адския никогда не одолеют ея: то сие значит, что всегда в ней сохранится, и всегда спасительно действовать будет сила Божия, благодать Божия.

Второе свидетельство сей истины можно заимствовать из Апокалипсиса, или Откровения Святаго Иоанна Богослова, которое пророчесвенно изображает судьбу Церкви Христовой до скончания века. В сем Откровении непрерывно видим истинную Церковь, сперва в образе двадцати четырех старцев окрест Божественнаго престола (Апок. гл. IV), *поклоняющихся живущему во веки веков*; потом, по мере, может быть, распространения Христианства, в числе ста сорока четырех тысяч, запечатленных печатью Бога живаго; далее, *в народе многом, егоже исцести никтоже может, от всякаго языка, и колена, и людей, и племен, стоящем пред престолом и пред Агнцем* (гл. VII.); далее, в виде храма с Олтарем и поклонниками, который Иоанну повелено измерить (гл. XI); еще далее, в лице жены, *облеченной в солнце*, то есть в истину и добродетель Иисуса Христа, Который есть *свет миру* (Иоан. VIII. 12), украшенной *венцем от звезд двенадцать*, то есть Боговедением Апостольским, имеющей под ногами *луну*, то есть мудрость человеческую, естественную (Апок. гл. XII); еще далее, пред браком Агнца, она представляется *женою Его*, уготовавшею себя, и облеченною в виссон оправдания Святых (гл. XIX); и еще, после изображения тайновидцем первого воскресения, она именуется у него *святых станом и градом возлюбленным* (гл. XX. 8), доколе наконец, с новым небом и новою землею, обновляется и она *в Иерусалим нов, сходящъ от Бога с небесе* (гл. XXI. 2). Достойно примечания, что тайновидец, изображая самыя опасныя времена для Церкви, представляет ее невредимою от опасностей, но чудесно сохраняемою. Например: *змий гоняше жену*: но он ее не догоняет и не низлагает; потому что *даны быша жене два крила орла великаго*; – *и поможет земля жене* (гл. XII. 13. 14–16). Провидение так управляет ходом происшествий, что и земныя учреждения споспешествуют миру или безопасности Церкви; и *криле орла великаго*, может быть, царственного, благоговейно несут ее, выше злобы и лукавства врагов ея, *в пустыню в место свое*, – конечно не просто в безлюдие внешнее, ибо Церковь сама есть многочисленность верующих, но в *пустыню* наипаче внутреннюю, – все далее от мира, все ближе к Богу; ибо *свое место* для Церкви есть близость к Богу и соединение с Ним. А сие и значит то, что благодать Божия, не отъемлется от Церкви, и в самыя опасныя времена, должна пребыть с нею неразлучно даже до скончания века.

Третье свидетельство той же истины находим в следующих словах Святаго Апостола Павла: *и Той, то есть Христос, дал есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовестники, овы же Пастыри и Учители, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова, дондеже достигнем вси в соединение веры, и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Ефес. IV. 11–13). Чтобы лучше уразуметь силу сего изречения, представим себе, что мы вопрошаем у Апостола: долго ли будут в Церкви *Пастыри и Учители, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова*? – Он отвечает: *дондеже достигнем вси в соединение веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова*. Следственно, доколе есть на земли не достигшие в соединение веры, не пришедшие в совершенство духовнаго возраста, еще нуждающиеся в познании Сына Божия: дотоле будут в Церкви *Пастыри и Учители, к совершению Святых*; и как совершение Святых чрез Пастырей и Учителей не может быть без всесвятыя благодати Божией, то и она должна, по удостоверению Апостола, пребывать с Пастырями и Учителями в Церкви действующею дотоле, как, препобеда все препятствия, приведет всех, предуставленных ко спасению, в соединение веры.

Приведем еще одно свидетельство о всегдашнем присутствии в Церкви благодати, особенно тайнодейственной. Тот же Апостол, увещевая Коринфских Христиан с особнным благоговением приступать к таинству Тела и Крови Христовы, говорит: *елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет* (1 Кор. XI. 26). И здесь важная истина скрывается в малом слове: *дондеже*. Чтобы лучше открыть оную, опять обращаю речь Апостола в вопрос: долго ли Христиане будут ясти хлеб таинственный, и пити чашу Господню, и приобщением Тела и Крови Христовой возвещать смерть Господню? – В словах Апостола нахожу ответ: *дондеже приидет*. То есть: таинство Тела и Крови Христовы ненарушимо будет совершаться в истинной Церкви Христовой до самага втораго пришествия Христова, или, что то же, до скончания века. Поелику же сие не может быть без благодати тайнодейственной, без благодати священства, а заимственная благодать священства не может быть без преподавательной благодати Архиерейства: то очевидно, что благодать тайнодейственная и чин священноначалия, по предречению Апостола, пребудут в Церкви во все времена, и хотя не всегда равно обильным потоком, но никогда непресекаемую струею, потекут даже до пределов Царства славы.

По сим, и подобным неложным свидетельствам, – какое утешение, братия, что и в сии поздняя времена Церкви, также как в самыя первыя, с уверенностию могу я говорить вам словами Святаго Апостола Петра: *возлюбленнии, препоясавше чресла помышления вашего, трезвящися, совершенно уповайте на приносимую вам благодать откровением Иисус Христовым* (1 Петр. I. 13).

Не внимайте же клеветущим на Церковь, будто благодать в ней истощилась; будто священноначалие в ней или совсем, или в половину рушилось.

Скажите чуждающимся Архиереев: если корень изсох, то как могут быть свежие ветви? Если, – как они думают, или, точнее сказать, не размыслив, укоряют, – благодать Архиерейства истощилась: то как может продолжаться благодать священства, которое без Архиерейства есть то же, что ветвь без корня? Но поелику они признают благодать священства: то как могут отвергать благодать Архиерейства, которое есть корень священства? А если не отвергают благодати Архиерейства: то почему чуждаются онаго?

Скажите отвергающим всякое священство: если, по их зломудрию, совсем рушилось священство, то должно сказать, что рушилась и Церковь, что *врата адова одолели ей*. Но если они скажут и сие, то явно возстанут не против нас, смиренных служителей Церкви, но против Самого ея Основателя, Который сказал, что *врата адова не одолеют ей*. Если нет таинства Тела и Крови Христовы: то Апостол сказал неправду, что оно будет совершаться, *дондеже приидет* Господь на суд. Но если слово Апостольское ложным быть не может; если словеса Христовы не мимоидут, хотя бы прешли небо и земля: то есть и ныне, и до скончания века будет, святое таинство Тела и Крови Христовы; есть и будет благодатное священство и священноначалие; и противники сего учения суть противники слова Апостольскаго и Христова.

Одно еще нужно к сему присовокупить: *совершенно уповая на благодать Божию* в Церкви, к вашему охранению от лжеучения, к вашему утешению в скорби о грехах и в страхе суда Божия, к вашему подкреплению в немощах, не обратите надежды на благодать в повод к небрежной жизни, недостойной святых благодати. *Но по звавшему вы Святому и сами святы во всем житии будите* (1 Петр. I. 15). Аминь.

114. СЛОВО
в день тезоименитства Его Императорского Величества
Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича
и пред торжественным обетом сердобольных вдов.

(Говорено в церкви Святыя Марии Магдалины,
что во Вдовьем доме,
декабря 6 дня; напечатано в Христианском Чтении 1834 года
и в собраниях 1835, 1844 и 1848 гг.)

<1834 год>

*Помаза Его Бог Духом Святым и силою,
иже
пройде благодетельствуя и исцеляя.*
Деян. X. 38.

Ко дню, именем Благочестивейшаго Императора украшенному, самое близкое слово было бы о нашем благополучии под охранительною сению могущественного имени *Народопобедителя*, которое так счастливо всею полнотою своего знаменования встретилось с духом именуемого, покаряющим себе народы троякою силою: мудрости, могущества и любви.

Но мановение самого Самодержца указывает иное направление моим мыслям, назначает моему слову иной предмет – бедствие и сострадание. Ибо тогда, как мы совершаем праздник верноподданнической любви, Благочестивейший Государь хочет, чтобы ныне же, именно здесь, был праздник Царскаго человеколюбия. Тогда, как мы приносим к сему Олтарю молитвы о Его безценном для нас здравии, Он вносит сюда Свою сострадательную заботу о болящих, и поручает нам освятить живыя орудия Его собственнаго сердоболия.

Последуем, братия, Христианскому движению сердца Царева, и помыслим о том особенном роде человеколюбия, который имеет предметом болящих.

И во-первых, потребуем сему роду человеколюбия столько внимания, сколько он заслуживает в разных отношениях.

Некоторые из дел человеколюбия, которыя, по Евангелию, дадут право на благословение на суде Христовом, и на призыв к блаженству, представляются вниманию, не быв искомы, и предлагают нам сами себя. Алчущий, жаждущий, странник, нуждающийся в одежде, являются, приходят, сказывают о своей нужде, показывают ее; в них добродетель человеколюбия ходит за нами, преследует нас, хочет втесниться в наши дома: только не убегай; только не запирай дверей. Но бедствующий болезнию лежит: кто его увидит? Если он просит помощи: кто его услышит? А не редко, чем более нужна ему помощь, тем менее он может изъяснить свою нужду, и даже понимать и чувствовать оную. Позаботьтесь же о сердоболии к болящим, которое менее других родов человеколюбия вам докучает; подите, поищите сей добродетели, потому что она за вами ходить не может.

Иногда причиною невнимательности благоденствующих к некоторым бедствиям полагать можно то, что их не испытывали; – что не всегда верят виду бедствия; – что почитают бедствующаго виновным в его бедствии. Например, что значит быть алчущим, по недостатку хлеба, сего по опыту не знает большая часть из нас даже в то время, которое у

других называется голодом. Сострадание к заключенным в темницу может охлаждаться мыслью, что они заключили туда сами себя, собственными делами. Не таково бедствие болезни. Если ты и довольно долго, безпорочно, безопасно шел путем жизни, не встречаясь с оным: впрочем больше, нежели вероятно, что оно встретит тебя далее, в старости, пред смертью. Итак, при одре болящего состражди ему, – и себе; и, вспомнив закон Провидения, который так часто можно читать в происшествиях, еслибы он и не был написан в Евангелии: *в нюже меру мерите, возмерится вам* (Матф. VII. 2), – попекись утешить и облегчить болящего, чтобы некогда и тебе послано было Провидением потребное утешение и облегчение.

По великости бедствия велико должно быть сострадательное внимание к бедствующему. Хотя же трудно определять великость бедствия, потому что бедствие наше обыкновенно кажется нам больше чужаго, и действительно испытываемое больше слышимаго, или представляемаго в мыслях: но пример многострадальнаго Иова дает нам разуместь, как велико может быть бедствие болезни в сравнении с другими несчастьями. Постигнутый нищетою и безчадием, он еще рассуждал великодушно и благословлял Бога: но пораженный болезнию, *отверзе Иов уста своя, и прокля день свой* (Иов. III. 1).

По сей-то великости бедствия некоторых болящих, благотворение болящим представляется в Евангелии не только похвальным делом добродетели человеческой, но и высоким делом человеколюбия Божественнаго, и между человеколюбивыми деяниями самого Иисуса Христа блистает особенною славою. И алчущих питал Он, как-то напичал в пустыне, однажды пять тысяч народа пятью хлебами, а в другом случае четыре тысячи семью хлебами; и болящих посещая или приемля приходящих, исцелял всяк недуг и всяку язю в людех. Чудесен был и тот и другой род благотворения: но когда надлежало Апостолу Петру, приготовляющему Корнилия и некоторых других язычников ко вступлению в Христианство, изобразить для них Божественность лица Иисус Христов, и высокую благотворность Его деяний, внимание проповедника особенно остановилось на втором роде благотворения. *Помаза*, говорит, *Его Бог Духом Святым и силою, Иже пройде благодетельствуя и исцеляя*. Итак, исцелять есть дело Божественное: но посему и посещать болящих, утешать, облегчать, подкреплять в духе, есть такое благотворение человеческое, которое идет следом за Божественным.

Нельзя наконец не упомянуть об особенной важности посещения болящих в том отношении, что состояние болезни не редко превращается в преддверие смерти. Важное поприще земной жизни – последнее, где успешным окончательным подвигом довершаются предъидущие, и даже иногда, больше или меньше, восполняется недостаток оных, или напротив, не увенчанный конец больше или меньше затмевает все дело; – где присутствие духа в решительном сражении выигрывает вечную победу, или напротив, малодушному и бесполезному усилию спастись бегством от смерти угрожает невозвратный плен; – где немногими остальными шагами человек переступает в небо, или оступается в бездну! Неудобопонятная, и потому неудобоуправляемая и небезопасная последняя брань тления с нетлением, ветшающего человека с обновляемым, связующаго тела с освобождаемою душою, привычек и привязанностей земных с желаниями небесными, воспоминаний прошедшаго с надеждами и страхами будущаго! Иногда упдающие силы телесныя, не отрешившуюся от тела душу, так сказать, засыпают своими развалинами, и болящий не видит приближающейся смерти, не вспоминает своих, заранее на сие время восприятых, намерений, не примечает важности наступающего подвига, не ищет пособий. Приблизься к сему колеблющемуся подвижнику, свежий, запасный воин; напхни ему о приготовлениях к решительной брани, поддержи его в подвиге, подай ему духовныя орудия: щит веры, и шлем упования спасения; подкрепи его силою из сокровищ благодати; помоги духу его, сквозь развалины плоти, возвышаться к Отцу Духов;

утешительным и животворным Божественным словом, и тихим дхновением молитвы, расправь и возвысь крила отлетающей душе. Кто знает? Может быть, непогрешительно совершив свой горний полет, она, по взаимности любви невременной, возвратится некогда к тебе, как голубица к Ною, с неувядающею ветвию мира, когда настанет и твоей душе время выйти из ковчега смертного тела на землю живых, бессмертных.

Если сии размышления дают вам, братия, некоторое понятие о том, сколь достойное внимания и упражнения дело есть человеколюбивое и Христианское посещение болящих: то мне остается, во-вторых, указать кратко на расположения, в каких должно быть при таком посещении, дабы оно было истинно полезно.

Посещение болящих должно быть предприемлемо по чувству долга и вместе по свободному расположению. Один произвол не обеспечил бы постоянства в сем деле, не редко утомительном. При одном невольническом чувстве долга, дело сие было бы холодным и мертвым, безвкусным для посетителя, непитательным для посещаемого. Посему-то в особенности вам, призванные сестры сердоболия, для испытания свободного расположения дается время приготовления; а потом чувство долга подкрепляется обетом.

При посещении больных неразлучною спутницею должна быть любовь Христианская. С любовью, как всякое, так и сие дело, легко делающему, и приятно тому, для кого делается. Наипаче же Христианская любовь, как во всех отношениях есть, по изречению Апостола, *исполнение закона* (Рим. XIII. 10), так и в отношении к болящим, одна может заменить все правила, или, если нужно, и дать оныя, и принять, и исполнить. Она постарается доставить больному всякое возможное утешение, кроме вредного; и позлатить ему горькое, но спасительное врачевство.

Сия же любовь призовет к одру болящего кротость и терпение, на которыя впрочем особенное обращать должно внимание, чтобы оне отсюда не отлучались. Как о действиях ветхаго человека сказал Апостол: *не аз сие творю, но живой во мне грех* (Рим. VII. 20): так о расположениях больного можно иногда сказать: это не он, а болезнь. Она бывает в нем необыкновенно раздражительна, нетерпелива, упорна: если в обращении с ним не сохраните с своей стороны кротости и терпения, то можете пролить масло на огонь, и притом на огонь истребительный.

Наконец приносите к одру болящего, – непременно приносите, веру и молитву. Если уже находите его в чувствованиях веры и молитвы: прилагайте ваш фимиам к его фимиаму, и поддерживайте огонь кадила его дыханием вашей молитвы. Если же, к сожалению, не возжено его кадило, не приметно в нем ни теплоты веры, ни благоухания молитвы: тем не менее употребите и здесь вашу веру и молитву. Если мертвым горящим углем, чрез приближение, зажигается другой мертвый же холодный уголь: не паче ли сердце, одушевленное и воспламененное живою верою и молитвою, может возжечь тот же огонь в другом, даже и совсем хладном, даже в полумертвом сердце? Не усумнитесь приблизить и к сему невозженному углю вашу горящую кадельницу; и тихим, но постоянным направлением воли, действующей с Богом, навевайте на него животворящий духовный огонь. Может быть, еще не поздно воздуть хотя малую искру жизни духовной, в угасающей жизни плотской: и тогда вы совершили не только величайшее благотворение человеку, но и Апостольское служение Богу.

Для употребления сих мыслей и советов случаи могут встречаться каждому; а для призываемых ныне в сердобольное служение болящим да будут оныя напутствием к сему Богоугодному служению. Аминь.

115. СЛОВО в неделю двадцать шестую по Пятидесятнице.

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1834 год>

Тако собирай себе, а не в Бога богатея.
Лук. XII. 21.

Евангелие в притче представляет нам человека богатого и корыстолюбиваго, который, получив обильный урожай хлеба, не подумал ни о благодарении к Богу, ни о человеколюбии к ближним, нуждающимся в пропитании, но составлял себе план, куда положить множество хлеба и как сберечь его на многие годы, предполагая далее из корыстолюбиваго сделаться роскошным и ленивым. Провидение не имело причины беречь того, кто решился жить без пользы для других и во вред собственной душе: и потому на лета многа составленный план в самый день его составления рушился определением судьбы Божией: *в сию ночь душу твою истяжут от тебе*. Господь заключил сию притчу следующим возгласением: *тако собирай себе, а не в Бога богатея*. Так обманывается в своих предположениях, так не успевает в своих намерениях, так сверх опасения теряет и свои сокровища, и себя, человек, который собирает богатство себе только, по своей жадности, чтобы сделать оное пищею своего корыстолюбия, роскоши, лености; который не в Бога богатеет.

Учение притчи о нелепости жаднаго, своекорыстнаго и самонадеяннаго богатолюбия, надеюсь, каждому из вас, братия, и вразумительно, и убедительно, без дальнейших объяснений и доказательств. Кто захочет богатеть так безумно, и так несчастно, как изображенный в притче? Надеюсь посему, что мысль ваша ищет более правильного и более благонадежнаго отношения, какое было бы возможно между человеком и богатством. Приметьте же сие отношение в заключительных словах притчи: оно состоит в том, чтобы *богатеть в Бога*.

Но что значит: *богатеть в Бога*? Правило сие, по первому виду, не так ясно, как противоположная ему неправильность – *собирать себе*. Собирают себе, в житницу, в кладовую, в пазуху: но как богатеть в Бога, Который не берет земнаго, вещественнаго богатства к Себе на небо, и не имеет в оном нужды?

Для кратчайшаго изъяснения правила: *богатеть в Бога*, скорее всего можно указать на близкий здесь пример. Богу во храм, на его созидание или на обновление, или на содержание его в потребном благоустройстве и в приличном благолепии, иной приносит часть богатства своего, а иной посвящает безкорыстный труд, который есть также собственность, не редко высоко ценимая между людьми, и первоначальное богатство, посредством котораго делаются богатыми небогатые. Что-жь, отдающие таким образом свое богатство и свой труд Богу, беднеют ли, или богатеют? Словом Господним говорю: *богатеют*, как потому, что сим образом благословляется прочее их богатство, честно приобретенное, и благонамеренный труд, так и потому, что принесенное ими не перестает быть их достоянием, поелику Богу присвоить оное не нужно, не теряется, поелику похитить у Бога не можно, а сохраняется в невредимой пред очами Божиими целости, для их будущаго воздаяния. Вот один из способов *богатеть в Бога*.

Другой способ *богатеть в Бога*, Сам Иисус Христос излагает в следующих словах: *продадите имена ваша, и дадите милостыню, сотворите себе влагалища неветшающая, сокровище не оскудеет на небесах* (Лук. XII. 33). Если мысль твоя не успокаивается на одном простом доверии к верному и непогрешительному слову Христову, и желает еще объяснения, как может поданное тобою нищему очутиться в сокровищнице небесной; и сие изъясняет тебе Господь другим Своим изречением: *понеже сотвористе единому сих братьев Моих меньших, Мне сотвористе* (Матф. XXV. 40). На сии слова, написанные в Евангелии, ты можешь смотреть, как на заемное письмо, которым Господь признал Себя должным тебе во всем, что ты подал, или что благотворительно сделал нуждающемуся ближнему. Обладатель мира, без сомнения, не имел нужды в сем ничтожном займе, не только для Себя, но и для тех, для которых делает оный: но такова дивная благодать Его, что Он уничижает Себя до образа должника твоего, чтобы привлечь тебя к благотворению и чрез благотворение к блаженству; Он занимает у тебя безделицы, прах, тлен, которые ты называешь земными благами, чтоб иметь случай, без оскорбления Своего правосудия, платить тебе истинным благом, нетлением, блаженством, с такою лихвою, которой ты никогда исчислить не можешь.

Против сего способа: *богатеть в Бога*, некоторые могут возразить, что им нельзя продать имя и обратить оное в милостыню: поелику оно нужно им для пропитания себя и семейства. Уважим сию отговорку столько, сколько она заслуживает быть уважена. Признаем, что о совершенной, произвольной нищете можно сказать тоже, что сказал Господь о совершенном девстве: *не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть* (Матф. XIX. 11). Осудим нерадение о домашних, и безчувственную холодность к родным, которая конечно уже не обещает человеколюбия и к чужим; – осудим строгостию Апостольского слова: *аще кто о своих, паче же о присных не промышляет, веры отвергся есть, и неверного горший есть* (1 Тим. V. 8). Если тебе не дано свыше стремления к совершенной, добровольной нищете: оставайся, доколе будет угодно Богу, богатым, смиряя между тем себя мыслю о своем несовершенстве по духу, а не возносясь по мудрствованию плотскому. Пекись о родных, о семействе, по обязанности, по любви естественной; но не забывай, что сия степень любви положена, дабы восходить на высшую степень духовной любви к человечеству, и на высочайшую степень любви к Богу. *Богатей в Бога*, хотя частию твоего богатства, посвящаемого на дела Богоугодныя и человеколюбивыя; остальное же, – берегись, по крайней мере, чтобы не *собирать себе* только, из любостяжания, чтобы не умножать неправдою, чтобы не иждивать на роскошь и тщеславие. Освящай твое стяжание, не присвояя онаго себе, но признавая оное даром Провидения Божия, благодаря за оное Всещедрому Дателю Богу, не прилепляя своего сердца к даянию, но непрестанно вознося оное к Дателю, с готовностью возратить Ему оное, когда премудрая судьба Его потребует.

После сего можно еще ожидать по настоящему предмету вопроса от тех, которые не пожертвовали богатством Богу, потому что не имели онаго. А нам, скажут, необидливый Бог неужели не дал способа богатеть Ему, хотя бы в некоторый замен бедности, претерпеваемой нами для себя? – Не сетуйте. Покажу и вам ваше богатство, которым если уметь будете владеть, не позавидуете никому из тех, которые почитаются богатыми. Посмотрите: вот открывает вашу неокрадомую сокровищницу Святый Апостол Иаков: *слышите, говорит, братия моя возлюбленная, не Бог ли избра нищия мира сего богаты в вере, и наследники царствия, еже обеща любящим Его* (Иак. II. 5)? Видите ли? – Богатство веры, наследие царствия Божия, – чего вам больше? Без сего богатства никакое другое не принесет пользы: при сем богатстве никакой урон, никакое лишение, не важны, потому что и кратковременны, и безмерно малы в сравнении с сокровищами веры, с наследием царствия небеснаго.

О богатстве веры всего паче попечемся, братие, и богатые, и бедные, чтобы и приобрести, и умножить оное, и не утраченным сохранить в непорочном житии: тогда без скудости, без зависти друг к другу, без изнурительных забот, в мирном уповании, ожидать будем наследия царствия, еже уготова Бог любящим Его. Аминь.

CLXXI.

116. СЛОВО
по освящении придельного храма Святителя Николая,
более известного по другому олтарю
во имя Преподобного Сергия, в Рогожской слободе.

(Говорено 16-го декабря; напечатано отдельно и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1834 год>

*Послещи Духа твоего, и созиждутся, и
обновиши лице
земли. Буди слава Господня во веки.*
Пс. СIII. 30. 31.

Пророк Псалмопевец удивительно как любит славить Бога. Что, помыслив о Духе Божиим, посылаемом на твари, созидающем или возсозидающем их, и обновляющем лице земли, он возрадовался и воскликнул: *буди слава Господня во веки!* сему я не удивился бы. Но пред сим самым он говорил о Боге, отвращающем лице от тварей, о тварях от того мятущихся, лишаемых духа, исчезающих, в персть свою возвращающихся: удивительно, что и сие не смутило его, и не воспрепятствовало его славословию. И далее, в том же псалме, он изображает грозное величие Вседержителя: *призираяй на землю, и творяй ю трястися; прикасайся горам, и дымятся.* Но что же потом? Говорит ли он о своем ужасе? или безмолвствует в трепете? – Ни то, ни другое. Он радуется, поет и славит Бога. *Воспою Господеву в животе моем; пою Богу моему, дондеже есмь.*

В сем священном образце заключается для нас, братия, учение: должно славить Бога, не только тогда, когда Он является в дарах, в благодеяниях, в милостях, но и тогда, когда, по видимому, отвращается и удаляется, в самом же деле, сокровенно приходит и приближается, в посещениях грозных или скорбных, в лишениях, в бедствиях. Учение истинное, полезное всегда, а здесь, и ныне, еще и благовременное.

Памятен и для меня третий надесять день Августа, когда внезапно для нас, но не внезапно для Бога, не без ведома, не без попущения Его, сия часть града посещена была огнем истребляющим; когда дымная дорога от места истребления пролежала по небу почти над моею головою, и как будто предназначала дальнейший путь истреблению на земле; когда носимые ветром пожарные угли, пролетев не одно поприще, упали на моем дворе, и как будто говорили мне: далеко ли, думаешь, пойдет сие посещение? Лето и бездождие, сила и направление ветра, – все благоприятствовало умножению бед, и распространению оных с неизбежною быстротою, почти подобною той, какую видим в сказании вестника Иовлева: *огнь спаде с небесе, и пожже овцы, и пастыри пояде подобне; спасохся же аз един* (Иов. I. 16). Тот, который утром имел жилище и прочее потребное для жизни, или даже избыток и богатство, к вечеру оставался безпокровным и беспомощным, и если не был одинок, то сие не служило к облегчению, потому что нищета семейная тягостнее нищеты одинокой. Бедствие, взявшее многочисленную дань от домов сего града, и от

имуществ обитателей, потребовало себе некоторой дани и от храмов; и невидимый, непонятный для нас жребий пал на сей храм.

Чтожь? – скажут, вероятно, некоторые при сих горестных воспоминаниях, неужели должно, – неужели можно славить Бога и в сем случае? – Признаем, если угодно, что сие не так легко для человеческой немощи, для человеческой недалёковидности, в то время, когда бедствие устремляет на человека свою силу и действие. Между тем можно спросить обратно: может ли быть время, когда бы не должно было славить вечного Бога? Может ли Он когда быть недостоин славы? А если всегда славить его должно: то не трудно заключить, что и можно Его славить всегда: ибо Он довольно праведен и всемогущь, чтобы должного не оставить невозможным.

Что под самыми, так сказать, ударами бед есть возможность не только стенать, или жаловаться, или роптать, но и славить Бога, – сие ясно, как день, видно в Иове. Вести о бедствиях, для него разорительных, одна за другою, как стрела за стрелою, поражали его, и без сомнения, до глубины сердца пронзила последняя весть о потере вдруг всех детей. Что же? Он принес обычную жертву скорби: растерзал ризы; остриг власы; посыпал перстию главу. Но что далее? – В то же время он молится: *пад на землю, поклонися Господеву*. Он размышляет, как-бы человек любомудрствующий на свободе: *сам наг изыдох от чрева матере моея, наг и отъиду тамо; Господь даде, Господь отъял; яко Господеву изволися, тако бысть*. Наконец он славословит: *буди имя Господне благословенно во веки*.

Скажут: нельзя всем быть так крепкими духом, как был Иов. Не спорю: хотя впрочем сия отговорка от великодушия очень слаба для христианина. От младенчества времен патриархальных, в каких является жизнь Иова, долго расло человечество, и высокого возраста достигло в Христианстве: а потому паче прежнего может и должно иметь дух возвышенный и непоколебимый в бедствиях. В пособие для сего имеет оно теперь учение Христово, пример Христов, Божественную силу Христову: ибо, по изречению Святаго Апостола Петра, *вся нам Божественныя силы Его подана познанием призвавшего нас славою и добродетелию* (2 Пет. I. 3). И посему-то святые мученики, в своих страданиях, торжественнее и постояннее самого Иова славили Бога, как например, Иаков Персянин, когда у него все персты рук и ног, а потом самая руки и ноги отсекаемы были мучителями по одному члену, чтоб увеличить мучение, ни которым ударом меча или секиры не был доведен до вопля нетерпеливости, но при каждом отсечении произносил молитву или славословие Христу Богу, и большею частию с такою радостью, как-бы не страждущий. Но я уже сказал, что не препятствую вам быть немощнее Иова, если вы то себе позволяете, и если то не стыдно вам, как Христианам. Ты не имеешь довольно присутствия духа, чтобы славить Господа среди самага бедствия: жаль; однако пусть так. По крайней мере, удержишь от бессмысленных воплей нетерпеливости, от бесполезных жалоб, от дерзновенных слов ропота; обрати твои скорбныя чувствования в смиренную молитву: таким образом Бог не будет прогневан, а ты будешь менее беспокоен. Ты не позаботился благовременно так расположить дух твой, чтобы облако временнаго бедствия не могло закрыть от очей его вечной славы Божией, в минуты силы бедствия; ты пропустил прекрасный случай испытать непобедимую силу Христианской добродетели: жаль; много пропущено; только еще не все. По крайней мере, по уменьшении силы бедствия, утиши твои скорбныя чувствования; собери силы твоего ума; помысли, что Бог твое бедствие предусмотрел, – мог отвратить, – не благоизволил отвратить; – что Он, всеблагий, не желал тебе, так как и не может желать зла; – что следственно попустил бедствие для какого нибудь твоего блага, или для отвращения от тебя какого нибудь большего зла; – помысли, что и после бедствия у тебя что нибудь еще осталось, если не жилище, то какая нибудь собственность, или хотя одежда, и, что всего важнее, жизнь и

душа: что Бог, Который попекся сохранить твою жизнь, сим самым изъясляет другое благотворнейшее попечение о спасении твоей души, для чего и сберегает тебе время жизни; – если даже ты недоволен обеспечен и жилищем и пропитанием, помысли, что птица и тогда поет славу Сотворившаго ее, когда у нея нет ни гнезда, ни приготовленной пищи, и, промыслом того же Творца, находит, чем питаться и где провести ночь; – таковыми и подобными размышлениями ободри дух твой; вознеси сердце твое к Богу; скажи хотя после бедствия, что не умел сказать во время бедствия: *буди имя Господне благословенно! Буди слава Господня во веки!* Ты принесешь чрез сие Богу приятную жертву; и в собственном сердце посеешь доброе семя.

Иным кажется во время бедствия, что они способнее были бы славить Бога во время благополучия, и что потому не на пользу послано им бедствие. Мечта! Нам часто кажется, что, по пословице, там хорошо, где нас нет: но самая сия пословица смеется над сею мечтою. Ты думаешь, что славил бы Бога, еслибы не был несчастлив, а напротив был осыпан Его благодеяниями: вероятно, потому что не трудно. И бесловесное оказывает ласку тому, кто дает ему корм. Не к великой же добродетели ты себя располагаешь! Не много же, видно, дорожишь добродетелию более возвышенною, хотя более трудною! Но если ты ленив и низок для добродетели трудной и возвышенной: то не ручайся за себя, что и для добродетели низшей и легчайшей ты не был бы также ленив и низок. Перестань мечтать, и посмотри на опыты. Посмотри на Израильский народ, когда Бог *возведе я на силу земли, насыти их жит селних, ссаша мед из камене, и елей от тверда камене, масло кравие, и млеко овчье, с туком агнчим и овним, сынов юнчих, и козлич, с туком пшеничным, и кровь гроздову пияху вино*. Тут-то надлежало по твоему умозрению славить Бога. Смотри же далее, как неверно твое умозрение. *И яде Иаков, и насытится; и отвержесе возлюбленный; уты, утолсте, разшире и остави Бога сотворшаго его, и отступи от Бога Спаса своего* (Втор. XXXII. 13–15). Посмотри опять на того же Израиля во время бедствия, и узнай, препятствовало ли оно, или напротив помогало ему славить Бога. *Егда убиваше я*, говорит Псалмопевец, *Тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утреневаху к Богу; и помянуша, яко Бог помощник им есть, и Бог вышний избавитель им есть* (Пс. LXXVII. 34. 35). Видишь ли, что и благополучие может быть опаснее бедствия, и бедствие спасительнее благополучия. Не завидуй же благополучию; и не унывай в бедствии. Помышляй, что и тебе послано бедствие, или предохранить тебя от неблагодарности и забвения о Боге, до которых в благополучии могла бы довести привязанность к земным благам и удовольствиям; или очистить тебя от действительных грехов прошедших дней благополучных; или призвать тебя к высшей добродетели, чтобы не только сделать тебя более безопасным от ада, но и доставить тебе более светлый венец на небе.

Но возвратим слово, и более приблизим к себе, и к нашим происшествиям, и к настоящему случаю.

Прославим, братия, Бога, Который хотя и *путесотворил* здесь огненную *стезю гневу своему* (Пс. LXXVII. 50), однако и преградил оную милосердием и благодатию. Как некогда в стане Израильтян, *когда изыде гнев от лица Господня, и нача губити люди, Аарон с кадильницею ста между мертвыми и живыми, и преста пагуба* (Числ. XVI. 46–48): так и здесь Святитель Алексий и Преподобный Сергий, дружественные между собою в земном житии своем, и по преставлении своем являвшиеся иногда вместе, как известно из преданий Сергиевой обители, а здесь соседствующие в соименитых им храмах, стали невидимо с фимиамом своих молитв среди потока огня, и преградили оный, и один из своих храмов дивно сохранили невредимым и сделали убежищем для святыни другого; а от сего другого сохранили по крайней мере внутреннюю святыню, и то, что наиболее нужно было к неукоснительному возстановлению здесь Богослужения.

Прославим Бога, Который, посетив одних бедствием, сохранил других для прибежища бедствующим; Который *послал дух* человеколюбия в помощь, да *созиждутся* истребленные жилища, или, по крайней мере, да не в конец беспомощною нищетою разрушится жизнь бедствующих; Который послал дух благочестиваго усердия, да возсозиждутся святилища, и – вот уже второму здесь олтарю благоволил обновиться, не только благолепием видимым, но и невидимою благодатию.

Прославим Бога, не только словом, но и сердцем, ему преданным, и житием ему благоугодным, да не паки прогневается Господь на люди своя, но паче возвеселится о делах своих. И в освященном храме Православно-Христианском, и в освящаемых выну душах Православно-Христианских *буди слава Господня во веки*. Аминь.

CLXXII.

117. СЛОВО в день Рождества Христова.

(Говорено в Чудове Монастыре, декабря 25;
напечатано отдельно,
в Христ. Чтен. 1835 года и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1834 год>

*И рече им Ангел: не бойтесь; се бо
благовестую
вам радость велию, яже будет всем людям.
Яко родися вам днесь Спас, иже есть
Христос
Господь. Лук. II. 10. 11.*

Какую радость возвещает Ангел пастырям Вифлеемским! Подлинно *радость велию*. И как, по его предвещанию, это такая радость, *яже будет всем людям*: то теперь, по исполнении уже предвещения, радость сия, без сомнения, принадлежит и вам, здесь предстоящим, всем людям Божиим, от великаго до малаго, всем, кто только не закроет ока ума, чтобы познать оную, и не окаменит сердца, чтобы оную почувствовать.

Какая ж это радость? – Ангел изъясняет: *яко родися вам днесь...* Прерываю речь вестника, чтобы показать в самом начале его речи начало радости. Рождение всегда больше или меньше радостно, потому что представляет расширение и торжество жизни: так как напротив смерть всегда больше или меньше печальна, потому что, поглотив одну жизнь, она угрожает всем остающимся жизням, того же рода. В особенности же рождение бывает радостно для тех, кому, или у кого и для кого родится младенец. Если он родится известному семейству: радость сему семейству. Если он родится народу и государству, как например сын царев и особенно наследник престола: – радость всему народу и царству. Ангел говорит: *родися вам*. Кому? Неужели только пастырям Вифлеемским, к которым было слово Ангела? Но Ангел сказал уже, что радость будет *всем людям*: сие показывает, что чрез пастырей он смотрит на всех людей, и потому именно возвещает радость *всем людям*, что возвещаемый младенец рождается *вам, всем людям*, не семейству, не народу, но всем людям на свете, сколько есть, было и будет. Какая же огромная радость! Теперь вы можете радоваться каждый за себя, и за весь род человеческий, за отживших свой век, и отшедших в вечность, о которых вы или с печалию

вспоминаете, или не знаете, что об них думать, и за ваших потомков, о которых, может быть, заботитесь, как они жить будут.

Но станем далее выведывать от Ангела, почему возвещаемое им рождение должно принести всеобщую радость. Он говорит: *яко родися вам днесь Спас*. В истории народа Божия не однократно видим являвшихся знаменитых мужей, которые для него были орудиями спасения Божия. *Возстави им Господь судей, и бяхе Господь с судиею, и спасе я от рук врагов их во вся дни судии* (Суд. II. 18). Случалось и то, что такое спасение возвещалось было Ангелом, как например Гедону: *иди в крепости твоей сей, и спасеши Израиля от руки Мадимли* (Суд. VI. 14). Но сии временные и частные спасения не могли быть предметом радости для *всех людей*. Потому что не на всех простирались, и вскоре уступали место новому злу и бедствию. *Умираще судия, и отвращахуся, и паки растлевахуся паче отец своих* (Суд. II. 19). Теперь рождается Спас всем людям, – истинный Спаситель, Которого только слабым изображением были все знаменитые в священной древности мужи силы и спасения, – всеобщий Спаситель, Которого спасение простирается на всех, кто только не захочет погибнуть сам добровольно, – всегдашний Спаситель, на спасаемых Которым не смеет прийти никакая новая гибель.

Вестник радости еще изъясняет ее: *родися вам днесь Спас, иже есть Христос Господь*. Видно Вифлеемские пастыри уже имели некоторое понятие о Христе, когда небесный Вестник, видящий мысли их, надеялся достаточно вразумить их о великости возвещаемой радости, сказав, что возвещаемый есть *Христос*. И подлинно нельзя было им не слышать иногда в Иерусалимском храме псаломского гласа, который оттуда перешел и в наши храмы: *Спасе Господь Христа Своего* (Пс. XIX. 7). И еще: *Господь утверждение людей Своих и защититель спасений Христа Своего есть* (Пс. XXVII. 8). Впрочем сии самые гласы псаломские дают разуместь нам, в каком возвышенном знаменовании говорил о Христе Ангел пастырям. Псалмы представляют Христа спасаемого, чтобы потом служить спасению других: в словах Ангела является Христос спасающий, не имеющий нужды ни в каком спасении для Себя, имеющий силу спасения в собственном существе, и действующий ею неограниченно: *Спас, иже есть Христос Господь*. Псаломник узнает, как бы новое, то, что Господь покровительствует Христа, защищает, спасает: *ныне, говорит, познах, яко спасе Господь Христа Своего*: Ангел возвещает Христа, Который есть сам Господь, – Христа, то есть, помазанника Божия, Которого Бог, как скажет другой Пророк, *помаза, благовестити нищим посла, исцелити сокрушенные сердцем, проповедати пленным отпущение, и слепым прозрение, нареци лето Господне приятно, и день воздаяния, утешити вся плачущия, дати плачущим Сиона славу вместо пепела, помазание веселия плачущим, украшение славы вместо духа уныния* (Ис. LXI. 1–3), но Который в то же время и Сам есть Господь и Бог, Сам Собою сильный спасти не только угрожаемых гибелию, близких к гибели, погибающих уже, но и погибших спасти, умерших воскресить, осужденных оправдать, под клятвою за нарушение закона сущих благословить, рабов ада в чад Божиих претворить.

О радость безпредельная, простирающаяся от неба до ада, возжеленная, как спасение, сладостная и восхитительная, как помазание Духа Божия, могущественная, как виновник ее Господь! Я умолк бы теперь: потому что сего слишком довольно, чтобы ее чувствовать, так как напротив никакого слова не было бы довольно, чтобы вполне изобразить оную.

Но проповедь Ангела еще не кончилась. Дослушаем ее до конца. Он хочет еще показать *знамение*, – примету, по которой бы ближе усмотрели возвещаемую им радость, лучше узнали ее, и полнее в ней удостоверились: *и се вам знамение*. Какое ж это знамение? Где оно? Покажи нам. Вот оно: *обрящете младенца повита, лежаща во яслех*. Ах, вестник радости! Не разрушил ли ты ее, думая возвысить и утвердить знамением? Что за радость

видеть младенца не в порфире, или виссоне тонком, не в чертоге, или в светлом доме, даже не в хижине, даже не в колыбели, потому что для него не нашлось ни хижины, ни колыбели, — но *в яслях*, и следственно в какомнибудь жилище безсловесных, или в пустом месте, не защищенном от декабрьского ночного воздуха? При таком зрелище не скорее ли пожалеешь о родившей и о рожденном, или убоишься за жизнь младенца, нежели обрадуешься? — Но нельзя же подумать и того, чтобы Вестник небесный явился обмануть землю ложным обещанием, или неверным знамением радости. Если нам земнородным не кажется знамением радости то, что он указывает, как знамение радости: не потому ли так, что чистое, небесное око лучше видит вещи, нежели земное, не вдруг очищаемое от праха суеты? *Очистим чувства и узрим*; очистим ум, и уразумеем тайну Христа Господа; очистим сердце, и насладимся Его радостию, сквозь наружные виды скорби. Подумав лучше, я начинаю понимать Ангела, и признаю, что безпримерное зрелище *младенца повита, лежаща в яслях*, есть знамение не столько безпримерной нужды и бедствия, сколько безпримерной радости. Ибо скажите, в каком иначе виде желали вы обрести родившагося вам днесь Спаса, Христа Господа? В славе ли небесной, свойственной Ему, как Господу? — Но сей славы трепещут самые Херувимы, и закрывают пред нею лица. Как же могли бы устоять пред нею мы, земнородные, бренные, грешные? В славе ли хотя земной? — Но было ли бы и сие зрелище радостнее зрелища простых пелен и смиренных яслей? Многим ли доступна и земная слава? И есть ли она чтонибудь больше, как только поверхностный блеск? Тем, которые смотрят на ея блеск она большею частию не достижима; а те, от которых исходит блеск сей, знают, что слава земная не есть верное знамение радости. Нет! Перестанем искать знамения радости нашими гаданиями дерзновенными, но не надежными: вникнем глубже в то знамение, которое нам показано. Почему нужно нам знамение радости? — Потому, что у нас не достает радости. Почему нам потребен Спас, Христос Господь? — Потому, что мы страшимся погибели. От чего же недостаток радости, от чего страх погибели? От того, что мы находимся в удалении от жизни Божией; от того, что живем в растлении греховном. А если так: то не доброе ли знамение, что родившийся нам Спас начинает показываться там, где оказалось первое наказание греха, по изречению Судии: *в болезнях родиши чада*? Как премудрый врач, Он приближается Своею врачбною, Божественною силою к самому началу и корню нашей болезни, нашего греховного растления: какое же могло быть лучшее знамение чаемого исцеления? По сему глубокому и премудрому началу не трудно заключить, сколь совершенное готовит Он врачевание. Не маловажно и то, что нисходя до смиренного рождения, Он нисходит еще и до уничиженных яслей. Чрез сие дает Он особенное знамение, что, хотя бы грех унизил тебя до скотоподобных страстей и похотей, хотя бы ты совестию принужден был сам на себя обратить пророческое обличение: *человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. XLVIII. 13); и тогда не должен ты отчаяваться в снисхождении Спаса твоего, Который, не возгнушавшись возлечь в яслях, не возгнушается и в яслях души твоей почить Своею благодатию и Своим миром, если только ты покаянием и верою пред Ним себя повергнешь.

И так *приидите вси труждающиеся и обремененнии* (Матф. XI. 28) грехами, бедствиями, мучениями совести, страхом осуждения вечного и погибели; се вам знамение спасения, и следственно радости, какая только вам желательна; — се вам знамение: *обрящете младенца повита, лежаща в яслях, иже есть Спас, Христос Господь*.

Приступите к Спасу *младенцу*, и будите яко дети незлобием и кротостию. Приступите к Нему *повитому*; и свяжите ваше греховное своеволие; предайте вашу волю воле Спасителя вашего. Приступите к *лежащему в яслях*; и отвергните нечистое, скотоподобное житие, и на месте онаго утвердите жизнь духовную. Приступите к Слову немотствующему, с безмолвными воплями непрестанно молящегося сердца: и Бог Слово изречет в сердца ваши Свою неизреченную радость. Тогда уразумеее небесного Вестника

радости; тогда возгласите с Материю рождаемого Христа; *величит душа моя Господа, и возрадовася дух мой о Боже Спасе моем* (Лук. I. 46. 47). Аминь.

1835 год.

CLXXIII.

**118. СЛОВО
пред присягою для избрания судей.**

(Говорено в Кафедральной церкви Чудова
Монастыря Генваря 2 дня;
напечатано в Христианском Чтении 1835 года
и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1835 год>

*Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже
приобщайся
чужим грехом; себе чиста соблюдай. . 1
Тим. V. 22.*

Слыша сие, благородные, и разных родов и степеней почетными званиями украшенные мужи, вы тотчас можете подумать: к чему теперь сие слово? *Руку возлагать* не наше дело; мы пришли дать обет благонамеренно избрать достойных в некоторые должности гражданския; и клятвою пред Богом засвидетельствовать Государю, Отечеству, друг другу, что будем сие делать точно по совести.

Знаю: и на сей именно случай желаю предложить вам некоторые мысли. Но позвольте мне думать, что не неуместно избрал я для сего в руководство моему размышлению слово Апостольское, которое вы слышали. Дайте мне объясниться.

Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже приобщайся чужим грехом; себе чиста соблюдай.

Можете знать, как очевидцы, что обряд возложения рук, от времен Апостольских донныне постоянно употребляемый в Церкви, означает, предваряемое избранием и утверждением, возведение и посвящение в разные степени Церковнаго служения. Итак правило Апостола: *руки скоро не возлагай*, значит: не будь тороплив в избрании, утверждении, возведении в Церковныя должности: будь в сем осмотрителен, осторожен.

Правда, что сие правило направлено на нас, служителей Церковнаго управления; а нужно теперь правило для вас, почтенные избиратели управления Гражданскаго. Но что же делать? Апостолы писали не государственныя постановления, не гражданские законы; нельзя требовать, чтобы в книгах их отыскилась подробная инструкция Гражданскаго избирателя. Впрочем вы удостоверены, что Апостолы в своих Писаниях руководствовались истиною, и притом Божественною: а истина для всех одна. И премудростию, и законодательством Апостолов было благочестие: *а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. IV. 8). Посему можно вам взять истинное и благочестивое правило Апостольское из Церкви, и перенести в вашу избирательную палату. Отложите особенности: мысль о служениях Церковных, обряд рукоположения: вы увидите в рассматриваемом изречении Апостола общее правило: не будь скор в избрании в

должности общественныя, абудь осмотрителен, осторожен. Приложите ближе сие к вашему делу и обряду, и скажите себе: избирательнаго шара скоро не полагай: будь осмотрителен, осторожен. Я же к сему присовокуплю, что сим образом учит вас Апостол, а не я: уважьте наставление, и само по себе, и ради Наставника.

Но Апостол дает нам и вам не безотчетное повеление: ибо Христианство владычествует силою свободного убеждения. К наставлению об осторожности в избраниях, он тотчас присовокупляет и убеждение в важности и необходимости сего наставления. *Ниже приобщайся*, говорит, *чужим грехом; себе чиста соблюдай*. О каких говорит он чужих грехах? Что значит *приобщаться чужим грехом*? – Слова Апостола заключают в себе мысль дальновидную: надобно ее раскрыть, и приблизить к делу.

Дабы убедительно предостеречь от *скорых*, то есть, неосмотрительных и необдуманых избраний, прозорливый Наставник смотрит на последствия оных. Если выбираешь в должность без внимания, как случится: всего легче, что выберешь недостойнаго. Если Тимофей (к которому первоначально писал свое наставление святой Павел), по неосмотрительности, рукоположит Пресвитера несведущаго в учении спасения, или недостойнаго по жизни: то произойдут в Пресвитерстве или невольные грехи неведения, или вольные грехи неукрошенных страстей и низких склонностей; и далее, в следствие сего, некоторые грехи народа, которым надлежало бы очищаться посредством духовнаго разума и священнаго служения, останутся не очищенными; и еще далее, родятся новые грехи соблазна, который с особенною силою приходит чрез недостойных служителей святыни. Вот разнаго рода чужие грехи, на которые предостерегательно указывает Святой Павел Тимофею и мне! Мы сказали бы, может быть: какое нам дело до чужих грехов? Пусть отвечают за них те, которые их делают. Но Апостол говорит: ниже приобщайся чужим грехом: следственно полагает, что указанные теперь грехи падают на ответственность не только тех, которые их делают, но и того, кто скоро, неосмотрительно, необдуманно избирает и возводит недостойных делателей правды и святыни, которые после оказываются делателями неправды и греха. Кто посмеет сказать, что Святой Павел судит здесь слишком строго? Знает дело праваго суда тот, который принадлежит к избранным между избранными, которые непогрешительным Избирателем удостоены доверенности – *мирови судите, – Ангелов судити* (1 Кор. VI. 2. 3).

Надобно еще заметить, что Апостол говорит о избрании только *скором*, неосмотрительном; и такое избрание находит уже участным в чужих грехах. Что же сказал бы он о избраниях обдуманно неблагонамеренных, пристрастных, корыстных? – Не трудно заключить, колько строже должна быть осуждена неблагонамеренность, в сравнении с неосмотрительностию: и я думаю, что избирателям неблагонамеренным, пристрастным, своекорыстным, он сказал бы, что на их главу падет почти вся тяжесть грехов, содеваемых против звания и должности недостойно избранными.

Перенесите, почтенные избиратели, разсуждение Апостольское от наших выборов к вашим; и помыслите, с каким вниманием надлежит вам ныне употребить власть избрания, которая с такою щедрою доверенностию дарована вам Высочайшею властию Самодержца.

Если, – чему я не предполагаю быть на деле, но что говорю по ходу предостережения³, – если вы не употребите всего, какое возможно, внимания и попечения, чтобы открыть, привлечь и избрать в общественныя должности людей самых достойных и благонадежных; – если вы будете подавать избирательные голоса в пользу одного потому, что он очень желает избрания, в пользу другаго, потому что он добрый знакомый, в пользу третьяго, потому что надобно же кому нибудь быть избрану, и так далее; а между

тем не довольно будете вникать в то, имеет ли избираемый способности и сведения, потребныя для дел, к которым избирается, и ручаются ли прежде известные его правила и деяния за то, что он согласно с пользою общественною проходить будет служение, которое вы хотите вверить ему; – если потом, в следствие столь невнимательного и небезпристрастного избрания, избранный вами служитель правосудия возьмет правду и суд, станет оправдывать неправды богатых и сильных, а не будет внимать суду вдовиц и сирых; блюститель земскаго порядка и спокойствия, вместо того, чтобы облегчать и разрешать затруднения смиренных земли, сделается для них ярмом связующим и гнетущим; вождь ваших наследственно почтенных сонмов окажется не столь прямым и твердым в путях своих, как требует достоинство сего, особенно виднаго и возвышеннаго в Государстве, сословия, в котором растут столпы для благолепия престола Самодержца; – если такая и большая сих неправильности и грехи откроются в избранных вами, в следствие невнимательнаго или небезпристрастнаго избрания: то позвольте вам сказать, прежде нежели сие случилось, что в таком случае ваши гладкие избирательные шары превращаются в руках ваших в острые стрелы, которыя уязвят общественное благосостояние, и обратятся уязвить вашу совесть, спокойную, может быть, во время производства избрания, по такой же невнимательности в отношении к себе, как и в отношении к другим.

Остерегись, благонамеренный избиратель, чтобы ничего такового не случилось; будь внимателен, – ревностно, дальновидно внимателен; не допусти последствий избрания, нежелательных ни для общества, ни для тебя; *ниже приобщайся чужим грехом; себе чиста соблюдай.*

Себе чиста соблюдай, не только от чужих отдаленных грехов, но в то же время и от ближайшаго к тебе, собственнаго греха, который чрез невнимательность подкрасться может. Ибо что делаешь ты ныне здесь, приступая ко вверенному тебе делу избрания? – Приемлешь во твои уста имя всевидящаго Бога, лобзаешь Слово Христово и образ распятаго Христа; и сими святейшими знаменами запечатлеваешь твой обет, что так верно будешь обращаться в начинаемом деле, как верно видит тебя Бог, как верно Слово Евангелия, как верно умер за тебя твой Спаситель и твой будущий Судия. Если за сим ты будешь невнимателен в твоём деле: то легко сделаешься и неверен; и таким образом оскорбишь святыню Божественную, которую ты лобзаешь, и покланяемое имя, которое приемлешь. Соблюди себя от столь мрачной нечистоты: *не очистит бо Господь приемлющаго имя Его всуе* (Исх. XX. 7).

Испытай сердца и утробы Божие праведно (Псал. VII. 10)! Силою страшнаго и покланяемаго Твоего имени, соблюди приемлющих ныне оное, в чистоте праваго разума и блага намерения, да будет дело их мирно, благоуспешно, общепольно, *да усмотрят себе от всех*, и изберут в Начальства, *мужи сильны*, Тебе, *Бога боящихся*, *мужи праведны*, *ненавидящия гордости и корысти* (Исх. XVIII. 21), достойны начальствовать и судить в людех Твоих. Аминь.

CLXXIV.

119. СЛОВО

в день Святителя Алексия, во вторник сырныя недели.

(Говорено февраля 12 дня, в Кафедральной Церкви Чудова Монастыря;
напечатано в Христ. Чтен. 1836 года и собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1835 год>

*Яко ни в чесом от полезных обинухся, еже
сказати вам,
и научити вас пред людьми и по домом,
засвидетельствуя
Иудеем же и Еллином, еже к Богу покаяние,
и веру, яже в
Господа нашего Иисуса Христа.
Деян. XX. 20. 21.*

В сей день Церковь собрала нас для благочестивой радости. Но в сию неделю она prepares нас к благочестивой печали. Которому из сих противоположных направлений теперь нам преимущественно следовать, или как согласить оныя между собою?

Праведна благочестивая радость о праведнике, совершившемся, прославленном, который был светильником сея церкви во время жизни на земле, и по смерти продолжает быть для нея светилом небесным. Нужна благочестивая печаль, для наших неправд и грехов, омрачающих жизнь, закрывающих свет благодати, преграждающих путь к совершенству и блаженству. *Печаль бо, яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. VII. 10).

Святой Апостол Павел собственным примером показывает нам возможность согласить и соединить противоположныя, по видимому, чувствования духовной радости и духовной печали. *Ныне радуюся*, пишет он к Коринфским Христианам, *не яко скорбни бысте, но яко оскорбистесь в покаяние: оскорбесте бо по Бозе* (ст. 9).

Мудрствование человеков Божиих одинаково. Посему, думаю, что и Святой Алексей, не только не почтет радость дня своего нарушенною, но и возрадуется ныне о нас, если усмотрит нас входящими в спасительную печаль покаяния.

Итак побеседуем о покаянии, и во-первых, о потребности онаго, а потом, по требованию настоящих дней, о приготовлении к оному.

Беседуя к православным Христианам, я могу принять за основание разсуждения, что потребность какого либо дела будет доказана, как скоро показано будет, что сие дело требуется истинным Христианством, и существенно соединено с оным. Посему надобно посмотреть, в каком отношении находится покаяние к Христианству.

Взойдем к началу Христианства. Иоанн Креститель был утреннею звездою пред восхождением Солнца – Христа. Учение Иоанново было зарею учения Христова. Чему же учил Иоанн? – Покаянию. *Бысть Иоанн крестяй в пустыни, и проповедаая крещение покаяния во отпущение грехов* (Марк. I. 4). *Крещение покаяния*, как бы вы ни толковали сие выражение, дает разуместь, что покаяние в учении Иоанна составляло главную черту, необходимую потребность, как и объясняет Евангелие само себя, когда всю проповедь Иоанна заключает в следующих словах: *покайтесь, приближибось царствие небесное* (Матф. III. 2).

Взошло Солнце правды. Настал день пришествия Христова. Просветив Собою крещение во Иордане, освятив Своим примером великую четьредесятницу поста в пустыне, Иисус является в Галилее, дабы, как замечает Евангелист, исполнить пророчество: *людие сядиши во тьме видеша свет велий, и сядиши в стране и сени смертней, свет возсия им* (Матф. IV. 16). Что это за свет? – Следующия за приведенным пророчеством слова

Евангелиста показывают, что он указывает на свет Божественной проповеди Христовой: *оттоле начат Иисус проповедати*. О чем была сия Божественная и Светоносная проповедь? – О покаянии. *Оттоле начат Иисус проповедати, и глаголати: покайтесь, приблизися бо царство небесное* (ст. 17).

Свет Христов должен распространяться. Лучами его соделались двенадцать Апостолов. Они посланы распространять свет: *посла их проповедати царствие Божие* (Лук. IX. 2). Какой же приносят они людям свет? В чем состоит проповедь царствия Божия? – Это все тот же свет; все та же проповедь: – покаяние. *Изшедшие, сказует Святый Марк, проповедаху, да покаются* (Марк. VI. 12).

Последуем за движением Солнца правды, чрез грозный час, когда силы тьмы думали на веки затмить оное крестною смертью, но злоба, обманутая Провидением, сделалась слепым орудием к открытию новаго, могущественнейшаго света воскресения Христова, к которому, без сомнения, относится сие видение и предречение Пророка: *свет солнечный будет седмерицею в той день* (Иса. XXX. 26). После того, как вновь просветила Апостолов новая čtyредесятница, когда воскресший Христос *днемнн чetyредесятьмн являлся им, и глагола, яже о царствнн Божннн* (Деян. I. 3); тогда, как озарили их огненные языки Святаго Духа, Который, по обещанию Христову, должен был *научить их всему* (Иоан. XIV. 26), *наставить их на всякую истину* (XVI. 13); – тогда, как множество народа, пораженное чудом сошествия Святаго Духа, Петровым обличением в Христоубийстве и свидетельством о воскресении Христовом, готовое к принятию Христианства, спросило Петра и прочих Апостолов: *что сотворим, мужне братне*? – Какой, думаете, новый свет возблистает из уст Петра? Какое пролиется учение? Какая возгремит проповедь? – всегда тот же свет, тоже всегда спасительное учение, та же всегда необходимая проповедь – покаяния. *Петр же рече к ним: покайтесь, и да крестится кнйждо вас во нмя Иисуса Христа во оставление грехов* (Деян. II. 37. 38).

Если бы кому пришло на мысль, что Петр имел в сие время особенную причину проповедывать покаяние; поелику проповедывал тем, которых в тоже время обличал в убиении Христа руками незаконных: для исправления сего односторонняго взгляда на сей случай надлежит заметить, что слушателями Петра были, без сомнения, все удивленные свидетели сошествия Святаго Духа, и открывшагося в Апостолах дарования языков, а в числе их были многие разнонародные пришельцы, – Парфяне, Мидяне, Египтяне, Римляне, и прочие, которым не было повода участвовать ни в злоумышлении Фарисеев, ни в мятежных воплях Иерусалимлян, обманутых ложною заботою о безопасности города и земли своей; но и тем Апостол не предложил иной проповеди, кроме общей для всех проповеди покаяния. Подобно и Апостол Павел представляет проповедь покаяния всеобщей потребностью и главным делом Апостольским, когда говорит о себе: *не бых противен небесному видению* (то есть, призвавшему в Апостольство), *но суцнм в Дамасце прежде и во Иерусалнме, и во всякой стране Иудейстей, и языком, проповедуя покайтнся и обратнтнся к Богу, достойна покаяннню дела творяще* (Деян. XXVI. 19. 20).

Может еще кто либо сказать, что Иоанн Креститель, Сам Христос, Апостолы проповедывали покаяние людям приготовляемым и призываемым к Христианству; а мы, по благодати Божией, от самага младенчества уже Христиане; и потому это особенный вопрос, каким образом и на нас простирается обязанность покаяния. И подлинно, Апостол Павел относит покаяние *от мертвых дел* не к совершению Христианства, но к основанию, или начальному руководству и учению онаго (Евр. VI. 1). Впрочем он же показывает нам и то, что сие руководство и учение имеет место и употребление не только в преддверии Христианства, но и по вступлении в оное. Ибо кому изъявлял он свое удовольствие о

усмотренном покаянии, когда писал в послании: *ныне радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистесь в покаяние? Кому? – Церкви Божией, сущей в Коринфе*, как означено в начале послания (2 Кор. I. 1. VII. 9). Итак видите не только некоторых Христиан, но целую Церковь Христианскую, входящую в покаяние, и Апостола, радующагося о ея вступлении в покаяние. Не действительным ли уже Христианам писал и Апостол Иаков: *исповедайте убо друг другу согрешения, и молитесь друг за друга, яко да исцелете* (Иак. V. 16)? Не получившим ли отпущение грехов своих в крещении, новое в покаянии отпущение грехов возвещает и Апостол Иоанн, когда говорит: *еще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша, и очистит нас от всякия неправды* (1 Иоан. I. 9)? И если у тех, которые, в первыя времена Христианства, в полном возрасте, при свободном употреблении разсудка, по внутреннему убеждению, первым и решительным покаянием отрекшись от всякия скверны плоти и духа, прошли сквозь всеочистительную баню крещения, – если у них после, по времени, оказывались на ризе души более или менее мрачныя пятна, требовавшия новой очистительной силы покаяния: то что сказать о нас, которых благодать крещения посетила, без нашего ведома, не встреченная покаянием, не сопровождаемая благодарностию? Важное преимущество – быть ограждену святынею крещения прежде, нежели прирожденное семя греха развилось и разраслось в грехах произвольных: но довольно ли верно воспользовались для нас сим преимуществом наши родители, восприемники, воспитатели, наконец мы сами для себя? Не жили ль мы долго, совсем не думая о важности того, что носим в себе святыню крещения? Не тем ли более имеем мы нужду в покаянии по крещении, чем менее совершилось в нас покаяние пред крещением?

Но чтобы решить дело короче, довольно сделать один вопрос: имеем ли мы на себе грех? – Если, паче чаяния, кто скажет: нет; таковому не обинуясь говорю: нет, ты обманываешь сам себя, в тебе нет истины; или лучше сказать, это не я, святой Иоанн Богослов говорит: *еще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Иоан. I. 8). Но если, хочешь, или не хочешь, а надобно признаться, что грех на нас есть; то чего ты хочешь далее? Умереть ли во грехе? Ибо *грех содеян раждает смерть* (Иак. I. 15). Если сего не хочешь: то избери покаяние; ибо нет инаго пути из области греха и смерти.

Довольно о потребности покаяния. Скажем нечто, по требованию настоящих дней, о порядке приготовления к оному.

Аще беззакония назириши Господи, Господи, кто постойт (Псал. CXXIX. 3)? – Если сие изречение Псалмопевца, со времени первого греха первого человека, справедливо для всех и всегда; то как нет человека, который бы не имел нужды в покаянии, так и нет времени, в которое было бы оно излишно. Так мыслит Церковь, которая ежедневно просит нам у Господа *прочее время жития нашего в мире и покаянии скончати*. Но хотя посему все житие Христианина должно быть провождаемо в духе покаяния: однако исповедание грехов пред служителем таинства, и принятие благодатнаго разрешения в оных, и духовнаго наставления к охранению себя от оных, может быть только по временам. Если бы предоставить употребление таинства покаяния только частному ощущению потребности и произволу каждаго, то не только нерадивый не имел бы поощрения, но и внимательный не имел бы довольной помощи. Посему надобно было установить некоторый порядок, и определить времена.

Попечение, которое употребляет Церковь о чистоте одеяния души твоей, можно уподобить попечению, которое ты употребляешь о чистоте одежды твоего тела. Если бы тебе случилось упасть в грязь: то не поспешил ли бы ты омыть твою одежду? Так если бы впал ты в тяжкий грех: то чем скорее очистил бы совесть твою покаянием, тем лучше;

Церковь готова принять тебя во всякое время. Но если белизна твоей срачицы только не много изменяется от пота и пыли: ты продолжаешь носить ее несколько времени, и уже пред каким либо срочным днем, на пример, праздничным, заменяешь ее совершенно чистою. В сем случае пример порядка и неопрятного побуждает подражать опрятному. Подобно сему Церковь, по временам, пред праздниками, наипаче же пред великим воспоминанием спасительных страданий, крестной смерти и воскресения Христова, чтобы в большей чистоте праздновать, как-бы срочным образом приглашает вас убелять одеяние душ ваших покаянием и таинственною кровию Агнца, вземлющего грехи мира, побуждая таким образом внимательного и малый прах грехов неведения, забвения, рассеянности, внезапности, от души оттрясать, — а невнимательных, привлекая к очищению примером внимательных. На помощь покаянию призывает она пост; приспособляет Богослужение к возбуждению покаянных чувствований; и до того простирает матернюю о нас заботливость, что, дабы легче ввести нас в подвиги поста, сделала настоящую неделю преддверием онаго, предписав для нея нечто среднее между постом и мясояствием, и первые, не частые опыты постных коленопреклонений.

При виде столь снисходительного материнского попечения святыя Церкви о чадах своих, как болезненно, братия, видеть в тоже время столь далеко простираемую невнимательность к намерению чадолюбивыя матери, и даже превращение мудрых и благодетельных ея распоряжений! Церковь хочет готовить нас к воздержанию: а у нас в сие самое время больше обыкновенного владычествует невоздержание в пище и питии. Церковь думает приучать нас к труду коленопреклонений: а у нас многие бросают свой обыкновенный труд, не принимаясь за труд церковный, или больше, нежели работою, обременяют и утомляют себя безвременным ядением и питием, непрерывными забавами и увеселениями. Церковь помышляет, как бы вернее, по очищении чувств воздержанием, возвести нас к духовному высокими умы созерцанию странствия Владычня, безсмертных трапезы, спасительных язв Господних, животного гроба, светозарного воскресения: а мы усиленно разсеваем себя и отягчаем чувства изысканным разнообразием излишеств, как будто нам нужно заградить, а не открыть себе вход в область чистаго духовнаго созерцания предметов спасительных и Божественных. Чем более приближается пост; тем более умножаются сии беспорядки: и дни, которые должны быть особенно тихи, как ближайшия к безмолвию поста и покаяния, едва ли не бывают самыми шумными в году, и наименее охраняемыми от греха и суеты. Это ли повиновение Церкви? Это ли преддверие поста? Это ли приготовление к покаянию? Какой больной стал бы нарочно усиливать свою болезнь сего дня, потому что намерен лечиться завтра?

Чада Церкви! Вспомните, что истинныя чада ея суть, по Апостолу, *чада послушания* (1 Петр. I. 14). Послушайтесь же искренно ея материнскаго приглашения к покаянию. Последуйте ея направлению в приготовлении к покаянию. Если не вдруг укрепитесь исполнить все, чего она от вас требует: по крайней мере не покаряйтесь с таким раболепством суете, излиществам и беспорядкам. Да охраняют вас, да подкрепляют, да руководствуют на пути очищения Силы небесныя, и молитвы Святителя Алексия, вас ныне собравшаго, и при сем смиренном слове председательствующаго. Аминь.

CLXXV.

**120. СЛОВО
в неделю крестопоклонную.**

(Напечатано в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1835 год>

*И призвав народы со ученики своими, рече
им: иже
хочет по Мне ити, да отвержется себе, и
возмет
крест свой, и по Мне грядет.* Мар. II. 34.

Хочу показать вам знаменование настоящего дня в Церкви, и с тем вместе предложить часть Христианского учения, которой исполнение всякой день нужно и спасительно. Почтив день сей поклонением кресту, почтите оный вниманием к размышлению о Господней заповеди самоотвержения и крестоношения.

Посмотрим в Евангелии, при каких обстоятельствах изречена сия заповедь.

Господь наш Иисус Христос, проходя поприще земного жития и проповедывания истины, приближался к страданию и крестной смерти, предуставленным для Него, во спасение наше. По Своему Божественному всеведению, Он видел сию близость; и нашел нужным предупредить своих учеников о предстоящих грозных событиях, которые, при совершенной внезапности, могли бы не только поколебать веру их, но и совсем разрушить. Посему двенадцати Апостолам, как более достойным, и способным принимать тайны Его, сказал Он ясно: *яко подобает Сыну человеческому много пострадати, и искушену быти от старец и Архиерей и книжник, и убиену быти, и в третий день воскреснути.* Но поелику и Апостольская вера в сие время еще не созрела для сей великой тайны; и первый из Апостолов Петр осмелился противоречить сему предсказанию, так что нужно было заградить уста его строгим упреком: то, без сомнения, не время было так же ясно говорить о сем народу; а между тем для утверждения веры нужно было, чтобы и народ имел заранее свидетельство, что Господь предвидел свои страдания и шел на вольную смерть. Посему-то ученикам при народе, и народу, сказал Он как бы загодочно: *иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет.* Не говорит: Я понесу крест, и постражду на нем: но когда велит своему последователю нести крест; а последовать значит подражать, делать тоже, что делает предшествующий; то дает разуметь, что понесет крест и Сам; а следственно и распят будет; ибо не для чего было нести крест, если не для распятия. Итак загадка загадана всенародно: и хотя народ не мог отгадать ее в то же время; но, по событию распятия Господня, должен был и понять слышанное предсказание, и удостовериться в Божественности Предсказателя, и поверить спасительному таинству нашего искупления страданием и крестною смертью Богочеловека.

Мы теперь, братия, проходим поприще поста, и приближаемся к торжественному воспоминанию спасительных страданий, смерти и воскресения Христова. Мать-Церковь заботится, чтобы мы не предстали сему высокому и святейшему зрелищу неготовые, недостойные. По сему она останавливает нас на середине постного поприща: и тем самым словом, которым Господь заранее приготавливал учеников и народ к событию Своего распятия, она приготавливает нас к благоговейному воспоминанию Его распятия; и нам в Евангелии возглашает она от лица Христова: *иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет;* и чем оглашает наш слух, то самое предлагает и нашему оку, то есть, крест Христов, дабы чрез око непрестанно внушать то, чего нельзя довольно часто повторять слуху. Мне кажется, что я слышу сие безмолвное, но довольно внятное внушение. Ты приближаешься к высокому и таинственному воспоминанию крестной смерти Христовой, чтобы потом войти в радость Воскресения Христова. Остановись и подумай, достоин ли ты сего приближения, готов ли к сему созерцанию, довольно ли у тебя для сего веры, благоговения, любви, разумения. Посмотри как-бы еще несколько издалеча, как-бы приговорительно, на великое зрелище Христа Крестоносца,

Христа распинаемого, Христа умирающего и погребаемого; и поучись, как бы приступить ближе и не быть отринуту, как бы прикоснуться к жизнеточащим язвам Господним и не быть осуждену. Многие приближались, но не многие так спасительно, как благоразумный разбойник; многие прикасались, и по любопытству теснящиеся, и ругающиеся, и биющие, и распинающие, но не многие так свято, как Иосиф и Никодим. Только последователи Христовы неосужденно и спасительно приближаются и прикасаются ко Христу; а последователь Его должен отвергнуться себя, взять крест свой, и по Нем идти. Вот что, братия, внушает вам ныне Матерь-Церковь. Вот что и без меня, как чрез меня, проповедует вам нынешний день.

Дабы сему внушению последовать, надобно вразумиться, что такое отвергнуться себя и взять крест свой.

Отвергнуться себя не значит ли бросить свою душу и тело, как бросают ничего нестоящую вещь, без внимания, без попечения? – Нельзя так думать. Душа есть вещь очень дорого стоящая. Верную оценку ее вы слышали ныне же в сих словах Евангелия: *какая польза человеку, аще приобретет мир весь, и отщепит душу свою?* То есть: потеря души есть потеря столь великая, что целым миром заменена быть не может. Следственно душа для человека дороже целого мира. Как ее бросить без внимания? Нельзя думать и того, чтобы Господь повелевал нам бросить без всякого попечения тело наше, если вспомним, что Апостол Его представляет, как дело закона естественного, и даже, как образ высшего закона духовного, то попечение, по которому *никто же когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю* (Еф. V. 29); что тело наше создал Бог, и дал нам, как орудие, для действия в телесном мире, с тем, чтобы в употреблении онаго в свое время потребовать от нас отчета, *да примет кийждо пред судищем Христовым, яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. V. 10); – что наконец тело не только должно беречь и образовать для дел нужных, полезных и добрых в мире, но еще можно употребить к славе Божией, по совету Апостола: *прославите Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия* (1 Кор. VI. 20). Можно ли пренебрегать, как маловажное, то, чрез что можно прославлять Бога?

И так, что же значит отвергнуться себя? – Из сказанного, по необходимости, надлежит заключить, что сие не значит бросить душу и тело без внимания, без попечения, но разве отвергнуть пристрастие к телу и его удовольствиям, к жизни временной и ее благополучию, и даже к наслаждениям душевным, почерпаемым из неочищенной природы, к желаниям собственной воли, к любимым понятиям собственного мудрования. Что такое разумение заповеди самоотвержения есть правильное, сие усмотреть можно из намерения, с которым она произнесена. Какого намерения? – того, чтобы сделать человека способным идти за Христом. *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе.* Для чего бы желающему идти по Христе не стать на сей путь по самому сему желанию, без другого предварительного требования? Для чего предварительно требуется от него самоотвержение? – Видно, для того, что без сего желание идти по Христе осталось бы несбыточным. И подлинно, привязанному к любимым понятиям собственного мудрования сия привязанность препятствует восходить выше, и веровать истине Божественной: он не способен идти за Христом без отвержения сей привязанности, потому что без сего не вступит на путь чистой веры. Не оставляющий желаний собственной воли также не может быть последователем Христовым: ибо последование в том и состоит, чтоб избирать путь не по собственной воле, а по воле предшествующаго. И не хотящий послушанию и преданности в волю Божию пожертвовать наслаждениями душевными не есть надежный последователь Христов даже и в том случае, когда он стремится к наслаждениям духовным; поелику он, напрягая все усилия к мерцанию света на крутизнах Фавора, потому самому еще не сопровождает Господа к спасительной Голгофе: что же сказать,

если он почерпает свои душевные наслаждения из неочищенного источника падшего естества и, упорствует, когда Провидение и благодать приближаются преградить потоки его, для очищения души? – Сказал о сем суд Свой Сам Господь, когда одному из людей сего рода, изъявившему желание идти по Нем, и в то же время привлекаемому наслаждениями родственной любви, отвечивший: *никто же возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лук. IX. 62). Что пристрастный к жизни временной не может успешно совершить последования Христу, сие видно в Апостолах, которые, и после довольно долгаго у Него учения, и после столь многих чудес, не только Им, но и ими, по дару Его, соделанных, обратились от последования Ему в бегство, когда на пути Его встретились с опасностью жизни. Что пристрастный к благам жизни временной не способен последовать Христу, сего печальный опыт представляет Евангельский юноша, который хотя и сам желал вступить на путь к животу вечному, и Самим Христом призываем был последовать Ему, не последовал, но *отъиде скорбя, бе бо имея стяжания многа* (Матф. XIX. 22), и не хотел с ними разстаться. Наконец, пристрастный к телу и его удовольствиям, очевидно, есть худой последователь Христу: ибо изнеженному, обременяемому, расслабляемому оными, ему трудно подниматься на гору Господню; он охотнее обратится под гору, или воздремлет в цветах, и не далек от того, чтобы погрязнуть в блате нечистых страстей и похотей. Кратко сказать, поелику все, что есть в сыне Адамовом, доколе не очищено, или лучше, не новосоздано Христом, обыкновенно подвержено употреблению пристрастному: то желающий быть истинным и верным последователем Христовым все, что в себе усваивает и любит, должен оставить, не в отношении к употреблению, но в отношении к пристрастию. И сие-то сокращая еще более, Господь сказал: *да отвержется себе*.

Другое, чего требует Господь от своего последователя, есть взять крест свой. Что такое *крест свой*? – Я уже сказал, что изречение о кресте последователя Христова предполагает крест Самого Христа, и указывает на оный. И так крест наш есть нечто подобное тому, что называется крестом Христовым. И как под именем креста Христова мы разумеем, во-первых, орудие страдания и смерти Его, во-вторых самое страдание и смерть Его на кресте, в третьих, в более обширном смысле, все последование и разнообразие страданий, унижения и постепенного умерщвления Его, и внутренний крест скорби, в глубоком ощущении, и еще ранее, в предчувствии видимого креста и страдания: то и под именем креста нашего должно разумеать всякую, по судьбам Божиим, нас постигающую скорбь, лишение, унижение, страдание и многострадальную или бедственную смерть. Не ужели, скажут, на все сие должен обречь себя каждый Христианин? – Заповедь Господня не изъясняется так строго. Не наше дело предназначать себе жребий: наш долг уметь принимать тот, который Господь нам назначает. И Христос не избирал, и не умножал себе страданий, а принял те, и в той полноте, какия, и в какой, предоставила Ему премудрость, правда и судьба Отца Его, а исполнили сыны человеческие, не ведавшие, что творили. Кольми паче нескромная и потому ненадежная была бы дерзость, обрекать себя на многое трудное нашей немощи, не могущей и малое, и легкое понести без вышней помощи. Посему-то Господь не говорит в заповеди Своему последователю, да умножит себе страдания, да распнет сам себя, но меньше, снисходительнее: *да возмет крест свой*. Что такое *взять крест*? – Не убегать скорбного посещения; не упорствовать против онаго; быть в готовности принять оное, когда еще не постигло, послушно и безропотно принять оное, когда действительно постигает; кротко дать себя вести, как овца на заколение, по образу Агнца и Пастыря Христа, если нужно пострадать за правду; безпрекословно нести дрова для собственного всесожжения, как Исаак, если такова воля Отца Небеснаго, для нашего очищения и для приведения нас в обетованное пакибытие.

Таковы суть условия, при исполнении которых человек может незаблужденно следовать за Христом, приближаться к Нему не внешне, а внутренно, не местом, а духом,

соделываться в вере и любви общником спасительных Его страданий и смерти, и в уповании общником Его воскресения и славы.

Да испытуем себя, Христиане, и да отвергаемся всего, что нас привязывает узами пристрастия к себе самим, к плоти, к миру, да будем свободны и легки, чтобы идти за Христом. Да приемлем безропотно и послушно крест свой, то есть, меру скорби и страданий, без сомнения, непогрешительно измеренную для нас Провидением, соответственно потребности нашего исправления, очищения и усовершеня. Верно да ходим за Христом путем самоотвержения и креста; и верно внидем в радость Господа своего. Аминь.

CLXXVI.

121. СЛОВО

**в неделю четвертую великаго поста,
и в день Алексия, человека Божия.**

(Говорено в Алексеевском монастыре, марта 17 дня;
напечатано в Христианском Чтении 1837 г. и в собраниях 1844 и 1848 гг.)

<1835 год>

И тако долготерпев, получи обетование.
Евр. VI. 15.

Недостаток терпения и постоянства в делах, предприемлемых для вечнаго спасения, некоторым кажется недостатком, по немощи человеческой, обыкновенным, и потому не очень важным.

К сожалению, едва ли не правда то, что сей недостаток обыкновенен: но никак не правда, чтобы он был не очень важен. Множество душ по сему недостатку не достигают спасения: не ужели это маловажно?

Кто не согласился бы войти в рай, если бы всякий мог войти в него несколькими шагами, в несколько минут или часов? И тать, и разбойник охотнее пошли бы на сию легкую и верную добычу, нежели на опасную и неверную добычу татьбы и разбоя. Но когда видят, что к вечному спасению надобно долго идти узким путем, с трудом проходить тесныя врата, – надобно постоянство, терпение, долготерпение: тогда многие совращаются на широкий путь искать временнаго удовольствия; и, как путь удовольствия законнаго и позволеннаго также не довольно широк, и средства онаго самою законностию некоторым образом ограничиваются и стесняются; то, по тому же недостатку терпения, переходят к удовольствиям непозволенным, порочным, незаконным, и неприметно приближаются к вечной погибели.

Посему благодетельно святыи Апостол учит нас постоянству и терпению для достижения вечнаго спасения, и для сего указывает на пример Авраама, который *долготерпев, получи обетование*. Последуем оком ума за его указанием. Вникнем в его учение.

Бог повелел Аврааму оставить отечество, и идти в неизвестную землю: и в награду за веру и послушание сему повелению изрек обетование: *сотворю тя в язык велий, и благословлю тя, и возвеличу имя твое, и будещи благословен. И благословлю благословящия тя, и кленущия тя проклену, и благословятся о тебе вся племена земная* (Быт. XII. 2. 3). Авраам

поверил и повиновался. Вышел из Ура; пришел в Харран. Здесь лишился отца, может быть, не от старости только, но и от трудностей путешествия. Но обетование не исполнилось. Авраам пришел в землю Ханаанскую и узнал, что это земля, обетованная ему и его потомству. Но голод изгнал его из сей земли в Египет, еще более для него неизвестный, еще более опасный. Обетование становилось почти несбыточным: однако Авраам продолжал верить, и терпел. По возвращении в землю обетованную, ссора между пастухами Авраама, и племянника его Лота, заставила их разделиться: следственно Авраам сделался слабее, и тем большей опасности подвергался от соседних иноплеменных народов; и в след за тем, по случаю взятия в плен Лота в Содоме, вмешан был в войну против четырех царей. Мелхиседек благословил его, как победителя, словом: но благословение Божие, которое должно было сотворить его в язык велик, не являлось. Еще Авраам не имел обетованного сына, как уже предречено ему было порабощение потомства его в продолжении четырех сот лет. Надобно было долготерпение, чтобы взирать на столь продолжительныя бедствия, тогда как не видно еще было и начала благословения. Авраам поспешил иметь сына от Агари: но то была ошибка; Измаил не был сын обетования. Сыну обетования надлежало родиться от Сарры: но Сарра была неплодна; Авраам и Сарра были оба стары: какое долготерпение нужно было, чтобы еще веровать, еще надеяться исполнения обетования! Наконец обетованный Исаак родился, вырос; событие обетования Божия началось; надежда благословенного потомства просияла. Конец ли долготерпению Авраама? – Еще нет. Внезапно Бог требует Исаака во всесожжение: отец должен заклать сына, и в нем все свое потомство, и уничтожить Божие обетование! Не лъзя довольно удивиться, как и в сем случае достало у отца верующих веры и долготерпения: но достало. Исаак принесен в жертву в послушном Богу сердце отца своего; и тем самым упрочено на жизнь и благословение всемирное и вечное. В сие время сквозь отдаление веков Авраам увидел день Христа, приносимаго в жертву живую и спасительную на кресте, *и виде, и возрадовался* (Иоан. VIII. 56), не только о своем обетованном потомстве, но и о своем обетованном вечном спасении. *Тако долготерпев, получи обетование.*

Может быть, некоторые подумают: что нам до Патриарха? Кто может быть другим Авраамом? – Не лъзя одобрить сих мыслей. Это уклонения и отговорки от добрых подвигов долготерпения в вере, свойственные тому самому нетерпению, непостоянству, малодушию, лености, против которых Апостол хочет вооружить нас силою примера Авраамова. Правда, что Авраам человек единственный, Патриарх, отец верующих. Но вы, дети веры, разве не дети сего самого отца верующих? А детям прилично ли не подражать доброму отцу? Прилично ли сказать: что нам до отца? Для чего-ж и Писание говорит нам о Аврааме, и о других древних Святых, если сие до нас не касается? – Нет, сказует о путях и судьбах их то же Писание: *сия вся образы прилучахуся онем; писана же быша в научение наше, в них же концы век достигоша* (1 Кор. X. 11). Нет нужды, что мы живем почти на другом конце веков от ветхозаветных Патриархов; их примеры не так далеки от нас, как их времена; их приключения так ведены были Провидением, что между тем, как они шли к исполнению данных им обетований временных и вечных, они показывали нам стези к нашему вечному спасению; и для сего самого их приключения описаны в священных книгах. Дело не в том, чтобы буквально и чувственно повторять то, что в них видим: Бог *удоволи нас служители быти нову Завету, не писмене, но духу* (2 Кор. III. 6). Надобно примечать в Ветхозаветных Святых дух веры, который издавеча приближал их к грядущему Христу, и перенимать оный, как наследие, законно следующее нам, верующим во Христа пришедшаго. Итак должно смотреть на долготерпение Авраама в вере, и побуждать себя постоянно и терпеливо упражняться в делах веры и спасения, поколику немощь наша позволит, паче же, поколику благодать дарует.

Разумеется, что не один Авраам подает в сем пример, но и многие, если только не все, угодившие Богу. Непосредственный сын и наследник обетования Авраамова, Исаак, не так же ли, как отец, *долготерпев, получи обетование* благословенного потомства? Он должен был, не колеблясь в вере, претерпеть двадцатилетнее неплодство Ревекки, опасности и обиды от Герарцев, наконец слепоту, которая воспрепятствовала ему дать, как он хотел, благословение первенцу природы, Исаву, но в то же время, при его долготерпении веры, способствовала дать неотъемлемое благословение избранному первенцу благодати, Иакову. И благословенный Иаков, которого Сам Бог обещал *не оставить* (Быт. XXVIII. 15), не должен ли был долго терпеть смертельную вражду старшего брата, двадцатилетнюю работу в доме неблагодарного Лавана, опасности нападений, разнообразная огорчения семейственные, лишение сына любви и надежд, Иосифа, наконец тягость глада и трудное в старости переселение в необетованную землю Египетскую, в которой надлежало страдать его потомству, о чем предсказание, деду его бывшее, не могло быть и ему неизвестно? Кто не знает, сколько должен был претерпеть Иосиф, чтобы достигнуть спасения своего, и своего племени? Он претерпел вражду братьев, рабство, клевету, узы, темницу. Моисей, чтобы соделать временное спасение своего народа, во образ нашего вечного спасения, также должен был всю жизнь терпеть, то сороколетнее добровольное изгнанничество, то трудную борьбу с ожесточением Фараона, то, почти непрерывную борьбу с препятствиями природы, и с непостоянством и неверностью своего народа.

Но поспешим от дальних образов к примерам более близким. Апостолы, мученики, преподобные, сколько долготерпели, в проповедывании Евангелия, в страданиях за веру, в подвигах духовной жизни! Послушаем хотя одного святого Павла, о себе рассказывающего: *от Иудей пятькратно четыредесять разве единыя приях*, то есть, в пяти разных случаях получил по тридцати девяти ударов; *трици палицами биен бых*, единою каменьями наметан бых; *трикраты корабль опровержеся со мною*; *нощь и день во глубине сотворих*; *в путных шествиих множицею: беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды во градах, беды в пустыни, беды в мори, беды во лжебратии, в труде и подвизе, во бдениих множицею, во алчбе и жажде, в пощениих многаши, в зиме и нагоде* (2 Кор. XI. 24–27). Вспомним наконец и долготерпение собравшего нас ныне во храм сей Человека Божия. Дом, богатство, родителей, невесту оставил чудный Алексей, избирая тесный путь спасения, семнадцать лет провел без жилища, между нищими в притворе церковном; и, что еще труднее, *пробысть*, как сказует повесть жития его, *приснопамятний в отчем дому неведом, сице худый и изнуряем, от врага побораем, от любве сродников разжигаем, и от рабов своих поругаем, не десять дней или сто, но лет семнадесять всецелых* (Пролог.). Какая решительность в намерении спасения, какое постоянство в исполнении, какое терпение в искушениях!

Наша леность неохотно смотрит на таковые примеры долготерпения в вере. Она охотнее ищет примеров тому, как бы спастись легче и скорее. Правда, безконечно-милосердый Бог сделал возможным и сие, дабы никакой грешник, ни в каких обстоятельствах, не имел причины отчаяваться. В Евангелии видим, как несколько слов покаяния и веры отверзли разбойнику рай. Но при сем не оставим без внимания и того, что сей пример в некоторых обстоятельствах безпримерен, именно в том, в какую неожиданную близость судьба поставила погибающего со Спасителем, без возможности удалиться от Него пригвожденному ко кресту, и в какие чудесныя минуты благодати. Приметим также и то, что покаяние, не позднее для разбойника на кресте, поздно было для другого, в тех же самых обстоятельствах, в те же самые благодатныя минуты; что спасенный разбойник обратился ко Христу один, в противоположность нераскаянию Архиереев, Князей, Фарисеев, Книжников, Старейшин, целого Иерусалима. Кто дерзнет сказать, что легче и надежнее к исполнению сие быстрое, ничем неудержимое возникновение из гибели во

спасение, нежели достижение спасения постепенным шествием по пути покаяния и самоисправления, с терпением и долготерпением?

Для успокоения нашей лености и непостоянства, мы говорим, что Бог приемлет и тех, которые часто падают. Так, Он приемлет и сих: но прежде усматривает, по немощи ли они падают, по неведению ли, по соблазнам ли и претыканиям невольным, или напротив, по нерадению, по пристрастию к порокам, в которые падают, не смотря на свидетельство совести против беззаконий, в которых падают. Есть падающие, которым поспешает помощь благодати: и есть падающие, к которым пренебреженная ими премудрость Божия посылает достойное их слово: *убо и Аз погибели вашей посмеюся; – будет бо, егда призовете Мя, Аз же не послушаю вас; възыщут Мене злии, и не обрящут* (Прит. I. 26. 28).

Если бы ты испытывал человека, котораго намерен принять в свой дом; и если бы он, несколько минут занимался тем, что ты ему поручаешь, а потом на целый день, или более, обращался к тому, что ему нравится, что тебе противно, что несообразно с порядком твоего дома: не ужели ты бы его принял? Как же думать, что всесвятый Бог менее нас печется о Своем вечном доме, о небесном граде Своего Царствия, да *не имать в него внити всяко скверно* (Апок. XXI. 27)? Как же думать, что Он доволен будет человеком, который на минуту вспоминает Его, и на целый день, или еще на многие дни забывает; который несколько дней как нибудь постится, и потом на год предается невоздержанию; который одним и тем же языком теперь *благословляет Бога и Отца, и потом кленет человеки, бывшия по подобию Божию* (Иак. III. 9); который после покаяния безопасно возвращается ко греху, и после греха так же безопасно не спешит к покаянию; в котором не только нет готовности, ни желания, ради веры и любви к Богу и Христу, претерпеть всякую скорбь, всякое лишение, всякое бедствие и самую смерть, но который не имеет твердости, для благоугождения Богу, победить страсть, исправить неправильную склонность, отвергнуть худую привычку, предпочесть дело благочестия делу собственной корысти или честолюбия; который, даже после посвящения себя Богу особенным обетом, так же, как без обета, живет миру и работает суете его?

Да уповаем, Христиане, на благодать Божию, обещавшую и подающую нам спасение: но при том *да не лениви будете, но подражатели наследствующих обетования верою и долготерпением* (Евр. VI. 12). Аминь.

CLXXVII.

122. СЛОВО

в день Благовещения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Чудове Монастыре, Марта 25 дня;
напечатано в Христианском Чтении 1835 года
и в собраниях 1844 и 1848 гг.).

<1835 год>

*И исповедуемо велия есть благочестия
тайна, Бог явися
во плоти, оправдася в Дусе, показася
Ангелом, веровася
в мире, вознесся во славе. 1 Тим. III. 16.*

Благоговейно воспоминаем и торжествуем мы ныне тот единственный во временах день, то великое мгновение, когда велия благочестия тайна: *Бог во плоти*, не в слове только, но в силе Вышнего, принесена Архангелом Гавриилом на землю, скрыта в чистом сердце и в приснодевственной утробе Преподобнословенныя Марии, запечатлена смиренным Ея молчанием. После сия *тайна, сокровенная от век и от родов* (Кол. I. 26), превратилась во всемирную славу: но тем не менее и теперь еще остается тайною. *Велия есть благочестия тайна, Бог явился во плоти*.

Дивились, без сомнения, сей тайне и на небесах, когда она там открылась; когда Иисус Христос, воскресший, и возносящийся, дабы сести одесную Бога Отца, *показался Ангелом*, в невиданной ими славе Богочеловека. Небесное удивление, как и все небесное, прекрасно. Дивились Ангелы тайне и славе Богочеловека: но не смущались. Вопросили: *кто есть сей Царь славы?* но не любопытствовали, не сомневались; желали знать, чтобы благоговеть; и прежде нежели провозглашено им разрешение вопроса их: *кто есть сей Царь славы*, они уже принимали Его, как Царя славы; потому что уже зывали: *возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная: и внидет Царь славы* (Псал. XXIII. 7. 8). Чем более непостижимою видят они тайну: тем более находят ее достойною непостижимаго Бога, тем более благоговевут, тем более славят Бога, тем более просвещаются Его славою, и блаженствуют. Там ведение и слава не противоречат и не завидуют тайне: и тайна до бесконечности умножает славу и свет.

Но земля так ли приемлет дивную тайну Бога во плоти, – земля, для которой собственно сия тайна и изобретена, и употреблена, и сокрыта, и открыта, и низведена, и вознесена, и предана позору, и прославлена? – Воистинну благословенна в женах единственная Пресвятая Дева, которая представила Себя достойным хранилищем пришедшей с небес тайне, чтобы она не обратилась вспять, как наполненный сокровищами корабль от берега, не имеющего пристани; – которая, быв возводима в превыспренний сан Богоматери, не попустила своему помыслу, ниже на один волос, подняться из глубины смирения; – которая умела обнять бесконечное Слово Божие столь малым словом человеческим: *се раба Господня, буди мне по глаголу твоему* (Лук. I. 38). После Ея, благословим и тех, которыми тайна Бога во плоти *веровася в мире*, которые оную с верою приняли, верно сохранили, проповедали всем народам; – чрез которых она, в неизменной чистоте, в неуменьшенной силе, и до нас достигла. Но это те, которые хотя и *в мире суть* (Иоан. XVII. 11), однако *не суть от мира* (ст. 14). А мир? – Он не хотел было принять спасительной для него тайны Божией: по слуху о ней, он возстал было в тревоге, чтобы подавить ее, чтобы затмить ее лжами, запутать вымыслами, покрыть презрением и клеветами, чтобы преградить ей путь мечем, залить ее кровию ея свидетелей, погребсти в их могилах, сжечь в огне, потопить в воде, истребить всеми возможными способами истребления. Не удалось! Вопреки усилиям мира, тайна Бога во плоти превратилась, как я уже сказал, во всемирную славу. Но и теперь сколько еще людей, которые или не познали сей тайны, или, познав, не приняли! И что еще прискорбнее, даже между теми, которые получили оную по наследству от отцев и праотцев, или остаются, или вновь являются такие, которые не знают, что делать с сею непонятною тайною; спрашивают, то с любопытством, – почему для спасения человеческого рода употреблено столь необычайное средство – воплощение Божества; то с сомнением, – неужели без сего не возможно спасение человека. А где любопытство, там еще нет чистаго ведения; где сомнение, там еще нет полной веры.

Тайна гонит от себя прочь любопытство по тому самому, что есть тайна. Она призывает к себе веру: впрочем не возбраняет ей мимоходом пользоваться пособием скромнаго размышления, для снятия с ея пути претыканий, которыя бросает на него сомнение.

Если посему осмелиться размышлять о потребности воплощения Сына Божия нас ради человек, и нашего ради спасения: то верующий может положить в основание своего размышления следующие изречения Самого Иисуса Христа.

Первое изречение: *никтоже знает Сына, токмо Отец; ни Отца кто знает, токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти* (Матф. XI. 27). Что без познания Бога нельзя быть спасену и блаженну, в том не усомнится никто здравомыслящий. Но если сокровище Богопознания лежит сокрыто во внутренности самага Божества, недоступно по недосязаемой высоте Его; если взять из онаго себе на потребу спасения может *токмо* тот, *емуже аще волит Сын Божий открыти*; а между тем и Самого Сына Божия, Который *волит открыти* человеку Богопознание, *никтоже знает, токмо Отец*: то как же может совершиться спасительное открытие Богопознания? – Надобно, чтобы Сын Божий, из неведомости Божества, которая превышает всех образов познания, так сказать, выступил в некие познавательные образы, как Он и нарицается *образом Бога невидимаго* (Кол. I. 15). Но в какие образы? – Конечно, ближе к Божеству, в духовные. Положим так. Чрез сие начинает быть понятным, как совершается откровение Богопознания небесное, в духовном, Ангельском мире. Но земля не то, что небо; и человек не то, что Ангел. Особенно в настоящем состоянии земли и человека, небо и Ангел закрыты для земли и человека: следственно и откровение Богопознания, свойственное небу и Ангелам, не было бы еще откровением для земли и человека. И так надобно, чтобы Сын Божий, когда Он *волит открыти* спасительное Богопознание нынешнему человеку, снизшел еще, и вступил в образы познания, ближайшие к человеку; чтобы Слово Божие, не преставаая быть Словом Божиим, вступило в образы человеческого слова; чтобы *образ Бога невидимаго*, не преставаая быть тем, что Он есть, вступил в образы видимые для ока земнороднаго ума; чтобы Он явился или в образах преходящих, – и вот откровения и видения Святых: или в образе пребывающем, – и вот воплощение Сына Божия.

Второе изречение: *никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною* (Иоан. XIV. 6). Что значит прийти к Богу? – К Богу, Который *во свете живет неприступнем, Егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может* (1 Тим. VI. 16) в существе Его, – конечно не может человек придти ни ногами по земле, ниже крилами по воздуху. Что же значит прийти к Богу? Приходят к тому, от кого бывают удалены: но как можно и удалену быть от Бога вездесущаго? – *Дух есть Бог* (Иоан. IV. 24): духовно должно быть и шествие к Нему. Духовное удаление и приближение происходит преимущественно в воле. Волею греховною, злою, человек удаляется от Бога, как и сказано в Писании: *греси ваши разлучают между вами и между Богом* (Иса. LIX. 2). Волею покаянною и благою человек приходит к Богу. И сего-то не может быть без воплощенного Сына Божия, как Он Сам скажет: *никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною*. Если ты спросишь: для чего-ж бы человеку не прийти к Богу одною собственною волею, которая свободна? отвечаю: в добрый час! Сделай опыт. Но если будешь внимателен: то, без сомнения, найдешь и признаешь то, в чем признавались лучшие нас с тобою: *еже хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю; не еже бо хошу доброе, творю, но еже не хошу злое, сие содеваю* (Рим. VII. 18. 19). Как ни странно пред глазами разума сие противоречащее само себе явление в человеческой природе; но оно давно замечено даже и теми, которых сему наблюдению не научило Христианство: и если вникнуть глубже в причину онаго, то можно удостовериться, что так и должно быть при известных обстоятельствах. Источник добра и силы есть един Бог. Если человек стоит в добре, и чрез то в общении с Богом: то он непрестанно почерпает из Бога силу делать добро; и потому как свободен желать добра, так и силен делать оное. Но если он допустил себя до греха, и чрез то вошел в разлучение с Богом: то, по мере удаления от Бога, уменьшается для него удобность почерпать от Бога силу; и потому, когда воля его, по природной свободе своей, делает обратное движение к добру и к Богу, сила делать добро не отвечает хотению делать оное;

и человек не может прийти к Богу сам собою, без особенного, чрезвычайного низведения к нему силы Божией; – без такого посредства, которым бы разстояние между Богом и человеком было наполнено, разделение уничтожено, общение, ничем не пресекаемое, восстановлено; – без посредства, которое бы с совершенным единством касалось обеих разделенных сторон, – Бога и человека. И такое посредство есть Богочеловек.

Третье изречение: *также возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруяй в Онъ, не погибнет, но имать живот вечный* (Иоан. III. 16). Бог не может делать ничего излишнего и ненадобного: ибо сие было бы не сообразно с Его премудростию. Итак, если Бог дал Единородного Сына Своего миру: то видно, сие было нужно. Для чего? – Для того, как скажет Сам Сын Божий, *да всяк веруяй в Онъ, не погибнет, но имать живот вечный*. Не ужели иначе погиб бы мир, и не имел бы живота вечного? – видно, так. Почему? – Чтобы сделать сие, по возможности, понятным, взойдем мыслю к началу тварей. В книге премудрости написано: *Бог смерти не сотвори* (гл. I. 13). Сию строчку из книги премудрости Божественной без затруднения может переписать в свою книгу всякая премудрость человеческая, если она не совсем лишена понятия о Боге Творце всесовершенном. Бог есть чисто жизненное начало. Тварь, как тварь, подвержена переменам: но ея перемены, в творении и под управлением всесовершенного Творца, могут быть устроены в порядке, к совершенству, без страдания, без разрушения грубого, нечистаго, мертваго, даже в случае разрешения оных на составныя начала, которое может происходить легко и приятно, как например (поколик можно найти примеры в нынешнем несовершенном устроении тварей), разрешение чистаго елея в свет, или разрешение ладана в благовонное курение. Откуда же беспорядок, безобразие, нечистота, страдание, разрушение, тление, словом: смерть? – Мне кажется, что и естественное разсуждение не найдет на сие сказать ничего другого, как то, что говорит откровенное Богом учение: *грех в мир вниде, и грехом смерть* (Рим. V. 12). Грех, как отлучение от Бога, есть вместе *отчуждение от жизни Божия* (Еф. IV. 18), и следственно, раньше или позже, – смерть для существа телеснаго, разрушимаго, временная, а для духовнаго, неразрушимаго, вечная, потому что, кроме Бога, нет, и никогда не будет, другого источника жизни. Таким образом грех и смерть ручаются в мире друг за друга, что они тут. Видишь ли владычествующий в мире грех: ты можешь сказать: мир находится на пути смерти. Видишь ли в нем смерть: ты также можешь сказать: мир, видно, согрешил, и идет к погибели. Кто не так слеп, чтобы не видеть в мире владычества ни того, ни другого, ни греха, ни смерти; тот может понять, сколь нужно миру избавление от погибели, дарование вновь вечной жизни. И для сей-то потребности, Бог *Сына Своего Единородного дал есть*. Смерть и погибель приходят на человека, и как естественное следствие удаления от Бога, и вместе, как действие правосудия Божия над грехом. Посему для спасения человека нужно, во-первых, удовлетворить правосудию Божию (потому что никакое свойство Божества не может лишено быть свойственного ему действия; и потому что объявление безусловнаго прощения или ненаказанности, стоящаго уже на пути греха человека всего легче повело бы далее по сему пути, и следственно не ко спасению, а к погибели); – во-вторых, вновь ввести в человечество жизнь Божию, которая бы воцарившуюся в нем смерть победила и уничтожила. Требования трудныя, и естественны невозможны! Удовлетворить правосудию Божию значит предать грешника вечной смерти: за сим совершенно исчезает для него возможность вечной жизни. Как и приблизить жизнь всесвятаго Бога к человеку грешнику? Столь резкая противоположность сближаемых крайностей более угрожает истреблением недостойной твари, как сена от огня, нежели обнадеживает спасением. Что же творит Бог чудес? Он вводит Свою Ипостасную жизнь, Своего Единороднаго Сына, в малую, избранную долю человеческого естества, долгим, сокровенным действием судеб Его приготовленную, от заразной примеси греха предохраненную, соединяет Божество и человечество в единую Ипостась Богочеловека; низводит облеченное человечеством Божество в

состояния человеческие, кроме греха, даже в немощи, в страдания, в смерть. И что же? – Правосудие Божие совершенно удовлетворено, потому что в лице Богочеловека человечество понесло присужденную себе смерть, и понесло вполне, так как и мгновение смерти Богочеловека, по соприсутствию вечного Божества, равняется вечности; на удовлетворении правосудию основано право Искупителя, простить кающегося грешника, без пагубной надежды ненаказанности для некающегося; и в то же время жизнь Божия, низшедшая в глубину человеческой смерти, но смертью по своему естеству не одержимая, из глубины смерти сияет во все умершее грехом человечество, и вносит вечную жизнь во все души, которые ей открывают себя верою, а не отражают ее от себя неверием и ожесточением. *Тако возлюби Бог мир.*

Сии размышления дают место вопросам: как же человек жил, делал добро, познавал Бога еще прежде, нежели совершилось воплощение Божества? Как живут, делают добро, познают Бога и теперь человеки, не пользующиеся плодами воплощения Божества? Вопросы, достойные внимания. Тем, которые не довольно проникли во внутренность тайны Бога во плоти, чтоб изнутри видеть ея живоносный свет, испытывать ея спасительную силу, разрешение предложенных теперь вопросов может, по крайней мере, отчасти показать величие сей тайны, которая одна зиждет из человеческого рода стройное здание, с удивительным единством в разнообразии, простирающееся по всем размерам пространства и времени, и высотой своею теряющееся в небесах; и вне которой человечество представляет беспорядочные развалины, редко где и когда несколько возвышающиеся, вообще же раздробленные, разсыпанные, едва поднимающиеся над землею.

Как жил человек до Христа? – Жил в первоначальной чистоте своего сотворения, посредством общения с Богом Словом, в Котором *живот бе, и живот бе свет человеком, в начале* также, как и всегда после (Иоан. I. 1–4). А с того времени, как грех разлучил человека от Бога, до Христа, если человек, *уже мертвый прегрешеньми* (Еф. II. 5) внутренно, жил еще внешне; и если являлись еще в нем и некоторые проблески жизни высшей: то жил он, во-первых, останками жизни, преподанной ему от Бога в начале, подобно как живет черенок, отрезанный от живаго дерева, до истощения в нем живаго сока, или до привития его вновь к живому дереву; во-вторых, жил предварительными начатками жизни Христовой, которых можно искать далее колыбели Вифлеемской, и ранее благовещения Назаретскаго, можно сказать, окончательнаго, а не начинательнаго: ибо в то самое время, как жизнь первоначальная повреждена грехом, нужно было ввести в человечество врачевство Христово; и оно введено словом первого благовещения о воплощении Бога Слова: *семя жены сотрет главу змия* (Быт. III. 15); и с того времени начало и непрерывно продолжало действовать благодатно, как можно примечать в Патриархах и Пророках. Что касается до естественной жизни человечества, поврежденной грехом; можно ли не примечать, и в прежних временах, и ныне, как она идет не к совершенству, но к разрушению и смерти; как она с течением веков сократилась в летосчислении личного жития; как она растрескалась и разселась на несвязные глыбы, которые называют племенами и народами; как она во многих чуждых Христа народах, низпала до самых низких степеней жизни скотской и зверской.

Как человек познавал и познает Бога, делал и делает добро до Христианства и без Христианства? – Мой ответ один: если познавал Бога, то познавал останками первоначального света в разуме, при помощи благочестиваго предания; если делал что-нибудь, в некотором смысле, доброе, то останками первоначальной доброты в воле. Падением человека во грех, образ в нем Божий сокрушен, но не совсем истреблен и уничтожен; вечное Солнце зашло в душе его, но некоторые лучи зари от Него еще касаются высот ея. И при сем уменьшившемся свете, *невидимая Божия от создания мира*

твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество (Рим. I. 20) *Языцы, закона не имущи, естеством законная творят; – являют дело законное, написано в сердцах своих* (II. 14. 15). Но скажут, может быть: если естественно есть в роде человеческом хотя некоторое познание Бога, и хотя некоторое делание добра: то не мог ли бы он естественными же средствами, при продолжаемых усилиях и взаимном содействии, быть возвышен, усовершен и спасен? Ответ на сие не очень труден: ибо опыты готовы, надобно только указать на них. Род человеческий, до Христианства, в продолжение нескольких тысяч лет имел довольно простора испытывать естественные свои усилия. Что же он выработал? – После древнейших преданий о едином Боге, о непорочности райской, или, как говорилось у язычников, о золотом веке, – многобожие, идолопоклонство, пороки и злодеяния, которых одне названия ужасают противуестественностию, как например, не только человекоубийство, но и детоубийство, и отцеубийство, и человекоядение. Мир языческий, жалкий в невежестве, когда переходит в образованность, становится отвратительным по разврату, который обыкновенно идет рядом с нею, и обращает ее в свое орудие. Что сделала языческая философия? Привела ли она хотя один языческий город или деревню в познание единого Бога? Не она ли напротив изобрела сомнения о бытии Бога и добродетели? – Во времена Христианства легко было разуму зажечь многие фокусы естественного знания при солнце откровения Божественного: но и в сии времена, естественный разум, вознамерясь действовать без Христа, не лишил ли себя самых останков духовного света, не посрамил ли себя неистовством, которого и в язычестве не видано, именно, государственным законом провозгласил-было безбожие? Пусть назовут сие случайным припадком, частным беспорядком, злоупотреблением разума в немногих людях, обладаемых страстями, только наружно представившимся в обширном виде: не спорю, если хотите; но если это злоупотребление, беспорядок, болезнь; то где же благоупотребление, порядок, здравие разума естественного, без высшего управления откровением, без врача Христа? Пусть покажут, если могут, в более обширном, или хотя не в меньшем виде, общественное действие такого разума к совершенству и блаженству рода человеческого! И кто может поручиться, что его злоупотребление, беспорядок, болезнь не возвратятся многократно, в новых, по обстоятельствам, видах, с новою жестокостию, если вы оставите его без высшего попечительства, и предоставите ему независимое владычество; если, прежде несбыточной от него заслуги, провозгласите его спасителем рода человеческого? Поистине, довольно печальных опытов для удостоверения, что самоспасение человечества, естественными средствами и усилиями разума, есть не более, как мечтание и болезненный бред духовно недугующаго человечества. Лучший и действительно спасительный подвиг разума человеческого к совершенству и блаженству человечества может состоять только в том, чтобы безпристрастно изведать и измерить свои силы, средства, недостатки, для сей великой цели; понять возможность, признать потребность откровения свыше; приближаться к *велией благочестия тайне*, положить к ее стопам свое оружие и свой венец; и предать себя в благородный плен, в свободное послушание вере в *Бога являшагося во плоти*.

Христиане, чада Веры, наследники Откровения, хранители тайны Божией! Благословим Бога таин и откровений. Прославим Богочеловека, Начальника и Совершителя веры. Сохраним тайну Божию, толико снисходительно нам вверенную. Помыслим также при сем, что неприлично было бы хранить тайну благочестия в душе и жизни нечистой. Должно хранить святое и Божественное сокровище в ковчеге от злата чиста, – *таинство веры в чистой совести* (1 Тим. III. 9). Аминь.

CLXXVIII.

123. СЛОВО

в день рождения Его Императорского Высочества,

Наследника престола, Государя Цесаревича, Великаго Князя, Александра Николаевича.

(Говорено в кафедральной церкви Чудова Монастыря,
апреля 17 дня; напечатано в Христианском Чтении 1835 года
и в собраниях 1844 и 1848 гг.).

<1835 год>

*Блюдите, да не презрите единого от малых
сих:*

*глаголю бо вам: яко Ангели их на небесех
выну*

видят лице Отца Моего небесного.

Матф. XVIII. 10.

Слава и благодарение Царю Царствующих! День рождения Благовернаго Государя Цесаревича, Наследника Престола, возвращается к нам, сыны России, не только с обычною радостью, но, можно сказать, с радостью возрастающего торжества. Его жизнь является нам, не только как благословенная отрасль благословеннаго корени, не только как цвет прекрасный, блистающий изящными качествами наследственными, но уже и как цвет, оплодотворенный достойным высокаго рождения и назначения воспитанием. Первенец и Наследник Царя, по сему самому, очевидно, выше всего в царстве: но не видали ль вы, как Он являлся сперва в рядах простых воинов, потом пред их рядами в низших степенях военного начальствования; как знаки сих степеней, один по другому, приобретал Он успехами в преподаваемом Ему воспитании; как самое имя Цесаревича получил Он не только как свое достояние, по праву Наследника Престола, но и как награду, по времени, по заслуге? Так руководствовал и руководствует Его благопопечительный Родитель, чтобы в Наследнике Престола образовать Наследника Отеческих доблестей: и собственно, так сказать, рукою возводя Его к сему совершенству, сим же самым подает высокое, но всем понятное, и для всех убедительное, наставление родителям и детям.

И сие-то подает теперь и мне мысль предложить, для обыкновеннаго круга жизни, несколько размышлений об особенном внимании, какого требуют дети и их воспитание.

Общее правило: пекись о детях, не требует долгаго учения и многих доводов. Его проповедует природа. Она говорит в сердце родителей в пользу детей; и не удивительно: жизнь родителей чувствует свою отрасль в жизни детей, и естественно хочет, чтобы она расла и цвела. Но, что более удивительно, природа в самых детях говорит за них, и еще прежде, нежели они говорить умеют: вид младенца умягчает и не родительское сердце, и, если он беспомощен, влечет к тому, чтобы оказать ему помощь.

Безсловесныя проповедуют человеку попечение о детях. Большая часть из них питают своих детей; охраняют с заботливостию и ревностию, переходящею в ярость, и даже с опасностию своей жизни: а некоторые и учат своих детей тому, что принадлежит к свойственному их жизни совершенству.

Но человека сильнее, нежели безсловесных, влечет природа к попечению о детях внутренним побуждением, и нудит необходимостію внешнею. В безсловесных привязанность к детям оканчивается с незрелостію их возраста: в человеке она простирается далее, и остается навсегда. Дети безсловесных скорее и с меньшими

пособиями выходят из состояния беспомощности и незрелости, нежели дети человека. Если бы при сем замечании вздумалось кому спросить: не обижен ли таким образом человек в сравнении с безсловесными? – На сие не обинуясь отвечать можно: нет. И во-первых, потому, что некоторые несовершенства рождения и жизни человека, нами примечаемая, не принадлежат к первоначальной, чистой природе человека, но, как показывает священное предание, суть последствия и признаки ее повреждения прародительским грехом, в начале произвольного, а потом уже наследственного. Во-вторых, потому, что как безсловесные тем более пособий к жизни должны были получить от природы, чем менее способны увеличить оныя своим действием, не имея разума; так напротив человека нужно было не слишком ограждать пособиями природы, чтобы не стеснить поприща, предоставляемого разуму его и свободе. Если бы пособия и побуждения природы так же властно, и так же легко, как безсловесных, двигали человека к целям жизни: то что было бы делать его разуму? Где была бы его свобода? Где достоинство разумного и свободного выбора, заслуга, добродетель, а следственно и высокое нравственное блаженство свободного существа? Дорого же, скажут, покупается совершенство человеческой жизни, всегда только искомое, очевидно жалким несовершенством ее начала! – Да, может быть, не дешево; за то и покупается драгоценное. Какая цена может быть довольно дорога, чтобы купить небесное совершенство, к которому готовится человек на земли? Но и самая низшая совершенства земной жизни человека не бывают так малы, чтобы можно было пожелать променять оныя на подобныя совершенства жизни безсловесных. Захотел ли бы, например, человек променять свой прекрасный, или даже простой, дом на жилище бобра, или гнездо птицы, хотя сии последние одним побуждением природы, легче, нежели дела человеческого разума, устроятся без архитектора, без каменщика, без плотника, без денег? Сие мимоходное оправдание судьбы человека в несовершенстве его рождения, не отводит меня от цели настоящего размышления, но ведет к оной. Если человек рождается более прочих животных беспомощным, и более их требует пособий к усовершенствованию своей жизни: то особенная судьба человечества говорит родителям: попекитесь о детях. Если природа не так усиленно обрабатывает человека, потому что не хочет властвовать над ним, как над рабом; потому что доверяет обработать его разуму и свободе; а разум и свобода в человеке открываются не вдруг, и не без помощи, но требуют пособия от разума прежде открытого, и направления от свободы прежде испытанной и обработанной: то достоинство разума и свободы говорит родителям: попекитесь о детях. Если человек, зачатый в беззакониях и рожденный во грехах, должен быть очищен и возведен к совершенству небесному, то жалкое начало, и высокое назначение, вдруг, и печальным, и торжественным голосом, говорит родителям: попекитесь о детях.

Но там, где глаголет Христос, всего лучше послушать, что Он глаголет. *Блюдите, глаголет, да не презрите единого от малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего небесного.* Сие сказал Он Апостолам, когда, *призвав отроча, постави е посреде их:* и потому, хотя оное изречение, в высшем знаменовании, в качестве притчи, относилось к младенцам веры, но оно сказано было не мимо и естественных младенцев, из коих один был видимым и непосредственным предметом слова Господня, и особенно не мимо детей Христианских, которые обыкновенно суть и младенцы веры, по крещению. Посему каждый раз, когда Господь рукою Своего Провидения поставляет пред вами дитя, когда оно вам родится, или вверяется вашему попечению властью и законом, или приводится в руки ваши нуждою и беспомощностию, вы можете предствалить себе, что Господь смотрит на оное, и говорит вам: *блюдите, да не презрите единого от малых сих.*

И как сильно подкрепляет Он сию заповедь! *Аминь бо глаголю вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего небесного.* То есть: Ангели служат хранителями

детей; следственно имеют к ним внимание, заботятся о них, уважают их: как же вам оставлять их без попечения, без внимания, в пренебрежении? Ангели их *на небесех*, и нисходят для них на землю: вы ли не захотите наклонить вашу земную гордость к их малому возрасту? Ангели их *выну видят лице Отца небеснаго*, и от сего блаженного созерцания обращают взор к пеленам и колыбели, и слух к плачу или лепетанию младенца: вам ли покажется или скучным, или малым делом попечение о малых сих? И кто же посылает Ангелов к младенцам человеческим? Кто, как не Сам Творец Ангелов и человеков? Подумайте же: небо приходит в движение, чтобы сберечь на земле жизнь или непорочность вашего младенца; а между вами нет ли таких, которые без сострадания слышат вопль младенца на коленях нищеты, которые смотрят на возрастание собственных детей не с большим вниманием, как на траву, растущую в поле? Пожелаем, чтобы не нашлось столь жестокосердых, или столь нерадивых, и не станем более говорить о них.

Держась слова Господня, скажем несколько слов о том, как осмотрительно должно быть внимание к детям, и попечение о них. *Блюдите, да не презрите единого от малых сих*. Остерегайтесь, чтобы такое пренебрежение не прокралось, тогда как вы не расположены предаться оному с сознанием. *Блюдите*, родители и воспитатели, *да не презрите единого от малых сих*, которых вы родили, которых вы воспитываете. Вы, может быть, не подозреваете и возможности сего презрения: потому-то и сказано: будьте осмотрительны, остерегайтесь, *блюдите*.

Небрегут о детях, если они по опыту принадлежат кормилице, няне, надзирателю, надзирательнице, более, нежели отцу и матери, и более, нежели то нужно. Природа, или лучше, Творец природы, одной и тойже особе матери дает и млеко кормилицы, и заботливость няни. Правда, что разделять сии служения не редко, больше или меньше, заставляют, то немощь матери, то ея другия обязанности; но если сие делается только по склонности к беззаботной жизни, по необдуманному подражанию примерам подобной беспечности: то лучше бы подумать доброй матери, отнимать ли мать вдруг у двух младенцев, – и у младенца кормилицы, и у своего собственного, и заставлять ли своего младенца пить из груди кормилицы, может быть, тоску по оставленном ею собственном детище, вместо того, чтобы он пил любовь из груди своей матери. Мать, которая кормит и носит на руках своего младенца, отец, который в минуты отдыха от своих дел, также берет его на руки и учит его первым наименованиям того, что священо и любезно, – *блюдите, да не презрите*, – они делают и прекрасное и важное дело: они наслаждаются сими занятиями, дитя также наслаждается; и в тоже время любовь и доброта родительская непрестанно сеет в сердце дитяти семена детской любви и доброты, и ранним и обильным сеянием приготовляет многоплодную жатву.

Небрегут о детях, если хотят только забавлять их, и забавляться ими, и особенно тогда, как настает время более учить их, нежели забавлять. Такое неосмотрительное обращение с детьми обличает, и совет против онаго подает древний Мудрец в следующих изречениях: *ласкай чадо, и утрашит тя; играй с ним, и опечалит тя. Не смейся с ним, да не поболитиши о нем. Накажи сына твоего, и делай им, да не в безстудии его поткнешися* (Сир. XXX. 9. 10. 13). Премудра и спасительна та родительская любовь, которая, стесняя саму себя, несколько удерживает ласку к детям, несколько скупится на утешения им, чтобы сберечь сие в поощрение и в награду их послушанию, или успехам в полезном учении.

Небрегут о детях, если и учат их, но более приятному, нежели полезному. Искусства и познания приятныя доставляют жизни человеческой, так сказать, приправы и лакомства, а не хлеб и пищу: не странно ли было бы заботливо собирать к столу, как можно более, приправы и лакомств, и не заботиться о том, будет ли хлеб и пища?

Небрегут о детях, если старательнее учат их полезному для жизни временной, нежели спасительному для души безсмертной; если тщательнее меблируют их голову набором слов и понятий, нежели возделывают вертоград их сердца, исторгая из него дикие травы неправильных склонностей и привычек, насаждая в нем благия чувствования к добродетели, ограждая его от ветров легкомыслия и от бурь страстей; если при воспитании не довольно помнят и не довольно употребляют в дело, сколь важное само в себе, столь же благодетельное для всех отраслей познания, начало учения: *начало премудрости страх Господень; разум же благ всем творящим его* (то-есть: хорошия познания хороши для тех, которые употребляют их на хорошия дела); *благочестие же в Бога начала чувства* (Прит. I. 7). Вы обрабатываете в детях будущих граждан, воинов, словесников, письмоводцев, художников, промышленников: хорошо; но *блюдайте, да не презрите* – не пренебрегите того, что еще лучше, того самага, в обрабатывании чего хотят помочь вам *Ангели их*, которые *на небесех выну видят лице Отца вашего небеснаго*, – не пренебрегите образования в них сынов Церкви, приготовления будущих граждан неба.

Предоставляю слушающим продолжить сии размышления: ибо имею причины думать, что внимание к предмету сих размышлений, то есть, к воспитанию детей, довольно распространяется. Пример Царя, благословеннаго Отца и благопопечительнаго Воспитателя, и пример Первенца Царева, расширяющаго юныя крила во след великоорлему полету Родителя, величественно и усладительно светит и родителям, и детям, и воспитателям, и воспитываемым; и благодетельная попечительность о воспитании детей простирается от высших до средних, и даже до низших сословий народа. В сей самый день гражданство сей Столицы открывает памятник незабвеннаго дня совершеннолетия Государя Цесаревича, Наследника Престола: и сей памятник будет не бездушный мрамор или медь, но осмидесятерица отроческих душ, у которых бедность отнимала надежду добраго воспитания, и которыя получают сие благодеение от добрых душ Россиян, благодарных Богу за своего Царя, славу России, и за Наследника Его, надежду России.

Воистину, благодарение Царю Царствующим, благостынно хранящему и возвращающему доблести Престола, и оттоле распространяющему всякое добро в царстве и народе. Ангелы Его, хранители Царей и Царств, да ополчаются выну окрест Благочестивейшаго Государя нашего Императора, Благочестивейшия Государыни супруги Его, Благовернаго Наследника Его, и окрест всего Августейшаго Дома; и охраняя Их, сим самым да охраняют благо и спасение всея России. Аминь.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

СЛОВА И РЕЧИ,

напечатанныя при жизни проповедника, но не внесенныя
в собрания 1844, 1848 и 1861 годов.

(Печатаются с брошюр и повременных изданий).

1826 год.

CLXXIX.

25. РЕЧЬ

Благочестивейшей Государыне Императрице Марии Феодоровне,

**по совершении благодарственного молебна о рождении Великия
Княжны Елисаветы Михайловны.**

<1826 год>

(Говорена в кафедральной Алексиевской Церкви Мая 16 дня;
напечатана отдельно и в Московских Ведомостях 1826 года)

Благочестивейшая Государыня! Если бы мы колебались предаться силе радости, которая возбуждается ныне в сердцах наших: то поощрило бы нас к тому слово самого Иисуса Христа. *Жена*, говорит Он, – *егда родит, – не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир* (Иоан. XVI. 21). Если дитя, раждающееся какой либо матери, заставляет ее забыть скорбь матернюю: то Дитя, которое Бог даровал, и Высокой Чете, и вместе Августейшему Дому и всему многочисленному семейству Российского народа, не должно ли всех привести в *радость, не помнящую никакой скорби?*

Вниди наипаче Ты, Великая Матерь! в сию радость Твоих детей, и усугубь радость жаждущей радостного взора Твоего столицы.

Возлюбленная Тебе и нам чета произвела Младенца, котораго возлюбит Россия: Ты во Младенце сем воскресила имя, которое любила Россия.

Да дарует Бог Тебе и Родителям Елисаветы видеть Ее цветущею возрастом, и настоящую радость созревающею неувядаемо!

CLXXX.

26. РЕЧЬ

**Благочестивейшей Государыне Императрице
Марии Феодоровне, по восприятии Ея Императорским
Величеством от святого крещения Благоверныя Государыни
Великия Княжны Елизаветы Михайловны.**

(Говорена в кафедральной Алексиевской церкви Июня 13 дня;
напечатана отдельно и в Московских Ведомостях 1826 года).

<1826 год>

||Благочестивейшая Государыня! Природа Тебе дала Внуку: а Христианское Таинство в одном и том же младенце даровало ныне Тебе Дщерь. Близкое и полное, по намерению церкви, усвоение, которому самые родители уступают место, как показывает обряд церковный.

И радуется Церковь, как о том, что сей младенчествующей Дщери дома Царева ныне уже дана *область дщерию Божиею быти* (Иоан. I. 12), так в особенности о том, что сию новорожденную Дщерь церкви прияла Ты на Твои Священные руки. Ты достойно принесешь Ее ко Христу. От Тебя, удобно Ей, не только принять то, чем украшаются Дщери Дома Царева пред очами царства земного, но и наследовать то высшее царственное благолепие, о котором написано: *вся слава дщери царицы внутри* (Псал. XLIV. 14).

Ангелы, Хранители приносимых ко Христу детей, да споспешествуют Тебе окривлять сего малаго Ангела, и воспитывать новую Дщерь Твою в свойствах дщери Божией.

CLXXXI.

27. РЕЧЬ

**при совершении молебствия о победе,
одержанной над Персами.**

(Говорена в Чудове монастыре, в присутствии Императорской фамилии,
сентября 28-го дня; напечатана в Московских Ведомостях 1826 года)

<1826год>

Благочестивейший Государь Император!

Богу, надеющихся на Него всегда победителями творящему, благоугодно было торжественное время священного коронования Твоего непосредственно заключить и запечатлеть торжеством победы. Новое для нас радостное знамение, что Бог, благодатно преклоняясь к молитвам Твоим и Церкви, действительно благословил Тебя, как мирною властью над народом Твоим, так и победоносною силою на врагов. Сим паче и паче утверждаются надежды наши и восприемлют новое дерзновение молитвы наши, да благопоспешит Тебе Бог всегда и во всем!

1834 год.

CLXXXII.

28. РЕЧЬ

**Благочестивейшему Государю Императору
Николаю Павловичу, пред вступлением Его Величества
в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.**

(Говорена октября 5-го дня;
напечатана в Московских Ведомостях 1834 года)

<1834 год>

Благочестивейший Государь!

Праведник, которого на месте его труда и покоя посетить ныне благоизволяеши, будучи совершенный исполнитель совершенной заповеди любви к Богу и ближнему, хотя исключительно посвятил себя на служение Богу, тем не менее и в жизни совершил и по смерти не престал совершать свойственным ему образом благопотребное служение Государям и отечеству, как духовный ревнитель общественного блага, как чудное орудие Провидения.

Посему радуемся мы теперь, что угодник Божий соединит молитву свою с молитвою Помазанника Божия; и также молиться дерзаем, да будет сие молитвенное общение духу Твоему в радость и благословение Твоим Царским подвигам.

1835 год.

CLXXXIII.

29. РЕЧЬ

Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу пред вступлением Его Величества в Московский Успенский Собор.

(Говорена апреля 30 дня; напечатана в Русском Инвалиде 1835 года)

<1835 год>

Благочестивейший Государь!

Священная притча учит нас всегда бодрствовать: *не весте бо*, говорит, *когда Господь дому приидет, да не пришед внезапно, обрящет вы спящия* (Марк. XIII. 35. 36).

О если бы Твое пришествие большею частию так внезапное, как в притче, всегда находило нас так готовыми, как учит притча!

Но если пронизательный взор Твой усмотрит между нами что либо недовольно бодрствующее и уготованное: то да будет позволено верному граду Твоему воспринять себе другую притчу: *аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. IV. 2). Мы почиваем в безопасности, надежной на Твое попечение, защиту, правду и милость. Но сердце наше бодрствует верно-подданническою любовью и жаланием исполнять Твою священную волю.

И теперь, когда великое солнце наше с своею светородною утреннею звездою восходит на нашем небе, – кто, как не бодрствующая всегда любовь, будит все души, все чувства, устремляет столько жаждущих взоров, воздвигает столько радостных кликов.

Гряди, – и взором Твоего благоволения и мановением Твоего могущества паче и паче возбуждай нас ко всему достойному Твоих благотворных намерений, между тем как мы молим Отца Светов, да свет Твоея жизни, Твоего престола и Твоего Рода, всегда восходит, не зная вечера и нощи, также как наше сердце пред Тобою не хочет знать сна и дремания.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТИЕ.

СЛОВА И РЕЧИ,

ненапечатанные при жизни проповедника.

(Печатаются с рукописного сборника М. М. Евреинова и других рукописей)

1826 год.

CLXXXIV.

32. СЛОВО

в день Святителя Алексия, Митрополита Московского
и всея России чудотворца.

(Говорено в Чудове монастыре февраля 12 дня)

<1826 год>

*Имеяй уху слышати, да слышит, что Дух
глаголет Церквам:
побеждающему дам ясти от манны
сокровенныя. Апок. II. 17.*

Есть обыкновенная пища, о которой говорит Апостол: *брашна чреву, и чрево брашном: Бог же и сие и сия упразднит* (1 Кор. VI. 13), то есть предаст истлению, и грубые оных действия прекратит. Была некогда необыкновенная пища, – чудесная манна, видимо сходявшая с небеси, о которой глаголет Спаситель Иудеям: *отцы ваши ядоша манну в пустыни, и умроша* (Иоан. VI. 49). Дух святой возвещает и обещает еще иной род пищи, совсем неизвестный обыкновенным людям, и потому названный *манною сокровенною: побеждающему, глаголет, дам ясти от манны сокровенныя.*

Кто же знает, что то за новая пища, без сомнения, лучшая других родов, потому что не всякому дают оную, а берегут для угощения победителя? – Для примера могу вам сказать, что сие знает сей, ублажаемый ныне, победитель греха, увенчанный нетлением. Ибо как приемлющие тленную пищу предаются и сами тлению: так, напротив, *Преподобный Божий*, которому *недано видети истления* (Пс. XV. 10), без сомнения, приготовлен к состоянию нетления нетленною и пищею, и следственно, предварительно *дано ему ясти от манны сокровенныя*. Посему самому и гроб его соделался трапезою, от которой верующие, одним благоговейным приближением, или прикосновением уст, уже некоторым образом причащаются также *манны сокровенныя*, то-есть, силы духовной, укрепляющей, услаждающей, успокоивающей и восполняющей.

Поелику же Дух, как пишет Тайновидец, о манне сокровенной *глаголет Церквам*, и следственно сия *манна* хотя и *сокровенная*, обещается не каким-либо людям, но всем верно и мужественно подвижающимся в воинствующей Церкви Христовой: то и мы, хотя, может быть, более побеждаемые, нежели побеждающие, отважимся нечто гадать о *манне сокровенной*, и сею наградою побеждающих поощрять себя к подвигу и победе.

Все мы знаем, что тело подвержено гладу и жажде, и нужду имеет в пище и питии, которыми утоляются неприятные чувствования глада и жажды, услаждается вкус, подкрепляются силы, восполняется ущерб вещества в телесном составе. Но и дух не подвержен-ли также гладу и жажде? Не имеет-ли нужды в питании? Что может свойственным ему образом питать его? Знаем-ли мы сие о духе так ясно, как о теле?

Един Бог есть существо самодовольное, в Себе Самом всегда полное и обилующее всяким благом, никогда ни в чем не оскудевающее отвне, и следственно не имеющее нужды ни в каком питании. Дух человеческий, как сотворенный и непрестанно зависящий от Бога, не есть самодоволен, потому что не есть Бог; а не будучи самодоволен, он имеет нужду приобретать потребное себе довольство, или свойственным себе образом питаться. Воля его, как пищи, алчет добра; ум его, как пития, жаждет истины. Но не в нем корень добра, не в нем источник истины: следственно, не имеет он пищи и пития в себе; надобно, чтобы оныя ему даны были. В Боге корень добра, в Боге источник истины: следственно, для питания духа требуется не то, что восходит из земли, но что с неба нисходит, – *манна. Хлеб*, не только по происхождению, но и по свойству чисто *небесный*, нельзя положить на

земле открыто пред очами телесными, воду жизни нельзя влить в сосуд из мертвого вещества; потому истинная пища духа, по необходимости, есть *сокровенная* для плоти.

Слово Божие часто говорит о сей пище, давая нам познать и восчувствовать существенный наш глад и обрести спасительное питание. Пророк Давид скажет, как сам он питался сею пищею: *Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит. Уготовал еси предо мною трапезу против стужающим мне: чаша Твоя упоявающи мя, яко державна* (Псал. XXII. 1. 5). Иногда изображает божественное обилие сея пищи для всех человеков: *умножил еси милость Твою, Боже: сынове же человечести в крове крилу Твоею надеяться имут. Упнутся от тука дому Твоего, и потоком сладости Твоя напоиши я. Яко у Тебе источник живота* (Пс. XXXV. 8. 9. 10). Иногда, как угоститель, приглашает приступить к сему божественному пиршеству: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. XXXIII. 9). *Приидите*, взывает также божественная Премудрость, *ядите мой хлеб, и пейте вино, еже растворих вам* (Прит. IX. 5). А иногда она и саму себя превращает в пищу и питье: *ядущи мя, говорит, еще взалчут, и пиящии мя еще вжаждутся* (Сир. XXIV. 23). Подобно сему и Воплощенная Премудрость глаголет: *Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе: аще кто съест от хлеба сего, жив будет во веки* (Иоан. VI. 51). И к Самаряныне глаголет: *иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущая в живот вечный* (Иоан. IV. 14). И еще: *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Мф. IV. 4). И Апостол истинных христиан описывает, как *вкусивших дара небесного, и причастников бывших Духа Святого, и добраго вкусивших Божия глагола, и силы грядущаго века* (Евр. VI. 4. 5).

Скажут-ли, что это суть только иносказания? Положим, если угодно, что то правда. Но как-бы то ни было: поелику духовное, по естеству своему, более заключает в себе существенности и силы, нежели телесное: то сии, если угодно так назвать, иносказания и уподобления должны заключать в себе более существенности и силы, нежели те вещи, от коих оныя заимствованы. Если мысль о пище телесной и ея потребность не есть мечта, то кольми паче мысль о пище духовной и ея потребности есть истина.

Спросят-ли: как можно представить питание духа, который, как существо простое, не знает ни ущерба, ни прибавления? Ответствую: в духе все должно представлять духовно. Тело лишенное свойственной ему пищи, наконец разрушается; а дух разрушиться не может. Но как тело от продолжаемого чрезмерно голода тоскует и слабеет: так и дух без пищи, ему свойственной, тоскует и слабеет. И сии состояния еще более относятся к духу, нежели к телу, которое только по действию духа может иметь живую силу и ощущение удовольствия. Как телесная пища и питье услаждают, подкрепляют, делают покойным и довольным чувственного человека: так духовная пища духовному человеку доставляет внутреннее, сердечное и умное услаждение, подкрепление, покой и довольство.

Спросят-ли еще некоторые: как-же мы не чувствуем в себе мнимаго духовнаго глада, или жажды? Пусть присовокупят к сему и еще вопрос: как-же, когда мы слышим слово Божие, которое называют хлебом или водою жизни, мы не примечаем в душе нашей живых ощущений наслаждения, или внутренняго питания, и, когда слово умолкает, вскоре остаемся также пусты, как прежде онаго?— Чтобы на сие ответить, спросите человека, у котораго болезнь, или грубая невозможность повредила вкус и естественное расположение к питанию: почему пища для него невкусна? Почему он не хочет принимать ея, или приняв, но не напившись, беспорядочно извергает? Неукротенная чувственность и земныя страсти расслабляют дух, заглушают его внутренния ощущения, повреждают его небесныя желанія.

По сему-то и не всякому обещается *манна сокровенная*. Какая польза, и как можно давать пищу тому, в ком болезнь произвела отвращение от нея и неспособность к питанию? Когда тело преодолает борющуюся с ним болезнь: тогда может воспользоваться пищею. Когда дух победит чувственность и страсти: тогда способен будет во здравие духовное ясти, от манны сокровенныя. *Имей ухо слышати, да слышит, что Дух глаголет Церквам: побеждающему дам ясти от манны сокровенныя.*

Подвизайся мужественно, христианин! Побеждай диавола, мир, плоть, самого себя. Побеждай гордость, как враждебную силу диавола, — похоть очес, или зависть и любостязание, как поработленную силу мира, — похоть плоти, или чувственное желание наслаждения, как бунтующую силу плоти; наконец, поелику не одне внешния силы ведут брань против духа твоего и Духа Божия в тебе, но в тебе самом, в твоих неумерщвленных желаниях сердечных, в твоих неочищенных помыслах, есть благоприятствующая врагам твоим сила, — побеждай самого себя. Распинай *плоть со страстми и похотми* (Гал. V. 24). Низлагай в себе *помышления и всяко возношение взимающееся на разум Божий* (2 Кор. 10. 4. 5). Тогда ухо услышит звуки слова Божия; а ум и сердце с услаждением найдут в них манну сокровенную или воду живую. Уста примут видимые дары Таинства; а любовь духа живым ощущением примет Господа, входящего вечерять с тобою.

Душе Святой! Сам даруй и нам ухо слышати, и ум разумети, что глаголеши Церквам, и сотвори, благодатною Твоею силою, да *победим* и вкусим *от манны сокровенныя*, юже Ты Един *даеши* побеждающим. Аминь.

CLXXXV.

33. СЛОВО в день Святаго Царевича Димитрия.

(Говорено в Архангельском Соборе, мая 15 дня)

<1826 год>

Горе вам, яко зиждете гробы пророк, отцы же ваши избииша их. Лук. XI. 47.

Неожиданное обвинение произносит в сих словах Господь на книжников и фарисеев Иудейских.

Горе вам, яко зиждете гробы пророк! И так неужели созидать гробы пророков есть преступление?

Отцы же ваши избииша их. Но что до того детям, которые их не убивали? Не в законе-ли Твоем, Господи, написано: *сын не возмет неправды отца своего* (Иез. XVIII. 20)?

Сомнения сии не суть праздныя, и дело сие не есть чуждое и для вас, которые сие слышите.

Увы! от рода отцев наших были те изверги рода, которые убили сего царственного мученика. Достойнейшие из рода отцев наших, при благоприятстве судьбы Божией, прославляющей неповиннаго страдальца, создали ему гроб. Вы красите раку праведнаго — благоговейным посещением, поклонением, лобзанием. И так, уверены-ли вы, что не

угрожает и вам *горе*, возвещенное детям избивших пророки, *зиждущим гробы пророческия, и красящим раки праведных* (Мф. XXIII. 29)?

Остановимся, размыслим, в каком преступлении обвиняет слово Господне книжников и фарисеев, от какого преступления предостерегает всех нас?

Горе вам, яко зиждете гробы пророк, отцы же ваши избиша их.

Без сомнения, не то вменено книжникам и фарисеям в преступление, что их предки убивали пророков. От сей вины решительно освобождает их слово Господне у пророка Иезекииля: *сын не возмет неправды отца своего, и отец не возмет неправды сына своего: правда праведнаго на нем будет, и беззаконие беззаконника на нем будет* (XVIII. 20).

Еще менее можно полагать вину их в том, что гробы пророков, или вообще святых человеков времен предшествовавших, созидали, украшали, почитали. Не из почтения-ли к гробам святых предков, с клятвою завещавал Иаков Иосифу, говоря: *да почию со отцы моими: и изнесеши мя из Египта, и погребеши мя во гробе их* (Быт. XLVII. 30). Не с почтением-ли к святому предку и *кости Иосифовы изнесоша сынове Израилевы из Египта* (Иис. XXIV. 32). А когда случилось, что в незакрытый и не охраненный гроб пророка Елисея нечаянно поверженное тело мертвого человека *прикоснуса костем Елиссеовым, и оживе* (4 Цар. XIII. 21); тогда не надлежало-ли признать не только невинным, но и похвальным и должным то действие, чтобы создать и приличными знаменами отличить от прочих гроб пророка, дабы нечистое не прикасалось к святому, а ищущие очищения и освящения, без затруднения могли находить между костями мертвых кости животворящая.

В чем-же виновны зиждущие гробы пророков? За что угрожает им *горе*? Они виновны в лицемерии; за лицемерие должно прийти на них горе. *Горе вам книжницы и фарисее лицемери, яко зиждете гробы пророческия.*

Лицемер есть тот, кто представляет лице благочестиваго и добродетельнаго человека, не будучи таковым в сердце; или, по выражению Апостола, кто имеет *образ благочестия, силы же его отверглся* (2 Тим. III. 5), или *Бога исповедует вести, а дела отменяет* Его (Тит. I. 16).

Лицемер есть тот, кто на словах строго ревнует о вере, как православный, а жить попускает себе слабо и безпечно, как язычник; кто любит учить других, но не старается сам следовать своим наставлениям; кто делает добрые дела, но не с добрым намерением, как-то, из своекорыстия, самоугодия, тщеславия; кто хвалится точностию, с которою исполняет наружные обряды набожности, но, как известная Самаряныня, занимаясь спорами о месте и других внешних обстоятельствах богослужения, совсем не понимает *поклонения Богу духом и истиною* (Иоан. IV. 24) и еще хуже Самаряныни, и понимать сего не хочет, и понимающих сие преследует.

Как лицемеры, книжники и фарисеи совиновны были отцам своим, и вместе с ними подлежали прещению Господню, не потому, что родились по плоти от избивших пророки, но потому что в духе своем богопротивныя свойства их по своей воле возродили. Давно предложен был вопрос людей, неразумяющих путей Божиих: *что яко не взя сын неправды отца своего?* И Бог чрез пророка на сие отвечает: *понеже сын правду и милость сотвори, вся законы Моя соблюде, и сотвори я, жизнью поживет* (Иез. XVIII. 19). Посему если кто предложит обратный вопрос: *что, яко взя сын неправду отца своего?* Без сомнения, на основании того-же ответа Божия, ответить можно: *понеже правды и*

милости не сотвори, и закон не соблюде; поелику он свободно сделал себя наследником неправды и беззакония своих предков: то по необходимости сделан будет наследником их бедствий и казней. Сей точно разум имеет и прещение Господне на Иудейских лицемеров. Господь обличает их: *соблаговолите делом отец ваших* (Лук. XI. 48); вы так-же, как они, расположены внутренно. Он предсказывает: *се Аз пошлю к вам пророки и премудры и книжники: и от них убьете и распнете, и от них бьете на сонмищах ваших, и изженете от града во град* (Мф. XXIII. 34). И проникая в таковыя их расположения, и предвидя таковыя дела их, Он их и оплакивает, и осуждает: *горе вам! яко да придет на вы всяка кровь праведна* (35)!

При богопротивных внутренних расположениях и намерениях сих лицемеров, какая польза, или достоинство в личине, которою они покрываются, как-бы ни была она благовидна? Они зиждут почетные гробы убиенных пророков: какая в том польза, когда сердце их есть сокровищница вражды и смерти против живущих святых, когда *гроб отверст гортань их* для убийственной клеветы на неповинных чад премудрости? Они красят наружно вещественныя раки праведных: какое в том достоинство, когда не украшают себя внутренно духом и живыми чувствованиями праведных? Мало сказать, что в сем случае нет в том пользы, нет в том похвалы, нет в том достоинства: точно, горе им, что они то делают, лучше-бы они того не делали. Если-бы они не оказывали почтения умершим пророкам и праведникам: то можно было-бы заключить, что по неведению не отдают справедливости живущим, и потому заслуживают извинение; но когда то, что уважают в умерших, оскорбляют в живущих: то *горе* им, как виновным, и паки *горе*, как неизвинительным! И между нами человеками, не столько ненавистен тот, кто не оказывает нам любви или уважения, сколько тот, кто показывает вид любви ненавидимому, или вид уважения презираемому: как-же должен быть пред Сердцеведцем Богом отвратителен тот, кто пред благочестием и святостию являет наружныя знамения благоговения, которых сердце его не знает? *Горе вам лицемери, яко зиждете гробы пророческия!*

Из сего могут видеть и нынешние почитатели гробов пророков, или апостолов, или мучеников и других праведников, чего при сем, впрочем справедливом и священными преданиями утвержденном почтении, должно им остерегаться. Остерегаться им должно лицемерия.

Если с видимым усердием ищите вы гробов и останков святых телес пророков или апостолов, божественных проповедников веры, но не имеете внутреннего усердия искать живаго слова и духа веры и святыни в их священных писаниях, особенно когда не имеете недостатка в способах сего искания: то остерегитесь, чтобы некогда не пришло на вас *горе*, изреченное на лицемеров.

Если вы чтите гробы мучеников, которые утвердили веру тем, что терпеливо за нее пострадали, но сами не столько расположены собственным терпением, и, когда нужно, страданием доказать непобедимость веры, сколько мучить других за любимыя вами мнения: то берегитесь; и сие расположение духа не столько вас не обнадеживает радостию, которую святые находили в страданиях, сколько вам угрожает *горем*, которое предвещено подражателям избивших пророки.

Если вы красите знамениями благоговения раки праведных и святых, — а Сердцеведец усматривает закосневающую в вашем сердце неправду и беззаконие: — остерегитесь, — *горе!*

Напротив того, благословение Божие да придет на вас, истинно благоговейные читатели гробов праведнических, когда вы, притекая к сим святым гробам, искренно желаете почерпнуть от них дух правды и святости, для вашего внутреннего оправдания и освящения; когда, приближаясь к нетленным телесам, вы стараетесь не менее приблизиться к блаженным духам, их одушевлявшим, чрез послушание их неповрежденному учению, чрез подражание их чистому житию, чрез общение данной им от Бога благодати, когда, с любовью духа, лобызая остатки святых преставльшихся, с такою-же любовью отверзаете объятия всему благовому и святому, что, по благодати Божией, еще является и в живущих человеках.

Да мимоидет всех нас горе лицемерия! Да посетит нас благословение искреннего благоговения и любви ко всему святому! Аминь.

CLXXXVI.

34. СЛОВО в день Преображения Господня

(Говорено в Чудове монастыре, августа 6 дня)

<1826 год>

*Аминь глаголю вам, (яко) суть нецыи от zde
стоящих,
иже не имут вкусити смерти, дондеже
видят Сына
человеческого грядуща во царствии Своем.
Матф. XVI. 28.*

Иудеи, от дней родоначальника своего Авраама, ожидали некоего блаженного царствия, долженствовавшего устроиться чрез обетованное семя, в котором по обетованию благословятся все народы земли: но более четырехдесяти родов от Авраама вкусили смерть прежде, нежели явилось обетованное семя и ожидаемое царствие. И так весьма важно было для них узнать, что есть уже люди, которые доживут до явления сего царствия. *Суть нецыи от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына человеческого, грядуща во царствии Своем.*

Христиане! мы не ожидаем с Иудеями мечтательно блаженного царствия земного, мирского, чувственного, но чаем по вере царствия духовного, царствия небесного, царствия собственно Божия. Однако не уподобляются ли некоторые из нас Иудеям в том, что пределы ожидаемого царствия Божия полагают далее гроба. Не есть-ли потому и для нас новое, и, дабы мы не оставались в неведении о истине, давно возвещенной, весьма нужное учение, что есть и должны быть люди, которые встречаются с царствием Божиим ближе гроба? *Суть нецыи от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына человеческого, грядуща во царствии Своем.*

Царство Иисуса Христа Сына Божия есть царство всех веков. Псалмопевец написал, Апостол истолковал изречение Псалмопевца о Сыне Божием: *Престол твой, Боже, в век века* (Евр. I. 8). И да не подумает кто, что сим означает только вечность в будущем, или безконечное царствие Сына Божия: ибо тот-же Апостол, и в том-же разсуждении о Сыне Божием, говорит, что *Им и веки сотворены, и носит Он всяческая глаголом силы своея* (ст. 23); следственно, Его царственное могущество вечно в полном знаменовании сего

слова, как не имеющее ни временного начала, ни временного конца; и действительно владычествует Он над тварями во все продолжение существования тварей. Посему царство Сына Божия в отношении к Самому Сыну Божию, не только будет, но и есть и было; не грядет, но пребывает; не ограничивается какими-либо пределами, но простирается безпредельно.

Как-же вопрошают Господа ученики: *аще в лето сие устрояеши царствие Израилево* (Деян. I. 6)? Что такое проповедует Иоанн: *приблизися царствие небесное* (Матф. III. 2)? Один предполагает, что царствие небесное было далеко; другие думают, что царствие Израилево, под именем которого, без сомнения, разумеют царство Иисуса Христа Сына Божия, еще не устроено. Так говорится о царствии Сына Божия в отношении к человекам. Царствие небесное далеко, если оно не познается человеками; оно еще не устроено, когда человеки не устрояют себя в члены и орудия онаго. Царствие небесное приближается, когда познается человеками; устрояется, когда они *созидаются в жилище Божие духом* (Еф. II. 22). Поелику-же и для человека, в полном устройстве является и познается царствие небесное в небесах, Божие в Боге, и сие может быть только тогда, когда *узрим Его лицом к лицу* (1 Кор. XIII. 12), *якоже есть* (1 Иоан. III. 2); когда *будет Бог всяческая во всех* (1 Кор. XV. 28), а сие может быть не прежде, как по разрешении от смертного тела, которое, по выражению Апостола, *устраняет нас от Господа* (2 Кор. V. 6); то и есть основание мыслить, как мыслят обыкновенно, что царствия небеснаго должно ждать каждому сыну царствия не прежде смерти земнаго тела своего, а всем не прежде, как и вся земля, и яже на ней дела сгорят (2 Петр. III. 10).

Но между вечным царствием Божиим, долженствующим открыться в человеках после временной жизни и преходящего мира, Господь указывает некий средний вид Своего царствия, не совсем непостижимаго, и не совсем открытаго, частью будущаго, частью настоящаго, для одних искомаго и ожидаемаго, для других обретаемаго и действительнаго. *Суть нецыи от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына человеческого, грядуща во царствии Своем.*

Кто стояли там окрест Господа, когда Он изрек сие таинственное предсказание? В их жизни надлежит усматривать, как оно исполнилось, и что значило. Кто-же стояли там? Из повествования евангельскаго видно, что то были двенадцать Апостолов, и что Иисус *ко учеником Своим* (Матф. XVI. 24) говорил о Своем близком пришествии во царствии Своем, или, по выражению другаго Евангелиста, *о видении царствия Божия, пришедшаго в силу* (Марк. IX. 1). Как-же увидели сие Апостолы прежде, нежели вкусили смерть, и которые из них особенно сие увидели?

Иисус Христос явился в мире, *зрак раба приим* (Филип. II. 7), сокрывая силу Своего царствия, или только начатки онаго являя в могущественном слове и чудесах. Так было, без сомнения, до крестной смерти Его. Но и по воскресении Он торжественно возвестил о Себе ученикам своим, что *дадеса Ему всяка власть на небеси и на земли* (Матф. XXVIII. 18): следственно, с самага воскресения Его начали они *видеть Сына человеческого, грядуща во царствии Своем*. Когда потом возшел Он на небеса, возсел одесную Бога Отца, и вновь явился грядущим на землю, низпосылая Духа Святаго на Апостолов и прочих верующих, когда посредством сего Духа, действительно начал устроить из верующих одно благоустроенное общество Своих последователей, церковь Свою, царствие Свое, когда царствие сие из Иудеи во все страны света распространилось с такою скоростью, что при жизни Апостолов простиралось уже от Индии до Испании, от Скифии до Ефиопии, с такою силою, что гонения Кесарей победило кровию мученичества: тогда, не обинуясь, могли Апостолы сказать Господу на Его предсказание, что воистину, *еще не вкусив смерти, видели они царствие Божие, пришедшее в силу.*

Но не трудно приметить, что в сем значении, видение Сына человеческого, грядущаго во царствии Своем, и царствия Божия, пришедшаго в силу, с малым неравенством принадлежало всем Апостолам, кроме Иуды предателя: Господь-же усвояет обещанное видение только некоторым из них: *суть нецыи от zde стоящих*. Посему невольно возобновляется вопрос: кто сии некоторые?

Для ответа на сие, простаго, но тем не менее вернаго, не станем умствовать, а прочитаем евангельское повествование, как оно есть. *Суть нецыи от zde стоящих*, глаголет Господь, *иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына человеческого, грядуща во царствии Своем. И по днех шестих*, продолжает Евангелист, *поят Иисус Петра и Иакова и Иоанна брата его, и возведе их на гору високу едины, и преобразися пред ними* (Матф. XVII. 1. 2). На что-бы с такою точностию означать Евангелисту промежуток времени между предсказанием о скором пришествии Сына человеческого во царствии Своем и между чудесным действием преображения Господня, если-бы между сими случаями не полагал Он тесной связи, если-бы, то-есть, случившееся ровно чрез неделю после предсказания не было событием предсказания? И так, нецыи от стоявших окрест Иисуса, именно Петр, Иаков и Иоанн увидели его грядуща во царствии Его, увидели царствие Божие пришедшее в силу, когда увидели Его славное преображение. Божество Иисуса просияло сквозь Его человечество; Моисей законодатель, как раб, предстал Владыке закона; Илия ревнитель единого, истиннаго Бога, пришел поклониться Богочеловеку; глас Бога Отца возвестил возлюбленнаго Сына и приглашал к повиновению Ему, яко царю: *того послушайте*; блаженная сила царствия небеснаго проникла и восхитила Апостолов, и жизнь небесная едва не поглотила в них земную; так что возвращение от небеснаго видения к земным ощущениям казалось им пробуждением от сна, или, может быть, не прилично-ли было-бы назвать сие погружением из бодренной жизни небесной в полусонную жизнь земную.

Прекрасное видение – подумают, может быть, некоторые: но что до того нам, когда и обещал оное Господь немногим избранным, а теперь и событие уже миновало? А я думаю, что во всей земной жизни Господа нашего Иисуса Христа едва-ли есть что-нибудь такое, что-бы до нас не касалось. Не для нас-ли Он на земли родился, жил, умер, и воскрес? Не для нашего ли спасения все и глагодал и творил? И как верно то, что соделал Он все для нас потребное, так верно и то, что не сделал ничего излишняго. Надобно было, чтобы Он после явления Своего во зраке раба, но прежде последняго славнаго Своего пришествия предварительно и тайно пришел во царствии Своем; надобно было, чтобы ученики Его, еще не вкусив смерти, хотя на мгновение ока увидели царствие Божие, пришедшее в силу; сего требовал всеобщий закон постепенности, соблюдаемый в действиях и откровениях Божиих; сие частное явление царствия небеснаго нужно было для приготовления к трудному и не скорому полному откровению онаго. А сие служит указанием и для нас, да еще в настоящем житии нашем *откровенным лицом славу Господню взирающе, в тойже образ преобразуемся* (2 Кор. III. 18). Надобно, чтоб и мы, сперва подвизаясь в покаянии, в делании заповедей, как рабы, потом чрез веру, молитву, любовь соделались из рабов сынами Божиими, преобразились внутренно из земных человеков в небесных, дабы, наконец, могли воскреснуть и вознестись в славную жизнь и в царствие небесное. В ком прежде смерти нет царствия Божия, пришедшаго в силу: тот после смерти не приидет в царствие Божие, пребывающее во славе. Аминь.

CLXXXVII.

35. СЛОВО

**по освящении храма Живоначальныя Троицы,
что на Покровке, на Грязях.**

(Говорено сентября 12-го дня)

<1826 год>

*Иже обрете благодать пред Богом, и
испроси обрести селение
Богу Иаковлю. Соломон же созда Ему храм.
Но Вышний не в
рукотворенных церквах живет.
Деян. VII. 46–48.*

Так пред сонмищем Иудейским разсуждал о храме Божием архидиакон Стефан, муж, по свидетельству Евангелиста Луки, *исполненный веры и Духа Свята* (Деян. VI. 5). Когда святой Стефан говорил, речь его клонилась к обличению жестоковольных Иудеев: но когда святой Лука написал речь его в книге Деяний апостольских, она, без сомнения, относится к наставлению христиан.

Наставление, заключающееся в вышеприведенных словах Стефана, может быть благовременно при настоящем торжестве освящения, благочестивым усердием возсозданного и возобновленного, храма Божия.

Иже обрете благодать пред Богом, и испроси обрести селение Богу Иаковлю. Сие говорит Стефан о царе Давиде, который, как повествует вторая книга Царств (VII. 2), чрез пророка Нафана просил от Бога позволения, вместо подвижной и, вероятно, уже ветхой скинии, создать новый, неподвижный храм. Должно заметить, что богодухновенный проповедник, прежде нежели сказал о намерении Давида создать храм, предварительно упомянул о благодати Божией к Давиду: *иже обрете благодать пред Богом*. Чрез сие Дух Святой, глаголавший устами Стефана, дает разуметь, что самое намерение или желание создать храм Божий, самая мысль о сем родилась не просто, подобно многим человеческим помышлениям и желаниям, но в человеке облагодатствованном под осенением Духа Божия. Следственно, можно сказать, что первоначальная мысль создать храм Божий была мысль Божия в человеке.

Соломон же созда Ему храм, продолжает святой Стефан. Если намерение создать храм было дар благодати в Давиде: то нет сомнения, что исполнение сего намерения – создания храма – было также дело благодати в Соломоне. Сам Бог предназначил Соломона к сему делу, и сказал о нем чрез Нафана: *той созиждет дом имени Моему* (2 Цар. 7. 13). И дабы показать, что сие назначение, и назначенное дело, было в высшей степени благодатное, Бог сказал о Соломоне в то же время чрез того-же Пророка: *Аз буду ему во Отца, и той будет Ми в сына* (ст. 14).

Не усомнимся присовокупить к сему и еще заключение, что если создание храма Божия было действие благодати, то и храм созданный есть дело благодати; если началом его была благодать, то и концем его должно быть распространение благодати в человеках. Ибо не можно и подумать, чтобы благодать Божия употребила свое действие на то, что ея недостойно, или несообразно с ея намерениями о человеках.

Христиане! между храмом иудейским, к которому первоначально относятся предъидущия размышления, по руководству слов святого Стефана, и между храмом христианским, в котором теперь мы находимся, разность та, что храм иудейский, во дни неплодства Церкви, был один во вселенной, а храмы христианские, во времена многочадия Церкви, разродились повсюду во множестве, и что сокрывавшееся во храме иудейском под

покровом сеней обрядовых и гаданий пророческих, в христианских храмах является во свете откровенного слова Божия, в силе и могущественном действии Святого Духа чрез божественныя Таинства. Посему благодать храма иудейского по превосходству принадлежит храму христианскому.

И так, благо тому из нас, кто в сердце своем обрел благочестивое желание создать или возсоздать и обновить храм Богу христианскому. В сем желании обрел он благодать, и, послужив благодати усердным исполнением сего желания, обрести может *благодать возблагодарить*, то-есть за благодатный подвиг получить благодатное воздаяние: ибо благодать не может быть не благодарна для служащих делам ея.

Благо и тому, кто любит созданный храм и охотно посещает его: ибо он любит дело благодати, посещает обитель благодати; следственно, в сей любви, в сем усердии носит уже и сам в себе семя благодати, которое, будучи в храме напаяемо из источников благодати, каковы суть Слово Божие и Таинства Божественныя, может принести обильный плод просвещения, мира и спасения душевного.

Возвратимся к разсуждению святого Стефана. *Соломон же созда храм Ему*, сказал он, и тотчас присовокупляет: *но Вышний не в рукотворенных церквах живет*. Какой внезапный оборот мыслей! Что глаголеши, проповедниче Божий? Как можем мы разуметь тебя, или как согласить тебя самага с собой? Если-же Вышний не живет в рукотворенных церквах: на что же созидал Ему рукотворенную церковь Соломон, на что желал сего Давид, на что благодать вдохнула Давиду желание сего, на что Сам Вышний назначил Соломона для исполнения онаго? Правда, и Соломон – создатель храма с неким недоумением говорит к Богу: *аще истинно вселится Бог с человеки на земли? Аще небо, и небо небесе не довлеют Ти, кольми паче храм сей, его же создах имени Твоему* (3 Цар. VIII. 27). Почему и просил он не обитания Божия во храме, но благодатнаго призрения на храм: *да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь* (ст. 29). Но не больше-ли того, на что дерзала смиренная молитва, даровал Бог, когда *исполни слава Господня храм* (ст. 11), и когда Бог изрек о нем сие обетование: *будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (IX. 3)? Там-ли не живет Бог, где сердце Его во вся дни?

Для разрешения сих недоумений, и для правильного уразумения слов святого Стефана вспомним, что речь его, как выше сказано, клонилась к обличению Иудеев. Они, видев чудесный облак, который осенил храм во время освящения его, слышав обетование, по которому Бог *сердце* Свое положил во храме, подумали, что храм Иерусалимский соделался не только твердым и постоянным на predetermined время, но и непременно на веки селением Божиим; что и город Иерусалим, и народ Иудейский, имея у себя святой храм, по сему самому также святы, неприкосновенны, неподвержены оставлению от Бога. Сии неосновательныя и грубыя, но набожностью прикрытыя мысли сделались у Иудеев пищею нечестия и беззакония. Бог живет у нас во храме, говорили они: и не заботились о том, что нет Бога пред очами их. Надеясь на место святое, язык грешный, по выражению пророка Исаии, *людие исполненные грехов* безстрашно *прилагали беззаконие к беззаконию* (Иса. I. 4. 5). Когда им угрожали, что умножившиеся между ними грехи погубят их, они либо не внимали сему, либо гневались на сие, прельщая себя надеждою, что святое место спасет их. Святые мужи церкви Иудейской давно усмотрели сие заблуждение своего народа и неоднократно с ревностью обличали оно. Тот Исаия, котораго и приводил во свидетельство святой Стефан, опровергая дерзкую надежду беззаконников на святой храм, говорит от лица Самого Бога: *Небо престол Мой, земля же подножие ног Моих: кий дом созиждете Ми? и кое место покоища Моего* (Иса. LXVI. 1). И вместо ложной надежды на одну видимую и чуждую святыню, внушая истинное упование на благодать Божию, в послушании приемлемую человеком, и

соделывающую его самого храмом Божиим, пророк присовокупляет также от лица Божия: *на кого воззрю? токмо на кроткого и молчаливого, и трепещущаго словес Моих* (ст. 2). Так и чрез Иеремию говорит Бог: *не надейтесь на себе в словесах лживых, понеже весьма не уполеуют вас, глаголюще: храм Господень, храм Господень, храм Господень есть* (VII. 4).

Подобно сему и писатель Маккавейской книги рассуждает, что *не ради места язык, но языка ради место Господь избра* (2 Мак. V. 19). Следственно, если народ не пользуется благодатию святого места к своему освящению, то не приемлемая благодать удаляется, святыня скрывается и на месте селения Божия может явиться мерзость запустения. В таковом духе обличения сказал и святой Стефан, что *Вышний не в рукотворенных церквах живет* (Деян. VII. 48): то есть не заключается вездесущее Божие существо во храмах, хотя в них благодать присутствует; не привязано благодатное присутствие Божие ко храмам, хотя им даровано; не в том собственно живет благодать, что есть рукотворенное во храмах, но, будучи сама духовна, проходит она сквозь рукотворенное и сокровенно ищет оживить собою также духовное, то есть внутреннего человека. Если человек жестоковыен, невнимателен, нечувствителен, упорен против Духа Святого: то и в отверстом рукотворенном храме благодатное жилище Божие для него заперто; рукотворенная церковь не освящает и не спасает того, кто с своей стороны не подвизается, чтобы сделать себя живою церковию живаго Бога.

Но перестанем изъяснять слова Стефана. Довольно сказать: чему он учил, тому же его и наш Божественный и единственный Наставник научает в следующих словах: *грядет час и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною: ибо Отец таковых ищет поклоняющихся Ему* (Иоан. IV. 23).

Что скажем на сие, христиане? Скажем ли с некоторыми: на что же нам и церковь рукотворенная? Не довольно ли знать одну церковь нерукотворенную в сердце? Остережемся. Сие значило бы метаться из одной крайности в другую; сие значило бы на место грубой жестоковыйности плотской поставить гордое упорство духовное. Сам Основатель духовныя Церкви – Христос и Его Апостолы, не посещали ль рукотвореннаго храма? Не рукотворенные ли виды хлеба и вина предал Он для совершения божественнаго и боготворнаго Таинства тела и крови Его? Не будьте так грубы, чтобы останавливаться на одном рукотворенном; но и не будьте так горды, чтобы пренебрегать рукотворенное, чрез которое Бог творит чудеса благодати.

Но если кто, простояв уреченный час в церкви рукотворенной по образу христиан, позволяет себе прочее время жизни проводить в страстях и пороках, по подобию язычников, – кто покланяется пред видимым рукотворенным образом святыне Божией, но не старается преобразиться внутренно во образ Божий правдою и преподобием истины; кто дает фимиам в кадило, но не приносит Богу в огне любви благоухания молитвы; кто слышит в храме звуки слова Божия и думая, что тем исполнил дело Церкви, безпечно забывает оное; видит служение Таинств, но не жаждет душею причащения чрез них благодати Божией: всякому таковому и мы со святым Стефаном говорим: *Вышний не в рукотворенных церквах живет*; не в стенах, знамениях, звуках, обрядах состоит благочестие и жизнь благодатная, жизнь Божия в человеке; дабы найти сию жизнь, надобно, в ограде храма, при занятии чувств и мыслей освященными знамениями, божественными звуками слова, священнодействиями Таинств, *поклоняться Отцу небесному духом и истиною*; а также и вне храма всю жизнь свою посвятить исполнению воли Божией, и сделать оную непрерывным богослужением.

Вера, молитва и внимание к заповедям Божиим и к собственным делам нашим да помогут нам, братия, *обрести благодать пред Богом, и испросить обрести селение Богу Иаковлю, то есть, обрести благодать нерукотворенного храма, или вселение Христа верою в сердца наша* (Еф. III. 17). Аминь.

CLXXXVIII.

36. СЛОВО

в день восшествия на Всероссийский престол Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича, по первом лете царствования Его.

(Говорено в Московском Большом Успенском соборе ноября 20 дня)

<1826 год>

*Сотвори мне величие Сильный, и свято имя
Его.* Лук. I. 49.

Забудем на минуту, что мы стоим теперь в великом храме, в котором, после без сравнения великаго имени Царя царей, паче всякаго иного имени возвеличено имя Царицы небесная. Возвратимся мыслию за осьмнадцать веков назад; войдем в малое Иудейское селение, *Горняя*; встретимся там в малом, без сомнения, доме священника Захарии, с родственницею его юною Девкою Мариною, которая, хотя и происходила из великаго рода Давидова, но, конечно, не сохраняла уже никаких останков сего древняго величия, когда обручена была малому земли, древоделю Иосифу. Там, и тогда поставим себя слушателями торжественнаго восклицания Марии. *Сотвори мне величие Сильный*: а ни в ней, ни окрест Ея, невидно никакого знака, ни следа величия! Что глаголеши, смиренная Дево? Как не страшишься восторженнаго слова, которым Сама Себя только возносишь? Как станет слово Твое? Кто ему поверит?

Познаем ученики, и вместе поклонники Слова, которым сотворено все, познаем силу Божественнаго Слова. Оно вселилось во утробу святыя Девы Марии: потому сильно было во устах Ея, и воистину сотворило Ей величие Царицы небесная, которое и на земли мы видим, и пред которым благоговейно поклоняемся.

Но так и всегда Сильный и Великий Бог творит величие тем, которые во смирении чувствуют и признают себя немощными и малыми в самих себе.

Благословенная Дева, прославляя Бога, сотворившаго Ей величие, кажется, подражает знакомому Ей чрез церковное пение и домашнее чтение, изречению Псалмопевца, который взывает к Богу так: *Боже мой, не остави мене, дондеже возведу мышцу Твою роду всему грядущему. Силу Твою и правду твою, Боже, даже до вышних, яже сотворил ми еси величия*. Что такое величие? В изъяснение сего Псалмопевец говорит далее: *елика явил ми еси скорби мнози и злы, и обращаю оживотворил мя еси, и от бездн земли возвел мя еси: умножил еси на мне величество Твое* (Пс. LXX. 18–21). Из соображения сих слов можно уразуметь, что *величия*, на языке священнаго писания, суть дела Божия над человеком чудесныя, благотворныя, открывающія безмерное величие Божие, и сообщающія некое величие человеку. Впрочем, приложите имя величия ко всему, к чему оное с некоторым приличием приложено быть может. Думаете ли вы о величии звания и власти, или о величии ума, о величии души, о величии дел: во всех сих отношениях, по

примеру Псалмопевца, по примеру Пресвятыя Девы, не обинуясь возвещаем всему роду сему, что сильный Бог творит *величия*, и что, следственно, без Него тщетно хотели бы немощные человеки поставить себе какое-нибудь самосотворенное величие.

Спросим ум возвышенный, обширный, глубокий; спросим сердце благородное, исполненное благоговения к Богу и любви к человекам, чистое до безстрастия, спросим их: кто сотворил вам сии величия? Природа? Но природа не есть самостоятельная творящая сила, она есть орудие в руках истинного Творца, Бога. Образование? Но по самому своему имени, образование не творит, а только дает некоторый определенный образ свойствам, деятельность способностям, направление силам, которые существуют независимо от образования. Опытность? Но сколько людей, которые среди великих опытов оказываются всегда малыми, как земное бытие, между тем как в других неприметное в начале семя величия, подобно указуемому евангельскою притчею *зерну горюшину* (Лук. XIII. 19), в краткое время возрастает в древо велие? Если и признать, что образование и опыты не только открывают дух возвышенный, но и действительно его возвышают: кто дает образователей и образование, многими тщетно искомое, кто посылает великие опыты и руководствует в них не опытного, иногда и беспомощного, – кто как не Тот, Который, все соделав Словом творческим, по свидетельству божественного Слова, *доселе делает* (Иоан. V. 17), потому что *носит всяческая глаголом силы Своея* (Евр. I. 3), и без Его провидения мы *не можем власа единаго бела или черна сотворити* (Мф. V. 36)?

Если Бог Своим провидением и благодатию творит в человеках величие духа, не мнимое, которое, как призрак, является в порывах к возвышенному, и вскоре упадает в ничтожество или нечистоту, но истинное, постоянное, выдерживающее трудные опыты: то посему самому не должно ли признать, что Бог творит и то величие, которое дает человеку деяния, производимыя необыкновенною мудростию и силою великаго духа, предводимыя благородными побуждениями, сопровождаемыя благотворными последствиями. Душа малая любит все свои успехи приписывать себе одной, из опасения, что, когда отстранит от себя ей не принадлежащее, люди приметят, как она мала; но души великия, после великих дел, сами охотно признаются, как мало было для сих дел того, что знают они в себе, и как многое потребно было для оных от Бога и Его провидения. *От небесе ополчишися звезды*, поет Деввора, прославляя победу над Сисарою, *от чина своего ополчишися с Сисарою* (Суд. V. 20). Не проговорила-ли пророчица, не унизила-ли она великаго дела, произведеннаго необыкновенною силою духа ея, приписав часть знаменитой победы влиянию звезд, которое произвело грозу над неприятельским войском, или направило бурю в лице ему? Нет! она возвестила высокую истину, что видимыя великия дела совершаются не иначе, как под вышним управлением, с невидимою помощию. Какое великое дело? – если угодно иметь и другой пример, – какое великое дело, когда Гедеон, с тремя стами безоружных, рассеял, истребил Мадиямлян и Амалекитян, которые были, *яко пружи множеством, и вельблюдам их не бяше числа!* Но от какой малости зависела судьба сего великаго дела! От сновидения воина в неприятельском стане. *И бысть яко услыша Гедеон поведания сна, и разсуждение его, и поклонися Господеву, и возвратися в полк Израилев, и рече: востаните, яко предаде Господь в руки наша полк Мадиямль* (Суд. VII. 12–15). И сию малость послал великий Бог для того, что без нея не состоялось-бы великое дело человеческое.

Что сказать о величии звания? Если оно приобретено великими делами и благотворными для человечества подвигами: то из сказаннаго уже видно, что и сие величие творит Бог, помощник и покровитель в делах великих и благотворных. Если оно наследовано: и в сем случае, кто как не Бог *благословляет род правых, да будет слава и богатство дому его, и правда его*, наследственная добродетель, *пребывает в век века* (Пс. CXI. 2. 3). Бог

сотворил царское величие малому пастырю овец – Давиду; избрал наследовать оное Соломона; не допустил Ровоама разрушить оное неосторожностью; в лице младенчествующаго Иоаса скрыл оное от коварства и злобы в собственном храме Своем; продолжил оное веки на престоле Иерусалимском, в благословенном, хотя и не во всех своих рожденьях равно достойном, роде Давида: между тем как Израильские цари, которые думали иметь величие без Бога истиннаго, и целые роды их с неблагословеннаго престола, один за другим, как листья и ветви с полусогнившего дерева, низвергаемы были бурями времен мятежных. И всем временам и всем великим земли возглашает все творящая, едина несотворенная премудрость Божия: *Мною царие царствуют, и сильнии пишут правду: Мною вельможи величаются, и властители Мною держат землю* (Притч. VIII. 5. 6).

Бог сотворил величие и роду наших царей, Россияне! и недавно вновь воссоздал оное благословенно царствующему над нами Николаю. Что сделалось – было пред начатием года, котораго благополучное совершение ныне торжествуем, что сделалось – было с сим колько досточтимым, толико достолюбезным величием? Царя не стало, преемник скрывался, крамола подкапывалась во мраке под основание престола. Но Бог, и не ожидавшего и даже уклонявшегося *вознес избраннаго от людей Своих* (Пс. LXXXVIII. 20); сотворил Ему и величие наследия, по закону отеческому, и вместе величие избрания от двух старейших братий, и величие духа, с которым Он первым явлением пришествия Своего уничтожил сопротивных, и величие деяний мудрых и благотворных, которыя возвышают и, без сомнения, продолжают возвышать Его, не в Его скромных помышлениях, не в наименованиях и словах, но в умах и сердцах верноподданных; наконец, после скорбей многих, милосердый Бог *умножил* на Нем и на нас *величество* Своих благодеяний мирным и всерадостным Его венчанием и священным миропомазанием.

Реки ныне, благословенная Россия: *сотвори мне величие, сильный!* Но не забуди приглаголать и сие слово Преблагословенныя: *свято имя Его!* Святи, и не преставай святить имя Бога твоего, благодарением за величие благодеяний Его, молитвою за Царя и всяким благочестием. Святи имя возвеличившаго тебя Бога, не только устами благочестивыми, но и сердцем смиренным, и соблюдением святых Его заповедей, во всякое время, и во всяком деле жития, да и еще сохранит и умножит тебе величие – Сильный. Аминь.

1827 год.

CLXXXIX.

**37. СЛОВО
в день Святителя Алексия.**

(Говорено в Чудове монастыре мая 20)

<1827 год>

*И ныне се аз связан духом, гряду в
Иерусалим. Деян. XX. 22.*

Если взять в разсуждение, что мы от Бога имеем бытие, жизнь, силы, чувства, сердце, разум, волю и от Его провидения многоразличныя блага, коими пользуемся в мире; что

Бог же, и единственно Бог, может даровать нам вечное блаженство, и действительно дарует оное верным рабам Своим, что наибольшая часть людей или знают сие по разумению, или верят сему по несомнительному свидетельству разумеющих; но что при всем том не наибольшая часть людей занимается служением Богу верно, постоянно, исключительно, или, по крайней мере, преимущественно пред всяким другим занятием, то с удивлением должно спросить, как возможно идти так прямо против справедливости, против благодарности, против величайшей пользы собственной? Нашли безразсудные сию несчастную возможность в том, что не отрекаются совсем от служения Богу, желают достигнуть в нем блаженства, и думают, что сего довольно. А узкий путь? – Он сделался шире от умножившагося числа ходящих. А тесная врата? – Оне перестроены просторнее прежнего новыми художниками нравственной жизни. А многия скорби, коими подобает вникнуть в царствие Божие? – Сию чашу испили до дна Христовы Апостолы, мученики, исповедники, во времена гонений на христианство, по самой необходимости; – теперь сей необходимости нет, и мы можем наполнять себе чашу веселия. Может быть, не многие признаются, что так думают; но многие так живут, что жизнь их служит вывескою таковых мнений.

Не сообразуйтесь веку сему, писал Апостол христианам в веке иудейства и язычества. О горе! нужно и в христианския времена повторять христианам: *не сообразуйтесь веку сему*. Сообразуйтесь тем истинным рабам Божиим, которых верное служение Богу неослабляется ни прельщением выгод мирских и удовольствий чувственных, ни опасением трудностей, препятствий, скорбей. Чтобы не искать примера вдали, посмотрите на сего верного служителя Божия, на сего твердаго предстоятеля церкви сей, как он, не колеблясь, шел не только против трудностей, но и на явную опасность для чести веры, которая есть честь Божия, для безопасности церкви, которая есть достояние Божие. Дважды ходил он к царям Ордынским, которых могущество ничем неознаменовывалось чаще, как жестокостию и вероломством.

Один раз Чжанибек призывал Алексея уврачевать Царицу, но Алексей учился слову Божию и молитве, а не врачебной науке; следовательно, уврачевание мог совершить не иначе, как чудом; нельзя было знать, дарует ли Бог чудо исцеления, и особенно для болящей, зараженной зловерием; а то можно было знать почти верно, что неудача врачевания послужит в поругание Христовой вере, и что шутка над верою, по вкусу Ордынцев, будет не иная, как горькая смерть избраннаго ея служителя. Святитель дерзнул о Господе, и чудо совершено, и вера прославлена. В другой раз, Великий Князь Иоанн убеждал Алексея идти в Орду, чтобы отвести от враждебных против России намерений, и ввести в мирныя расположения новаго царя Бердебека, который начал царствование убийством двенадцати братьев. Хотя Великий Князь мог в сем случае полагать некоторую надежду на уважение к имени Алексея, которое, без сомнения, осталось в Орде от исцеления царицы: однако тем не менее посольство сие походило на то, как если бы пастыря овец с одним пастырским жезлом посылали укротить разъяреннаго льва или тигра. Но пастырь словесных овец решился положить душу свою за овцы: и Всемогуший Пастыреначальник, и жизнь его сохранил, и мир словесному стаду и земле Российской чрез него даровал.

Но дабы показать еще в высшей степени священный пример ничем не ослабляемаго служения Богу, вопреки мнениям людей, еще не отвергшихся мира и самих себя, доказывающий, что верные рабы Божии борются с трудностями, и переносят скорби, не по неизбежной только необходимости, но и с добровольною готовностію, и даже с некоторым желанием страдать для Бога, происходящим от сильной любви к Богу, – посмотрим на Божественнаго Павла, когда он идет в Иерусалим на опасность, не по догадкам и заключениям явную, но по свидетельству Св. Духа достоверную, и однако

идет и не колеблется. Прочитаем слова, которые на сем пути своем говорил он Пресвитерам Ефесским, прощаясь с ними. *И ныне се аз связан духом, гряду во Иерусалим, яже в нем хотящая приключится мне не ведый: точною яко Дух святыи по вся грады свидетельствует, глаголя яко узы мене и скорби ждут. Но ни единого же попечение творю, ниже имам душу мою честну себе, разве еже скончати течение мое с радостию, и службу, юже приях от Господа Иисуса, засвидетельствовати Евангелие благодати Божия* (Деян. XX. 22–24).

Чудный Павле! но если ты уже знаешь, что узы и скорби ждут тебя в Иерусалиме, (хотя и не ведаешь от кого и за что, так как ты ни пред кем ни в чем невинен), и если знаешь сие не по догадкам и заключениям, которые, хотя выводятся из обстоятельств, могут оказаться не верными чрез перемену, или от не точнаго познания обстоятельств, но знаешь по свидетельству Духа Святаго, изрекаемому Его Пророками, в непогрешительности коего ты не можешь сомневаться: кто же тебя гонит в Иерусалим, когда ты еще на свободе? Никто, говорит он, кроме того, что я связан Духом. *Связан духом, гряду в Иерусалим.*

Что такое *связан духом*? Неужели подлинно Дух влечет в Иерусалим на страдания, как узника в темницу? – Нет. Ибо мы видим, что когда люди, ему преданные, со слезами молили его не восходить ему в Иерусалим, он отвечал не то, что делает сие по необходимости, по неволе, но утверждал, что делает то, что хочет, и к чему готов по доброй воле. *Отвещав же Павел, и рече: что творите плачуще и сокрушающе ми сердце? аз бо не точною связан быти хочу, но и умерети во Иерусалиме готов есмь за имя Господа Иисуса* (Деян. XXI. 12. 13).

Каким же образом сей, – не знаю, как назвать его, – свободный, может быть, невольник, *связан* был духом, так что шел во Иерусалим на страдание, как агнец на жертву, и был однакоже так доволен в сем состоянии, как агнец на тучной пажити? Павел был связан и веден духом, подобно тому, как *Иисус возведен бысть духом в пустыню по своем крещении*. Под сие полномощное водительство и управление духа, подошел Святыи Павел, деятельно следуя тому же умозрению, и тем же правилам, которые преподавал другим, когда говорил Христианам: *Дух Божий живет в вас* (Кор. III. 16) и потому *Духа не угашайте* (1 Сол. V. 19); – *еще живем духом, духом и да ходим* (Гал. V. 25); – *духом ходите, и похоти плотския не совершайте* (ст. 16), подобно как и Св. Петр учил души очищать в послушании истины духом (1 Петр. I. 22).

По той мере, как отказывают в удовлетворении похотям плоти, плоть умирает для греха, и дух оживает для правды, или добродетели. Чем охотнее и вернее следуют добрым побуждениям оживающего духа, или, по выражению Св. Петра: *души очищают в послушании истины духом*, тем более священный огонь духа возгарается, свет его просиявает, он идет от силы в силу, так, что иногда, в минуты восторга, не только все плотския похоти, но и всякое желание собственной воли человеческой связует, оставляет в бездействии, как бы в плену, или в узах, и только чистым мудрованием духовным, только любовию Божественною, только преданностию воле Божией, едва, так сказать, прикасающагося земле человека водит и носит, куда призывает Бог, и законы царствия Его; хотя бы для сего надлежало идти сквозь огонь и воду, сквозь страдание и смерть. О блаженный плен! О сладкия узы! Неограниченно свободная неволя! Высоковладычественное рабство! Ибо что есть плен духа, как не все побеждающее убеждение истины? Что суть узы духа, разве крепко всеобъемлющая любовь? Добровольная неволя самоотвержения есть совершенная воля Божия, и глубочайшее порабощение закону духа есть высокое право гражданства в Царствии Божием, котораго последняя цель есть не та, чтобы поработить свободных, но чтобы рабов соделать

свободными, и даже царями и иереями Богу нашему. Посему пленник и узник духа не захочет расторгнуть свои узы, или выступить из своего плена, ни для какой свободы плоти, ни для какого владычества в мире, ни по какому побуждению человеческому, как бы оно ни казалось благовидным.

Сходны ли с истиною сии понятия о состоянии связанного духом, судите сами по собственным словам Апостола: *Ни едино*, говорит он, *попечение творю, ниже имам душу мою честну себе*, то есть, не дорожу моею жизнью, *разве еже скончати течение мое с радостию, и службу, юже приях от Господа Иисуса, засвидетельствовати Евангелие благодати Божия*.

Примечайте, Христиане, в указанных теперь примерах образ, или, по крайней мере, важную отличительную черту верного служения Богу, которая есть решительная, безусловная, ни чем не воспящаемая готовность творить волю Божию и дела Царствия Божия: и потом, обратясь к себе, испытайте, сохраняете ли вы в себе таковое расположение верных рабов Божиих, не говорю, в случаях трудных и чрезвычайных, сохраняете ли оное в самых обыкновенных и всем общих делах служения Богу.

Нас не призывают прославить веру чудесами; не посылают безоружных для укрощения жестоких врагов, не ведут во узах духа в узы железные за имя Христово. – Просто приглашает нас вера посетить болящего, беспомощного. Дело доброе, говорим мы: желательно, чтобы оно делалось; но при нынешнем устройстве и обычаях общежития оно неудобно и подвержено пререканиям и другим неприятностям.

Евангелие посылает нас искать примирения со врагом: желательно, говорим мы; но по нынешнему образу мыслей сие унизило бы нас в глазах других, и было бы принято или за действие слабости духа, или за признание нашей вины, которой мы за собою не знаем.

Зовут нас в храм на богослужение; кажется, мы готовы; однако, во время вечерней молитвы мы еще заняты мирскими делами или забавами; до утренней часто не допускает сон; к дневному Богослужению не спешим, а из храма торопимся. О Господи! Дом молитвы Твоя ныне походит на гостинницу, в которую входят, и из которой выходят, когда кому случится. Послушайте вы, которые, видно, еще не знаете того чувства, по которому Давид *едино просил от Господа, еже жити в дому Господни, зрети красоту Господню, и посещати храм святей Его* (Псал. XXVI. 4): знаете ли вы, по крайней мере, приличия ваших собственных домов? Понравилось ли бы тебе, если бы званные к известному часу на твой обед один по другому приходили уже по начатии обеда, и один по другому уходили прежде окончания онаго? Подумай же, как взирает на тебя Великий Домовладыка и Угоститель, Который предлагает здесь Свою Божественную трапезу, когда ты по собственному нерадению исключивший себя из числа причастников оных, и сделавшийся только зрителем, входишь и выходишь безвременно, топотом ног твоих возмущаешь священное безмолвие, и похищаешь у слушающих слово Божие, которого сам не хочешь слушать, наконец, когда еще на сем престоле Царь славы является в таинственном телеси Своем, ты безстыдно и безстрашно дерзаешь обратить к нему тыл и удалиться?

Жаловался некогда Господь на дремлющих учеников своих: *так ли невозможности единого часа побдети со Мною* (Матф. XXVI. 40). Но их могло извинять и пустое место, и отлучение от них Господа, и ночь, и предшествовавшее дневное утомление, как и Сам Он свидетельствовал, что *дух их был бодр, плоть же немощна*. Коль велико должно быть Его негодование, когда мы здесь в признаваемом нами таинственном Его присутствии, во свете дня, при возбуждающем гласе общественной молитвы, не возбуждаемся, не

выдерживаем назначенного для Богослужения часа, и сие не по немощи плоти, но потому, что дремлет обленившийся дух и не связует плоти, своевольной, ищущей суетного разсеяния!

Христиане! будьте судиями сами себе прежде суда Божия. Как бы кто ни был к себе пристрастен: можно ли присудить себе вечность блаженной награды, когда мы одного часа не хотим прилежно послужить Царю и Мздовоздаятелю вечности? Оттрясем же сон и леность; возбудимся к верному, постоянному, и не ослабному служению пред Богом, к исполнению воли Его, не смотря на трудности, не развлекаясь суетными мнениями; а для сего укрепимся связать плоть духом, и ея похотей не совершать, ея деяния пресекать, дабы водимые духом любви Божественной, могли мы и настоящей жизни течение с радостью скончать, и в нескончаемую радость Господа нашего внити. Аминь.

1828 год.

СХС.

38. СЛОВО
в день рождения Ея Величества Благочестивейшей
Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

(Говорено в Свято-Троицкой Сергиевой лавре 1-го июля)

<1828 год>

Туне приясте, туне дадите. Матф. X. 8.

И Господь завещавает Апостолам безкорыстие, когда говорит: *туне приясте, туне дадите*. И церковь, восхваляя память Чудотворцев-Безсребренников, напоминает нам завещание Господне о безкорыстии. Примем напоминание, помыслим о исполнении завещания.

Безкорыстие есть расположение делать добро, без желания собственной корысти.

Впрочем, осмотрительно надлежит различать истинное, Христианское, духовное безкорыстие от мнимаго, мирскаго, наружнаго. Судия, который не требует мзды за дело правосудия и не принимает даров, почитается безкорыстным, но он может быть не таков истинно, каким почитается. Если он поступает безкорыстно только для того, чтобы получить славу безкорыстия, или заслужить награду от земной власти: в таком случае он безкорыстен только наружно, пред глазами людей, а не в духе, пред очами Божиими; самочестие составляет монету, которою он платит себе за свое безкорыстие; надежда награды есть залог, под который он отдает в долг свое безкорыстие.

Поелику истинное безкорыстие есть расположение духовное; то как наружное безкорыстие не есть истинно, когда не соединено со внутренним, так напротив внутреннее безкорыстие не есть еще ложно, а может быть истинно, хотя и не сопровождается наружным нестяжанием. Самуил оказался совершенно безкорыстным пред Богом и пред народом еврейским, когда *рече Самуил к людям: свидетель есть Господь в вас, и свидетель Христос Его днесь в сей день, яко ничтоже обретосте в руку мою; и реша людие: свидетель* (1 Цар. XII. 5)! И таким оказаться не препятствовало ему то, что некогда Саул не смел явиться к нему, пока не нашлась *четвертая часть сикля серебра*, чтобы дать

сему человеку *Божью* (IX. 8), и притом в таком случае, когда нужно было спросить его именно как пророка.

Итак христианин всегда может упражняться в духовном безкорыстии, каковы бы ни были его наружные обстоятельства и мирские отношения. Христиански безкорыстен тот судия, который также не корыстуется самохвалением или почестями, как и дарами, а творит дело правосудия из любви к правде, из любви к ближнему, с благоговейным помышлением, *яко суд Божий есть* (Втор. I. 17). Безкорыстен наставник, который в преподавании, наставлении и руководствовании послушника ищет только блага его, а не благодарности, спасения, а не уважения. Безкорыстен и послушник, если ревнует о делах послушания не ради преимуществ или возвышения, но ради заповеди и примера Того, Который *послушив был даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. II. 8). Может быть безкорыстен и владелец, – именно, когда он отрекается от умножения своих доходов, не желая отягчить иго подручных, и купец, когда, довольствуясь умеренным прибытком, не домогается прибыли на прибыль, или когда предпочитает маловыгодную торговлю вещами нужными и полезными прибыточной торговле такими предметами, кои доставляют пищу только прихотям, страстям и порокам, и самый наемник безкорыстен, когда, зарабатывая насущный хлеб и одежду для себя и своего семейства, не усиливается возвысить свою плату до того, чтобы копить или роскошествовать. Но как есть род безкорыстия в самом приобретении: так напротив опасаться должно своекорыстия в самом раздаянии.

Только тот раздаятель милостыни безкорыстен, у котораго, по наставлению Господню, *не весть шуйца, что творит десница* (Мф. VI. 3), который, отдавая правою рукою долг человеколюбия, не держит в левой счетного листа своих добродетелей.

Спаситель наипаче заповедует безкорыстие в делах духовных и особенною помощию благодати Божией совершаемых. *Ходяще проповедуйте, глаголюще, яко приближися царствие небесное. Болящия исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесы изгоняйте. Туне приясте, туне дадите.* (Матф. X. 7. 8).

В основание святого безкорыстия облагодатствованных человеков, Он полагает чистейшее безкорыстие Божие в раздаянии благодати. *Туне приясте, туне дадите.* Как получили вы благодать Апостольства и дар чудотворения? Приобрели ли вашими подвигами? Заслужили-ль вашими добродетелями? Нет! Подвиги земнородных, земными силами совершаемые, не могут достигнуть до неба; добродетели сынов Адамовых никогда не могут покрыть грехов их, кольми паче заслужить награду Божественную. Благодать Божия, как и все Божие, столь безценна, что высочайшая и совершеннейшая твари не имеют ничего достойного, чтобы воздать за малейший из даров ея. Потому и нарицается она благодатию, что дается единственно по благости Божией. Если так вы ее получили, то так и употребляйте. Воздайте ея раздаятелю хотя тем одним, чтобы преподавать оную другим верно, по Его намерению. Не назначайте на земле цены тому, что на небесах цены не имеет. Не повредите чистейшаго дара нечистотою вашего своекорыстия. *Туне приясте, туне дадите.*

Я сказал: не повредите дара своекорыстием. Подлинно, как тонкое лекарное вещество повреждается в нечистом сосуде, так духовно-лекарная или спасительная сила благодати не может сохраниться в душе, неочищенной от своекорыстия. Валаам двукратным посольством царя Моавскаго призываем был проклинать Израиля: *отвеща Валаам и рече князем Валаковым: аще ми даст Валак полну храмину свою злата и сребра, не могу преступить слово Господа Бога, еже сотворити то мало или велико в разуме моем* (Числ. XXII. 18). Пока сохранял он себя в сем безкорыстии, он имел чистые видения и

пророчествовал. Но когда совратился от онаго, тогда сей тайнозритель и пророк сделался учителем разврата и погиб в общем наказании с развратными. И один из двенадцати избранных между избранными от Самого Сына Божия, очевидно приявший общую с прочими благодать проповедывать царствие Божие, исцелять, воскрешать, – как сей проповедник царствия Божия другим, потерял оное для себя? Как сей исцелитель заразился сам неизцельно? Как сей воскреситель умер без надежды воскресения? Каким образом зло успело сделаться в нем столько ядовито и смертоносно, сколь целебна и живородна была благодать? Не знаем другого яда, которым бы могла быть отравлена в Иуде жизнь Апостольская, и безвозвратно погублена жизнь человеческая, кроме яда корыстолюбия *татъбы*.

Может быть, многие из слышащих сие думают, что сие мало до них касается, как таких людей, которые не получили даров ни пророческих, ни Апостольских, ни чудотворческих. Не так мне кажется, братия! Многое, мне кажется, и мы с вами туне прияли. Не туне ли ты приял от Бога жизнь естественную в рождении твоём и благодатную в крещении? Какими подвигами заслужил ты то, что, по провидению Божию, наследовал от родителей, имение ли то или звание? Купил ли ты душевные и телесные способности, чрез развитие и употребление которых делаешь твои дела и пользуешься жизнью? Если ты имеешь в жизни спокойствие, изобилие, радость: не Бог ли благословил тебя всем сим? Если что и трудами приобрел ты: не провидение ли Божие доставило к тому случаи, направило средства, отвратило препятствия? *Что имаши*, вопрошаю с Апостолом, *его же неси приял* (1 Кор. IV. 7)? И если ты сколько нибудь познал свою ничтожность – *что имаши, его же неси приял туне*, по благодати и милосердию Божию!

А потому можно и к каждому из нас обратиться слово Господне: *туне приясте* многое, *туне дадите*, хотя не многое, что можете. Старайтесь не быть своекорыстны в делах ваших, чтобы всеблагий Бог умножил вам свою безкорыстную благодать. Не все для своей выгоды или чести, не все для награды: делайте что-нибудь доброе для самого добра, для любви к ближнему, для исполнения воли Божией, – о, если бы и все для сего единственно! Век сей сильно заражен своекорыстием: ни крошки без денег, ни шага без платы, ни черты пера без награды. Не увлекайтесь потоком суеты, *не сообразуйтесь веку сему*. Исполняйте волю царя земного по долгу верности, а не по желанию воздаяния, хотя он праведен и щедр в наградах своих; творите волю Царя небесного в духе сыновней любви, послушные даже до смерти: не присвояйте себе и самой жизни: – довольно, что у *Него источник живота* который и для вас не изсякнет. Аминь.

CXCI.

39. СЛОВО

в неделю дванадесятую, при посещении города Коломны.

(Говорено 5-го августа.)

<1828 год>

*Скажу же вам, братие, благовествование,
еже блавестих
вам, еже и приясте, в немже и стоите;
имже и спасаетесь,
кацем словом блавестих вам, аще
содержите: разве аще
не все веровасте. 1 Кор. XV. 1. 2.*

Если св. Апостол Павел братьям своим, чадам церкви Коринфской, *скажет благовествование*, которое уже благовестил им, то есть, напоминает, повторяет, подтверждает Евангельское учение, прежде преподавшее, и уже известное: то прилично и нужно, чтобы и мы братия святые, соборные, и апостольские церкви, тоже приявшие благовествование, и того же служения причастниками по благодати Божией соделавшиеся, признавая свое несовершенство и недостаточество, благовременно друг другу напоминали, повторяли, подтверждали Евангельское учение, которому при святом крещении обещались веровать и последовать; и следственно не по Апостольскому чину то делается, что некоторые наставники преподавать и некоторые братия церковью слушать Евангельское учение не радят, не опасаясь погрешностей и заблуждений от невежества, не страшась осуждения за нерадение. Сего безпорядка страшась, а порядку и примеру Апостольскому последуя, не посланием из далека, но лицом к лицу с вами беседуя, как посланник церкви, *скажу вам, братие, благовествование*, от предков еще вам благовещенное.

Апостол прежде, нежели произносит самое содержание своего благовествования, приготовляет к оному внимание Коринфян, описывая некоторые обстоятельства онаго. Какое же сие благовествование? *Еже прияхте*, говорит он, *в немже и стоите, имже и спасаетесь*. Нет сомнения, что и ваше, братия, внимание сильно возбуждается, когда слышите, что хотят сказать вам благовествование, чрез которое можно спастись. Кто не желает спастись? А желая спастись, кто не пожелает узнать верное средство получить спасение? Будьте же внимательны к учению Апостола, который возвещает вам сие верное средство для сей вожденной цели, который скажет вам благовествование, *имже спасаетесь*.

Вот как он, продолжая свою беседу к Коринфянам, излагает самую сущность своего спасительного благовествования: *предах бо вам исперва, еже и приях, яко Христос умре грех наших ради, по писанием: и яко погребен бысть, и яко воста в третий день по писанием* (1 Кор. IV. 3. 4). Вот, братия, в чем состоит апостольское благовествование, которым спасаются истинные христиане; оно все состоит в сих немногих словах, что Христос умер за грехи наши, и воскрес в третий день, сообразно с тем, как сие предсказано было в писаниях пророческих. Кто узнал благовествование о спасительной смерти и живоносном воскресении Христовом: – тот узнал верное средство к своему спасению. Кто сим благовестием воспользуется, как должно: – тот непременно спасется.

Как? скажут некоторые, – неужели так краток путь ко спасению? Подлинно, братия, безконечный в милосердии Бог дивно сократил нам грешным путь спасения, смертью и воскресением Единородного Сына Своего Иисуса Христа. Ибо тогда, как все мы, чрез грех прародителей наших, от сопредельного с небом рая удалились к самым пределам ада, И. Христос в смерти Своей отверз нам ближайший ход в рай, что и возвестил Сам, еще со креста Своего сказав покаявшемуся разбойнику: *днесь со Мною будеши в раи* (Лук. XXIII. 43), а воскресением Своим, *восходя к Отцу Своему* по естеству, по благодати же и *Отцу нашему*, открыл нам с Собою вход и в самое небо, так что, по сказанию Апостола, Бог Отец *сущих нас мертвых прегрешеньми*, по вере, *сооживи Христом*, и по упованию, *с Ним воскреси и спосади на небесных* (Ефес. II. 5. 6). Надобно только, чтобы каждый из нас свободно и решительно вошел в тот порядок, каким спасительное для всех благовествование о смерти и воскресении Христовом ведет ко спасению каждого.

На сей порядок указывает Апостол, когда Коринфянам о своем благовествовании говорит: *еже и прияхте, в немже и стоите, имже и спасаетесь, кацем словом блавестих вам, аще содержите*. Из сих слов ясно видно, что для достижения спасения каждому надобно,

во первых, принять спасительное благовествование; во вторых, твердо стоять в сем благовествовании; в третьих, содержать оное так точно, как оно преподано.

Принятие спасительного благовествования не в том только состоит, чтобы умом признать благовествование за истинное. Ум есть око души, ему свойственно усматривать истину и различать от лжи, а принимать и, так сказать, усваивать оную есть дело сердца и воли. По сему Апостол принятие спасительного благовествования описывает так: *аще исповеси усты твоими Господа Иисуса, и веруеши в сердце твоём, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися: сердцем бо веруется в правду, усты же исповедуется во спасение* (Рим. X. 9. 10). К верованию сердцем он присовокупляет исповедание устами, потому что, как сказал Сам Начальник спасения: *от избытка сердца уста глаголют* (Мф. XII. 34); и потому если сердце твоё исполнено духом веры, силою спасительного благовестия, то, без сомнения, и уста твои отрыгнут исповедание спасения во время благопотребное; а если ты не имеешь ревности исповедать веру твою во свидетельство истины, то сие показывает, что сердце твоё недовольно исполнено силою веры, что спасительное благовестие не совершенно тобою принято. Но как и устное исповедание может быть явлением веры несовершенным, и даже ничтожным, поелику некоторые, как обличает Апостол, *Бога исповедуют вести, а дела отмещаются Его* (Тит. I. 16): то действительно принятое благовестие, согласно с устами, должно быть исповедуемо делами веры и всюю жизнью христианскою. Если вы приемлете, что *Христос умре грех наших ради* (1 Кор. XV. 3): то, по Апостолу, и *вы помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богови, о Христе Иисусе, Господе нашем. Да не царствует убо грех в мертвенном вашем теле, во еже послушати его в похотех его* (Рим. VI. 12. 13). Если приемлете, что Христос, *Иже предан бысть за прегрешения наша, и воста за оправдание наше* (IV. 25): то вы представляйте себе Богови, *яко от мертвых живых, и уды ваша оружия правды Богови* (VI. 13). *Аще воскреснете со Христом, – вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога сядя: горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. III. 1. 2).

Из сказанного теперь о принятии благовествования само собою открывается, что сие принятие не должно быть действием преходящим, но что принятое благовествование должно сохранять постоянно, или, по выражению Апостола, *стоять в оном*. Бог Спаситель наш есть вечен, и спасение уготовляет нам вечное: но все непостоянное, колеблющееся и преходящее противоречит самому понятию вечности, и потому не достигнет вечности: следственно в порядке спасения по необходимости заключается, чтобы человек всемерно старался соделать в себе постоянными те свойства и расположения духа, которые требуются в нем, как приготовление ко спасению. *Буди верен даже до смерти и дам ти венец живота*, глаголет в откровении Живущий во веки, не одному Ангелу церкви Смирнская, и не одним имеющим скорбь мученическую, но всем подвизающимся для спасения: *ибо Дух глаголет ко всем церквам* (Апок. II. 10. 11).

Сверх постоянства веры в её продолжении, Апостол указывает ещё неизменность её в качестве, как особенное условие спасения, *Спасаетесь, говорит, кацем словом благовестих вам, аще содержите*; вы спасаетесь чрез благовествование в том только случае, когда содержите оное точно в том слове, каким я благовестил оное. Дабы определить, что разумеет здесь Апостол под именем слова, различим слово слуха, слово письмени и слово разума. Одно слово слуха Апостол признает бесполезным, когда говорит об Израильтянах, что *не пользова оных слово слуха не растворенное верою слышавших* (Евр. IV. 2). А упорно содержимое слово письмени он почитает даже убийственным: *писмя убивает, а дух животворит* (2 Кор. III. 6). Итак слово, которое содержать неизменно находит он необходимым для спасения, без сомнения, есть *даемое духом святым слово разума* (1 Кор. XII. 8), самый дух благовествования, самая сущность веры, главные догматы, коренные правила христианства. Их-то надобно содержать так точно, как оныя

нам преданы от апостолов Христовых, яко божественный глагол веры, яко духовное слово разума. Должно содержать оныя так, чтобы мы и не увлекались *словом слуха*, когда оно не имеет свидетельства от божественного писания, или, как иначе изъясняется Апостол, чтобы мы не *скитались всяким ветром учения, во лжи человечестей, в коварстве козней лщения* (Еф. IV. 14), и чтобы без разума не привязывались к *слову писмени*, когда оно не от животворящего духа Евангельскаго происходит, и не приготовляет нас к принятию сего духа.

Се, под руководством Апостольским, вкратце напомним, *сказал я вам, братие, благовествование, еже благовестиши* нам богомудрые отцы наши, *еже*, как то видимо есть, *и приясте, в немже*, уповательно, *и стоите, имже* – о, если бы и остальное мог я присовокупить с полною уверенностию о всех вас! *имже и спасаетесь!* Ведут меня к возжеленному о вас упованию и чистое исповедание веры, вами содержимое, и святыми ея таинствами в вас запечатлеваемое, и древнее благочестие, плодоношением и добродетелями во святых храмах, и делами человеколюбия, до ныне между вами свидетельствуемое. Но как и водимые Богом руководители наши, доколе были на земле, не почитали себя достигшими совершенства в деле спасения: то кольми паче нам должно со страхом и трепетом спасение свое соделывать, и святою заботливостию помышлять даже о том, положили-ль мы благое начало нашего спасения. *Себе искушайте*, скажу вновь с Апостолом, *аще есте в вере* (2 Кор. XIX. 5); испытывайте себя часто, внимательно, точно ли прияли в сердце вы дух веры, коея исповедание носите в устах молитвословящих или славословящих; утвердилось ли сердце ваше во Господе, за вас Умершем и для вас Воскресшем; действует ли ваша вера во всем житии вашем; живет ли во всех делах ваших; и таковым испытанием, как истинные ученики Евангелия, ежедневно поощряйте себя к новым успехам в учении Христовом.

Не пропустите в сем самоиспытании без особенного внимания и того, на что Апостол особенным образом обращает испытательное внимание Коринфян: *аще содержите благовествование в точности, кацем словом благовестили* нам в начале сами Апостолы Христовы, а потом верные преемники служения их. Ибо, к прискорбию, недалеко от нас примеры того, что люди, которые в предках своих одним с нами благовествованием о Христе Иисусе, от единыя Матери, Восточныя Церкви, рождены и воспитаны, теперь не столько содержат истинное слово Христово и Апостольское, сколько увлекаются лицемерием лжесловесников, как безвесельная лодка ветром и волнами, либо держатся только слова писмени, не помышляя искать в нем слова жизни. Не Христово ли слово гласит о Церкви, что *врата ада не одолеют ей* (Мф. XVI. 18)? А они лжесловесят, будто она одолена, и почти разрушена. Не Апостольское ли слово уверяет, что Господь *дал есть пастыри и учителя к совершению святых в дело служения в созидание тела Христова: дондеже достигнем вси в соединение веры и познания Сына Божия* (Ефес. IV. 11–13). А они, сделав сами себя безпастырными, силятся уверять, будто пастыри уже отняты, не рассуждая, что уничтожая дело служения пастырскаго, лишают себя надежды достигнуть и соединения веры, и познания Сына Божия, до коих должно было довести служение пастырей. Не Апостол ли говорит о таинстве тела и крови Христовы: *елижды аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже придет* (1 Кор. XI. 26)? А они хотят, чтобы сие прекратилось прежде, нежели пришел Господь. Что может быть решительнее, как сие слово Господне: *аще не снесте плоти Сына человеческого, ни пиете крове Его, живота не имате в себе* (Иоан. VI. 53)? А они бегут от трапезы Господней, и все еще думают достать себе живот вечный мимо сего слова Господня. Не перстом ли на некоторых из них указывает Апостол в сих страшных глаголах духа: *яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестью, возбраняющих жениться, удалятися от брашен, яже Бог сотвори в снадение со*

благодарением верным и познавшим истину (1 Тим. IV. 1–3). Но сожженные совестью не чувствуют силы сих огненных глаголов духа, и, после столь открытого обличения, не стыдятся лицемерить в надежде на невежество своих последователей, преподают то самое учение, которое Дух Святый приписывает отступникам от веры; *возбраняют жениться* так, что не целомудрие тем сохраняют, но распространяют разврат; велят *удаляться от брашен*, снedaемых верными и познавшими истину; заповедают своим ученикам искать спасение не в очищении своего ума и сердца, но в отлучении для себя особой стклЯницы и блюда.

Верные и познавшие истину братья! В глазах наших один из признаков последних времен: тем паче *бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь*, вооружаясь, впрочем, против разномыслящих не враждою, но молитвою и любовью: *вся вам любовь да бывают* (1 Кор. XVI. 13. 14). Аминь.

СХСII.

40. СЛОВО

в день торжественного венчания и священного помазания Благочестивейшаго Императора Николая Павловича.

(Говорено в Московском Успенском Соборе 22 Августа)

<1828 год>

И истина моя и милость моя с ним.
Псал. LXXXVIII. 25.

В псалме, из которого взяты сии слова, несколько раз упоминается о милости так, что к ней присоединяется истина. В самом начале псалма, Псалмопевец восклицает к Богу: *милости Твоя, Господи, во век воспою: в род и род возведу истину Твою усты моими* (2). И далее: – *в век милость созиждется: на небесех уготовится истина Твоя* (3). И еще: *милость и истина предъидет пред лицем Твоим* (15). Потом, изображая Божия обетования избранному, вознесенному и помазанному в Царя Давиду, Псалмопевец между прочим говорит о нем от лица Божия. *И истина Моя и милост Моя с ним*. И еще далее, о потомках Давида говорится также от лица Божия: *милость Мою не разорю от них, ни преврежду во истине Моей* (34). Из сего последнего изречения можно примечать, что пророк говорил о милости Божией, смотря на дары и обетования Божии, а о истине, смотря на исполнение сих обетований. Милость Божия была с Давидом, когда Бог даровал ему царство, утвердил оное, распространил, особенно, когда с клятвою изрек о нем сие безпримерное обетование: *семя его во век пребудет, и престол его, яко солнце предо Мною* (37). Истина Божия пребыла с Давидом, когда Соломон и дальнейшие потомки его благословенно царствовали над народом Божиим, наипаче же, когда Иисусу Христу *дал Господь Бог престол Давида Отца Его, и Он воцарился в дому Иаковли во веки* (Лук. I. 32. 33).

Как бы то ни было, нельзя не приметить в изречениях Псалмопевца особенного усилия показать милость в тесном союзе и неразлучном сочетании с истиною на небе и на земле. Там возводит он сию священную чету к самому Богу и рядом поставляет в подпоры престола Его, и в предтечи лица Его; здесь также представляет истину и милость в одинаковой близости к Царю, который должен быть возвышен и прославлен: *и истина Моя, и милость Моя с ним, и о имени Моем вознесется рог его*.

Россияне! От полного сердца воспеваем мы ныне милость и истину Божию, явленную в помазании над нами Царя, с Которым и истина и милость царствует, не менее одна, как и другая. Радость наша тем живее, и мы тем достойнее такового царствования, чем искреннее и сами употребляем благородные усилия, не только в размышлении, но и в действовании, представлять истину и милость взаимно соединенными, согласными, неразлучными.

Все чистые и святые свойства, добродетели, совершенства, первоначально и существенно принадлежат Богу: а всякой твари, следственно и человеку, не иначе, как по дару, по причастию, по подражанию. Но как между свойствами, добродетелями, совершенствами Божиими нет разделения, ни противоречия, ни взаимного исключения, а есть всегдашний союз, согласие, и в бесконечной полноте все заключающее в себе единство: то и в человеке потоплику выше дар, потоплику обильнее причастие дара, потоплику вернее подражание Богу, поколику все чистые и святые свойства и добродетели, споспешествуя одна другой, сливаются в единую полноту совершенства духовного. Посему надобно наблюдать, чтобы истина чрезмерною строгостию не изгнала милости, чтобы милость излишним снисхождением не уклонилась от истины.

Прекрасный образ величества Божия представляет уму псалмопевец, когда говорит, что *милость и истина предъидут пред лицом Божиим*. Подлинно, дабы Бог явился и был познан, надобно, чтобы шла пред лицом Его истина Божия, без которой не возможно лицезрение и никакое познание Божества: и, дабы человек вошел в блаженное приближение к Богу, надобно, чтобы предварительно шла в сретение человеку милость Божия, без которой не только бренный и грешный человек, но и никакая высшая тварь не дерзнула бы приблизиться к неприступному Божеству. Истина Божия светит уму; милость Божия привлекает сердце; и таким образом, действуя обе за-едино, приводят человека к Богу и блаженству царствия Его. Но сия же истина Божия и сия же милость Божия нисходят в помощь человеку, долженствующему быть орудием царствия Божия. *И истина Моя*, глаголет Бог, *и милость Моя с ним*. Итак, если человек желает действовать в порядке Божественном, то да не разлучает он истины и милости, кои Бог соединил и для человека, да чтит ум его святость истины, тогда как его сердце ощущает сладость милости; пусть милость и истина предходят пред лицом его, то-есть, являются в его действиях, намерениях; пусть милость ограждает любящих истину, пусть истина снисходит к надеющимся на милость; пусть милость возвышает достоинство и награждает заслугу, но так, чтобы истина определяла меру возвышения и награждения; пусть истина устрашает и карает зло, но так, чтобы милость от того не ужаснулась; пусть истина председательствует на суде, но пусть *и хвалится милость на суде* (Иак. II. 13); пусть истина велит обнажить меч на врага, который на кроткия убеждения истины ответствует яростию злобы, но пусть милость возвратит праведный меч в ножны его, как скоро усмиренный или обзавлеченный враг покорится убеждениям истины, и воспросит милости.

Да не подумает кто, что закон соединения истины с милостию относится только к правительствующим и владеющим. Он простирается далее, и, при правильном разумении, может и должен иметь свое действие и на низких степенях подчиненности. Апостол, не различая ни какого звания или должности общественной, говорит: *плод духовный есть во всякой благодати и правде и истине* (Ефес. V. 9).

То-есть действие духа, или благодати Божией в христианине, кто бы он ни был, оказывается во всех возможных случаях благодатию, правдою и истиною. Только тот действует по христиански, чьи дела ознаменованы вместе и кроткою благодатию и строгою истиною. Истина без благодати подобна лунному свету, который хотя несколько разгоняет

тму, но не согревает и не оживляет. Благость без истины есть добродетель слепая, которая идет на удачу, и часто падает.

Чтобы лучше усмотреть беспорядки, происходящие от разлучения истины и милости, укажем на некоторые более определенные случаи.

Скупой собирает без конца, роскошный расточает до конца; и оба думают, что поступают справедливо, на основании признанной истины, что кто приобрел, тот вправе и распоряжаться приобретенным. Можно было бы поспорить с ними о самой сей истине, если вспомним, что сказал Господь при виде монеты, ознаменованной образом и надписанием Кесаря. *Воздадите*, сказал Он, *Кесарева Кесареви и Божия Богу* (Мф. XXI. 21). Слова сии показывают, что Он признает монету принадлежащею не только имеющему ее, по праву приобретения, но и царю по знамению власти его на ней, и прежде всех Богу, сотворившему злато и серебро. Следственно, полный закон собственности должен состоять в том, чтобы приобретший сокровище употреблял оное частию по воле своей на свои нужды, частию по воле царя, наипаче же по воле Божией. Но и уступая людям одну гражданскую истину, за которую они держатся охотнее, нежели за Божественную, в надежде защиты страстям своим, тем не менее можем сказать им, что чистая и святая истина отнюдь не будет защитницею таких поступков, которые чужды всякой благостыни. Если они приобрели богатство не хищением и не обманом, то не подлежат гражданскому наказанию: вот все право, которое может утвердить за ними призываемая ими в помощь истина. Но если они не употребляют богатства своего на благотворения, то нет в них плода духовного, или, тоже другими словами, они не суть истинные христиане.

Вот мнимая истина вне союза с милостию! Укажем и на такие случаи, где думают о милости, а забывают истину.

Дайте мне должность, награду, почесть, говорит безстыдный искатель, и когда ему отвечают, что он к искомой должности не приготовлен, награды или почести не заслужил, он возражает: сделайте милость. И как уже издавна есть люди, которым кажется, что исполнить такую просьбу значит подлинно сделать милость, и которые сделали сей род милости не необыкновенным, то кротость и добродушие находятся в затруднении отказывать в таких просьбах. Призовем же истину в помощь благодетельным душам, на которых без милости нападают искатели милости. Как? Дать должность неспособному – полно, милость ли это? Правда, это милость потому, что он получит преимущества и выгоды, соединенные с должностю; но с другой стороны это не милость, поелику он поставляется в опасность, по незнанию должности впасть в погрешности, в проступки, подвергнуться наказаниям. А какая немилость для должности, которая получает неспособного исполнителя! Какая немилость для тех, может быть, очень многих, которых спокойствие, безопасность, довольство, усовершенствование зависит от благоразумного и точного исполнения сей должности! Какая немилость для целого общества, в котором такие случаи поощряют несправедливое искательство, приводят в уныние достоинство, возбуждают ропот, ослабляют ревность к благоустройству и надежду благосостояния! Подобным образом и награда незаслужившему есть не столько милость одному, сколько несправедливость против многих. Ибо сколько передано незаслужившему, столько по соразмерности оказывается лишения у заслуживших. – И почесть принятыми знаками, изъявляемая истинному достоинству, возвышает человека, и вместе возвышается человеком, даруемая щедростию, не против истины, возвышает, и еще не унижается; повергаемая на недостойных более унижается, нежели возвышает!

Повторяю, что закон соединения истины с милостию относится не к одним правящим, но простирается на всех христиан, и есть верное мерило их добродетели. Приложим оное каждый к своему состоянию и своим деяниям.

Не домогайся милости, которая оскорбила бы истину, и не вводи во искушение блюстителей порядка и правды. Не домогаясь неправильного возвышения, ты оказываешься возвышеннее, нежели когда бы возвысился низкими средствами.

Праведно приобретенное употребляй праведно и милостиво. Искусство все превращать в золото отнюдь не так важно, как искусство превращать мертвое золото в живую и от смерти избавляющую добродетель.

Поддай пищу и одежду не имеющему и не могущему приобрести трудом: а просящему тунеядцу вместо милостыни поддай истину Апостольского учения: *слышим некия безчинно ходящия у вас, ничтоже делающия, но лукавно обходящия. Таковым запрещаем и молим о Господе нашем Иисусе Христе, да с безмолвием делаяще, свой хлеб ядят* (2 Сол. III. 11. 12).

Так и подобным сему образом *милость и истина да сретаются* и в сердцах и в делах наших, просвещаемые истиною и спасаемые милостию христиане, да и в обществах наших *правда и мир облобызаются* (Пс. LXXXIV. 11). Аминь.

1829 год.

СХСШ.

**41. СЛОВО
во вторник недели о слепом.**

(Говорено при посещении города Клина в тамошнем Соборе, мая 21 дня)

<1829 год>

*Мне подобает делати дела Пославиаго Мя,
дондеже день есть:
приидет нощь, егда никтоже может
делати.* Иоан. IX. 4.

Мимоходом обретаюсь я в сем богоспасаемом граде, и хотя желанием поспешаю к пределу путешествия, но удержало меня здесь воспоминание, что в течение осьми лет седьмой уже раз нахожусь между вами, а еще очень мало пользовался общением вашим. Привлекает меня к христоролюбивым обитателям сего града и другое воспоминание, что в сии годы новою деятельностью ознаменовалось усердие ваше к церкви, в пробудившейся заботливости о храме, долго создаваемом; наипаче же возбуждает меня слово Христа Спасителя, Который и Сам Себе дал правило, и нам, аще и недостойным рабам Его, преподал наставление *делати дела посольства Его дондеже день есть*, не пропускать благовременности сделать что-нибудь по воле Его, во славу имени Его.

Сего ради после общения с вами, по возможности в молитве и тайнодействии, приступаю ныне к общению в слове и учении общего нашего спасения. Слово же и к вашему возбуждению, аще дарует Бог, употреблю то самое, которое меня ныне возбуждает. *Мне,*

глаголет Господь, *подобает делати дела Пославшаго Мя, дондеже день есть; придет ночь, егда никтоже может делати. Егда в мире есмь, свет есмь миру* (ст. 4. 5).

Дабы из сего изречения извлечь наставление, каждому из нас полезное, заметим, во первых, что Господь возбуждает Себя к спасительному для человечества действию по случаю, мимоходом внезапно встреченному. *Мимо идый*, предваряет Святый Евангелист, *виде человека слепа от рождества* (ст. 1). Слепой сидел и просил милостыни. Господь Иисус проходил мимо. Не видно, чтобы слепой призывал Его, или просил об изцелении. Не было, по видимому, никакой причины останавливаться, никакой обязанности действовать. Но Господь останавливается и говорит: *Мне подобает делати*. Почему же так? Потому что благодать побуждает; потому что человеколюбие призывает; потому что есть случай сделать доброе дело; потому что добраго дела, которое можно сделать в теперешний час, не должно откладывать до другого, для которого есть или будет свое дело: потому что случай к добру может пройти, и с утраченным случаем утратилось бы добро, которому он благоприятствовал.

Примечайте, как действует Христос; и научайтесь, как должно действовать христианину.

Немного надобно говорить о том, чтобы вы не проходили мимо нищего, или другим образом несчастного, не оказав ему помощи, если можете то сделать, и чтобы не дожидались вопля и слез, когда самый вид несчастья без слов говорит о нужде в помощи. Правило сие и понятно, и приятно сердцу не ожесточенному. Довольно упомянуть о сем.

Есть дело более важное, более общее, более каждому из нас близкое, о котором нельзя довольно напоминать, чтобы мы не пропускали, благоприятствующих оному случаев.

Одного ли Христа послал Бог Отец, одних ли Апостолов избрал Христос, делати дела Пославшаго их? И тебя, кто бы ты ни был, не послал ли в мир сей Бог, Творец твой и Провидец путей твоих? И если послал: то не дал ли тебе и дела тебя Пославший, Который, будучи премудр в великом и в малом, ничего не делает без благой цели! Какое же сие дело? Христа, Сына Божия, послал Бог Отец; Христос избрал Апостолов, чтобы делать дело спасения всех душ человеческих вообще, или, по крайней мере, всех, которые согласятся и возжелают получить спасение; тебя Бог послал в мир сей, тебя Христос призвал в церковь Свою, чтобы делать дело спасения, по крайней мере, одной собственной твоей души, – дело, которого никогда не сделаешь ты один, сам собою, без Христа, но которого и Христос не совершит без тебя, потому что Сотворивший тебя даровал тебе свободу, и также не хочет отнять дар Свой, как ты не хочешь потерять свою свободу. Сие дело некогда под притчею возвещал Господь Иудеям; о сем вопрошали они Господа: *что сотворим, да делаем дела Божия?* И получили ясный ответ: *се есть дело Божие, да веруете в Того, Его же посла Он* (Иоан. VI. 28. 29). Мы, проходя общим для всех путем земной жизни, обыкновенно идем к какой нибудь собственной цели. Большею частию путем трудов и забот идут к снисканию пропитания и довольства; дойдя до сего, продолжают путь к богатству; богатые стремятся к знатности; а у иных жизнь походит на продолжительную прогулку, не направленную ни к какой цели, кроме искания разнообразных удовольствий. Надобно бы осмотреться нам, сопутники, не прошел ли кто из нас мимо собственной своей души, не оставил ли ее без попечения, без внимания, не сидит ли твой внутренний человек, подобно как слепой на распутии, – не сидит ли он во тме и сени смертной, не видя света Божия, ни пути спасения, едва зная имя Христа Спасителя, не изведывая над собою действия спасительной силы Его? Христос Спаситель не проходит мимо никого из нас: в безконечной премудрости Своей, непрестанно шествуя к безчисленным целям благотворений и блаженств для различных тварей Своих, в то же время в безконечном милосердии Своем, останавливается Он над каждым из нас; являясь

не ищущим Его, и обретаясь не вопрошающих о Нем, Он предстоит каждому из нас с готовою спасительною помощью: но мы в легкомыслии нашем, или не познаем Его близости к нам, или сами пробегаем мимо Его; либо не приемлем Его помощи, либо принятой не сохраняем. Не приближается ли к нам вечно глаголющее Слово Божие внутренно, – в нашей совести, укоряющей за зло, и радующей по соделанию добра? И мы слышим укоры ея, но большею частию не углубляемся в важное дело испытания себя, покаяния и решительного исправления; чувствуем ласку ея за доброе дело, случайно нами сделанное, однако тем не привлекаемся к постоянному в добродетели упражнению. Не глаголет ли к нам Христос в церкви, в Божественном слове Своем, в учении святых Своих, в примерах жития их; не предлагает ли нам спасительную силу Свою в видимых и ощутимых образах таинств, подобно как слепому, светодательную силу в бдении от плуновения. Но как торопливо иногда от краткого слышания слова Божия бежим мы к продолжительному празднословию бесед человеческих: с какою невнимательностию оставляем в стороне примеры святых, как будто возможен иной путь спасения, кроме предложенного Христом и последователями Его, или как будто верный и безопасный путь легче найти в собственной голове, нежели узнать по следам и по сказаниям тех, которые проходили по нему! Если мы не совсем удаляемся от спасительных таинств, – а есть, к сожалению, заблуждающие и до сей крайности, если, говорю, не удаляемся от таинств, то приступаем гораздо реже, нежели как предали нам искусные в деле спасения душ; и причастившись святыни, не продолжаем постоянно дело освящения нашего, но прерываем и уничтожаем оное новыми сквернами. После кратковременной бани покаяния, надолго впадаем в прежние греховные нечистоты. Ежедневный призыв служителя трапезы Господней, чтобы со страхом Божиим и верою приступали к ней, большею частию остается тщетным. Живя с чувствами, слишком открытыми к земному, и по той же мере слишком заключенными к небесному, мы почти не знаем небесного вкуса, почти не ощущаем Божественного питания, без сомнения свойственных оной трапезе на которой Сама Жизнь питает в жизнь вечную, тогда как вкус к брашну гибнущему, и притупивших его временем и неумеренностию, ежедневно устремляет к трапезам прельщения и невоздержания, на которых ревностные их участники с лакомыми яствами скупают свое здоровье и свои будущие годы. Таким образом для дела спасения душ наших, не только не уловляем мы случаев проницательным и постоянным наблюдением, но и постоянными средствами пользуемся только случайно и невнимательно. Долго ли же так? Ей, надобно нам, и чем скорее, тем лучше, чем решительнее, тем полезнее, – остановить себя на путях мира, воздвигнуться от плоти к духу и к Самому Спасителю всех душ, отсечь у себя излишние заботы о ничтожных делах, которые сгорят вместе с землею, на которой делаются, возбудить себя к деятельному понятию о бессмертной душе нашей, поставить себе в правило деятельности, что из всех дел на свете важнейшие и нужнейшие суть дела, которые совершаются между Богом и душою, – дело покаяния, дело веры, дело молитвы, дело нашего духовного Просвещения и освящения.

Другое достопримечательное обстоятельство, предшествовавшее изречению Господню о спасительном делании, есть то, что он пресек начатый Апостолами важный, по видимому, разговор о судьбах Божиих. При виде слепорожденного спросили они Господа: за чьи грехи суждено сему человеку так несчастно родиться? За грехи ли его, или его родителей? Вопрос, по видимому, достойный обстоятельного исследования и разрешения, поелику он клонился к оправданию путей Провидения, в предосторожность против неверия, или ропота. Но Господь в немногих словах отвергает обе благовидные догадки: *ни сей согрешил, ни родителя его*, и еще более усиленною краткостию ознаменовывает открытие истинного намерения Божия: *да явятся дела Божия на нем*. Ответ сей давал случай к новому вопросу, для чего же он страдал прежде, нежели явились на нем дела Божия? Но Господь не допустил продолжаться состязанию, и тотчас присовокупил: *Мне подобает делати дела Пославшаго Мя*, а в след за сим приступил и к самому делу исцеления

слепаго. Сей быстрый переход от разсуждения к действованию, сие приметное усилие сказать как можно менее, мне кажется, говорили Апостолам очень много. Мне слышится здесь нечто подобное следующему: «вы хотите оправдывать судьбы Божиим; Бог не много имеет нужды в оправдании человеческом; во всем оправдает Его, Его Собственный последний суд и вечность; не состязание о судьбах нужно несчастному, а помощь; слепорожденный сам оправдает судьбу свою, когда получит прозрение, с тем вместе просвещение духовное; Христос явился не удовлетворять любопытствующих, но спасать погибающих; как можно менее слов, и как можно более дел; как можно менее любопытства, и как можно более пользы. *Мне подобает делати*».

Наставление сего рода не одним Апостолам нужно было. И мы нередко можем иметь нужду в подобном для вящаго возбуждения нас к делу спасения душ наших. Люди, мнящие разборчивее других заниматься сим делом, сколько делают таких вопросов, которыми более затрудняют себя, нежели помогают делу! Как могло случиться первое грехопадение прародителей? Как мы наследовали грех их, и его наказания? Каким образом крестная смерть Иисуса Христа заглаживает все грехи, уничтожает все их последствия? Если каждый позволит себе вдаваться в подобныя предварительныя изследования, можно запутаться в них так, что и не дойдешь до самого дела. Но по примеру Христову все может разрешиться вкратце. Что грех есть в мире, ты видишь; что и сам живешь во грехе, то чувствуешь. А каким образом крестная смерть Христова исцеляет от греха, и освобождает от гнева Божия и от вечнаго осуждения: поди узнай опытом. Покайся, веруй, начни самым делом вести жизнь христианскую. *Подобает делати*. Сколько еще вопросов о разных подробностях спасительнаго делания! Иной, например, очень много разсуждает о лучшем способе молиться, и очень мало молится. Входит в разбирательства о старых и новых книгах священных и церковных: а ни тех, ни других не понимает и не делает того, что и те и другия равно повелевают. Возлюбленный! Священные и церковныя книги все старыя, потому что в мире нет ничего старее истиннаго христианства в его сущности, но и все новыя, потому что возвещают новаго человека и обновляют жизнь. Возми те из них, которыя ближе, а всего лучше те, которыя предлагает церковь, и не спорь за славянския слова и письма, из коих самыя старыя далеко не так стары, как самая вера, и самыя новыя изображают ту же древнюю веру апостольскую и отеческую, постарайся входить в дух писания, паче всего держаться верою одного Слова, Котораго нет старее, поелику Оно *бе в начале у Бога* (Иоан. I. 1), и нет новее, поелику Оно сотворит вся нова, то есть Иисуса Христа Спасителя нашего, держаться же Его, и веру в Него свидетельствовать не одним устным исповеданием, не одним перстослагательным знамением, но действительным последованием учению и житию Его, всегдашнюю сердечную молитвою к Нему, любовь к таинствам Его, послушанием церкви Его. Если сомневаешься, умеешь ли ты молиться, молись прилежнее, как умеешь: дело само учит, как лучше делать оное, а Отец Небесный, видя твое постоянство в подвиге молитвы, не оставит *послать в сердце твое Духа Сына Своего вопиюща: Авва Отче*, и приводящаго в совершенство дело молитвы. *Подобает делати*.

Третье назидательное для нас обстоятельство изречения Господня о спасительном делании заключается в том, что Он возбуждал Себя к деланию, не смотря на предвидимыя затруднения со стороны человеков. Святый Евангелист повествует, что, когда Господь совершил дело, к которому возбуждал Себя, то есть исцелил слепорожденного, Иудеи гнали Исцелителя смертельно между прочим за то, что сие сделал Он в день субботный, по тогдашнему праздничный; ибо учителя закона из того выводили, будто Иисус не уважал праздников, хотя, впрочем, не трудно понять, что если день святится одним воспоминанием прошедших благодеяний Божиих, то кольми паче святится он настоящим чудесным благодеянием Божиим; столь не благоприятное последствие дела Христова, без сомнения, было пред очами Его всеведения, когда Он еще приступал к делу: и, кажется,

почему бы не отложить только до следующего дня? Кажется, немного было бы потеряно, если бы слепой получил прозрение одним днем позже, а был бы отвращен соблазн, или по крайней мере клевете не было бы дано повода. Такое разсуждение благоразумием почитается у сынов человеческих, но, конечно, безумие видел в оном Сын Божий, когда не последовал оному. Даже приметно, что против сего-то мнимаго благоразумия и направлял Он речь свою к Апостолам. *Явятся*, говорит, *дела Божия на нем*, то есть на слепом от рождения. И когда же? Так скоро, как только можно. Иудеи скажут: лучше бы завтра, и прогневаются, если ныне. Но предусмотрение сего затруднения не остановит предприемлемаго дела. Дел, порученных от Бога, нельзя отлагать в угодность человекам. Должно исполнять оныя немедленно и неупустительно, пока есть благовременность. *Мне подобает делати дела Пославшаго Мя, дондеже день есть.*

Не так ли, христианин, подобает тебе делати дела Богоугодныя ревностно и неупустительно, и не смотреть в сие время на то, как за сие о тебе другие думают, чего от тебя требуют, или как с тобою поступают? Господствующий ныне образ мыслей и обычай едва ли столько вооружается за строгое наблюдение праздников, сколько против сего наблюдения. Ты хотел бы, может быть, провести праздники в молитве и благоговении, как и должно по понятию и назначению праздников, но тебе уступают для сего немногие только часы праздничнаго утра, и почти на весь день призывают тебя к участию в сообществах и увеселениях совершенно мирских и суетных, если не совершенно греховных; и если откажешься, имеешь причину опасаться, что покажешься странным, и даже подозрительным, – что же ты сделаешь? На что решишься? О если бы ты был довольно разсудителен, чтобы сказать себе: мне подобает и всегда, тем необходимее в день Господень, делати дела, угодныя Господу! О если бы ты был довольно тверд, чтобы обратить сии слова в самое дело!

Но чтобы не слишком продолжить слово, поспешим обратить внимание на то, что и Господь поспешает Своим спасительным деланием. Ибо слова: *Мне подобает делати, дондеже день есть*, что значат если не сие: должно мне действовать, и не медлить; нельзя отлагать нынешних дел до другого дня, ниже до позднего вечера, надобно поспешать, чтобы исполнением оных предупредить приближающуюся ночь. *Приидет ночь, егда никтоже может делати.* Что глаголеши Господи? Тебе ли поспешать и заботиться о каком-нибудь дне, – Тебе ли, Котораго дни *безчисленны*, Котораго лета не оскудеют, Который сотворил все дни, Который имеешь целую вечность для чудных дел Твоих! Что за день, который бы мог вместить дела Твои? Что за ночь, которая могла бы угрожать дню Твоему? Господь изъясняет притчу Свою, когда присовокупляет: *егда в мире есмь, свет есмь миру.* Присутствие солнца определяет день для живущих на земле, и в особенности работный день для делающего землю, или созидающего дом: так присутствие на земле солнца правды, Бога явившагося во плоти, определяет особенный день Божественнаго делания. Ночь после сего дня есть время страданий и смерти Христовой. О, ночь, в которую подлинно *никтоже может делати!* В продолжение земнаго дня Христова, не Он только, но и Апостолы Его, перенимая от Сего Великаго Делателя, делали и сделали многое: они уверовали в Него, последовали за Ним, оставя все; исповедали Божество Его, проповедывали царствие небесное, исцеляли недужных, бесов изгоняли. Все прервалось, когда настала грозная ночь, до лучшаго дня воскресения Христова. *Ночь, егда никтоже может делати.* Много поистине надлежало сделать Господу, твердо дела Свои основать, искусно совершить, чтобы сия бурная ночь не разрушила без остатка всего, что Им было созидаемо. И сие-то провидя Господь, поспешил, *делати, дондеже день есть.*

Видишь ли, краткодневный сын времени, как Сам Вечный бережет время, которое ты так безпечно расточаешь? Он не коснит делом твоего спасения; а ты медлишь сим делом, твоим собственным! Он поспешает, а ты откладываешь! Утром говоришь: начну дело с

полудня; в полдень даешь себе также обещание для вечера, вечером еще отсрочиваешь себе с часа на час, до последнего. В юности говоришь: подумаю о душе в летах разсудка и зрелости; в зрелых летах, развлекаемый более прежнего суетою мира и попечениями житейскими, успокоиваешь себя надеждою, что под старость непременно будешь жить для Бога и для души своей; приходит старость, и ты вновь прельщаешь себя мыслию, что еще можно принести чистое покаяние во время последней болезни. Так пропадают и утро, и полдень, и вечер, и после сего, конечно, уже весьма вероятно, что тебя не готового застигнет смертная *ночь, егда никтоже может делати*. – Поверил ли бы ты своему поденщику, если бы он, не работая утром, обещал тебе с половины дня сделать все, что сделал бы с утра? Но ты несравненно безразсуднее веришь себе, когда обещаешься с половины жизни сделать все добро, которое сделал бы с начала ея, во все ея продолжение. Не указывай мне на разбойника, который при самом западе своего дня сделал более, нежели другой в целый день свой. Такой успех мало надежен, поелику очень редок, и может быть, дается не просто, а только таким людям, у которых и в прошедшей жизни, мирской по ея главным явлениям, были некоторые дела, сокровенно привлекающая благодать. Но вот, что известно гораздо вернее: день земли всегда оканчивается вечером; и потому потерявший утро может иметь некоторую надежду вечером возвратить потерянное: а день жизни человеческой часто прежде вечера, нередко и прежде полудня внезапно прекращает *ночь смертная*. В таком случае куда пойдут надежды откладывающих, если не в адскую *ночь*, в которой никто не может делать, чего не сделано в продолжение дня земной жизни, невозвратно прошедшего. Притом не надобно терять из вида и то, что особенная благовременность делать некоторые добрые дела встречается иногда свою *ночь* еще прежде окончания жизни. Теперь, например, ты живешь в изобилии; не медли делай дела милосердия, *дондеже день есть*: может быть, буквально в следующую *ночь* тать, или огонь, или другая нечаянность сделают то, что ты уже не в состоянии будешь *творить себе други от мамоны неправды, да егда оскудеешь* другими добродетелями, *приимут тя в вечныя кровы* (Лук. XVI. 9).

Сам Иисус Христос, Божественный Наставник, да наставит всех нас и каждого делати дела, угодныя Богу, и полезныя бессмертной душе нашей, *дондеже день есть*, и доводить оныя до совершенства так, чтобы они могли ходить в след с нами, и сквозь *ночь смертную* проникнуть с нами до новаго, лучшаго, невечерняго дня блаженнаго воскресения и жизни вечныя. Аминь.

СХСIV.

42. СЛОВО

в день рождения Благочестивейшаго Государя Императора Николая Павловича.

(Говорено в Успенском Соборе 25 июня.)

<1829 год>

*Мнози о рождестве его возрадуются. Будет
бо велий пред
Господем.* Лук. I. 14. 15.

Если бы то, что мы совершаем ныне, по чувству сынов отечества, по наследованному благоговению, по приобретенной любви и благодарности к благотворному величию помазанника Божия, надлежало поверить с высшими законами действия: мы могли бы сказать, что и природные жители неба и тамошняго царствия одобряют сей образ

мыслей, по которому в сем случае мы поступаем в земном царствии. Ангел, рождение великого человека предсказав отцу его, присовокупляет: *и будет тебе радость и веселие: вот праздник семейственный! И мнози о рождестве его возрадуются: вот праздник общественный, народный! Будет бо велий пред Господем*: вот основание праздника! Итак, по разумению Ангела, рождение в мире великого прилично и правильно может составить предмет радости многих, торжества общественного, простирающагося так далеко, как далеко простирается благотворное действие торжествующаго величия.

Что сын неба смотрит на земные предметы небесными очами, сие можно приметить по особенной черте, которою определяет он величие, достойное радости: *будет бо велий пред Господем*. По разумению Ангела, не всякое явление величия способно производить радость и торжество, но то именно, когда кто велик пред Господем. Сею мыслию вновь оправдывается настоящее торжество, коего виновник есть *велий пред Господем* как потому, что приял от Господа помазание величия, так и потому, что, по намерениям Господа, тщится употреблять свое величие на дела правды и благодати, на покровительство вере и добродетели, на мужественную защиту имени Христова против жестоковыхных Его хулителей и врагов, на которую и отвечает ему Господь Своею победоносною защитою.

Немногим суждено быть великими к великой радости многих; но кто не желает, и не каждому ли естественно желать, чтобы его, хотя и малое, бытие ознаменовано было, хотя не великою радостью его и ближних? Посему и малым, не меньше как великим, полезно вникнуть в мысль Ангела, что всякое основание, всякое средство радости, или благополучия в жизни, тогда только твердо и надежно, когда оно полагается пред Господем.

Дабы усмотреть, как много человек обманывается, если думает положить себе основание величия, или какого-нибудь превосходства и совершенства и потом радости и благополучия, только в себе самом и в окружающих его вещах, в удалении от Бога и в забвении о Нем, — для сего довольно взять в соображение простую истину, что человек есть тварь, а Бог Творец его. Что такое тварь сама в себе, вне Бога? Ничто; поелику она из ничего сотворена. Что может она произвести сама собою, разве опять тоже ничто, из которого сама произведена, хотя, может быть, покрытое призраком вещественности, что называется *суею*? Бог есть все для Себя Самого, и все для тварей Своих, которым Он чрез сотворение дал и бытие и свойства, и силы, и благоустройство, и благобытие. Если в день сотворения не иначе, как от Бога имели они свое совершенство и благобытие: могли ли как-нибудь иначе иметь их на другой день, и могут ли ныне; поелику и ныне существуют они также зависимо как в день сотворения? Кто думает, что тварь, быв однажды произведена, существует потом самостоятельно, подобно как построенное здание стоит, хотя бы построившаго художника уже и не было на свете: тот смешивает два весьма различные понятия создания человеческого и создания Божия. Человек делает из чего-нибудь такого, что уже было до начатия делания, потому надлежит чему-нибудь остаться, когда он и перестал делать. Бог творит из ничего; потому, если бы Он прекратил Свое действие, осталось бы не более, как ничто. И потому, что Он есть вечен, Его действия не должно воображать так преходящими, как действия тварей, существ временных. Действие творения кончилось для тварей, яко временных, но вместе и продолжается со стороны Бога, яко вечнаго. Поколику сим действием Божиим дается и продолжается бытие, человек не властен уклониться от сего действия, или иначе сказать, не властен обратить себя в ничто, ибо сия власть равнялась бы власти производительной из ничего. Но поколику действием Божиим дается благобытие, человек, яко свободный, властен более или менее уклониться от сего действия, и что иное может от сего последовать, разве то, что он может лишиться благобытия, которое Бог дарует?

Если кто в сих понятиях не охотно верит разуму, на что мы горько жаловаться не станем; то да внемлет Слову Божию. *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю* (Иоан. V. 17), глаголет Сын Божий. И в другом месте: *без Мене не можете творити ничесоже* (XV. 5). И Апостол проповедует о Боге, что мы в *Нем живем и движемся, и есмы* (Деян. XVII. 28). И Пророк взывает к Богу о тварях вообще: *отверзшу Тебе руку, всяческая исполнятся благости; отверзши же Тебе лице, возмзятся* (Пс. CIII. 28. 29), и в особенности о человеках: *се удаляющихи себе от Тебе погибнут* (LXXII. 27).

Углубимся несколько в разумение сих священных изречений, и в последствия, проистекающая из сего разумения.

Если Бог, сотворив мир и почив от всех дел Своих, тем не менее *доселе делает*: то должно заключить, что сие делание нужно для блага тварей, ибо не можно вообразить, чтобы Бог стал делать дело бесполезное. Итак, горе тому, кто или устранил себя от сего делания Божия, или каким-нибудь образом воспрепятствует оному! Человек, яко существо живущее и свободное, делает и сам хотя что-нибудь, хотя как-нибудь. Если он не полагает своего дела пред Господом и основания оного в Самом Господе, если не обращает внимания на делание Божие и не подчиняет оному своего делания: то всего больше надлежит ожидать того, что дело человеческое будет в противоречии с делом Божиим; но как дело Божие, без сомнения, могущественнее человеческого, то необходимо следует, что в сем случае скорее или медленнее дело человеческое должно разрушиться и исчезнуть.

Если зависимость наша от *Носящего всяческая глаголом силы Своея* (Евр. I. 3) так велика, что мы *без Него не можем творити ничесоже*: то дела, совершаемая без Бога, должно признать не только не надежными, но и совершенно ничтожными; и даже возникает отсюда сомнение: как существуют дела людей нечестивых и противящихся воле Божией. Впрочем сомнение сие разрешается, когда от особенного благодатного действия или содействия Божия, без которого не можем творить ничего духовно-добраго, подобно как виноградная ветвь не может приносить плода без своей лозы и живаго сока ея, различаем всеобщее действие творческой и промыслительной силы Божией в природе вещей, или по выражению Апостола, *ношение всяческих глаголом силы Божией*. Из сей всегда и везде, когда и где только существуют твари, открытой сокровищницы Божией имеют более или менее для своего употребления и нечестивые и богопротивники, что предоставляется им как тварям, а не как нечестивым и богопротивникам, во-первых потому, чтобы их не уничтожить, что было бы противно намерению и славе Творца, во-вторых, чтобы не лишить их свободы, которая есть также нераскаянное или невозвратное дарование Божие, в-третьих, по долготерпению, чтобы дать им время на покаяние, в четвертых, по порядку самого правосудия, которое обыкновенно является пресечь преступление, когда преступление уже существует, ибо иначе как можно было бы признать, что то правосудие? Знаменательно изъясняется о делах грешников священное писание: *прозябоша грешницы, яко трава* (Пс. XCI. 8). Как дикая трава, прозябающая на возделанной земле, пользуется вместе с благородными растениями трудом и удобрением земледельца, но, тем не менее, она чужда для него, поелику он не сеял диких семян, и ежеминутно должно ожидать посекающего железа или исторгающей руки: так дела грешников пользуются всеобщим действием творческой и промыслительной силы Божией, но, тем не менее, оне чужды для Бога, потому что Он не сеял греховных склонностей, побуждений и намерений, а возникают оныя без Его воли, и, вопреки Его воле, из злоупотребления свободы и потому ежеминутно должны ждать суда, очищающего от них поле или вертоград Божий. *Внегда прозябоша грешницы яко трава, и проникша вси делающии беззаконие*, — это для того только, *яко да потребятся в век века*.

Если Бог так не далек от нас, что мы в *Нем живем, движемся и есмы*: то не далеко заключить: все ли равно для Него, и, по следствию, все ли равно для нас, живем ли мы в Нем, как младенец во чреве или на лоне матери, или как эхидна, грызущая чрево матери.

Если потоплику *всяческая исполняются благости*, поколику Бог *отверзает руку*; и напротив того все *мятется*, когда Он *отвращает лице*: то весьма важно знать, когда Он отверзает руку, и когда отвращает лице. Известно же, что самая щедрая рука не отверзается для подаяния, когда не отверзается рука нуждающегося для принятия; и самой благости не свойственно обращать лице туда, где от нея отвращаются.

Если *удаляющие себя* от Бога *погибают*; то с заботою и даже с трепетом надлежит помыслить о том, что значит удалиться от Бога. Поелику Он есть вездесущ и везде присутствен: то существом и местом удалиться от Него некуда. Как же могут быть удаляющиеся от Бога, и в чем состоит сие удаление? Сие изъясняет Сам Бог. *Приближаются Мне*, глаголет, *людие сии усты своими, и устнами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене* (Мф. XV. 8). Из сего видно, что удаление от Бога бывает не местом существа, но употреблением и направлением сил и способностей, — бывает сердцем, устами и, по соответствию, — можно прибавить, — умом, делами. Если сердце твое не прилепляется к Богу верною любовию и святым желанием: то сердце твое далече отстоит от Бога. Если ум твой не возвышается к познанию Бога и воли Его, к благоговейному размышлению о Его совершенствах, или не погружается в безмолвное созерцание оных в чувстве смирения и своего недостойнства; то ум твой удален от Бога. Если ты делаешь дела свои, как тебе нравится, не помышляя при том о Боге и не разсуждая, угодны ли Ему оныя, то дела твои удалены от Бога. О удалении от Бога устами нечего и говорить: если и приближение к Нему устами признано недостаточным, то сколь должно быть не достойно удаление! Измеряя таким образом состояние удаления от Бога, не с опасением-ли должны мы обратиться в другую сторону, чтобы усмотреть далеко-ли отсюда до бедствия и гибели? Но что мы видим? Тут нет никакого разстояния! Вот гибель! Бездна ея разверзается! *Се удаляющие себе от Тебе погибнут*.

В минуты размышления нельзя довольно удивляться многому, что делает человек в минуты забвения. Кто из нас в добрый час не признает, что все от Бога, что все в Его власти, что в Нем всякое добро, а без Него нет никакого? Но посмотрев за собой пристально, без сомнения, многие из нас найдут и признаются, что они проводят много времени, о многом думают, предаются многим желаниям, делают многия дела так, как бы им не было никакого дела до Бога, — и почти как бы Его не было.

О Боже, *о Нем же живем и движемся и есмы*? Что иногда должны делать служители Твоея истины? О Тебе напоминать? Убеждать, чтобы Тебя не забывали? И сие делать с христианами, к которым Ты толико приблизился, с которыми столь преискренне соединился чрез вочеловечившагося Единородного Сына Твоего, и чрез излианного на них Духа Твоего Святаго!

Долготерпеливе и Многомилостиве! Не забудь нас по забвению нашему. Не удались от нас по удалению нашему. Но приблизися нам еще, всякий грех побеждающею благодатию Твоею; и привлецы нас ею, да взаимно приближатся к Тебе дела наши и утвердятся помышления наши, да не точию памятуем о Тебе со страхом, но и верою предзрим Тебе пред нами выну и не подвижмися; да будет могущественное имя Твое солнцем выну, озаряющим помыслы ума нашего и оживляющим чувства сердца нашего, закон Твой основанием дел наших и оградою путей наших, да пред Тобою прозябнет радость неувядающая, да с Тобою созиждется благоденствие не зыблемое. Аминь.

СХСV.

43. СЛОВО.

По освящении храма во имя Святителя Димитрия Ростовского чудотворца в Песношском монастыре.

(Говорено 29 июня)

*Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни.
Чаях Бога спасающего мя от малодушия и
от бури, – воспевают Псалмопевец. LIV. 8. 9.*

Се и аз удалихся от града, хотя *не бегая* от него, впрочем, охотно уклоняясь от шума и молвы его, хотя не для того, *чтобы водвориться в пустыни*, по крайней мере, чтобы соутешиться на время общением с *водворившимися в ней, чающими Бога спасающего*.

Приветствую вас, *бегающие* от мира, или паче от зла, в котором *лежит мир*, от господствующей в нем похоти плоти, похоти очес и гордости житейския, *удалившиеся* от градов и селений, или паче от соблазнов, умножающихся в многолюдстве их, *водворившиеся в пустыни* телом, паче же и духом возлюбившие уединение от всякой твари, для беспрепятственного беседования с Богом. Благословенно бегство и удаление ваше, если не озираетесь вспять помыслами пристрастия и желания мирских вещей, *поминая жену Лотову*, и ея с пути спасения, на погибельный град, погибельное обратно воззрение. Благословенно и водворение ваше, если вы ищите в обители пустынной не упокоения телесного, но спасения душевного, не от человеков утешения, но Богу благоугождения; если и находящим искушениям не попускаете увлечь вас из сего пристанища, но как на крепком якоре держитесь на уповании на Бога *спасающего* вас, и от волнования вашего собственного *малодушия*, и *от бури* противными силами воздвигаемой.

Если для подкрепления упования нужно видеть опыты Божия о нас попечения: вы можете видеть оные над собою, как вообще в том, что сия обитель, в продолжении немалого числа лет, избыточествует ищущими в ней спасения, и не предается скудости в потребном, так и в настоящем случае, когда Бог, чрез подвигнутое Им усердие и споспешествование Боголюбивых, и святыню сего места вновь освященным храмом умножает, и дарует вам новое удобство к благочестивому призрению и упокоению немощи и старости между вами.

Благословение плодоносящим и добродееющим во святой обители сей! Благодарение Богу, верховному благодетелю и благодетельствованным! Да утверждается сердце наше в Господе! *Да чаем выну Бога спасающего*.

Надежда есть одна из трех добродетелей, в которых Св. Ап. Павел полагает все духовное совершенство христианина в жизни настоящей, и основание блаженства его в будущей! *Ныне*, говорит, *пребывают вера, надежда, любви, три сия* (1 Кор. XIII. 13). И хотя он присовокупляет: *больши же сих любви* (13); хотя следственно *надежда* не есть высшая из сих добродетелей, но посему не можно ее пренебрегать; поелику неудобно, мимо первой и второй степени, воспрянуть на третью, и особенно сие неудобно в ходе духовном, – ибо как существо вещей духовных, так и порядок их постояннее, нежели вещей телесных. Итак, если ты хочешь восходить на небо: то надобно тебе и учиться, как бы вступить на сию степень духовного восхождения, которую называют *надеждою*, и подвизаться, чтобы действительно вступить на оную.

Можно сказать, что если бы кто имел неосторожность вынуть сию степень из лестницы духовной, то уронил бы и остальные, и сделал бы невозможным восхождение.

Что могущественнее веры, о которой с таким сильным уверением глаголет Господь: *аминь глаголю вам, яко иже аще речет горе сей: двигнися, и верзися в море: и не размыслит в сердце своем, но веру имеет, яко еже глаголет, бывает: будет ему, еже аще речет* (Марк. XI. 23)? Но из сего самага изречения можно усмотреть, что сие чудесное могущество веры не иначе может произвести свое действие, как с помощью надежды. Ибо слова: *аще речет и не размыслит в сердце своем*, что иное значат, как не то, что слово веры должно быть укреплено в сердце *силою надежды*? Если верующий, но не вступивший на степень совершенной надежды, хочет изрещи слово, и совершить дело веры, хотя не гору двигнуть, но какое нибудь препятствие, на пути спасения затрудняющее, удалить, помыслы сердца его разделяются и представляют ему, что желаемое им трудно, что Бог не всякому являет особенную Свою помощь, что времена чудодейственной веры прошли, и от таковых безнадежных помыслов, дух веры разсыпается, слово его изнемогает, и дело ея не совершается. Так не подвижающийся вступить на степень совершенной надежды и со степени веры упадает.

Что касается до *любви*, хотя то правда, что ей предназначено некоторым образом пережить надежду и чрез то не только ничего не потерять, но и восторжествовать совершенно, что должно последовать за открытием славного Царствия Божия, когда спасенным не останется чего надеяться, потому что будущее соединится с настоящим, и они во веки будут обладать тем, чего прежде только надеялись; впрочем также справедливо и то, что прежде сего последнего совершения, во дни приготовления к оному, *любовь не может ни жить, ни возрасть без веры и надежды*. Вера ее раждает, а надежда, вместе с верою, воспитывает; *веровати подобает приходящему к Богу*, говорит Апостол, *яко есть, и взыскающим Его мздовоздатель бывает* (Евр. XI. 6). Мысль о мздовоздаянии взыскующим Бога принадлежит к степени *надежды*. Знаю, что есть случаи, в которых крепкие подвижники *любви к Богу и ближнему* приносят ей некоторым образом в жертву свою надежду. Так Моисей просит изглажен быть из книги Божией; так Павел желал бы отлучен быть сам от Христа, ради спасения избранного Богом народа. Но, кроме того, что случаи чрезвычайные не опровергают обыкновенного, напротив того, самую редкость своею показывают необходимость обыкновенного; любовь Моисея и Павла и в чрезвычайных восторгах своих, не отвергала надежды, а только возвышала ее вместе с собою; забыв надежду собственного мздовоздаяния, она питалась в сие время вышею, собственно Божественною надеждою, — надеждою славы Божией, долженствующей открыться в спасении избранного Богом народа.

Возмем еще изречение о достоинстве надежды у того же Апостола Павла, который так охотно жертвовал ею любви. *Хвалимся*, говорит он, *упованием славы Божия. Не точию же, но и хвалимся в скорбех, ведяще, яко скорбь терпение соделовает: терпение же искусство, искусство же упование: упование же не посрамит* (Римл. V. 2–5). Как благотворно упование, когда оно так обильно исполняет душу чувством внутреннего благополучия, что Св. Апостол, при всей свойственной ему скромности и смирении, не может онаго скрыть, но обнаруживает оное, *хвеляся упованием*! Как могущественно упование, когда Апостол решительно уверяет, что оно *не посрамит*, т. е. никогда не обманет человека в его благочестивом ожидании! Как победоносно упование, когда оно дает возможность не только без ропота переносить *скорби*, но даже *хвалиться ими*. Сколь велико сокровище должно быть заключено в уповании, когда Апостол не поколебался объявить столь великую цену, которою оно должно быть приобретено, а именно, *опытностию, терпением, скорбями*.

Будем довольно благоразумны, чтобы употребить внимание и попечение для приобретения толикаго сокровища. Дорого! скажет недалновидная самоугодливость; его надобно купить скорбями! Подумай, и разочти: если не хочешь терпеть скорби для душевнаго приобретения; будешь же терпеть их без пользы, или даже со вредом душевным. Ибо с тех пор, как грех породил скорбь, кто живет без скорбей? А потому не лучше ли стараться принимать оныя так, чтобы чрез них приобрести терпение, чрез терпение опытность, чрез опытность упование, которое самая скорби превратит в радость и славу? Дабы облегчить себе приобретение упования на Бога, да помышляем, братия, со вниманием о Его могуществе, премудрости, благодати, о верности обетования Его, наипаче о неизреченном Его милосердии в Иисусе Христе, котораго Апостол знаменательно Самаго именует *упованием нашим*. *Еда не может рука Моя спасти* (Ис. LIX. 1), взывает Сам Господь, укрепляя нашу на Него надежду. Каких затруднений не разрешит многоразличная премудрость Его? Какого греха не победит благодать Его? *Живу Аз, глаголет Господь, не хочу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего, и живу быти ему* (Иезек. XXXIII. 11). Божественною жизнью Своею клянется Он в сем спасительном обещании: что же может быть вернее сего обещания? Наипаче же, *аще Бог Своего Сына* единороднаго *не пощаде, но за нас всех предал есть Его: как убо не и с Ним вся нам дарствует* (Рим. VIII. 32).

Наконец, одно еще не должно быть забыто и в самом кратком учении *о надежде* – то, что Бог даровал надежду кающимся и желающим своего исправления грешникам, а не беспечным презрителям закона Его. Кающийся и надеющийся прославляет безконечное милосердие Божие, – надеющийся и некающийся хулит Бога, представляя Его покровителем зла.

Господи! Даруй всем слышавшим сие *надежду покаяния и спасения в жизнь вечную*, да будет слава Тебе, Христе Боже, упование наше, во веки. Аминь.

СХСХVI.

44. СЛОВО в день Успения Пресвятыя Богородицы.

(Говорено в Московском Большом Успенском Соборе 15 августа)

<1829 год>

Матерь Света нисходит во мрак. Родившая Начальника жизни и Победителя смерти, даже и после решительной победы над смертию, т. е. после воскресения Христова, предается в область смерти.

Если во дни, *когда царствова грех во смерть и даже царствова смерть и над не согрешившими по подобию преступления Адамова* (Рим. V. 14. 21), удивительно было, что Енох, что Илия, не умерли, как прочие: то во дни, *когда благодать воцарися правдою в жизнь вечную, Иисус Христом Господем нашим* (21), не менее удивительно, что Мария умирает, как прочие. Не моему только неведению принадлежит сие удивление: сама церковь, хранительница многоразличной премудрости Божией, в одном из своих песнословий на Успение Пресвятой Богородицы, восклицает: *о дивное чудо! источник жизни во гробе полагается*.

Что-же при сем должны мы подумать, Христиане? – Если Пресвятая должна отдать некоторую дань владычеству греха: ибо смерть есть дань греху, по слову писания: *оброцы*

греха смерть (Рим. VI. 23): то коль тяжкому сего рода obroку мы многогрешные подвергнуться можем! Если над Преблагословенною отчасти совершается приговор проклятия: ибо к древнему проклятию Адамову принадлежит сей приговор: *земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. III. 19), то чего должны ожидать мы, которые, хотя и приняты в наследники новаго благословения Христова, но едва ли не более живем еще наследием ветхаго Адама, – помыслами земными, вожделениями чувственными, делами плотскими, в которых проклята земля? Если честнейшая Херувимов, и славнейшая Серафимов, если Матерь Господа, одинаким с уничиженными земли путем идет во гроб, рядом с червием полагается в персть: то мы, умаленные от Ангелов, и может быть не только *малым нечим*, как хотел Творец, но много, прелестию диавола, и весьма много, по нашему собственному произволу, – мы рабы недостойные, можем ли быть низведены менее, нежели до ада? Подлинно, как говорит св. Ап. Петр: *аще праведник едва спасется, нечестивый и грешный где явится* (1 Петр. IV. 18)?

Итак, о сем едва обретаемом и только по милости Божией достигаемом спасении, в заботливое размышление вводит нас Успение Пресвятыя и Преблагословенныя Богородицы, и Приснодевы Марии. Когда я упомянул о чудесном преложении Патриарха Еноха, о славном вознесении Пророка Илии; тогда у внимательных могла родиться вопрошающая мысль: почему-же бы и преставлению Богоматери не быть облечену подобною, или по ея достоинству, еще большею чудесностию и славою, вместо того, что нам показано только ея успение – тихое отхождение от сея земныя жизни, подобное тому, как отходят ко сну, а не величественное пробуждение к жизни небесной, божественной? Ответствовать на сей вопрос для угождения любопытству я бы не хотел; для удовлетворения любомудрию не почел бы себя способным, а отважусь ответствовать на оный для наставления, которое вижу в посильном разрешении онаго.

Что Пресвятая Дева Мария паче всякаго другаго человека достойна была приять славу в своем прохождении от земныя жизни, в сем никто не должен усумниться. Можно ли быть ближе к Господу, как быть Матерью Господа! Но приближение к Богу, по нелицеприятной правде Его, не может быть иначе, как по мере достоинства, следственно Матерь Господа должна быть достойнейшая не только из всего рода человеческого, но даже из всех тварей, почему церковь и величает Ее честнейшею Херувим и славнейшею без сравнения Серафим. И так если угодивший Богу Енох обретен достойным *не видети смерти* (Евр. XI. 5): кольми паче безпримерную благодать у Бога обретшая Мария? Если Илия был достоин взыти яко на небо на колеснице огненной: кольми паче Та, Которая Сама внутренно есть небо и жилище Божие?

Как-же сделалось на оборот? Енох *преложен бысть не видети смерти*, Илия взят на колеснице огненной, а Мария – просто успе? *Еда неправда у Бога?* вопрошает негде св. Апостол Павел и ответствует: *да не будет* (Рим. IX. 14). Хотя вопрос его сделан по случаю отличному от настоящего: тем не менее ответ его верен для всех возможных случаев, а потому и для настоящего. Нет неправды у Бога в том, что Матерь Господня не довольно прославлена по сию сторону гроба: потому что гроб есть граница, за которою начинается открытое царство правды и царство славы; по сию сторону гроба лежит царство благодати, царство милосердия, царство премудрости в тайне сокровенной. Но для чего-же так приближено блаженство Еноха, для чего так ускорена слава Илии?

Сие сделано именно по закону царства благодати, милосердия премудрости сокровенной. Когда *царствова смерть от Адама даже до Моисея, и над не согрешившими по подобию преступления Адама*, когда от дня первобытнаго безсмертия, и вечерней зари воспоминания почти не оставалось, а для Воскресения Христова едва занималась ранняя зоря в умах редких созерцателей: тогда, чтобы бедная смертная жизнь не погрязла совсем

во мраке неведения и отчаяния, надобно было, как лампаду, хотя одну, в темной храмине, как звезду на ночном небе засветить очевидное бессмертие Богоугодного Еноха. И опять, когда со времени Моисея, *закон привиде, да умножится прегрешение* (Рим. V. 20), потому что *законом познание греха* (III. 20) умножается, а не сила побеждающая; и таким образом вновь *обретеса заповедь, яже в живот, сия в смерть* (VII. 10); когда самые благословения и обетования закона, для чувственных человеков чувственные, для не дальновидных временныя, некоторым образом закрывали свет жизни будущей: надобно было иногда хотя мгновенною молниею разсечь сию ветхозаветную смертную ночь; и такую молниею жизни вечной было некогда огненное вознесение ревнителя истины Божией, Илии. Но когда во Христе возшло новое солнце миру; и особенно когда победоносным и славным воскресением Его, мрак смерти довольно уменьшен, страх ея ослаблен, и заря будущей блаженной жизни сделалась светла, почти как полный день; тогда благодать Божия, всегда милующая, и спасительная, и премудрость Божия, по различным потребностям спасаемых, многообразная, должна была воспринять новые виды, употребить новые образы действия; уже менее надлежало заботиться о том, чтобы неведение о будущем не доводило до пагубной безнадежности; более нужна была предосторожность против того, чтобы самый свет не ослепил непривычных очей; чтобы преизбыточествующая надежда не проложила путей к беспечности, которая немного лучше отчаяния. Таким образом после решительной победы над смертью, нужно было для возбуждения к подвигу и осторожности в деле спасения душ, показать еще оставшуюся некую силу смерти и показать в таком лице, которое долженствовало быть ближе к участию в победе над смертью.

В сем должно полагать одну из причин, почему Царица Небесная возведена от земли обыкновенным рабским путем смерти телесной; хотя, впрочем, как говорит благочестивое предание, следы небесной славы Ея вскоре примечены были в том, что живоприемный гроб Ея оказался праздным от Ея прославленного тела.

Помысли христианин, что ублажаемая тобою Матерь Господа твоего, Которая, впрочем, и во всю земную жизнь Свою любила облекать славу Свою облаком смирения, так что воистину была в Ней, по слову пророческому *вся слава дочери царицы, внутрь* (Псал. XLIV. 14), что наконец еще, хотя на краткое время, облекается Она мраком смертным, дабы возбудить в тебе, не слепый и малодушный, но прозорливый и спасительный страх смерти, дерзнувшей прикоснуться и к чистейшему существу Приснодевы; чтобы вразумить тебя остерегаться смерти, еще не совсем безсильной, наипаче же подвизаться противу греха, всегда удобообстоятельного, и обыкновенно ведущего за собою смерть; – помысли о сем, и прими сие последнее наставление Матери Господа твоего, поданное тебе в Ея отхождении ко Господу. Аминь.

1830 год.

СХСѴІІ.

45. СЛОВО

**в день обретения мощей иже во Святых Отца нашего
Алексия Митрополита Московскаго и всея России Чудотворца
и по случаю возвращения к Московской пастве.**

(Говорено 20-го мая).

<1830 год>

*Целуют вы святии вси, паче же иже от
Кесарева
дому. Благодать Господа нашего Иисуса
Христа
со всеми вами. Фил. IV. 22. 23.*

Возвратясь в сей Богоспасаемый град, к которому неисповедимыя судьбы Божии привязали меня сколько благими, столько же страшными, потому что священными, узами, многое имею говорить ныне от избытка сердца: и всего первее, благодарно прославить Бога, всех благ виновника, Который благоволил уже четвертому, от здешних пределов отдаленному и продолжительному пришествию моему безбедно кончиться, если только можно сие назвать окончанием пришествия для тех, которые *не имамы zde пребывающаго града*, земнаго, но *грядущаго взыскуем*, небеснаго (Евр. XIII. 14); потом, благоговейно приветствовать тебя, не только высокаго благодатию священнодействия, но и открытою благодатию чудодействия, Преосвященная Главо, и Твоих Содругов, Вас, Которые боголепно населяете сии древния твердыни нетленными телесами Вашими, наипаче же духом Богоугодных молитв Ваших, да укрепите ими немощь мою, исправите недостойнство мое и благословите меня вновь явиться на поприще по Вас наследственного служения; с любовью приветствовать и всех здесь предстоящих и здесь обитающих общников единомысленных во Христе веры, сподвижников единогозаконнаго по Богу жития, в каком бы звании ни был кто призван чтить Истиннаго Бога, служить обществу, благотворить ближнему, созидать свое спасение, только бы достойно ходил вышняго звания христианскаго; – в особенности с утешением приветствовать общников и сподвижников священнаго служения, и в отсутствии предстоятеля, так же как в присутствии, не смятенно и непостыдно сохраняющих свой чин и утверждение и, таким образом, являющих в себе знамение церкви, во веки непоколебимой.

Но, как воду берегом, удерживаю слово заповедию отцов, повелевающею, для всего что делаем и говорим, иметь свидетельство Божественнаго писания.

Каким же словом писания управим и ограничим течение настоящего слова? Послушаем, что говорит св. Ап. Павел *всем святым о Христе Иисусе*, т. е. освященным истинною учения и силою таинств христианских, *сущим в Филиппех*, после того, как проповедывал им, и возлюбил их утробою Иисус Христовою, не самолично правда к ним приходя, но, что все равно почти, чрез Епафродита их посещая, и чрез письмо к ним беседуя. *Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*, говорит он им в начале своего послания; и видно, не довольствуясь произнести сие приветствие один раз, и видно, не имея другаго столь превосходнаго, тоже приветствие повторяет он в конце послания: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами*. И так скажу и я вам, и нет нужды если скажу не в первый раз: *благодать со всеми вами!*

Благодать, поколику сие имя само себя изъясняет, есть сила подающая благо: с духом священнаго языка сообразно также называть ее, буде то покажется простее, милостию, в знаменовании такого свойства и расположения благаго существа, по коему другое существо представляется ему милым, привлекающим любовь, – поколику есть доброе, сострадание, поколику бедствует, прощение, поколику виновно. Или, если надобно точнее распределить понятия, любовь и милость, приходя в действие, именуются благодатию; а принятая благодать становится дарованием.

Приведенныя недавно слова Апостольския, и множество других священных изречений показывают, что источник и непосредственное начало благодати есть Бог Отец, Сын и Св. Дух. Отец подает ее; И. Христос приносит ее в Своем имени; Дух Святой вдыхает ее в

души верующия, и ею одушевляет их к жизни духовной, — укрепляет и подвизает к деятельности, истинно благотворной, и потому Богоугодной и спасительной.

Из сего по нашей возможности составляемого понятия о благодати, которая впрочем в существе своем непостижима, поелику Божественна, уже не трудно уразуметь, сколь она для нас вожеленна, или лучше сказать, необходима. Без нея нет надежды прощения грешнику; нет верного избавления бедствующему; нет никому никакого блага: потому что всякое благо происходит от Единого Бога; поелику же Бог есть безконечен в совершенствах Своих, потому Он есть Сам для Себя вседоволен, а потому ни в ком и ни в чем не имеет нужды, ни от кого ничего не заимствует; потому никому ничем не должен и не обязан; и следственно подает всякое благо не по какому либо долгу или необходимости, но только по безпредельной любви Своей и преизбыточествующей благодати.

Если с некоторым вниманием рассмотрим даже телесныя существа сего видимаго мира, отделя от них случайное несовершенство и нечистоту, введенныя в них злоупотреблением превосходнейшаго творческаго дара, — свободы: то найдем, что коренное начало и глубочайшее основание, как бытия их, так и благобытия, или вместиаго ими совершенства, не иное быть может, как та же непрестанно действующая благодать и сила Божия, которая, в особенном образе своего действия на существа духовныя и свободныя, именуется благодатию. Посмотри на обновляемый весною мир земных произрастений, и подумай, где его начало и основание? Скажешь ли, что это есть земля, из которой он возникает? Но возми горсть земли, покрывающей корень произрастения, и ты увидишь, что она вовсе не имеет ни силы, ни красоты, ни питательности, ни благовонности, свойственных различным произрастениям; а чего не имеет, того и сообщить им не может. Скажешь ли еще, что сила солнца, воздуха, воды соединяются в произрастениях? Но и сим не изъясняется их происхождение. Ибо каким образом малочисленныя стихии производят неизчисленные роды произрастений, и даже в одном произрастении многообразныя части и свойства? Каким образом одно и то же солнце, одне и те-же земля, вода, воздух в то же время и в том же месте производят крепкий дуб, мягкую траву, благовонную розу, и у одного и того же произрастения в стебле твердость, в листьях мягкость, в цветах благовонность, в плоде питательность? Сойдем, поколику возможно, глубже к естественным основаниям видимаго бытия. Какое основание самой земли, кажущейся основанием видимаго на ней? Скажем ли с испытателями естества, что это есть сила тяготения или притяжения к ней, и в солнце, и в звездах, действующая между ними взаимно? Какое мертвое основание для мира, полного жизни даже и теперь когда вошла в него смерть, которой Бог не сотворил! Какое тесное основание для здания столь обширнаго! Да и основание ли это? Испытующий ум не удовлетворен, он вопрошает: на чем основана, в чем утверждена столь огромная сила притяжения, которая должна держать на себе, и двигать все мироздание? Чтоб испытая глубину не низринуться в пропасть, остановимся. Нам ли открывать внутренния начала и основания природы, — нам ли живущим, так сказать, на коре и скорлупе ея? Основание столь необъятнаго здания открыть может только Тот, Кто создал оное, и открывает потолику, поколику Сам открывается. *Повешай землю ни на чемже* (Иов. XXVI. 7); так созерцает его Иов. Что значит *ни на чемже*? Как может что нибудь стоять или висеть ни на чем? Не у дела Божия основание отъемлет Иов: но уничижает чувственное познание человеческое, как такое, которое не достигает до основания дел Божиих. Дойди, говорит, до краев земли; сойди на ту сторону ея, которую представляешь себе под ногами твоими; ничего не найдешь около земли, над нею и под нею, кроме воздуха: помысли же, как столько веков держится столь огромное и тяжкое тело в столь тонком существе, когда и легкий пух недолго держится в воздухе, но вскоре упадает? Ум твой теряется; ты видишь землю висящую, а на чем, того не находишь. Как же не погрешить, чтоб изъяснить сие чудное явление? Взойди к

Основателю и найдешь истинное основание. *Повешай землю ни на чемже*. Един Бог есть Основатель всякой твари; и в Нем Едином ея глубочайшее основание. Всякая вещь стоит на том, на чем поставлена в начале. Посмотри в дальнорительное стекло духа пророческого, и увидишь. *Рече Бог: да будет свет: и бысть свет* (Быт. I. 3). Тоже и для каждой последующей твари. И так рече Бог: да будет: вот коренное начало всех вещей! Сила Божия, слово Божие: вот глубочайшее основание их бытия и благобытия! Ибо не должно воображать слово Божие подобным произносимому слову человеческому, которое, вышед из уст, тотчас прекращается и в воздухе исчезает. В Боге нет ничего преращаемого, ничего исчезающего: слово Его исходит, но не преходит: *глагол Господень пребывает во веки* (1 Петр. I. 25). Творческое слово есть как алмазный мост, на котором поставлены и стоят твари, под бездною Божией безконечности, над бездною собственного ничтожества.

Сила Божия есть, по применению к нашему образу представления, рука Вседержителя, в коей Он держит и круг земной, и каждую его пылинку, и все круги небесные, сколько считает их Сам Он *Един исчисляя звезды* (Псал. CXLVI. 4). Это не мое любомудрствование, но чистое откровение самой премудрости Божией чрез Апостола, который говорит, что Сын Божий *носит всяческая глаголом силы Своея* (Евр. I. 3); носит, т. е. непрерывно действует в тварях словом Своим и силою Своею, если не также, то по крайней мере, подобно тому, как действовал в первые дни сотворения их. Даже до ныне Слово Божие творящее есть основание начавшагося и продолжающагося бытия тварей. Слово Божие благословляющее есть основание их благобытия. Им сияет солнце; Им земля произрастает; Им и Его неистощимо-разнообразною силою делается то, что хлеб питает, вино укрепляет, елей умягчает и врачует; Им всякая тварь живет, растет, совершенствуется, и каждая в свою меру блаженствует, во славу творческой премудрости, благодати и могущества.

После сего размышления вопрошаю: что должно быть ближе к Богу, человек, или прочия земныя телесныя твари? Ответ почти не нужно произносить. Но дабы кто не сказал, что все твари равно близки к непосредственному Творцу их, приведем на память известныя свидетельства и признаки преимущества близости человека к Богу: совет Божий о его сотворении, безпримерный для прочих частей творения; взятие собственною, так сказать, рукою Божиею чистейшей персти от земли для образования тела первого человека; вдунение в лице его из собственных, так сказать, уст Божиих, дыхания жизни; образ Божий, правда постыдно утраченный, но тем более славно возвращенный крестным подвигом Единосущнаго Образа и Сына Божия, Который не почел недостойным Себя соделаться и нарецися вторым человеком и последним Адамом (1 Кор. XV. 45. 47).

Сию преимущественную пред прочими тварями близость человека к Богу Сам Небесный Учитель употребляет, как сильное средство наставления, когда говорит: *аще сено сельное днесъ суще, и утре в пещь вметаемо, Бог тако одевает, не много ли паче вас маловери* (Матф. VI. 30)? Сим же путем умозаключения можем мы теперь следовать, рассуждая о благодати. Если в *солнце* сего телеснаго мира *положил селение Свое* (Пс. XVIII. 5) Бог, и Он *сияет* им так благотворно и щедро на злыя и благия (Матф. V. 45); кольми паче вышняя область духа человеческого, чтобы не предать себя мерзости запустения, чтобы не превратиться в страну тьмы и сени смертной, должна быть живою обителью Всевышняго, и быть просвещаема Его *истинным светом*, который, как видит и показывает служитель света, и действительно *просвещает всякаго человека грядущаго в мир* (Иоан. I. 9), разумеется, поколику человек не убегает от сего внутреннего света во внешнюю тьму злых дел. Если *прозябаяй траву скотом и злак на службу человеком* (Пс. CIII. 14) есть также Бог; если о пище тела *научаются сынове, ихже возлюбил еси Господи, яко не рождения плодов питают человека, но слово Твое Тебе верующих соблюдает*

(Прем. XVI. 26), иногда чудесно, а всегда естественно, и верующих и неверующих, подобно как и солнцем Своим по преизбыточествующей благодати сияет на злые и благия: кольми паче душу человеческую свойственною и удовлетворительною ей пищею напитать, плод добродетели возрастить, алчбу правды и жажду истины утолить, сердце укрепить духовною силою, возвеселить радостью святою, никто и ничто не может, разве Бог и Слово Его, как и скажет Единородный Его: *Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе: аще кто съест от хлеба сего, жив будет во веки* (Иоан. VI. 51); *иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже* (Иоан. XV. 5). По учению Апостола, не только всякое доброе дело делается, но и всякое святое слово достойно произносится не иначе, как с помощью Духа Святаго: *Никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. XII. 3); кратко сказать: если бытие и благобытие низших тварей ежеминутно зависит от благодати и силы Божией: кольми паче духовная жизнь и блаженство человека, сотворенного по образу Божию, и возсозидаемого в образ Божий, ежеминутно, так как и вечно, – зависит от содействующей благодати Божией.

И потому удивляться должно невнимательности или слепоте человеков, которые живут и действуют, хотя и надеются быть благополучны, не помышляя о благодати Божией.

Скажи нищущая благодати, но еще искомая благодатию душа, чем же думаешь ты жить и благоустроить жребий свой? Не разумом ли? Но если ты разумна: то надобно тебе знать давно известное, *яко Господь дает премудрость, и от лица Его познание и разум* (Прит. II. 6); что истинная *премудрость* есть *яже свыше* (Иак. III. 17); что спасительный разум приходит от благодати. Если же ты хочешь возвыситься разумом, который рождается на земле, и никогда не вырастает выше чувств: то знай также, что он, обещая всегда более, нежели к чему способен, и по стеснению чувствами и прельщению страстями, исполняя всегда менее, нежели способен, давно уже осужден на отвержение и погибель: *погублю премудрость премудрых, и разум разумных сокрою* (Ис. XXIX. 14). Сей то самохваленный разум человеческий и есть тот всемирный невежда, которого сперва посрамить, а потом научить, или переучить по своему, пришло Евангелие, посланное Благодатию. *Понеже бо в премудрости Божией не разуме мир премудростию Бога, благоизволил Бог буйством проповеди Евангельской спасти верующих* (1 Кор. I. 21). Чем же еще, думаешь ты, жить и устроить свое благо? Не законом ли? Да, о его заповедях сказал Сам Верховный Законодатель: *сотворивый та человек жив будет в них* (Лев. XVIII. 5). Но дерзнем сказать свободно: если бы первые человеки сохранили первый закон, не вкушать от древа, и таким образом получили жизнь вечную; и тогда получили бы они ее не по праву законному, или по заслуге, ибо какая заслуга младенца в том, что он, по предостережению отца, не берет в руки ножа, или горящего угля? Если сие послушание дает право на какое воздаяние, то воздаяние сие уже получено в том, что он не разрезал, или не обжег рук. Таким образом и совершенный исполнитель закона получил бы вечную жизнь не иначе, как по благодати Всещедраго Законоположника Бога, Который, не ограничиваясь тем, что заповедию спасает от зла, против которого она поставлена, сверх того дарует исполнителю ее благо, на которое она не дает права. Впрочем о сем что говорить много, когда первый закон и правда его рушились еще в первом человеке, и мы есмы не иное что, как природные беззаконники? Теперь, – взывает Иов, кажется и праведный, – *кто чист будет от скверны; никтоже, аще и един день житие его на земли* (Иов. XVI. 4. 5). При сем не должно забыть того правила правды законной, что *иже весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен*. (Иак. II. 10). Итак, что для нас величественное обетование ветхозаконное, что сотворивый заповеди жив будет в них? Не более, как то, что мы не получим жизни посредством заповедей. *Обретесь ми заповедь, яже в живот, сия в смерть* (Рим. VII. 10). Закон показывает, что делать, и чего не делать; требует исполнения заповедей; обещает жизнь;

но исполнение предоставляет мне: поелику же я в сем не успеваю, то в удел мне достается не жизнь, а смерть. На что же, скажешь, и является закон с своими заповедями? Для того, чтобы обличить беззаконие, чтобы не оставить человека навсегда закоснелым беззаконником и на веки лишенным жизни, чтобы пробудить в нем отвращение от беззакония, и желание творить добро, чтобы начать дело его спасения. Начать только? А кончить? Сие может только благодать, Христос и вера. *Кончина закона Христос в правду всякому верующему* (Рим. X. 4). *Благодатию есте спасени чрез веру: и сие не от вас, Божий дар: не от дел, да никтоже похвалится* (Еф. II. 8. 9). Благодать, по вере, прощает и изглаждает прежния беззакония, открытые законом, и дает силу избегать новых, или исполнять закон. *Немощное бо закона, в нем же немоществоваше плотию, исправляя, Бог Сына Своего посла в подобии плоти греха, и в жертву о гресе осуди грех во плоти, да оправдание закона исполнится в нас, не по плоти ходящих, но по духу* (Рим. VIII. 3. 4). Ходят же по духу, и живут духом только те, которые рождены от духа благодатию. Видите, братия, сколь воистину достойно чистейшаго и сильнейшаго желания то, что желает Апостол возлюбленным своим Филиппийцам, и чем, по его примеру, вас приветствуем: Благодать со всеми вами. Да возбудится и в вас святое желание принять желаемую для вас первенствующую святыню, всесвятую благодать Божию. Да неослабит сего желания помысл небрежения, что если благодать *преизбыточествует* и там, *идеже умножися грех* (Рим. V. 20): то приидет она и без нашей заботы, и совершит в нас свое дело. Да сохранит нас Бог от сего низкаго и лукаваго мудрования! Что подумали бы мы о сыне, который бы не преставаля умножать оскорбления доброму отцу, потому именно, что во многих прежних получил прощение, или остался без наказания? Не почли-ль бы такового извергом, недостойным более ни прощения, ниже имени сына? Таков пред очами Отца Небеснаго человек, который не престаёт умножать грехи свои, в дерзкой надежде на преизбыточество благодати прощающей! Что должно случиться с больным, который не хочет принимать лекарств, потому, что слишком уверен в искусстве своего врача, почитая его способным возратить и от дверей смерти? Смерть всего вернее; потому что он как начал, так и будет полагать себя еще далеко от дверей смерти, доколе не очутится позади оных, и невозвратно минует искусство врача и силу врачебных пособий. Такова должна быть участь человека, который не старается пользоваться пособиями благодати, по нерадивой надежде на ея могущество. Не будем, братия, ни дерзки, ни беспечны, или от безумной дерзости грешить; обратимся к святому дерзновению деятельно искать и усильно домогаться благодати прощения и исправления. *Да приступаем с дерзновением к престолу благодати, да приищем милость, и благодать обрящем, во благовременну помощь* (Евр. IV. 16).

Возвращаясь к приветственному слову Апостола, которое послужило руководством настоящему слову, примечаю, что Он не оставил последовать и тому обычаю приветствующих, чтобы приветствовать не только от своего лица, но при благоприятном случае, и от лица других знаемых и любимых. *Целуют вы*, говорит, *святии вси*, т. е. вообще христиане столичнаго города Рима, откуда он писал сие, *паче же иже от Кесарева дому*. Почему *паче иже от Кесарева дому*? Вероятно, потому особенное внимание обращает на них святой Павел, чтобы подать Филиппийцам утешительную мысль, что и между царедворцами Кесаря есть уже верующие во Христа, и что вера постепенно приближается к предопределенной ей победе над царями и царствами. Вероятно и сами христиане, *иже от Кесарева дому*, просили Апостола приветствовать от них прочих христиан, живущих вне столицы, дабы не оставить сомнения себе и другим, что христианская любовь их не стесняется связями и приличиями светскими. Что ж? Могу ли некоторые подобные вести из новой столицы возвестить обитателям древней столицы? Почему не сказать, что тамошние общники веры наша пребывают в нераздельной с вами христианской любви, так как и тамошние пастыри в нераздельном единомыслии веры? Скажу ли и то, что *целуют вы, иже от Кесарева дому*? О! могу, могу сказать несравненно

более. Целует вы Сам Кесарь возлюбленный. Так! Сам Благочестивейший Император посылает чрез мою мерность слово Его высокаго благоволения, привета, любви *доброй Москве*. Доброй Москве! Вы тотчас догадаетесь, что это не я ласкаю вас в глаза, но что сердце Царя, Который не имеет нужды ласкать; – любящее сердце Царя отверзается к верной столице. Вслушайтесь еще раз добрыя верою и верностию сердца: ваш Царь, сосупя любовью с высоты величия, в превышающей самое величие простоте любви, вас приветствует. Приимите сию добрую весть понесите ее из дома в дом, со стогны на стогну; пусть она выйдет и за врата обширнаго града; пусть пройдет по селам и градам, ближним и дальним; услышав ее, они не позавидуют нам, но порадуются с нами, зная, что добрый Царь всех добрых Россиян любит единою любовию; пусть бы, если можно, пронеслась весть сия и за пределы отечества нашего, чтобы и там знали нашу радость и наше благополучие; пусть бы достигла она до тех народов, у которых в наши времена о государственном устройстве и об отношениях между предержашею властью и подданными столько споров и распрей, что от них все общественныя связи трещат, все столпы политических зданий колеблются, пусть бы они прочитали у нас явственнее на сердцах нежели на хартиях написанное, краткое, но всеобъемлющее постановление государственное, которое заключается в следующих словах: *святость власти и союз любви между Государем и народом*.

Впрочем, как они хотят. Мы, благочестивые Россияне, да сохраняем тщательно живую скрижаль спасительнаго царству закона, любовь царственную. Бога же, который даровал нам Государя, сею любовью, как солнце, на нас Сияющаго, не престанем умолять, да продолжит сохранять, укреплять и руководствовать Его Своею вседействующею благодатию, которая более, нежели примечает недалновидная природа, участвует как в спасении душ, так и в спасении царств и народов. Аминь

СХСVIII.

46. РЕЧЬ

в день Святаго Духа, после посвящения Преосвященнаго Павла, Епископа Костромскаго.

(Говорена в Успенском Соборе, мая 26-го).

<1830 год>

Общее торжество церкви во славу Святаго Духа, се, соделалось для тебя в особенности торжеством Святаго Духа.

Не слыхали мы ныне с небесе шума, яко носиму дыханию бурну, исполняющаго храм; не видали языка, яко огненнаго, для тебя отделившагося, и седшаго на тебе; потому ли, что чувства наши не довольно очищены для созерцания высоких откровений Духа, или потому, что Дух, в продолжении освятительнаго Своего действия, не имеет причины производить столь сильныя потрясения, и являть столь поражающія знаменія, каковыя употребил в начале, чтобы, так сказать, проторгнуть в отлученное грехом, и заключенное от Бога, естество человеческое. Как бы то ни было: тем не менее мы знаем, что над тобою ныне, хотя не открыто, однако действительно, совершилось нечто подобное тому, что над Апостолами, *егда скончавашуся днии пятидесятницы* (Деян. II. 1). Ибо и при них, что в начале совершилось чудесным знаменіем бурнаго дыхания и огненных языков, то в послѣдствіи совершалось простым, но тем не менее таинственно действительным возложением рук. *Тогда*, скажетъ книга ихъ деяній, о уверовавшихъ и крещенныхъ в Самаріи, *возложиша руце на ня, и прияха Духа Святаго* (гл. VIII. 1). Так и ныне было на тебя

дыхание Духа, во гласе единокровных молитв, которых Он вдохнул Богомудрым тайноводителям, и в которых еще дышит Он чрез нашу веру, даже и сквозь наше недостойство. Сила Духа, которая Апостолов исполнила в час Его торжественного сошествия, и которая от них преливалась чрез тайнодейственное рукоположение, – та же, и тем же путем своего течения, коснулась и твоего духа, и положила в нем ту каплю небесного мира, ту Божественную искру, которую беречь и питать заботливо увещавает святой Апостол Павел рукоположенного своего Тимофея: *воспоминаю тебе, возгревай дар Божий, живущий в тебе возложением руку моею* (2 Тим. I. 6). Что сказано Тимофею: то да будет сказано и тебе, Боголюбивый Брат: ибо Павлово-ли, или Андреево рукоположение передается в священноначалии отечества нашего, едино есть, во всяком случае, рукоположение Апостольское в церкви Апостольской.

Итак, да возрадуется душа твоя о Господе. *Возмогай во благодати. Возгревай дар Божий живущий в тебе. Да воинствуешь доброе воинство, имея веру и благую совесть. Спостражди благовествованию Христову по силе Бога, спасающего нас и призвавшего званием святым, не по делам нашим, но по своему предложению и благодати, данной нам о Христе Иисусе прежде лет вечных.*

Но, празднуя для себя праздник Духа, не упусти обрати мысль твою на последующие за оным дни духовного делания. Против немощей и недостатков природы, одобряя себя надеждою на силу и избыточество благодати, умеряй дерзновение сея надежды благоговейным страхом не легких обязанностей возложенного ныне на тебя служения. То и другое принадлежит к законам и требованиям Духа.

Пророк Иезекииль, посвященный в сие служение величественным откровением, чувствовал себя в необычайном восторге. *Дух воздвиже мя*, повествует он о себе, *и взя мя, и поидох вознесен во устремлении духа моего, и рука Господня бысть на мне крепкая* (Иез. III. 14). Но что же потом? Вознесши его духом благодати, Господь вскоре смиряет его делом служения. Дав ему ощутить силу Духа, вскоре показывает ему священное бремя, которое понести ему должно. *И бысть*, продолжает Пророк, *по седмим днех слово Господне ко мне, глаголя: сыне человек, стража дах ты дому Израилеву* (ст. 16. 17). А на случай гибели беззаконника, или совратившагося праведника, не предостереженного нерадением Духовного стража, Господь присовокупляет: *крове его от руки твоея взыщу* (ст. 18).

Не могли ни предвидеть, ни ожидать, продолжится-ли духовный восторг твой до семи дней, не медлю я сказать тебе участник служения, так же и для меня, как для тебя, страшного, что и тебя стража дал есть Господь дому церкви Своей; и потому, если какая душа, искупленная кровию Христовою, не сохранится на пути спасения, и не обратится с пути гибели, по твоему нерадению, кровь ея от руки твоея взыщется тем строже, что была она искуплена кровию безценною.

Сей предварительный глас нелицеприятного суда Божия да будет тебе, освященный страж дома Божия, и стражем совести твоей, и возбудителем твоей деятельности. Стрежи стадо Божие бдительно; руководствуй оною деятельно и верно: да не кровь овец Господних от тебя взыщется, но да и *твою душу избавиши* (ст. 19), и их множайших души спасеши.

С сим желанием и упованием вручаем тебе, после прочих, последнее знамение папства, жезл папский. Употребляй и сие, как прочия, по закону духа, по образу царствия Христова. Пророк, созерцая Папстывающего нашего воцаряющимся, говорит: *жезл силы послет ти Господь от Сиона*; но когда видит Его действительно царствующим, тогда приписывает ему не силу низлагающую или поражающую, а

правость, привлекающую к Нему в послушание добровольное: *жезл правости, жезл царствия Твоего*. По сему образу Пастыреначальника и ты, прияв жезл начальственный, тщишься действовать не столько жезлом власти, сколько жезлом правости, да убеждение в правости твоих намерений, слов и деяний соделает власть твою не тяжкою, но любезною; да будет жезл твой, как жезл Господень, *утешением* пасомых. Аминь.

СХСІХ.

47. СЛОВО

в день тезоименитства Благовернаго Государя Наследника Цесаревича, Великаго Князя Александра Николаевича.

(Говорено в Успенском Соборе 30 августа.)

*Повинитесь убо всякому человеку
начальству Господа
ради: аще царю, яко преобладающу: аще ли
же князем,
яко от него посланным, в отмищение убо
злodeем, в похвалу
же благотворцем. 1 Петр. II. 13. 14.*

Так Святый Апостол Петр христиан своего времени учит исполнению гражданских обязанностей.

Тогда была особенная нужда внушать христианам повиновение начальству: во первых, потому, что, с распространением учения о спасении чрез веру во Христа, и о ничтожности закона обрядов, недоразумениями потрясено уважение к закону Моисееву вообще, а от того еще менее важными казаться стали обыкновенные законы человеческие; во вторых потому, что все человеческия начальства того времени были не христианския, и большею частию враждебныя христианству.

Ныне, когда и Царь и подданный одного и того же Царя царствующих признают над собою; когда христианская вера возвышает и освящает сан Царя нашего, а Он взаимно возвышает и воцаряет с Собою веру, защищает от неверных, покровительствует, покоит, ревнует о распространении ея чистых истин, ея совершенных добродетелей, законом, властью, примером, с тою, впрочем, великодушною терпимостию к неведущим и заблуждающим, которую сама кроткая вера внушает; – здесь, где вижу избранный собор сынов царствия, пришедших вознести благодарение Богу за Царя своего, и за надежду иметь его для потомства, как за безценный дар небесный, и молить о сохранении сего дара; – ныне, и здесь провозглашать столь же знакомую для сердца, как и для ума, заповедь о повиновении Царю и всякому начальству, нужно ли, не излишне ли, не оскорбительно ли даже? Нет, учит меня в сем оправдаться другой Апостол, – *мне убо не лeнoстнo, вам же твердо* (Фил. III. 1).

Что повиновение во всяком обществе необходимо, что без него не может быть ни порядка, ни безопасности, ниже существовать общество само собою не может, – сие очевидно. Люди, которых непокоривость довела до такого безумия, что они не примечают сей очевидности, бегут из общества, и в дебрях и лесах составляют сборище татей и разбойников. Что-жь? Дойдя до крайности беззакония, ушли ли они от закона повиновения? Совсем нет. Чтобы действовать с успехом, они принуждены повиноваться,

только не начальнику, а злодею, не закону, а неистовой воле. Так самые враги повиновения свидетельствуют о необходимости повиновения.

Но если даже в сборище татей и разбойников есть повиновение: то нельзя в сем случае не заметить, что есть род повиновения, который не составляет большой добродетели. Посему в учении о повиновении особенно важно то, чтобы определить род повиновения, который составляет истинную и совершенную добродетель. Для сего Апостол, уча повиновению, обратил внимание на вопрос, чего ради повиноваться должно.

Между прочим замечает он, что начальники посылаются от Царя, в *отмщение убо злодеям, в похвалу же благотворцем*. И так, может человек повиноваться, или ради собственной пользы, потому что начальники, посланные в отмщение злодеям, охраняют его безопасность от всякого злодея; – или ради страха, потому что мстящие злодеям начальники, обратили бы мщение и на неповинующагося, как на делающего зло целому обществу, повиновением утверждаемому, неповиновением разрушаемому; – или ради похвалы и славы, потому что князи, посланные в похвалу благотворцем, в числе прочих добродетелей, и точность повиновения отличают и награждают.

Открыли мы три рода повиновения: корыстное для собственной пользы, рабское из страха, честолюбивое для достижения преимуществ. Что же должно сказать о их достоинстве? – Безспорно, все они лучше неповиновения; все могут в разных случаях с успехом быть употреблены против искушений неповиновения: но есть ли тут добродетель чистая и твердая?

В ком только страх господствует и гонит мысль и волю от дела злаго к доброму: тот добр только впереди страха, и уже зол позади страха. Кто уклоняется от зла и делает добро только для собственной пользы, происходящей от такого поведения: тот, по обдуманному ли расчету, или сам того не примечая, поставил уже свою корысть выше добродетели. Честолюбие, как ни стараются ему дать благородный и возвышенный вид, есть также своекорыстие, только утонченное, которое не кладет тяжелой корысти в темную кладовую, но ловит легкую и блестящую корысть, которою можно было бы украсить свое имя, или воскрылие одежды, и которая бы носилась по воздуху в молве народной. Посему, можно судить, есть ли чистая добродетель повиновение корыстное, рабское и честолюбивое.

Добродетель недовольно чистая не может быть довольно постоянною, подобно как нечистое золото изменяет свой вид и обнаруживает примесь. Как естественно то, чтобы всякое действие равно было своей причине и дальше ее не простиралось: так надлежит ожидать, что повиновение, основанное только на страхе, на корысти, на удовлетворении честолюбия, поколеблется, когда честолюбию нет удовлетворения, или по невнимательности награждающего, или по алчности самага честолюбия, когда повиновение, требуемое общею пользою, противно частным выгодам; когда устрашающая законным отмщением или наказанием, власть или не довольно сильна, или не довольно проницательна и деятельна.

Прежде нежели скажем, по наставлению Апостола, о лучшем и совершеннейшем роде повиновения, да будет позволено мне мимоходом упомянуть, как учат общественному повиновению мудрецы века сего, не захотевшие учиться у рыбаей. Должно, говорят, повиноваться общественным властям, на основании общественного договора, которым люди соединились в общество, и для общаго блага общим согласием учредили начальство и подчиненность. Вот прекрасное основание для того, чтобы на нем построить государство, в высокоумной книге или в мечтательной голове, а отнюдь не в природе

вещей. Если думают, что нельзя иначе основать общество, как на общественном договоре: то не на нем ли основаны и общество пчел и муравьев? И не надобно ли подлинно выламывающим соты и разрывающим муравейники поручить отыскивать в них постановленную хартию пчел и муравьев? И доколе сего не сделано, ничто не препятствует нам думать, что пчелы и муравьи составляют общества не по договору, а по природе, по впечатленной в существе их идее общения, которую Творец мира и в сем низком круге созданий Своих овеществовать благоизволил. Если же нашелся в природе пример составления общества по самой природе, или по назначению от Творца природы: то нужно ли вымышлять иной способ составления общества человеческого? И к чему годится вымысел общественного договора? Никто не может спорить против того, что начальный вид общества есть общество семейственное. Итак, младенец повинуетеся матери, а мать имеет власть над младенцем, потому ли, что они договорились между собою, чтобы она кормила его грудью, а он как можно менее кричал, когда его пеленают? Что, если бы мать предложила младенцу слишком тяжкия условия? Не прикажут ли ему изобретатели общественного договора идти к чужой матери и договариваться с нею о его воспитании? Сколь удобно в сем случае приложение общественного договора: почти столько же оно удобно и во всех других случаях, для всякого человека, от младенца до старца, от первого до последнего. Всякий договор человеческий может иметь силу только тогда, когда вступают в него с сознанием и по доброй воле. Много ли же в обществе людей, которые слышали о договоре общественном; а из немногих, которые наслышались о нем, многие ли о нем имеют ясное понятие? Спросите, не говорю простаго гражданина, спросите мудреца договоров: когда и как вступил он в общественный договор? Во время совершеннолетия? Но кто определил сие время? И был ли вне общества до совершеннолетия?..

Посредством рождения? Это превосходно. При сей мысли охотно поздравляю всякаго Россиянина с тем, что он умел, не знаю, с родителями ли своими, или с самою Россиею, договориться, чтобы ему родиться в могущественной России, под правительством колько сильным и полномочным, толико же кротким и благоприятным законной свободе. Опасаться только надобно, что ни рожденный, ни родители не думали о сем договоре в свое время, и потому сослаться теперь на него не значит ли подделывать оный? И следственно, не вернее-ли, так как и простее, и в повиновении и в прочих отношениях к обществу, разбираться по праву и обязанности рождения действительнаго, вместо вымышленнаго договора, — сего сновидения общественной жизни, которое, будучи рассказано не в добрый час, — произвело и производит вещественныя бедствия человеческих обществ. *Поведаша мне законопреступницы глумления, но не яко закон Твой Господи* (Пс. CXVIII. 85). Возвращаюсь к учению рабов Твоих, которые одни умеют учить, и для младенца просто, и для мудреца глубоко, и для будущей жизни спасительно, и для настоящей благотворно во всех отношениях.

Истинный и совершенный, собственно христианский образ повиновения начальству открывает Апостол, когда говорит: *повинитесь, Господа ради*. Вы знаете, что Господь сотворил вас; что непрестанно провидением Своим Он хранит вас и печется о вас; что, наконец, Он устрояет вам вечное спасение. Вы познали Его; уверовали в Него; вы чувствуете или самую любовь к Нему, или, по крайней мере, совершенную обязанность любить Его, *яко Той первее возлюбил есть нас* (1 Иоан. IV. 19), и неограниченно повиноваться воле Его. Но как Он владевает всем, и как Он вам творит добро чрез общество человеческое; то взаимно и чрез вас хочет творить добро человеческому обществу, между прочим чрез самое простое средство, — чрез повиновение. Итак, по вере в Него, по любви к Нему, из повиновения Ему, — словом *Господа ради повинитесь всякому человеку начальству*.

Подвергайте сей род повиновения каким угодно испытаниям – в чистоте, в твердости, в совершенстве; он способен все выдержать. Пусть не будет страха, пусть никогда человеческое прощение не угрожает за нарушение повиновения; христианин будет повиноваться, потому что Господь оком любви взирает на его повиновение, и оком гнева воззрел бы на неповиновение. Пусть не будет ни выгоды, ни похвалы верному в повиновении; христианин останется таковым, потому что похвала от Бога, в совести, награждает его совершенно достаточно; потому что и внешние выгоды его находятся в попечении у Господа, и верно сохранены будут столько, сколько сие сообразно с его благом внутренним. Если бы даже противустали верному в повиновении неверность, прельщение, прещение за самую верность: нет нужды, говорит наставник совершенного повиновения, предвидевший и сию крайность искушения: *повинитесь законному начальству Господа ради*, даже и тогда, когда бы порок и бедствие сугубыми силами возстали противу добродетели повиновения. *Яко тако есть воля Божия, благотворящим обуздovati безумных человек невежество* (1 Петр. II. 15).

Россияне! Мысль о Возлюбленном Государе делает вам легким и сладким долг повиновения. Христиане! Мысль о Боге и Христе да соделоват вам вожденным и нетрудным совершенство повиновения. *Повинитесь, Господа ради*. Аминь.

СС.

48. СЛОВО в день Святителя Алексия.

(Говорено в Чудове Монастыре, февраля 12 дня)

<1830 год>

*Молитесь о нас: уповаем бо, яко добру
совесть имамы, во
всех добре хотяще жити* (Евр. XIII. 18), –
пишет Святой
Апостол Павел ко Евреям, то-есть к
христианам из Евреев.

Молитесь о нас: говорим иногда и мы людям, которых почитаем сильными в молитве, или, по крайней мере, упражняющимися в ней с приметным вниманием. И ныне, для чего такое множество людей собралось в храме сем, если не для того наипаче, чтобы сказать Святителю Алексию, как могущественному Молитвеннику: моли Бога о нас?

Воспользуемся же словами Апостола, чтоб извлечь из них о взаимной молитве некоторые мысли, для нас полезные.

Молитесь о нас. Подумайте, кто это просит себе молитвы других: – Павел, который некогда, с своим сотрудником Силою в темнице Филиппийской, совершал молитвенное Богу славословие с такою духовною силою, что *внезапу трус бысть велий, яко поколебатися основанию темничному: отверзошася же абие двери вся, и всем юзы ослабеша* (Деян. XVI. 25. 26); Павел, который объятием сострадательной любви и молитвы воскресил Евтиха; Павел, котораго молитве даровал Бог вдруг двести семьдесят шесть душ сопутников его в плавании, готовых погибнуть от кораблекрушения; – Павел, котораго Сам Господь нарек *избранным сосудом* благодати Своея, и который сам о себе не обинулся исповедать: *вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе* (Фил. IV. 13). И сей, вся

могущий, просит себе помощи молитвенной; и от кого просит? – Не от каких либо избранных крепких молитвенников, но от всех христиан Евреев без разбора, не исключая и последнего мирянина. Что-ж такое делает Святой Павел? – Да, что он делает, то достойно глубокого внимания нашего, и, если будем внимательны, может подать нам немаловажные наставления.

Пример Апостола должен вразумить нас, христиане, как настоятельна потребность взаимной друг о друге молитвы, и наипаче общественной, когда и сей толико крепкий подвижник духовный признает для себя нужду сей духовной помощи; – как дерзко было-бы опираться на силу одной собственной молитвы, хотя бы кто в ней уже имел некоторые опыты, и достиг некоторых успехов, когда на собственную молитву не дерзает положиться муж облагодатствованный столь необыкновенно и чудесно; – с каким смирением и простотою надлежит нам не отвергать, не пренебрегать молитвенной помощи немощнейшаго из верующих, когда прозорливый дух Павла не употребил в сем случае разборчивости, которую трудно употребить без возношения себя и без унижения ближняго, и которая была бы без цели, потому что *сила Божия в немощи совершается*, – следственно может иногда совершиться и в немощнейших, повидимому, молитвенниках.

Кстати заметим из примера Святого Павла, как верно, даже до ныне в церкви Божией сохраняется тот же дух, и тот же чин, какой учением и примером ввели в нее Святые Апостолы. В каждом Богослужении слышите вы, как церковь призывает всех верующих, не исключая немощнейшаго и последнего, молиться как друг за друга вообще, и в разных отношениях, так в особенности за тех, которые призваны в преемственное Апостолам служение благодати.

Дабы, без трудных разсуждений, ясно показать вам благотворное действие молитвы друг за друга, приведу пример другого Апостола. *Петра стражаху в темнице: молитва же бе прилежна бываемая от церкви к Богу о нем. Егда же хотяше его извести Ирод для суда, и вероятно, для убиения, в нощи той бе Петр спя между двема воинома, связан железнома ужема двема стражие же пред дверми стражаху темницы* (Деян. XII. 5. 6). Опасность крайняя, избавление кажется невозможным; притом-же сам Петр не молится о избавлении: *бе Петр спя*: но какая нечаянность? Се Ангел Господень предста, он разбудил Петра; оковы спали с него сами собою; Ангел провел его сквозь запертые двери, между стоящими при них стражами, и оставил на свободе. Каким же образом Петр не вымолил, а выпал свое избавление? – Тем образом, что *молитва бе прилежна бываемая от церкви к Богу о нем*. Она совершила избавление Петра, без Его усилия и без Его ведома.

Мало сведущие в делах духа могут спросить: почему посторонняго молитвеннаго содействия, или даже полного действия, требуют и такие люди, которые имеют сами дар молитвы, возделанный упражнением, и приносящий даже чудесные плоды? Некоторые по недоумению, в простоте могут сказать о Петре или Павле то, что некогда Иудеи, в ожесточении, в укоризну, говорили о Христе: *иная спасе, Себе ли не может спасти* (Мф. XXVII. 42)? – На сие, для искренно вопрошающих, отвечаем: Павел просит себе чужой молитвы по смирению; Петр не спасает себя из темницы – по отвержению своей воли, по преданности в волю провидения Божия: между тем как того же Петра, и того же Павла, в молитве за других, гораздо более свободными и по вере дерзновенными, делает человеколюбие и сострадание; и потому они подлинно иных спасают своею молитвою и не стыдятся сами молитвою иных быть спасаемы. Но для чего Бог полагает на избранных Своих сей образ духовной скудости и уничижения, что они заимствуются пособиями молитвы от других людей, менее облагодатствованных? – Для того же, чтобы лучше сберечь высоту их достоинства во глубине их смирения. Или, пусть сии дивные люди

сами изъясняются о дивном в них смотреии Божиим: *имамы, говорят, сокровище сие в скудельных сосудах, да премножество силы будет Божия, а не от нас* (2 Кор. IV. 7). Если бы Святые всегда были также чудесно могущественны для себя, как часто бывают для других; то не проникательные люди удобно приписали бы им лично силу Божию, в них действующую; и следственно похитили бы у Бога славу, Ему принадлежащую: но когда те же люди в одном случае богоподобны чудесным могуществом, а в другом подобострастны нам общию человекам немощию; тогда и мало проникательные должны усмотреть, что тут является *премножество силы Божия, а не от нас*.

Возвратимся к словам Апостола, которые мы взяли в руководство настоящему размышлению. *Молитесь о нас: – уповаем бо, яко добру совесть имамы, во всех добре хотяще жити*. Не просто требует он молитв о себе: но представляет нечто такое, почему бы его требование признали справедливым, и не отказали в требуемом: *уповаем бо, яко добру совесть имамы, во всех добре хотяще жити*. В сих словах можно видеть следующее размышление Апостола: «если бы я признавал в себе совесть не добрую, не очищенную от грехов, по возможности человеческой, и по благодати Божией: если бы не имел искреннего намерения вести добрую жизнь во всех отношениях; то не отважился бы себе просить от церкви молитвенной помощи, которой нечистая совесть не достойна, и которая злему намерению споспешествовать не может: но поелику, испытую сердце свое пред Богом, не нахожу, чтобы совесть обличала меня в делах, заведомо и по намерению злых; а, напротив того, стараюсь во всех случаях иметь намерения, Богу угодныя, ближним полезныя, собственной душе моей спасительныя; то с не смущенным дерзновением прибегаю к духу благодати и щедрот, дышущему в церкви, испытующему сердца, и дающему всем по сердцу каждого». Итак, вот еще наставление, которое мы должны для себя извлечь из примера Апостола: кто желает воспользоваться споспешествующею молитвою ближних и всея церкви, тот должен прилежно испытать свою совесть, отвергнуть всякое намерение греховное, всякое хотение нечистое; стараться нелицемерно, во всяком случае, соделать такую долю добра и правды, какая возможна ему, по дару Божию естественному и по предварительной благодати; и потом уже с упованием просить дальнейшей помощи духовной и благодатной от душ искренно молящихся.

Таковы суть, братия, законы общественного духа молитвы; таков порядок его действия. Кто не подчиняется сим законам; кто не обращает внимания на сей порядок: тот напрасно вздумает жаловаться на скудость плодов общественной и взаимной молитвы; он должен жаловаться на самого себя, на свое неразумие, или, поелику для простаго добролюбиваго неведения есть простыя внушения духа и тайная помощь Благодати, еще справедливее должен жаловаться на свое произвольное нерадение или неверность.

Церковь непрестанно призывает нас к молитве взаимности, то в особенности за начальствующих и служащих церкви, то за братий наших, разнообразно бедствующих, то за всех единовверных вообще. Учрежденный лик, то и дело, вопиет за нас ко Господу о помиловании нас, и о подаении нам благодати. Что же ты, предстоящий? Вопиешь ли также в сие время в сердце твоём? Чувствуешь ли важность сего общения, чтобы присоединить твой малый молитвенный глас к великому молитвенному согласию церкви? Помышляешь ли о твоей частной молитве смиренно и униженно; а о соединенной молитве церкви благоговейно и благонадежно? Или только слушаешь пробегающия слова чтеца, как шум ветра, и глас певца, как звук свирели, и, между одушевленными духом молитвы, стоишь как безчувственное древо, как холодная стена? Ах! Очувствуйся, полумертвая душа, возбуди сердце твое; воззови ко Господу из глубины твоей внутренней, да возможешь реянием твоим коснуться глубины духа Божия, исполняющего церковь

Божью, и привлещи себе начаток духа благодати и щедрот, в обновление и благоуправление твоя жизни.

Иные, по видимому, обращаются к молитвам церкви, призывают молитвы Святых, просят молитв от некоторых ближних: но между тем не довольно обращаются к своей совести, не довольно внимания обращают на свою жизнь; не восприемлют добрых намерений, или восприяв, не сохраняют. Говорят Святому: молися о нас: а сами беззаботно стоят на пути грешных. Подумали ль вы, чего требуете? Неужели дух молитвы для того дан церкви, чтобы он, как вихрь, мог схватить не кающегося грешника, и относить в рай? Какая в сем случае была бы правда у Бога? И что было бы с самым раем, когда бы его наполняли не очищенные покаянием, и не исправленные в житии грешники? Блаженное место не может сделать блаженным грешника; но грешник и блаженное место оскверняет собою и повреждает, как именно с сим, блаженным некогда, миром случилось чрез грех Адама. Нет! благодатный дух молитвы дарован от Бога для помощи грешникам, возчувствовавшим и возненавидевшим свою греховность, решительно возжелавшим очищения и совершенного исправления, у которых не достает только силы делать добро, а не доброго намерения.

Желаю братия, чтобы как можно менее нашлось между нами таких, для которых в настоящем размышлении нашем найдется обличение. Кто же найдет здесь для себя обличение: то да не гневается на обличающего, по долгу; но да примет доброжелательное напоминание, и употребит оное к своему исправлению и спасению, которое да подается всем нам благодатию Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, молитвами угодника Его, Святителя Алексия, и всех Святых. Аминь.

ССІ.

49. СЛОВО
в день рождения Благочестивейшаго
Государя Императора Николая Павловича всея России.

(Говорено в Московском Большом Успенском Соборе, июня 25 дня)

<1830 год>

*Дати нам, без страха, из руки враг наших
избавльшимся,
служити Ему преподобием и правдою пред
Ним вся дни
живота нашего. Лук. I. 73–75.*

Душа человека, произнесшаго сии слова, достойна того, чтобы сквозь самую сию слова, посмотреть в ее внутренность.

Естественно неожиданное, необычайно предсказанное, рождение сына, Захария видит наконец совершившееся самым делом. Немой в продолжении девяти месяцев, письменно утверждает он для новорожденного, незнакомое и оспариваемое имя Иоанна, то-есть *благодатнаго*: и, сим делом веры загладив вину неверия, за которую наказан был немотою, тотчас получает употребление языка. В сие время душа его исполняется чистою радостью; чистая радость пронизывается небесным вдохновением; его девятимесячные безмолвные помышления превращаются в живые чувствования и предчувствия; все сие вместе изливается из переполненной души: Захария говорит; а Дух Божий в нем

пророчествует. Чего Захария долго в долгую жизнь свою желал; то наконец верно и близко предвидит: и потому о чем бы в другое время молился, за то теперь благодарит и благословляет Бога: *благословен Господь Бог Израилев*. Чтож это такое, чего Захария желал так сильно, что с восторгом предвидит исполнение? *Избавление людем, – спасение от враг*: – не трудно признать достоинство сих желаний, принять ли слова сии в знаменовании простом, естественном, или в высшем, какое дает вера. Но, что еще вожделенно Захарии, как дальнейшая цель сих, впрочем благородных, желаний, как самый благодатный дар Божий? – *Дати нам, без страха, из руки враг наших избавльшимся, служити Ему преподобием и правдою пред Ним вся дни живота нашего*.

Прошу тщательно приметить, как он мыслит и чувствует. *Избавление людем* от многообразных зол и бед – очень желательно; только это не конец желаний. *Спасение от враг* – очень нужно; только и на сем нельзя остановиться. Сии праведныя и человеколюбивыя желания должны вести еще к одному желанию, как поприще ведет к цели: – к тому, чтобы мы, избавленные от зол, спасенные от врагов, без страха, без препятствий, в мире совести, в свободе духа от страстей, могли служить Богу преподобием и правдою, святостию достойною Божества, и добродетелию достойною человечества. Вот сердце истинного праведника! Вот дух человека Божия! Вот душа, в которой может жить Бог, и которая достойна жить в Боге и Его блаженстве!

Но к чему теперь сие указание? – скажут, может быть, слышащие. – Думаю, что сделанное мною указание годится к чему-нибудь во всякое время: посмотрим, не может ли оно теперь особенно быть употреблено в пользу.

Мы торжествуем ныне одно из благословенных рождений, – рождение Младенца, Котораго люди долго видели только порфирородным, не умея сказать, *что убо отроча сие будет*, но которому провидение Божие предопределило быть и порфиринозем и Помазанником Божиим. Поколикү предопределение сие совершилось; поколикү Он самым вступлением Своим на престол принес *избавление людем* от зол и бед, коим трудно было бы предвидеть конец, если бы оныя не были пресечены в начале; поколикү во дни Своего Царствования, еще не многие, Он приобрел нам не только *спасение от враг*, но и славныя над ними победы: потоликү мы можем перенять у Захарии его радость и славословие: *благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людем Своим, и воздвиге рог спасения нам*. (Лук. I. 68–69). Но поколикү видим еще остаток врагов, и тем с большею скорбью видим, что сии плевелы прозябли рядом с нашею пшеницею на поле, нами возделанном; поколикү есть и еще неотвратимыя человеческою рукою бедствия, от коих нужно избавление людем: потоликү потребны нам теперь не одне благодарения и славословия, но и моления и прошения к Богу. Итак приглашаю вас, братия, подражать праведным желаниям и спасительным молитвам, которых образец указал я вам в праведном Захарии. Желайте избавления людем от зол и бед: естественное и человеколюбивое желание! Молитесь о спасении от врагов, неправедных и злых, клятвопреступных и следственно безбожных: праведная и благопотребная молитва! Но молясь о благоденствии Царя и народа, о безопасности всех и каждого, не останавливайте помышлений и желаний на благе только видимом, телесном, земном, временном, а простирайте оныя к невидимому, духовному, небесному, вечному; желайте паче всего служить Богу святостию и добродетелию; молитесь *Его дати нам, без страха, из руки враг наших избавльшимся, служити Ему преподобием и правдою пред Ним вся дни живота нашего*. Увенчайте ваши благия желания сим возвышенным желанием; и тем, колико Благому, толико же Праведному Богу, представьте удобность увенчать ваши желания вожделенными событиями.

Нужно ли доказывать, что желание служить и благоугождать Богу должно быть коренным и главным желанием человека, началом и концом всех его желаний? – Кто только знает Бога, тому едва ли нужно сие доказывать: а кому нужно сие доказывать, того можно, по крайней мере, подозревать, что едва ли он знает Бога. Кто только знает, что есть Царь и подданный: тот по сему самому знает и то, что обязанность служить Царю несравненно выше и сильнее обязанности служить кому-либо из подданных, и что несравненно желательнее служить Самому Царю, нежели подданному. Кольми паче знающий Бога над тварию не может не знать, что обязанность служить и благоугождать Богу есть без сравнения выше и могущественнее всех обязанностей относящихся к тварям, и что потому дело сего служения, как в желании, так и в исполнении, должно быть предпочтительно всем возможным занятиям человека.

Человеки любят думать, или хотя мечтать, о возвышенности, о превосходстве своей природы. Не станем теперь исследовать, от глубокого ли разума более сие происходит, или от неосновательной гордости. Как бы то ни было: столько вы мудры, что разумеете, как только *малым чим умален человек от Ангел*, и как он уготовляется к увенчанию *славою и честью*, дивною для самых Ангелов; или вы столько горды, что неблагородную сторону вашей общей породы, ваше низкое сродство с перстием и брением, хотите как нибудь скрыть от себя высшими взглядами на свою природу и видами ея высокого назначения: будьте тем или другим; только будьте согласны сами с собою: зная себя, по природе и по назначению паче прочих тварей близкими к Богу, или хотя мечтая быть таковыми, не противоречьте, не противоборствуйте сей близости вашими душевными расположениями, склонностями, желаниями, делами; боги, – если вам угодно, ибо истина Божия не опасается вам дать сие имя, не в пищу гордости, но для уврачевания от порока: *аз рех, бози есте; оных рече богов, к ним же слово Божие бысть* (Иоан. X. 34. 35); – итак, боги, говорю вам, не ставьте сами себя ниже презренных идолов; не превращайтесь в идолослужителей Мамоны, Астарты, Ваала, то-есть, корыстолюбия, роскоши, властолюбия; не *служите твари паче Творца, Иже есть благословен во веки*; не удаляйтесь от небеснаго, преследуя земное; не теряйте из вида Бога и Его воли, когда ищите себя и своего удовольствия или выгоды; не забываете безконечнаго, думая о ничтожном.

Полагаю, что меня предупреждают многие в сих размышлениях, и говорят в мыслях своих: мы бесспорно признаем ни с чем несравненную важность обязанности служить Богу, как по превосходству существа Его, так и по нашей от Него во всем зависимости, по долгу благодарности к непрерывным и безчисленным Его благодеяниям, наконец, по чаянию блаженнаго воздаяния, обещаннаго благочестиво служащим Ему. Очень хорошо, истина довольна сим признанием ея в мысли или в слове: только ей нужно еще другое удовлетворение: сия истина требует сердца, требует дела. *Покажи ми веру твою от дел твоих*. (Иак. II. 18).

Да, – говорят, – это правда, что мы не можем показать многих дел нашего служения Богу: но и нужны ли оне Богу? Напротив того у нас всегда много нужд; и потому можно ли строго судить нас за то, что мы много служили себе, и много занимаемся тварями? – Вероятно, многим из нас не далеко идти надобно, чтобы подслушать такое оправдание недостаточнаго служения Богу. Послушайте же. Если бы какой слуга Царев стал рассуждать так: «Царь многочисленных подданных не много имеет нужды в моей службе; а у меня есть свои дела; буду пользоваться Царским жалованьем, если можно, и Царским благоволением и почестями, но не буду много заботиться о Царской службе»: что подумали бы вы о таком человеке? Не почли ли бы его неблагородно мыслящим, неблагодарным, неверным своему Царю? Не сии ли самые упреки, несравненно с большею строгостию, заслуживает тот, кто, пользуясь непрерывными и безчисленными

благоденствиями Божиими, не печется о делах служения Богу, превращая для себя истину в средство обмана, – высокую мысль о вседовольии Божиим в предлог низкой лени? Бог вседовольный подлинно не имеет нужды в служении вашем: но разве и вы не имеете нужды в служении Ему? Как же сделаетесь вы способными к участию в царствии Божиим? Как приготовитесь к жизни небесной? Неужели сие делается посредством дел плотских, занятий мирских, или посредством совершенного безделья?

Христиане! Чада Евангелия! Вспомните, чем началось Евангелие: вестию: *приблизися царство небесное* (Матф. IV. 17). Вспомните заповедь Евангелия: *ищите прежде всего царствия Божия* (Матф. VI. 33). Вспомните молитву Евангельскую к Отцу Небесному: *да приидет Царствие Твое* (Матф. VI. 10). Что сие значит? Бог не царствовал ли от века? Не царствует ли отныне и до века? Не на всяком ли месте владычество Его? Так сей Царь вечен и вседержавен: но предназначаемые к Его царствию временны и не всегда готовы к причастию Его царствия. Далеко было царство небесное, когда человеки почти не знали истинного Бога, и служили внешне идолам, а внутренно своим страстям и похотям; приблизилось царство небесное, когда открылось познание и благодать Бога Отца, в Единородном Сыне Его, и во Святом Духе Его; ищется и призывается царствие Божие, потому что хотя Бог и царствует, но человеки еще учатся служить Ему, и еще готовятся к блаженному причастию Царствия Его; приидет Царствие Божие, когда избранные для сего человеки преуспеют в служении Богу, и совершатся в приближении к Нему так, что во всех беспрепятственно владычествовать будет *правда и мир и радость о Дусе Святе* (Рим. XIV. 17), а неправда, брань, всякая тягость земная, всякая скорбь адская потеряют против них всю свою силу, *да будет наконец Бог всяческая во всех* (1 Кор. XV. 28). Видите, что в Евангелии, в истинном христианстве, в православной церкви, все дело идет о царствии Божиим, следственно о подвиге и совершенстве служения Богу, потому что не царствия не достаёт со стороны Бога, но со стороны человека совершенного Богу покорения и служения, посредством которого Бог даёт благодать и славу царствия Своего человекам. Итак, христиане, чада Евангелия и церкви, искатели и наследники царствия Божия, берегитесь, чтобы вам в искании ваших собственных земных удовольствий и выгод, как будто вашего собственного царствия, не поступить против святого звания, которое носите, и против прав и путей царствия Божия, которого ищете, и которое призываете в молитве. Если вы желаете и просите от Бога безопасности для праздной безпечности, изобилия для роскоши, силы для несправедливого преобладания, чести для презрения к другим, свободы для своеволия, а не для того, чтобы употребить оныя как средства и способы для благотворения человечеству, для служения Богу и Его царствию: то вы требуете, чтобы Бог благодетельствовал вам против пользы Его собственного царствия. Удивительно ли, если такие желания и прошения не исполняются? – *Просите, и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете* (Иак. IV. 3).

Братия! В наши дни есть особенная надобность указывать на столь очевидную обязанность служения Богу и Его царствию. *Се тьма покрывает землю, и мрак на языки* (Иса. LX. 2). Народы христианские, или чтобы говорить определеннее, люди, которым попущено быть языком сих народов, представителями и провозгласителями их мудрования, направителями их деятельности, большею частию не то, что не знают, но что гораздо хуже, не хотят знать христианства; царства земныя не ищут, не призывают царствия Божия и менее обращают внимания на оное, нежели на царство последнего из соседей. Делают для себя новыя постановления, не основанныя на постановлениях Божественных, с такою прочностью, какая свойственна зданиям без основания: построения их рушатся в их глазах; однако они не примечают, в чем недостаток, и воздвигают другия не более надежныя. Сии строители новаго Вавилона трудятся для того, чтобы все привести в смешение, чтобы, опровергнув принятыя общественныя понятия, утвержденыя на самой истине вещей, или упроченныя обычаем и древностью, кончить

тем, чтобы не понимать друг друга. Они хотят царей, не освященных Царем царствующих; правителей, поработанных своим подданным; напротив того приписывают царскую и самодержавную власть народу, то есть, рукам или ногам предоставляют должность головы, и сия должность у них исполняется так правильно, как правильно сие распоряжение; народ у них царствует мятежами, крамолами, разбоями, грабежами, сожигательствами; и достойный сего мнимаго самодержавия народного плод есть отсутствие общественной и частной безопасности. Так *шатаются языцы*, потому что *поучаются тщетным*; потому что в своих неблагословенных соборищах *собираются на Господа и на Христа Его*. Но за то и Господь уже *мятет их яростию Своею*; *яко сосуды скудельничи, сокрушает их* (Пс. II), и не престанет сокрушать, дондеже *взыщут оставшиися человецы* (Амос. IX. 12) Его и Его царствия.

Братия! Поспешим вполне воздать неотъемлемую славу Царю Небесному на земле, еще взирающей к вечному Востоку, еще не объятой мраком запада, еще не примесившейся к смешению Вавилонскому. Взыщем Бога всем сердцем и усердным исполнением Святых Его заповедей; подвигнемся утверждать и поддерживать наше благоденствие на основании царствия Божия; и сего ради паки и паки, часто и неотступно, да умоляем Бога, *дати нам без страха*, священной рукою Помазанника Его *из руки враг наших избавльшимся, служити Ему преподобием и правдою пред Ним вся дни живота нашего*. Аминь.

1831 год.

ССП.

50. СЛОВО

**в день коронования Его Императорского Величества,
Государя Императора Николая Павловича.**

(Говорено в Успенском Соборе, августа 22-го.)

<1831 год>

*Царь уповает на Господа: и милостию
Вышняго
не подвижится.* Пс. XX. 8.

Как некогда сподвижники Давида увидели его в крайней опасности от нападающего иноплеменика: то *кляшася мужи Давидовы, глаголюще: не изыдеши ктому с нами на брань, да не угасиши светильника Израилева* (2 Цар. XXI. 17).

Подлинно видеть Возлюбленного Царя, подвергающегося опасности для безопасности Своих подданных, есть зрелище, сколь возвышенное, столь же поразительное для верного народа. Чем очевиднее попечение Царя о нас, простертое до самопожертвования: тем более Он возлюблен для нас. Чем более возлюблен: тем более трепещем за Него во время опасности. Чем более страшимся за Него: тем более дивимся Его великодушному безстрашию. Чем более дивимся Ему: тем более чтим Его, тем более любим, тем более видим и чувствуем в опасности Его нашу собственную опасность. Так волны сильных душевных движений одна другую раждают, одна другую поглощают, и опять раждают одна другую до тех пор, как, наконец, усматриваем, что гроза опасности миновала превознесенную главу, и светильник Израилев сияет яснее прежнего.

Вы понимаете меня, Россияне: потому что я говорю теперь по нашему общему опыту.

Господи, *в руце Котораго власть земли*, и Который *потребнаго воздвигаети во время на ней!* (Сир. X. 4). На какое трудное время обрел Ты потребным избранного и воздвигнутого Тобою Николая! В то самое время, когда Он вступал на родительский и прародительский престол, Ему надлежало перешагнуть чрез опасность, или лучше сказать, чрез бездну, грозившую поглотить и престол, и царство. Он не поколебался; заградил бездну; мы успокоились: вдруг видим Его вновь среди опасностей брани. Две трудные брани окончены со славою; мы торжествовали; вновь открывается опасность, тем более грозная, чем менее знакомая, – опасность губительной болезни; и где сия опасность очевиднее угрожает народу, там именно является Царь наш, с Своею отеческою попечительностью о Своих подданных, с Своим, светильника Израилева достойным, светом, чтобы разгнать сумрак страха истинного и ложного, чтобы уменьшить причины опасности действительной, чтобы уничтожить призраки опасности мнимой, чтобы спасительно проникнуть сквозь сугубый мрак легковверного и упорного невежества, – увы! – не менее иногда опасного и пагубного, как злоумышление. Конец ли трудностям хотя ныне, и хотя по шести летах необыкновенными подвигами ознаменованного царствования, будет ли приближающееся седьмое лето летом совершенного покоя и мира, – Ты веси, Господи, в руце Котораго власть земли.

Чем же, Россияне, облегчим столь часто для нас возобновляющуюся заботу верноподданнической любви? Чем упрочим и обезпечим нашу радость о Царе своем? Не тем же ли, чем Царь обезпечивает Свою безопасность, посреди самых опасностей? – *Царь уповает на Господа: и милостию Вышняго не подвижится.*

Воспользуемся сим величественным примером, чтобы дать самим себе наставление в такой добродетели, которая для всякого звания и состояния человек равно благопотребна и спасительна.

Надежду на Бога непременно должно в основание положить, если хотят созидать благополучие прочно и безопасно.

Мы живем во времени. Составные части времени суть прошедшее, настоящее, будущее. Как будущее необходимо входит в состав времени: так надежда, которая относится к будущему благу жизни, необходимо входит в состав временной жизни, ее дел и ее состояний. *О надежде*, говорит Апостол, *должен есть орай орати и молотай с надеждою своего упования причащаются* (1 Кор. IX. 10). Если бы по трудах дня, отходящий ко сну, потерял надежду встать на утро здоровым и укрепленным в силах: то не нашел бы на ложе своем ни покоя, ни укрепления, и благодетельная природа затруднилась бы в преподавании человеку готовых для него благодетельных, без помощи его надежды получить оных. Не нужно больше примеров. Очевидно, что нельзя жить во времени без надежды. Следует выбирать, на кого, или на что положить надежду, чтобы она была тверда и не обманчива.

Человек может полагать надежду или на самого себя и на свои способности и силы, или на другого человека, или на разные вещи и обстоятельства, или на Бога. Выбирайте, что лучше.

Навуходоносор, глядя на свою столицу, сказал: *несть ли сей Вавилон великий, его же аз соградих в дом царства, в державе крепости моя, в честь славы моя?* Сия великолепная речь не договорена: но по сказанному не трудно угадать и то, что еще сказать оставалось. Если я, – хотел он сказать, – мог и умел воздвигнуть сию огромную

столицу: то, конечно, меня достанет и на то, чтобы поддержать мое величие и славу. Вот надежда на самого себя! Но вот и судьба сего самонадеяния: *еще слову сущу во устех Царя, глас с небесе бысть: тебе глаголется Навуходоносоре Царю: царство твое преиде от тебе; и от человек отжженут тя, – дондеже увеси, яко владеет Вышний царством человеческим* (Дан. IV. 27–29). Это старинная повесть, подумает невнимательный, и захочет пропустить ее мимо ушей: но и в новейшие времена управляет миром не тот же ли Бог, Который древле осудил и наказал Царя Вавилонского? Был и в недавнее время, у недавнего народа, самопоставленный властитель, который говорил: вот великая империя, которую я создал; вот мои народы, – мои, не по праву наследия (он не мог сего сказать), не по Божией милости (он не хотел сего сказать), мои, говорил он, по праву моей крепости, для моей славы. Что-же? Небо не отвечало ему словами, как Навуходоносору, но точно также, как Навуходоносору, отвечало самым делом; не только царство его прешло для него, но и от человек отгнали его, и заключили в дикой пустыне среди отдаленных морей. Я не царь, и не созидал Вавилон, может еще подумать иной, и заключить, что ему ничем не угрожает грозная судьба Навуходоносора: но бедствие Навуходоносора произошло не от того, что он был царь, и не от того, что создал Вавилон, а от того, что возгордился успехами своих предприятий, возложил надежду на самого себя, не признал власти Божией над собою; а как от подобных причин подобные должны быть последствия, то пример его всякому самонадеянному каково бы ни было его состояние, какия бы ни были его предприятия, действительно угрожает внезапным разрушением на мечтании основанного благополучия. Не думайте, что для наказания каждого самонадеянного по сему примеру, потребовалось бы много чудес, на которые, по видимому, Провидение не расточительно: нет; самонадеянность естественно заключает в себе начало безумия, а безумие бедствия.

Возьмем ли человека в рассмотрение самого в себе, отдельно? – Мы тотчас можем усмотреть, что надежде на самого себя препятствует недостаток того или другого совершенства, нужного, чтобы устроить самому свое благополучие, или устроенное поддержать и упрочить. Один, например, полагается на свой природный ум: но, не получив соответственной способности образования, и с богатым природным сокровищем не много в оборотах жизни выторговать, а много проторговать может. Другой ожидает своего благополучия от своего неутомимаго трудолюбия; но, если он не имеет дара изобретательности, то промучится целый век, и не произведет ничего более обыкновенных мелочей. Иной обладает отважностью и мужеством: но если не обладает в то же время разсудительностью и осторожностью, то он всегда ближе к опасности, нежели к торжеству и славе. И, напротив, разсудительный без отважности может много хорошего придумать, и ничего не сделать. Посему должно заключить, что, дабы человеку можно было сколько нибудь основательно положить надежду на самого себя, ему надлежало бы обладать вдруг всеми возможными совершенствами и притом каждым в высокой степени. Вообразить такого человека существующим есть мечтание; а вообразить таковым самого себя есть безумие. И так очевидно, что в надежде на самого себя заключается безумие.

Станем ли разсматривать человека в соотношении с другими? – Опять не трудно усмотреть, что надежде на самого себя препятствуют другие люди, которые или не способствуют нашему благополучию потребною помощью, или даже вредят оному. Не будем утверждать, чтобы сие слишком часто делалось по злобе: остережемся, чтобы не оскорбить доброй природы человеческой усиленным порицанием примешенного к ней зла. Но сие часто может случиться без намерения, по неволе, по необходимости, по неизбежным встречам и столкновениям людей на скользком пути к благополучию, и на перекрестках онаго. Щастие, искомое в мире, нередко бывает подобно невесте, которой если ищут десять женихов, то девять против одного по необходимости должны оказаться искателями безуспешными; один должен перемочь многих, и следственно ему нужно

иметь качества превосходныя пред каждым из них, и пред всеми; либо должен получить уступку и помощь от многих, и следственно ему нужно много искусства, чтобы выиграть благорасположение многих, между тем как повредить успехам искателя могут преимущества других людей, также как и их недостатки. Пусть бы, например, ктонибудь имел исполинскую силу Голиафа, и потому надеялся, что военная слава скорее или медленнее непременно придет к нему, как обрученная невеста: камня из пращи юнаго пастуха, уповающего на Господа, и вернаго Царю своему, довольно, чтобы в конец разрушить сию надежду на самого себя. Посему опять надобно заключить, что дабы человеку можно было скольконибудь основательно положить надежду на самого себя, ему надлежало бы каждого и всех превосходить умом, искусством, силою, словом, всеми возможными совершенствами. Вообразить такого человека существующим есть мечтание; а вообразить таким самого себя есть безумие. Итак, опять очевидно, что в надежде на самого себя заключается безумие.

Чтож? Лучше ли возложить надежду на какогонибудь другого человека? – Почему лучше? Всякой другой не так же ли человек ограниченный и несовершенный? Итак, если в надежде на самого себя заключается безумие: то найдется оно также и в надежде на другого человека, хотя, может быть, несколько меньше, потому что менее гордое.

Но, кроме сего, в надежде на человека заключается еще преступление, и преступление тяжкое, именно оскорбление Величества Божия; ибо люди, истинно-чтущие Бога, если надеются добра от других добрых людей, то основание сей надежды углубляют до упования на Бога, *споспешествующаго во благое любящим Его*, и обращающаго в орудия сего споспешествования *все* твари, особенно же благия; напротив того, безразсудно полагает надежду человек на человека в том только случае, когда не возлагает ея на Бога, и таким образом не воздает должной чести Божию могуществу, премудрости и благости. Посему в слове Божиим написан строгий суд против надежды на человека: *проклят человек, иже надеется на человека, и утвердит плоть мышцы своя на нем, и от Господа отступит сердце его. И будет яко дивия мирика в пустыни, и не узрит, егда приидут благая, и обитати будет в сухоте, и в пустыни, в земли сланей, и необитаемей* (Иерем. XVII. 5. 6).

Говорить ли о суетности надежды на разныя вещи и обстоятельства, как-то на богатство, на знатность родовую, на преимущества звания, приобретенныя в обществе? – Не в сих ли вещах мудрый и опытный Соломон находил суету, столь поразительную, что не находил довольно силы в наименовании суеты, для выражения того, что ему представлялось? *Суета суетствий*, восклицал он, *всяческая суета* (Еккл. I. 2). Но на что Соломон? О сей суете довольно правды говорят те самые, которые надеются на оную. Я презираю богатство, говорит прельщенный знатностию: а страстный к богатству говорит: какая польза в мечтах честолюбия? Тот и другой судят хорошо; сложите их мнения вместе, и составитсЯ полная Соломонова истина: *суета суетствий!* Навал Кармилевский, среди самого богатства, на которое надеялся, умирает смертию страха и отчаяния. Ахитофел Галамонийский, который, по видимому, не без причины мог понадеяться на свою важность при дворе Иерусалимском, потому что *имже образом вопросил бы кто Бога о словеси: тако всяк совет Ахитофелов, и иже Давиду, и иже Авессалому* (2 Цар. XVI. 23), – не смотря на сие Ахитофел сам себе присуждает смерть отчаяния. Иов, которому, кажется, менее других надлежало бы потерпеть от непостоянства внешних благ, поелику он не согрешил надеждою на оныя, испытал однакож сие непостоянство жестокими опытами. Надобно признаться, что добрая надежда не есть такая вещь, которую можно бы было запереть в сокровищницу, или доказать родословием, или получить как неотъемлемое достояние в числе прав по званию и преимуществ по месту в обществе.

Что же наконец остается? – Одно из двух: или надежда на Бога, или отчаяние, если только позволительно положить оныя рядом для выбора. Если ты возложил надежду свою на Бога, то ты положил ее на основании непоколебимом, и обеспечил свое благополучие: поелику Бог всегда будет иметь довольно благодати, чтобы попещись о твоём благе, довольно премудрости, чтобы изобрести для сего средства, довольно могущества, чтобы привести их в действие, и, наконец, довольно милосердия, дабы и в том случае, когда ты своим неблагоразумием и злоупотреблением свободы сам поколеблешь свое благополучие, по твоему раскаянию и молитве, вновь придти к тебе на помощь, и возставить твою падшую скинию. Но если бы кто потерял надежду на Бога, (Который впрочем по благодати Своей не отъемлет ни у кого живущаго): в таком случае по истине отчаяние не было бы более неосновательно, нежели надежда на твари тленные, коловратныя, суетныя, ничтожныя.

Бедные человеки, у которых не только кратковременная буря бедствий разрушает долго на слабом основании утверждаемая надежды, но которых и легкий ветер пустой молвы колеблет страхом, как листья древесныя. Что мешает вам от ненадежности тварей возвыситься к верной и необманчивой надежде на Бога?

До Бога высоко, говорит простонародный ум. Да, высоко, для тебя, который низко мыслишь. В самом же деле до Бога ни низко, ни высоко, ни близко, ни далеко; поелику Он вездесущ, и потому ближе к тебе, нежели твоя душа к твоему телу; только умей найти сию близость верою и молитвою. *Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во истине* (Пс. CXLIV. 18).

Но я сего недостоин, скажет кто-либо. Так отвергай скорее все, что делает тебя недостойным; а между тем веруй, и молись, и уповай на Бога.

Боже наш! *На тя уповаша Отцы наши: уповаша, и избавил еси я: к Тебе воззваша и спасошася: на Тя уповаша и непостыдешася* (Пс. XXI. 5. 6). *И ныне да уповают на Тя знающие имя Твое: яко не оставил еси взыскающих Тя, Господи* (Пс. IX. 11). *Уповайте на Него весь сонм людей: излийте пред Ним сердца ваша, яко Бог помощник наш* (LXI. 9). *Благо есть уповати на Господа* (Пс. CXVII. 9). *Да уповает истинный Израиль на Господа отныне и до века* (Пс. CXXX. 3). Аминь.

1833 год.

ССШ.

51. СЛОВО

**на освящение храма в честь иконы
Божией Матери Казанской, что в Казенной.**

(Говорено июня 18)

<1833 год>

*Он же глаголаше о церкви тела Своего.
Иоан. II. 21.*

Сии немногия слова Святаго Евангелиста Иоанна заключают в себе много духовнаго учения, и могут вести нас к размышлениям приличным настоящему случаю обновления храма.

Призовем Духа истины, да отверзет нам дверь слова. Дабы лучше войти в истинное разумение приведеннаго изречения полезно будет обратиться прежде всего к тому происшествию и к тем словам Самаго Иисуса Христа, на которыя сие замечание сделано Евангелистом. Некогда вошел Иисус Христос в храм Иерусалимский, и, найдя в нем продающих овец, волов и голубей для жертвоприношений, и разменивателей денег для подаяния в сокровище храма, бичем от вервий изгнал продающих, извергнув предметы торговли, и сказал: *возмите сия отсюда: и не творите дому Отца Моего домом купли* (Ст. 16). Если внимательно рассмотрим сие действие и сии слова Христовы: то и в них найдем высокое свидетельство о достоинстве храма. Бог сказал чрез пророка: *небо престол Мой, земля же подножие ног Моих: кий дом созиждете ми* (Иса. LXVI. 1)? Посему можно было подумать, что храм не достоин называться домом Божиим, так как и подлинно для Вездесущаго всякий дом и мал, и низок, и не нужен.

Вот Сам Сын Божий называет храм домом Отца Своего; и Сын, без сомнения, знает, что принадлежит Отцу, и что Его достойно. Итак, слово Христово удостоверяет нас, что храм, хотя и земный, и ограниченный пространством, по благодати и по снисхождению точно есть дом Бога Небеснаго и Вездесущаго.

Помысли же христианин! Если ты в дом чейходишь с некоторым уважением к живущему в нем, как то показывает обычай входить в дом с открытою головою, а в дом царя ты вошел бы, без сомнения, и с радостию, что допускаешься в оный, и со страхом при мысли о величии живущаго в нем: то с каким благоговением должен ты входить в дом Царя царствующих и Господа господствующих, с какою радостью о том, что Он отверзает тебе дом Свой, с каким страхом Его ближайшаго здесь присутствия, пред которым самые Серафимы покрывают лица свои! Ближайшаго присутствия сказал я: ибо если бы сего не было, то имя дома Божия не имело бы значения.

Если Сын Божий не позволил делать дома Отца Своего домом такой купли, которая с одной стороны удовлетворяла потребностям поклонников храма, а другою обращена была к частной корысти человеческой; то помысли, сколько противны Богу чуждые совершенно для храма занятия, которыя мы здесь иногда себе позволяем, как-то: любопытные взоры, праздныя слова, мирския помышления, невнимательность к Богослужению. Кто занимается здесь не тем, для чего приходит в дом Божий, того Сын Божий осуждает на изгнание отсюда. Не обезпечивай себя тем, что я не обличу тебя и не велю изгнать: бичь в руке Иисуса над главою твоею, слово Его изгоняет тебя.

Возвратимся к Евангельскому повествованию. Когда Иудеи увидели, что Иисус, еще мало им известный (потому что сие было почти в начале Его проповедания), действует во храме со властью столь необыкновенною, потому что изгоняет из онаго тех, которых не изгоняли священники и сам первосвященник: то потребовали, чтобы Он, если подлинно есть полномочный посланник Божий, доказал им Свое Божественное посланничество каким-нибудь чудом: *кое знамение являеши нам, яко сия твориши* (Ст. 18)?

Надобно знать, что подобное требование обыкновенно Господь Иисус оставляет без удовлетворения, потому что сие народное требование чудес происходит более от любопытства, и даже от тайнаго неверия, нежели от искренняго желанія узнать истину, и следственно удовлетворения не заслуживает, и как нечистое в своем начале, не ведет к доброму концу. Притом, кроткий и смиренный сердцем Иисус не любит делать чудес для

Своей славы, но творил Он обыкновенно из человеколюбия, из чего слава истины выходила сама собою. А дабы совершенно удовлетворить искателям истины непритворным, и сделать безответным упорство и лукавство неверия, для сего предназначено было чудо из чудес – тридневное воскресение Христово из мертвых, без видимого Воскресителя, славно совершившееся после того, как весь состав Его, еще прежде смерти, казался безвозвратно разрушенным безчисленными и тягчайшими страданиями. Но и о сем победоносном знамении Своей божественной силы, применяясь к тому, сколько вместить могли слышавшие, Он говорил пред народом наиболее в притчах и как бы в догадках. Например: *род лукав и прелюбодей знамения ищет: и знамение не дастся ему, токмо знамение Ионы пророка. Якоже бо бе Иона во чреве китове три дни и три нощи: тако будет и Сын человеческий в сердцы земли три дни и три нощи* (Мф. XII. 39. 40). Подобно сему, и по изгнании продающих из храма, требовавшим знамения Иудеям, Он сказал: *разорите церковь сию, и трети денми воздвигну ю* (Иоан. II. 19).

Что сие сказано не просто, Иудеи могли бы догадаться из того, что Господь сказал: *разорите*. Иудеи без сомнения не захотели бы сами разорять *церковь сию*, т. е. храм Иерусалимский. Но люди плотские по жизни, по делам, обыкновенно, и понимают все плотским образом. Как речь шла о церкви или храме, то Иудеи о сем самом храме и поняли оную, подумали, что Иисус предвещает разорение и построение храма в три дня, и из сего нелепаго понятия извлекли еще более нелепое возражение. Как можно в три дня построить храм, который строился сорок шесть лет? *Четыредесять и шестию лет создана бысть церковь сия, и ты ли трети денми воздвигнеши ю* (Ст. 20)? Как будто чудеса, для Вечного и Всемогущаго Бога, можно уничтожить и сделать невозможными посредством ничтожного недочета человеческих лет и дней.

Когда Святый Иоанн вписал в Евангелие пророчество Господне о тридневном воскресении, сказанное притчею, и неправильно Иудеями понятое: тогда, чтобы противопоставить ложному толкованию истинное, и устранить всякое недоразумение, Он присовокупил следующее замечание: *Он же глаголаше о церкви тела Своего*, т. е. слова Иисуса Христа – *разорите церковь сию, и трети денми воздвигну ю*, относились не ко храму Иерусалимскому, но ко храму собственного тела Его, и означали, что Иудеи храм тела Его разорят страданиями и крестною смертью, но что Он возсозиждет храм тела Своего славным тридневным воскресением из мертвых. Мы несколько долго достигали сего разумения словес Божественного Учителя и Его возлюбленного ученика: но, может быть, сие не бесполезно будет, дабы следующие за сим размышления приняты были не как наше произвольное мудрование, но как поучение, почерпнутое из истинного разума словес Христовых.

Он же глаголаше о церкви тела Своего. Иисус Христос говорит о Своем теле, и назвал оное церковью или храмом Божества. Почему? Ответ на сие вполне удовлетворительный представляется в изречении Апостола Павла: *яко в Том живет всяко исполнение Божества телесне* (Колос. II. 9).

Где Бог обитает всею полнотою Своего Божества, там, без сомнения, есть и храм Его в высочайшей степени святой. Но если Господь нарек тело Свое храмом, по сходству с ним, и если сходство сие состоит в обитании полноты Божества: то какое высокое понятие подает Он нам чрез сие о храме! Итак, храм Божий и божественное тело Христово подобны между собою. Итак, в храме обитает полнота Божества, подобно как и в теле Христове.

Помысли, христианин, где ты находишься теперь с той минуты, как силою благодати, в молитвах призванной, в таинственных знамениях пришедшей, *осветил есть селение Свое Вышний* (Пс. XLV. 5). Ты ближе еще здесь к Богу, нежели как близки бывают в доме к его домовладыке; ты пред самою полнотою Божества. Как в теле все исполнено силою души: так в храме все исполнено силою Божества. Бог, явившись во плоти, здесь не только являет, но и предлагает в пищу божественную плоть Свою, которою вы так не часто питаетесь. Дух Святой дышет здесь в таинствах. Исполнение Божества в теле Христовом было столь преизобильно, что *весь народ искаше прикасаться Ему: яко сила от Него исхождаше, и исцеляше вся* (Лук. VI. 19), и что даже прикосновение к краю риз Его исцелило кровоточивую. Подобное сему и во храме, при одном прикосновении веры к святыне, может исходить от нея сила, исцеляющая духовно и телесно. Все видимое и совершаемое здесь, священные знамения, изображения, обряды составляют как бы священную ризу Христову, истканную церковью, проникнутую Его невидимою силою, производящую на приближающихся и прикасающихся с верою действие благотворное и спасительное.

О Боже! толико же дивный в Твоем безмерном снисхождении, как и в Твоем превознесенном величии! Ты неприступен даже горним силам в Твоем величии; а между тем так доступен земнородным в Твоем снисхождении. Созерцание чистых духов не объемлет Твоего света и славы; а между тем Ты находишь средства дать бrenному человеку осязать и вкушать Твою благодать и силу. Как *возлюбленна* и земная *селения Твоя, Господи сил! Сердце мое и плоть моя возрадовастся о Боже живом* (Пс. LXXXIII. 2. 3). *Благословенна слава Господня от места Его* (Иезек. III. 12). Братия! И небеса не имеют сокровища лучше того, которое имеем мы здесь в храме, именно существенное благодатное присутствие Божие, действующую благодатную силу Божию. Довольно ли мы ценим сие сокровище? Довольно ли пользуемся оным для нашего блаженства!

Случается замечать с прискорбием, что тогда как праздничный колокол зовет в церковь, некоторые идут на торжище и на другия дела мирския, видно прямая копейка прибыла дороже для нас сокровища небеснаго. Говорят: нужда заставляет сие делать. А царство небесное разве не нужно? И молитва, таинства, и духовное учение для царства небеснаго разве не нужны?

Из шести дней один взял Себе Бог, а из сего дня не многие часы назначила церковь для общественного Богослужения, и все еще нуждаются люди во времени своем, и похищают время церковное. Иные, входя в церковь, слышат здесь осуждение, произносимое на пороки и беззакония, и, выходя, обращаются беззаботно к своим порокам и беззакониям. Чего же они хотят? Разве увеличить свое осуждение? *Раб ведевый волю господина своего, и не уготовав, ни сотворив по воли его, биен будет много* (Лук. XII. 47). Но, чтобы не омрачить более жалобами дня веселия и благодарности, скажу с Апостолом: *надеемся о вас, возлюбленнии, лучших, и придерживающихся спасения, аще и тако глаголем. Не обидлив бо Бог, забыти дела вашего и труда любви, юже покажете во имя Его, послужившие святым и служаще* (Евр. VI. 9. 10). Труд любви виден в обновлении храма сего; и Бог не забудет оный, и пользующиеся сим храмом призовут с нами благословение свыше на душу и на дом послужившаго дому Божию.

Благодать Божия да осеняет и всех с верою и любовию входящих в храм сей ныне и присно. Аминь.

1834 год.

CCIV.

52. СЛОВО в день Пресвятыя Богородицы, Иконы Ея Тихвинския.

(Говорено в Симонове монастыре, июня 26)

<1834 год>

*И недоставиу вину, глагола Мати Иисусова
к Нему:
вина не имут. Иоан. II. 3.*

Слыша сие предначинание беседы, некоторые могут подумать: какое незначительное слово полагается ей в основание! Но если вы имеете причину сделать сие замечание: то и я имею случай напомнить вам, и сим самым примером доказать, что в устах святых нет праздных слов, и в Божественных книгах не написано ничего незначительного. Будьте внимательны. Раздробим крупицу слова жизни: найдется пища для духа.

Вы вспомните, что приведенныя слова Пресвятыя Богородицы сказаны Ею Божественному Сыну Ея в Кане Галилейской, на брачном пиршестве, на которое *зван бысть Иисус*; что за оными последовало чудесное претворение воды в вино, котораго превосходство удивило начальника пиршества; и что *се сотвори начаток знаменiem Иисус и яви славу свою и вероваша в Него ученицы Его*. Не входя в рассмотрение всего происшества, котораго важность видна из его последствия, открывшагося в учениках Господних, я ограничусь показанием сведений, мыслей и наставлений, которыя заключаются в приведенных мною словах Пресвятыя Девы.

Во первых, оне доставляют нам сведение, что Господь Иисус творил чудеса еще прежде тех, которыя описаны в Евангелии. Сему не противоречит то, что чудо претворения воды в вино названо у Евангелиста начатком: оно есть первое из тех знамений, в которых Иисус *яви славу Свою*, т. е. в которых дал человекам открытый способ узнать в нем Сына Божия и Спасителя, но не во всех отношениях первое. Ибо, что значат слова Матери Господней: *вина не имут*? Это не простое извещение о недостатке, а скромное прошение помочь оному, и не иначе, как чудесно, по неимению средств естественных. Сие видно, как из ответа Господня: *не у прииде час Мой*, т. е. время открытых чудодействий; так из самого потом чудодействия, которым Господь, наконец, удовлетворил ходатайству Матери. Но как пришло бы Ей на мысль просить чудодействия, если бы Она не знала предварительно, что можно получить оное? А сие как знала бы, если бы не имела в виду прежних опытов? Из одних слов Иисуса рано узнать сие не допустила бы Его глубокая скромность, которая и совершившаяся уже чудодействия Его всегда облекала, и которая отнюдь не позволяет предполагать преждевременнаго самопрославления, даже и пред присными. Итак, должно заключить, что Матерь Господня и прежде Каны Галилейской видала благотворныя чудодействия Сына Своего, подобныя тому, котораго там у Него просила. Сведение сие не есть только любопытное, но и полезное и назидательное. Оно дает разуметь, что кроме чудес, *являющих славу Христову*, открытых, торжественных, служащих для распространения и утверждения истинной веры в человечестве вообще, есть чудеса, являющия только крайнее человеколюбие Спасителя, снисходящаго к нуждам, немощам, скорбям некоторых человеков порознь, для прекращения их искушений, и для утверждения их в вере и уповании на Него. Поелику же скорби, немощи, нужды есть и ныне: то должно заключить, что Господь наш не отречется и ныне вспомоществовать в оных, даже чудодейственно, когда естественныя средства недостаточны; только бы мы прибегали к Нему с усердием полным, и с желанием чистым.

Во вторых, приведенные слова Пресвятыя Девы открывают нам Ея собственное человеколюбие и готовность на помощь бедствующему человечеству. Если бы и не был пополнен оказавшийся на брачном пиршестве недостаток вина: от сего произошла бы не тяжкая беда: некоторый стыд для угостителей, некоторое возмущение брачного веселия. Если и сии малые неприятности трогали сердце Марии состраданием; и побудили Ее с ключом человеколюбия матери приступить к неистощимым сокровищам человеколюбия, сокрытым в Божественном Сыне Ея: то не должно ли ожидать, что бедствия, более существенные, еще сильнее подвигнут Ее к ходатайству о помощи? Брачное пиршество – дело довольно постороннее для Приснодевы: если и там Она присутствовала не без внимания, но с снисхождением, с участием в открывшемся затруднении, с готовностью к помощи; то не паче ли свойственно Ей, с человеколюбивым вниманием, с сострадательным участием, с благодатною помощью, являть Свои посещения там, где призывают Ее не зовом приязни общежительной, но призыванием молитвы благоговейной, где приемлют Ее, как Приснодеву и Богоматерь, и притом тогда, как Ея матернее ходатайство уже не может встретиться у Сына Ея с упреком в преждевременности: *не у прииде час Мой*; после того, как Ему *дадеса всяка власть на небеси, и на земли*? (Матф. XXVIII. 18).

В третьих, приведенные нами слова Пресвятыя Девы дают нам уразуметь силу Ея за нас предстательства пред Ея Сыном и Богом. Сначала ходатайство Ея за нуждающихся Канских угостителей казалось вовсе безуспешным. Господь нашел требование чуда неблаговременным, и случай так не принадлежащим ни до Него, ни до Ходатаицы, что даже к Матери Своей отозвался, как бы к чуждой: *что есть Мне и Тебе Жено? не у прииде час Мой!* Но сколь строго было слово: столь же снисходительно дело. Сколь неблагонадежно начало: столь, напротив, благоуспешно окончание. Строгим словом Господь преподал нам, чрез лице Матери Своей, наставление, что не должно дерзновенно просить чудес для прекращения маловажных затруднений, для побеждения которых и одно терпение достаточно быть может: но в след за сим снисходительным делом показал, как строгость правды Его умягчается кротким предстательством возлюбленной Матери Его, и как Ея мощное ходатайство приобретает нам Его щедроты, нами не заслуженные.

В четвертых, рассматриваемые нами кроткия слова Пресвятыя Девы, вскоре запечатленные молчанием, представляют нам образ смиренной молитвы и бездерзновенного внимания к путям Божиим. Как тихо и почти безгласно Ея прошение! Она совсем не говорит, что просит, и не назначает, что испросить желает. Не говорит: сотвори чудо; Я сего прошу; Я требую; не делает ни малейшаго намека на право дерзновения, принадлежащее Матери пред Сыном. Она только изъявляет нужду: *вина не имут*; и тотчас умолкает. Как бы так продолжала Она в своих мыслях: вот нужда; не могу скрыть, что Я ей состражду; но должно ли помочь ей, и как, до сего не дерзаю простирать слова; ожидаю слова, которому все послушно. И далее, когда на столь смиренную молитву последовал не благосклонный, по-видимому, ответ; Матерь не возсегодовала на Сына, не воспрекословила; не возразила, что для дел милосердия всегда время, что попечения человеколюбивыя никому не должны быть чужды, и всех менее Творцу и Спасителю человеков; никакого знамения нетерпения или стремления к Своей воле не явила Она; но в безмолвной покорности предала Свое попечение воле Того, Которого безпредельной благодати безпредельно веровала. Опыт показал, что сия покорная преданность в волю Божию, сколько чище в своем основании, столько и сильнее в достижении доброй цели, нежели суетливая предприимчивость и беспокойная многодельность собственной воли человеческой.

Сим немногим размышлениям о малом изречении Великия Богоматери да не попустит остаться безплодным наше, братия, внимание к самим себе. В наших нуждах, немощах,

скорбях, искушениях да притекаем с упованием к Ея сильному предстательству пред Сыном и Богом, дабы тем удобнее отверзались нам сокровища Его многоразличной благодати, для нашего недостойнства заключенныя и недоступныя. Но при сем да сохраняем ту чистоту намерения, то смирение молитвы, ту бездерзновенную преданность судьбам Божиим, которой Сама же Пресвятая Дева Своим примером нас поучает.

Жалки те, которые неверием сами себе заграждают живоносный источник благодати. Но и те не суть избранные делатели, которые думают собственными усилиями расширить устье сего источника, и по своей воле дать направление струям его. Верховная воля Божия не может быть согбена под низкое ярмо воли человеческой: но когда воля человеческая верою и преданностию приносит себя в совершенную жертву воле Божией: тогда сокровища благодати отверзаются; молитвы исполняются; чудеса умножаются; Бог прославляется; человек спасается. Аминь.